МАННЕРГЕЙМ

Леонид Власов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Линия Маннергейма… Долгие годы для нас это сочетание было подобно гребню сказочного элодея, из которого на пути героя вырастали непроходимые леса, вздымались горные кручи. Еще более загадочной и зловещей рисовалась фигура шведского барона, творца мощной системы укреплений на Карельском перешейке, где было пролито так много крови советских солдат в печально знаменитую Зимнюю войну (1939–1940).

Автор книги, профессор Леонид Васильевич Власов, на основании многочисленных документов убедительно доказывает, что маршал и президент Финляндии Карл Густав Маннергейм (1867–1951) не относится к когорте великих злодеев и принадлежит не только финской истории. Блестящий офицер, верой и правдой в течение тридцати лет служивший Российской империи, оставил неизгладимый след в боевом прошлом русской армии. Парадоксально, но, воюя с Советским Союзом, врагом России он не был.

- Л. В. Власов
  - ОТ АВТОРА
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
    - 1914-й
    - 1915-й
    - 1916-й
    - 1917-й
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18

- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Г. МАННЕРГЕЙМА
- БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Л. В. Власов
Маннергейм

ОТ АВТОРА

Личность Карла Густава Эмиля Маннергейма — блестящего военного стратега, незаурядного политического деятеля — уникальна в своей непохожести на судьбу других выдающихся людей XX века.

Его национальную принадлежность точно определить невозможно. Он был сыном всей Северной Европы.

Маннергейм оставил неизгладимый след не только в мировой истории и истории Финляндии, но и в боевом прошлом русской армии.

Санкт-Петербург, где прошли годы становления Густава Маннергейма, как человека, офицера и политика, сформировал его волю, настойчивость, военный и научный опыт, аристократическую культуру и великолепный вкус, который оценили художники В. Серов, Н. Сверчков и А. Галлен-Каллела. И барон на разных этапах своей долгой 83-летней жизни называл Петербург не иначе как «мой город», с большой теплотой вспоминая те места, где проходили светлые и темные дни его 17-летней столичной жизни.

В Русско-японскую войну командир кавалерийского дивизиона подполковник барон Густав Карлович Маннергейм за беспримерную личную храбрость в боях у Мукдена получил звание полковника.

В 1906–1908 годах он возглавил военно-стратегическую экспедицию Генерального штаба России из Средней в Центральную Азию, проехав верхом на лошади более 14 тысяч километров, нанеся на карту 3087 объектов. Секретный отчет Маннергейма с результатами экспедиции лег в основу реформ в армии и внешней политики России.

В первые дни мировой войны 1914–1918 годов он, командуя Отдельной гвардейской кавалерийской бригадой на Юго-Западном фронте, прикрыл от врага у польского города Красник развертывание 4-й русской армии, за что одним из первых русских генералов был награжден золотым Георгиевским оружием.

В тяжелых боях в районе польского города Климентов, где немцы в три раза превосходили силы русских, бригада генерал-майора Маннергейма спасла от окружения полки гвардейской пехоты. Эти действия были отмечены крестом Святого Георгия 4-й степени. Достойно пройдя сквозь сражения Первой мировой войны, Маннергейм стал кавалером всех русских боевых орденов с мечами и бантами, проявив себя как умный и дальновидный

полководец.

Этапы боевого пути знаменитой 12-й кавалерийской дивизии, а позднее и 6-го кавалерийского корпуса, которыми командовал генерал-лейтенант Густав Карлович Маннергейм, золотом вписаны в историю Первой мировой войны.

Развал русской армии в 1917 году стал для генерала-монархиста тяжелой травмой, а события октября того же года привели к возвращению в Финляндию и враждебному отношению к новому большевистскому строю в России. Однако Маннергейм был редким человеком, который в зависимости от политической конъюнктуры не менял своих взглядов и привязанностей. Он никогда не забывал свою вторую родину, Россию, подчеркивая, что воевал не против русских, а против большевиков, за что Л. З. Мехлис объявил его «недобитым врагом Советского Союза».

В отличие от финских политиков-радикалов генерал Маннергейм, будучи антикоммунистом, был осмотрительным человеком, далеким от политического авантюризма. Он прекрасно понимал, что Россию и русских нельзя оскорблять, пробуждать в них подозрительность, испытывать их терпение. Он знал Россию как никто другой в Финляндии, однако все его реалистичные заявления и предложения оставались гласом вопиющего в пустыне. В этой сложной ситуации генерал избежал соблазна установить в Финляндии личную диктатуру «сильной руки», как это было в Италии и Германии.

Несмотря на неодобрительное отношение правительства страны и своего окружения, Маннергейм был одним из организаторов Дней русской культуры, поддерживал деятельность русской колонии, был ее критиком и защитником в дни яростной русофобии. Маннергейм, случайно не попавший на выставку Рериха в Хельсинки, прислал ему сердечные пожелания успехов и здоровья. Многие годы генерал очень огорчался, что не мог познакомиться с Репиным и не воспользовался предложением художника Галлен-Каллела поехать к Илье Ефимовичу в Куоккалу.

В 1939 году фельдмаршал Маннергейм, понимая, что скоро грянет военный конфликт с СССР, информировал об этом президента и правительство, но никто не желал его слушать, считая эти предупреждения «бредом старого человека». Однако Советско-финская война все расставила по своим местам.

Неудачи Красной армии и ее огромные потери в первый период военных действий обернулись грязной пропагандистской кампанией против Маннергейма, его называли злейшим врагом, кровавым палачом, царским сатрапом и т. п.

Фельдмаршал, воспитанный на лучших традициях старой

русской армии, уважал чуждые ему идеи противника. Он запретил в листовках и радиопередачах унижать и оскорблять советских маршалов и командармов, хотя они и были агрессорами.

Маннергейм, отмечая стойкость и мужество своих солдат и офицеров, не забывал сказать доброе слово о командирах и бойцах Красной армии.

Весной 1941 года, когда Европа была расколота на два воюющих лагеря, фельдмаршал Маннергейм, не получив ответа на свое личное письмо Сталину, соглашается с мнением финского правительства принять сторону сильнейшего, а ею в то время была Германия.

Однако это был дипломатический маневр Маннергейма, а не реальный военный блок, чтобы вернуть территории, захваченные в 1940 году Советским Союзом. Мало кто знает, что фельдмаршал устно, чтобы не узнали «союзники по блоку», 5 сентября 1941 года запретил авиации приближаться к Петербургу (в то время Ленинграду), а артиллерии вести по нему огонь, отказался пропустить через Финляндию гитлеровские войска, которые намеревались ударить по блокированному городу с севера.

Он, предельно осторожный человек, блестяще имитировал свое участие в войне с Советским Союзом, отказав немцам в штурме Ленинграда и операции на Мурманской железной дороге.

Маннергейм, бывший генерал русской армии, не один год деливший с ее солдатами и офицерами превратности двух тяжелых войн, старался всячески облегчить участь военнопленных. В марте 1942 года он принимает мудрое для военного времени решение — сделать их батраками на финских хуторах. «Кормежка была грубая, но сытная. Кашу с салом ели за одним столом с хозяином», — писал Евгений Войскунский (Октябрь. 1995. № 12). Его дополняет Студенцов: «Это многим из них спасло жизнь» (Нева. 1998. № 5). После финских хуторов возвратившихся на родину военнопленных ожидали острова ГУЛАГа.

Во время войны с Советским Союзом Финляндия была единственной страной — союзницей Германии, которая, по инициативе Маннергейма, не выдала нацистам евреев, — не только своих граждан, но и беженцев.

Постоянно критически оценивая с офицерами Генерального штаба положение на всех участках советско-германского фронта, маршал Маннергейм предпринял, сначала скрытый, а потом и открытый, саботаж решений и предложений германского командования на Северо-Западе.

Он приказал стабилизировать советско-финский фронт на

Карельском перешейке и в южной Карелии.

В 1944 году маршал Маннергейм становится президентом Финляндии. За девять месяцев до победного мая 1945 года, сохранив единство нации и дав ей надежды на будущее, он заключил сепаратное соглашение с Советским Союзом, а затем выдворил немцев из Финляндии.

В декабре 1945 года президент Маннергейм готовит проект договора о совместной обороне территорий Финляндии и Советского Союза в северной части Балтийского моря — основу подписанного в 1948 году Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. Маннергейм, как говорят ныне открытые архивные документы, а не Паасикиви и Кекконен, заложил основы добрососедских отношений с Советским Союзом и совершил то, что должен был совершить национальный лидер — сохранить независимость своего народа и своей страны. Он выполнил эту задачу с достоинством и честью и ушел на покой в 1946 году.

Маннергейм стал символом национальной стойкости и завоевал беспрекословный авторитет не только в Финляндии, но далеко за ее пределами, и не только среди друзей, но и врагов. Он стал одной из самых заметных фигур в европейской истории первой половины XX века.

3 сентября 2001 года, во время официального визита в Финляндию президента Российской Федерации В. В. Путина, произошло событие, которое войдет в летопись российской истории. Во время посещения военного кладбища Хиетаниеми в Хельсинки Владимир Владимирович стал первым российским лидером, возложившим венок на могилу маршала Маннергейма и склонившим голову у его надгробия.

В этом есть какой-то сакральный смысл. Санкт-Петербург, взрастивший нынешнего российского президента, был в свое время второй родиной и до последних дней жизни любимым городом Маннергейма. Какой бы высокий пост в Финляндии ни занимал барон Густав Маннергейм, в душе он оставался русским офицером, исколесившим всю Россию, подставлявшим за нее под пули голову и грудь.

Глава 1
РАННИЕ ГОДЫ

Карл Густав Эмиль Маннергейм родился 4 июня 1867 года в поместье Лоухисаари в местечке Аскайнен в 45 километрах от Турку.

Густав был третьим ребенком, вторым сыном Карла Роберта Маннергейма (1835–1914) и Хедвиг Шарлотты Хелены фон Юлин (1842–1881). До Густава родились дети: Софья (1863–1928) и Карл (1865–1915), после — сыновья Иохан (1868–1934) и Август (1873–1910), дочери Анна (1872–1886) и Ева (1870–1958).

Родители Густава имели шведско-финские корни. Однако сам род Маннергеймов вел свое происхождение от голландской семьи, которая в середине XVII века перебралась на жительство в Швецию.

Прадед будущего президента Финляндии Карл Эрик Маннергейм (1759–1837) первым из семьи в 1783 году переехал из Стокгольма в Або (Турку). Здесь он в 37 лет женился на 17-летней Вендле Софье Виллебранд (1779–1863). В 1825 году Карлу Эрику был присвоен графский титул.

Один из сыновей Карла Эрика — Карл Густав (1797–1854), чье имя перейдет к знаменитому внуку, достиг высокого поста президента Верховного суда Выборга и попутно написал много книг на французском языке и латыни о разнообразных жуках. В 1832 году в Або (Турку) он женился на дочери подполковника Карла фон Шанца — Еве Вильгельмине (1810–1895). У супругов родились четверо детей — сын Карл Роберт (отец будущего президента Финляндии) и три дочери. Одна из них, Анна, вышла замуж за знаменитого исследователя Севера Нильса Адольфа Эрика Норденшельда (1832–1901).

Что касается семьи матери Густава — Хедвиг Шарлотты Хелены, то она происходила из другой среды. Отец Хелены, горный советник Юхан Якоб фон Юлин (1787–1853), был владельцем крупнейшего в XIX веке в Финляндии чугунолитейного завода на берегу быстрой речки Фискарс, основание которого было положено в 1649 году. Фон Юлин за успехи в развитии финской промышленности и прекрасные изделия завода, известные в России и Западной Европе, был возведен в дворянство.

После смерти своей жены Шарлотты Ягершольд (1814–1844), когда их дочери Хедвиг Шарлотте Хелене было всего два года, Юхан Якоб женился на родной сестре своей умершей супруги,

которая и стала приемной матерью Хелены.

В 1862 году 20-летняя Хелена вышла замуж за графа Карла Роберта Маннергейма, венчание состоялось в селении Пуйо в старинной приходской церкви. Отец подарил дочери имение Селлвик, известное своей старой липой, под сенью которой обедал и отдыхал царь Петр I в один из дней Северной войны.

Семья, в которой Густав рос со своими братьями и сестрами, была богата традициями XVIII века. Обстановка дома с его мебелью, произведениями искусств свидетельствовала об этом. Родители были проникнуты идеями свободы и равенства, которые широко распространились в Западной Европе в 1848 году.

Воспитание Густава, отвечая взглядам матери, велось в строгом соответствии с основными идеями английской педагогической школы. Радостными были ранние годы будущего президента Финляндии, о чем он в старости охотно вспоминал, рассказывая о катании на коньках, походах на парусник и приключениях во время купания. Мать воспитывала своих детей в спартанском духе, развивая в детях мужество и бесстрашие.

Густав рос непоседливым ребенком, постоянно попадая в разные передряги. Он часто набивал себе шишки и один раз получил тяжелое сотрясение мозга. Все попытки матери урезонить сорванца ни к чему не приводили.

Семилетнего Густава родители отправляют в Гельсингфорс и определяют во второй подготовительный класс шведского Бёёкского лицея, где уже учился его старший брат. Однако за буйный характер и выбитые стекла Маннергейм скоро был отчислен.

Весну 1880 года Густав провел в Вилльнесе и усадьбе Селлвик, затем его отправили во Фредриксхамн (Хамину), в школу для подготовки к вступительному экзамену в финский кадетский корпус, где он проучился два года.

В 1880 году, пустив на ветер приданое жены и недвижимость и просадив собственное наследство, Карл Роберт бросает семью и вместе с фрейлиной Софьей Норденстам, впоследствии ставшей его женой, бежит в Париж. Одновременно он продает Вилльнес своей незамужней сестре Вильгельмине.

Забрав четырех младших детей, Хелена уезжает в Селлвик, где живет на попечении своей мачехи Луизы фон Юлин. Старшая из детей Софья в то время находилась в Стокгольме, Карл учился в Гельсингфорсе, а Густав был в Фредриксхамне.

23 января 1881 года от сердечного приступа умирает графиня Хедвиг Шарлотта Хелена Маннергейм. Она так и не смогла перенести позорного бегства мужа, изоляции и одиночества.

Семеро детей Карла Роберта Маннергейма остались сиротами

без всяких средств к существованию. «Наше детство, — писал Маннергейм, — было жестоким временем. Мы не могли рассчитывать на помощь родственников и знакомых семьи. Нужда и забота сопровождали нашу жизнь».

Тетка Ханна, вторая дочь Юхана фон Юлина, взяла к себе Августа и Еву. Иохан достался Луизе фон Юлин, а ее сын Альберт взял на себя заботу о воспитании и образовании Густава. Анна поступила в Смольный институт в Петербурге, но в 1886 году неожиданно умерла от воспаления легких.

Учитывая скромные возможности Альберта фон Юлина и то, что Густав мог бы получать стипендию, было решено определить его в общий класс финского кадетского корпуса в Фредриксхамне (Хамине)[1].

Жизнь и учеба в кадетском корпусе тяготили юношу, неожиданно потерявшего мать и беглеца-отца. Педантичная дисциплина и отсутствие свободы угнетали. Тем не менее учеба шла успешно и отметки были хорошие. Густав постоянно делился своими мыслями о будущем с братом Карлом, обсуждая два пути службы — в Финляндии и России. Место в финской глубинке его не устраивало, он хотел учиться в Пажеском корпусе, а затем в Морском, в котором после 1809 года учились многие его соотечественники.

Дядя Альберт был противником подобного решения племянника. Незадолго до окончания кадетского корпуса произошла крупная неприятность. Густав, умело замаскировав свою постель, ушел в самовольную отлучку на ночь из казармы. К кому он отправился — по сей день загадка. Маннергейм в своих «Мемуарах» пишет: «Ночевать я пошел к одному писарю, жившему неподалеку…» Биограф маршала Стиг Ягершольд утверждает: «Маннергейм направился к своему другу…», а писатель Вейо Мери делает заключение: «Направился провести ночь с женщиной».

Итог этой «самоволки» был печальным — кадет Густав Маннергейм был отчислен из кадетского корпуса. В своих «Мемуарах» маршал Маннергейм писал, что это был первый из трех сильных ударов, которые нанесла ему жизнь. Второй удар — отставка в 1918 году, третий — поражение на президентских выборах в 1919 году.

Все близкие Густава были озабочены тем, что он будет делать дальше. Отчисление из корпуса обернулось тяжелыми последствиями. Как жить без диплома, работы, без средств к существованию?

Дядя Альберт уговаривал Густава сдать выпускные экзамены в Финляндии и попробовать себя на гражданском поприще, но

юноше более привлекательной виделась карьера моряка или кавалериста.

В июне 1886 года Густав вместе с братом матери Юнне фон Юлином, владельцем дока в Або (Турку), отправился в Петербург, чтобы поступить в Морской корпус, но здесь его постигла неудача. Плохая оценка по поведению, полученная в кадетском корпусе, закрыла путь в море.

Дядя Юнне, горестно размышляя о судьбе племянника, решил, что ему надо учиться на инженера, но Густав не горел желанием освоить эту профессию. Он хотел быть офицером и получить в армии хорошее место. В душе был сделан выбор — Николаевское кавалерийское училище в Петербурге.

По протекции дяди Юнне Густав летом 1887 года едет в Харьков к директору керамического завода Эварду Бергенгейму, который определяет юношу к кавалеристу Сухину, ставшему его учителем. «Именно его стараниями, — писал Маннергейм, — уже осенью я говорил по-русски достаточно хорошо. Но все же русский язык давался мне тяжело». Когда Сухину по долгу службы приходилось принимать участие в военных учениях в Чугуевском лагере, он брал с собой Густава. Познакомившись поближе с воинской службой, юноша разочаровался в ней и пришел к выводу, что нужно в Финляндии приобретать гражданскую профессию. Однако вернувшись домой, вновь захотел стать офицером, но, чтобы поступить в училище, нужно было иметь документ о среднем образовании.

В Гельсингфорсе Маннергейм подает заявление в Бёёкский лицей, откуда его когда-то исключили. Его принимают в выпускной класс, где самым трудным для него оказался финский язык.

В конце марта 1887 года Густав заболел возвратным тифом. Хотя болезнь лишила его сил, он все же сумел хорошо сдать выпускной экзамен и 14 мая получил аттестат № 1.

Родственники опять советовали и даже требовали приобрести гражданскую специальность, но Густав твердо заявил: «Николаевское кавалерийское училище в Петербурге».

Союзником Маннергейма неожиданно оказалась крестная мать, баронесса Скалон де Колиньи[2], которая от слов сразу перешла к делу, подключив к этому вторую крестную, графиню Аминов, жену генерал-майора. Результат их труда был положительным. В конце июля 1887 года Густав получил официальный вызов на учебу, который подписал статс-секретарь Великого княжества Финляндского в столице России Теодор Бруун. Пришло и сообщение из канцелярии училища о видах и сроках экзаменов. Утром 20 августа 1887 года Густав приехал в

Санкт-Петербург и остановился на квартире Скалонов в Аптекарском переулке, где начал подготовку к вступительным экзаменам в Николаевское кавалерийское училище.

Один из друзей Маннергейма, окончивший свой жизненный путь в Ницце, конкретно ответил на вопрос, почему Густав из трех подобных российских военных училищ выбрал именно Николаевское.

1. Только из этого училища можно было попасть в гвардию.

2. Выпускники училища выходили в полки кавалерии сразу офицерами.

3. Юнкера, окончившие училище по первому разряду, производились в поручики через три года, а не через четыре, как в армейской кавалерии.

Глава 2
НИКОЛАЕВСКИЙ ЮНКЕР

«Русский период» в жизни барона Густава Маннергейма начался 2 сентября 1887 года, когда он был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу. Это училище, приобретшее громкую славу в России, было основано в 1823 году. Оно много раз меняло свое название и только в 1864 году было преобразовано в специализированное кавалерийское, составлявшее учебный эскадрон. В 1867 году училищу было присвоено название «Николаевское». С 1839 года оно размещалось в трехэтажном казенном доме бывшей кондукторской школы на углу 12-й роты (ныне 12-й Красноармейской улицы) и Загородного, потом Ново-Петергофского, а ныне Лермонтовского проспекта. Очень ярко в своих стихах об этом рассказал бывший юнкер М. И. Владиславович[3]:

У Балтийского вокзала
В граде Питере родном
Зданье славное стояло
С Николаевским орлом.

Главный корпус трехэтажный
Красотою не блистал,
Но величественно-важный
Всех вниманье привлекал.

Палисадник перед входом
За оградою стальной,
Разрастаясь с каждым годом,
Заслонил фасад собой.

Двор за корпусом просторный,
Флигелей, конюшен ряд,
В глубине — манеж огромный,
Не один, а два подряд…

В разные годы в Николаевском училище обучались люди, которые составили гордость России. Поэты М. Ю. Лермонтов, Н. Апухтин, А. Плещеев, композитор М. Мусоргский, путешественник П. Семенов-Тян-Шанский и многие другие,

включая короля Югославии Александра I.

Поступая в училище, Маннергейм столкнулся с многими трудностями, например, такими, как годовая квота приема финнов, малое количество мест для выпускников средних учебных заведений, выбор вариантов вступительных экзаменов. В этой ситуации пришлось использовать высокие связи родственников. При очень строгих требованиях Густав на экзаменах набрал проходные шесть баллов. Подвела грамматика русского языка, но спас французский язык.

2 октября 1887 года 84 человека, поступившие в училище, из которых было 66 выпускников кадетских корпусов России, зачисленных без экзаменов, получили юнкерское обмундирование: семь предметов обыкновенной и восемь — парадной формы. 12 октября — принятие воинской присяги, а 30 октября молодые юнкера были зачислены на действительную военную службу в русской армии.

Опекун Густава за обмундирование и обучение внес 750 рублей (вторая подобная плата была в 1888 году) — огромную по тем временам сумму. За свой высокий рост (184 см) Маннергейм был распределен в первый взвод второго полуэскадрона.

Начались суровые учебные будни. Подъем в 6.45. Раздетые по пояс юноши бежали мыться, хотя температура воздуха в спальных помещениях не превышала 10 °С. Начальник училища считал, что будущие офицеры не должны бояться простуды. Затем утренняя перекличка, чтение приказов, чай и в 8.00 начало занятий.

Основную массу юнкеров можно было разделить на лентяев, которые отличались физической силой, прожорливостью. Их уделом были нули, единицы и карцер. В следующую группу входили даровитые, но ленивые учащиеся, которые любыми путями стремились в лазарет, где можно было долго поспать. Третью группу составляли прекрасно подготовленные юнкера, которые знали много языков, но отличались большим упрямством. Вначале они изумляли преподавателей своими успехами, а затем становились двоечниками.

После классных занятий начинались строевые учения, которые имели два периода. Первый — «езда» на деревянных лошадях с отработкой правил посадки, положения корпуса и рук. Второй — курс одиночного бойца (стойка, движение, повороты и др.). Обычно этим курсом руководили портупей-юнкера старшего класса. Как только офицер, наблюдающий за занятиями, уходил, начинались «шутки» старшеклассников. Молодых юнкеров заставляли прыгать или долго стоять на одной ноге. Один раз в неделю вместо курса одиночного бойца были уроки бальных танцев, на которые приглашали девушек из соседней гимназии.

Начинались «медвежьи скачки» — язвили юнкера.

В 16 часов наступал обеденный перерыв. Еда в училище была обильная и вкусная, хотя Густаву первый год ее постоянно не хватало. Начальник училища генерал Бильдерлинг — великолепный кавалерист, участник нескольких войн, писатель и известный художник, лично следил за питанием юнкеров, неожиданно снимая пробы на кухне, чего очень боялись повара. Великий князь Николай Николаевич, выпускник училища, в свое домашнее меню постоянно включал блюда своей юнкерской молодости.

На питание одного юнкера казна тратила 38 копеек в сутки, а на гвардейского солдата, например, только 5,7 копейки.

Час после обеда отводился на отдых в постелях, который юнкера обычно заменяли «офицерским клубом» в туалетах, где курили и состязались в пересказе циничных анекдотов. Здесь юный Маннергейм приобрел стойкую привычку к курению, начав с копеечных папирос. Значительно позже он курил уже только дорогие штучные гаванские сигары.

Затем до 20 часов были свободное время и подготовка к занятиям. После вечернего чая была перекличка и можно было ложиться спать, правда, отстающим в учебе юнкерам разрешалось заниматься до 23.30.

В начале ноября началось «знакомство» с лошадьми, которое проходило на громадных и грубых упряжных лошадях. Перед посадкой на этих «чудовищ» офицеры спрашивали у юнкеров, кто умеет ездить верхом. Обычно этих «специалистов», которых сложно было переучить, ставили в конце колонны. Юнкеров долго обучали строевой рыси без стремян, чтобы они умели держать лошадь коленями и не отделяться от седла, придав гибкость своему корпусу. Особенно плохо было после команды «Прибавь рысь!». Создавалось неустойчивое положение, и нарушалась дистанция. Через два-три дня такой езды колени Маннергейма превращались в кровоточащие раны, ноги походили на «колесо», изменялась походка. Приходилось идти в лазарет и просить освобождение от практических занятий.

Постепенно Густав привык и начал ездить без стремян облегченной рысью. Однако офицеры продолжали упорно учить юнкеров строевой рыси без стремян. Через много лет, работая с новобранцами, Маннергейм оценил эту превосходную русскую систему.

Когда перешли на галоп, начались неприятности или «балдение на галопе», когда большинство юнкеров теряли управление лошадьми и создавали невообразимый кавардак на манеже. Правда, вскоре это прекратилось.

20 ноября 1887 года у Густава поднялась высокая температура. Врачи сразу поставили диагноз — возвратный тиф. Причина — грязная вода Обводного канала, которой юнкера часто мылись. Лихорадочный период болезни Густава длился почти четыре недели.

Выйдя из лазарета, Маннергейм получил короткий отпуск, который провел в Финляндии. Вернувшись в училище, Густав, сократив свой сон и свободное время, активно включился в учебу. Особое внимание он уделял езде, так как юнкера его взвода уже начали осваивать вольтижировку и прыжки через барьер. Первые занятия были неудачными. Юноша не мог одним махом вскочить на галопирующую лошадь и схватиться за рукоятки подпруги, не хватало ловкости, силы в руках и ногах. Это вызывало издевки товарищей, которые уже освоили более сложные пируэты. Настойчивость и целеустремленность Густава, умение собрать себя в кулак, как обычно, приводили к победе. Он понял, что надо уловить темп движения лошади — и успех обеспечен.

Сложны были прыжки через барьер, особенно без стремян, когда руки инстинктивно взлетали вверх при могучем толчке коня. Затем следовал «полет» на землю, под копыта лошади юнкера, скачущего впереди. Были синяки и ушибы, ведь падение с коня — наука особая…

Много внимания в училище уделяли виртуозной рубке. Надо было на полном скаку разрубить шашкой маленькую картошку, висящую на нитке. Бедой были промахи, за которыми следовали внеочередные наряды на конюшню.

И все же упорная работа и способности принесли свои плоды. Первые оценки Маннергейма сделали его четвертым по успеваемости в полуэскадроне. Но активная верховая езда привела Густава к новым неприятностям — опрелости в паховой области, так как после занятий негде было помыться и приходилось ждать банного дня — пятницы.

Первый разряд по поведению дал возможность Маннергейму бывать в увольнении в город три раза в неделю. Он первый в полуэскадроне за успехи в верховой езде получил шпоры, в результате чего 23 юнкера первого взвода объелись пирожными, которые он купил на три рубля.

Зная финансовые трудности Густава, начальник училища обратился к статс-секретарю Великого княжества Финляндского в Петербурге с просьбой выделить ему небольшое пособие, 10 рублей в месяц. Это пособие юнкер получал два года.

Первый учебный год Густава Маннергейма очень угнетала сложная юнкерская среда, которая во многом отличалась от степенного финского кадетского корпуса. Нравы здесь были

особые. Дисциплина жесточайшая, а глумление старших юнкеров над младшими — из ряда вон выходящее, крепко вошедшее в традиции училища. Попытки генерала Плеве в 1897 году искоренить традиции и глумление, которое называли «цук», старших над младшими ни к чему не привели. «Цук» сохранился даже в 1921 году в Галлиполи (Турция), где было воссоздано Николаевское училище и впоследствии — в Белой Церкви (Югославия).

До 15 апреля 1888 года, когда младшие юнкера вошли в постоянные взвода и первый полуэскадрон, «земными богами» для них были старшие юнкера — выпускники, которые возглавляли их временные подразделения. Верховодили здесь кадеты-николаевцы, чей корпус, единственный в России, готовил кандидатов в кавалерию.

Густав, как и его соученики, скоро испытал на себе беспощадность старших юнкеров, величавших себя «корнетами», младшие для них были «звери». Каждого новичка в торжественной форме спрашивали, как он будет жить в училище: по уставу или по славной юнкерской традиции. Горе было тому, кто попадался на эту удочку. Желающие служить по уставу становились «красными», которых все презирали. Успешно пройдя это испытание, Густав не избежал следующих. После утомительных занятий Маннергейм настолько уставал, что стремился пораньше лечь спать, но тут его ожидали очередные неприятности. Младшие юнкера спали в одном помещении со старшими. Здесь на Густава «положил глаз» высокий статный унтер-офицер швед Эмиль Гренлунд, сделав его своим личным «зверем». «Опекуну» Густава часто не спалось, и он ждал, когда его «зверь» уснет, грубо будил его и заставлял рассказывать анекдоты. Однако если Маннергейм, путая русские и шведские слова, допускал ошибки, Гренлунд заставлял его 20–30 раз приседать на корточках.

Жизнь и обстановка учат многому, и Маннергейм, прекрасно маскируя свое настроение и взгляды, вскоре добился дружеского расположения к себе «опекуна». Правда, избежать ночных прогулок в туалет, неся на своих плечах Гренлунда, не удалось. Так продолжалось до отъезда училища в красносельский лагерь.

Густав с нетерпением ждал субботы. В этот день все занятия кончались в 12 часов, и до понедельника наступал отдых. Правда, увольнение в город особых радостей из-за многих запретов не сулило. Существовала целая наука, как юнкера должны были себя держать на улицах и в общественных местах столицы России. За всем этим в городе строго следили специальные чины — плац-адъютанты. Но какие запреты смогли бы удержать желания и

стремления молодых людей? И юноши бывали везде, где хотели.

10 апреля 1888 года младшие юнкера получили личное оружие — драгунские малокалиберные винтовки — и начались занятия по стрелковому делу. 15 апреля в училище был сформирован учебный эскадрон. Густав остался в первом взводе, который возглавил выпускник полоцкого кадетского корпуса Федор Верман.

Прилежность, усидчивость и природный талант помогли Густаву Маннергейму хорошо усвоить учебные предметы, а также сложную процедуру верховой езды. Он научился распознавать характер лошадей, их достоинства и недостатки. Однажды, получив новую лошадь, Маннергейм тронул ее шпорами. Конь нагнул голову, дал два «козла» и ударил задом. Не ожидая этого, Густав кубарем вылетел через голову лошади и сделал еще кульбит на песке. Оказалось, что у коня больные почки и он не выносит прикосновения шпор.

Маннергейму было очень сложно учиться в коллективе, где верховодили второгодники, а прилежные юнкера уважением не пользовались.

Несмотря на все трудности, Густав закончил свой первый учебный год четвертым среди младших юнкеров. Он набрал 10,17 балла из 12 возможных. Подвели русский язык и химия.

30 мая 1888 года Николаевское кавалерийское училище в полном составе переехало в свой летний лагерь под Красным Селом, севернее селения Вилози, рядом с лагерем офицерской кавалерийской школы.

Это живописное место, в нескольких километрах южнее Красного Села, находилось на берегу Дудергофского озера. Взвод, в который был зачислен Густав, поселили в первом из двух бараков, построенных в 1877 году. Это здание, прослужив верой и правдой николаевским юнкерам и советским курсантам 126 лет, в 2002 году было превращено в груду развалин.

Недалеко от лагеря училища простиралось огромное поле, в конце которого красовалась роща, рядом с ней было место, называемое «Царский валик», где император в конце лагерного сбора принимал парад всех войск лагерного сбора. Здесь, как и в столице, для юнкеров было много запретов — таких, например, как посещение селения Дудергоф и даже родных, живущих там. Они не могли заходить в Красном Селе в лавки и булочные. Нужный им товар продавцы выносили на улицу.

До 10 июня 1888 года николаевцев обучали всяким тактическим премудростям — например, инструментальной съемке местности с помощью угломеров. Затем начинались нудные строевые занятия, на которых отрабатывали

великолепную выправку и походку. Продолжались верховая езда, вольтижировка, ружейные приемы, стрельба и многое другое.

13 июля 1888 года 64 юнкера, принятые в училище в 1887 году, были переведены в старший класс и стали унтер-офицерами. Через четыре дня в красносельский лагерь прибыл главнокомандующий, великий князь Владимир Александрович, который произвел смотр войск. В конце июля начались тактические учения кавалерии, которые закончились показательными выступлениями и большим парадом в присутствии Александра III и германского кайзера Вильгельма II.

На параде Густав впервые близко увидел царя, о котором много слышал и знал, что он восстановил былую славу русской армии после ее дезорганизации в конце 70-х годов XIX века. Юноша был разочарован, заметив, что император — плохой наездник. Об этом говорили его грузная посадка и какой-то скованный ход коня. Свита, сопровождавшая двух императоров, должна была постоянно сдерживать своих лошадей.

14 августа 1888 года молодые унтер-офицеры, надев желанные шпоры, которые разрешалось носить только в отпуске, отправились по домам к родителям.

13 сентября 1888 года, вернувшись в Петербург из Финляндии, унтер-офицер барон Густав Маннергейм принял под свою команду отделение «зверей 1888 года», среди которых приметил скромного юношу Павла Демидова — отпрыска богатейшей русской семьи. Павел сразу стал личным «зверем» господина «корнета» Маннергейма и начал выполнять все его желания. Густав был лоялен по отношению к Павлу, иногда, правда, заставляя его ходить за собой строевым шагом и кричать белугой. Делал он это обычно в конюшне, пугая лошадей и вызывая дружный смех конюхов.

Время от времени по понедельникам, когда все свободное время юнкеров занимали разговоры о выпивке и женщинах, Густав заставлял своего «зверя» писать сочинение на тему «Влияние луны на девушек, к которым мы ходим по вторникам». Когда означенное сочинительство завершалось, с этим непременно юмористическим произведением знакомился весь первый взвод. Оценка выставлялась коллективная. В основу темы «сочинения», которую Густав предлагал своему «зверю», были положены весьма пикантные события. 1888–1889 годы были «урожайными» по количеству юнкеров, получивших венерические заболевания. Расходы на лечение росли. И тогда дисциплинарный комитет училища подготовил, а генерал Бильдерлинг подписал приказ о посещении юнкерами публичного дома, который располагался недалеко от учебного заведения. Были установлены

дни посещений и создана, под строгим контролем врачей, взводная очередь. Отделению, которым командовал Маннергейм, выделялся вторник с 16.30. Все другие публичные дома посещать юнкерам было запрещено.

28 ноября 1888 года унтер-офицеры старшего класса получили постоянных лошадей и сразу начались занятия по их выездке, совмещенные с теорией езды. Маннергейм показал себя в Красном Селе как отличный наездник, и в училище ему предложили работать с молодыми лошадьми. На соревнованиях, которые проходили в училищном манеже, Густаву просто не везло. Победы постоянно доставались Белихову и Дабичу. Много времени у Маннергейма занимали строевые занятия со «зверьми 1888 года» и частые дежурства по полуэскадрону.

В конце февраля 1889 года начались ночные выезды учебного эскадрона по тревоге на улицы столицы.

24 марта 1889 года четыре унтер-офицера старшего класса, среди которых был Густав Маннергейм, официально получили командную должность в эскадроне, став портупей-юнкерами. Этого звания Густав был удостоен не только за хорошую дисциплину и успехи в науках, но и за отлично сданный экзамен по верховой езде.

А случилось это так…

В день испытаний на большом манеже училища перед строем юнкеров солдаты вывели неизвестных экзаменующимся лошадей. Каждый брал ту, которая стояла перед ним. После команды «Смирно!» солдаты исчезали. Затем следовала команда «Садись!».

Подойдя к своей лошади, Густав привычно огладил ее бока, проверяя здоровье почек, — никакой реакции. Тронул шпорой — тоже ничего.

После команды «Справа по одному, на две лошади дистанцию!» юнкера двинулись. В конце экзамена надо было взять барьер. Густав шел последним в колонне и решил блеснуть. Он придержал коня, увеличил расстояние до последнего всадника и пустил лошадь в полевой галоп, рассчитав, что у препятствия он будет на нужной дистанции. Как полагается, Маннергейм принял положение «Смирно» — повернув голову в сторону начальника училища и скосив глаза на препятствие. Неожиданно лошадь закинулась. Вместо прыжка она уперлась всеми четырьмя ногами в землю, опустила голову и пыталась вытянуть вправо. Густав с ужасом почувствовал, что отделяется от седла. С отчаянием он вонзил шпоры, которые вместе с хорошим ходом заставили лошадь прыгнуть. Барьер Маннергейм и его конь взяли раздельно друг от друга. Густав летел над животным в положении «Смирно». Случаю было угодно, чтобы на другой стороне барьера

юноша упал на наклоненную шею лошади. Могучим рывком она отбросила юнкера в седло. За все время этого происшествия Маннергейм так и оставался недвижим, повернув голову в сторону начальника училища, а глаза скосив на препятствие и злополучную лошадь. Товарищи не могли видеть позора Густава, но начальник училища и офицеры видели всё. Юноша был в отчаянии, считая, что экзамен провален. Каково же было его изумление, когда комиссия поставила ему высший балл за то, что он дал лошади шпоры, заставил ее прыгнуть, не выпустил из рук поводья и остался в седле. Позднее Густав узнал у конюхов, что эту лошадь редко кому удавалось заставить прыгнуть, да еще на экзамене.

18 апреля 1889 года в училище начались экзамены по специальным и общеобразовательным предметам, которые продолжались до самой Пасхи. Получив за свои успехи десятидневный отпуск, Светлое Христово Воскресение Густав встретил на родине.

По итогам экзаменов, завершившихся 13 мая 1889 года, Маннергейм, по сумме баллов (10,7) занял второе место в эскадроне. Даже по трудному для него русскому языку он получил 8 баллов (хорошо). В дни экзаменов Густав во главе своего взвода в конном строю участвовал в почетном эскорте, который сопровождал свиту персидского шаха.

Спустя неделю после экзаменационных испытаний начались красносельские лагерные сборы — занятия по топографии и тактике в поле, изучение полевой кавалерийской службы, верховая езда, стрельба и орудийные учения. В стрельбе из револьвера портупей-юнкер Маннергейм занял первое место и получил значок «За отличную стрельбу».

19 июля 1889 года произошел неприятный для Густава случай. Возвращаясь из увольнения в Петербург, он, будучи навеселе, устроил скандал в вагоне поезда. В лагере нагрубил дежурному офицеру. За этот поступок Густава посадили под арест в карцер, а затем дисциплинарный комитет училища лишил его звания портупей-юнкера, должности командира отделения и перевел во второй разряд по поведению. Наказание «седьмой степени» (в училище было восемь видов наказаний) и второй разряд по поведению поставили Маннергейма на грань отправления в солдаты накануне выпуска, что могло стать клеймом, закрывающим молодому офицеру продвижение по службе.

В этой сложной ситуации барону пришлось обратиться к петербургским родственникам. Он и сам показал свои способности. Будучи в лагерном карауле, Густав дважды

задерживал мошенников, которые пытались украсть военное имущество. Итогом был приказ от 17 августа 1889 года о переводе юнкера Маннергейма в первый разряд по поведению. Казалось бы, все хорошо, но первое место за успехи в учебе было потеряно. На мраморной доске в вестибюле главного корпуса училища появилась фамилия Ивана Белихова. Этот офицер, отличный ученик, грозный вахмистр учебного эскадрона, печально закончил свой военный путь. Офицерское собрание лейб-гвардии Уланского полка в Петергофе, куда он был направлен после выпуска, отказало ему в приеме в полк. Он был отправлен в резерв гвардейской кавалерии, а затем уволен в запас.

Густав Маннергейм по итогам выпускных экзаменов с добавлением «командирского балла» имел бы общую сумму 12,1 балла — первое место среди всех юнкеров учебного эскадрона, включая вахмистра. Однако разжалование, арест и перевод во второй разряд по поведению лишили его двух мест: на мраморной доске училища и в столичной гвардии, которая представила училищу в 1889 году только 16 вакантных мест.

22 августа 1889 года выпускники пяти военных училищ выстроились на плацу Красного Села напротив «Царского валика». На правом фланге встали выпускники Пажеского корпуса.

Накануне этого дня в первом спальном бараке торжественно, по команде «Смирно!», портупей-юнкер Андрей Бодиско на большом листе бумаги, где отмечались сведения, сколько дней осталось до производства в офицеры, поставил жирный ноль. В 11 часов император Александр III с небольшой свитой обошел строй юнкеров, а затем обратился к ним с краткой речью, в которой выразил надежду на их верность служению Родине и ему. Свою речь он закончил фразой: «Поздравляю вас с производством в офицеры… до свидания, господа офицеры!» Последние слова он подчеркнул особо, повысив голос. Последовало искреннее «ура!». Каждый молодой офицер получил из рук императрицы Марии Федоровны приказ о производстве, который сразу по традиции училища «ушел под погон».

В поезде и Петербурге все встречные люди приветствовали недавних юнкеров, жали руки и поздравляли с производством в офицеры.

Отпороты юнкерские погоны и пришиты офицерские, барон Густав Карлович Маннергейм произведен в первый офицерский чин корнета с правом службы в гвардии.

24 августа 1889 года в 10 часов утра все молодые офицеры в новой парадной форме полков, куда они получили назначение,

собрались в училище, где был торжественный молебен в уютной двухсветной церкви во имя Сошествия Святого Духа. Внутреннюю отделку этой церкви выполнил инженер-майор Лебедев, который прославил свое имя строительством кронштадтских фортов.

Начальник училища вручил молодым офицерам нагрудные знаки и памятные серебряные кубки с гравировкой, в числителе которых было обозначено количество выездок, а в знаменателе — падений с лошади.

Все офицеры оставили в училище свои адреса, где они будут проводить свой отпуск до отправления в полк. Училищный фотограф сделал групповой снимок. Канцелярия выдала послужные списки и деньги.

28 августа 1889 года в 16 часов выпускники-николаевцы собрались в своем «придворном» ресторане «Донон» на Мойке, 22, где веселились до трех часов ночи.

На следующий день поезд увез корнета барона Маннергейма на родину в Финляндию.

Глава 3
15-Й ДРАГУНСКИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ПОЛК

Долгожданный отпуск пролетел незаметно, и 30 сентября 1889 года корнет Маннергейм отправился к первому месту своей службы — в 15-й драгунский Александрийский полк Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича-старшего (фельдмаршала, сына Николая I).

Полк стоял в 236 километрах к востоку от Варшавы, в маленьком польском городке Калиш, рядом с немецкой границей. Он находился в живописной долине реки Просна, окруженный несколькими ее малыми рукавами. Этот один из древнейших городов Польши насчитывал в то время около 19 тысяч жителей.

Почему Маннергейм оказался здесь? Причина была одна — разжалование. Крестная мать Густава баронесса Скалон, имея придворные связи, считала, что думать о столичной гвардии пока преждевременно, там нужны безупречные офицеры. После разговора с генералом Бильдерлингом было решено направить Густава служить в Польшу. Это было связано с тем, что по какой-то неизвестной причине офицера, который служил в Польше или Прибалтике, было легче всего перевести в столичный гвардейский полк.

Кроме того, опекун Густава считал, что у него пока недостаточно средств, чтобы обеспечить гвардейский уровень жизни племянника. Все родственники сходились во мнении, что Густав, несмотря на баронский титул, должен познать все «прелести» провинциальной военной службы.

Полк «черных драгун», так их называли по цвету формы, созданный в 1776 году, доброжелательно встретил молодого корнета. Густав был зачислен в первый эскадрон, где стал офицером первого взвода, командир которого не очень загружал его работой. Жизнь в Калише Густаву сразу не понравилась. Квартиру ему не дали, пришлось жить в грязной гостинице. Скудное жалованье — 40 рублей — утекало сквозь пальцы при общих расходах 120 рублей в месяц. Опять нужна была помощь родственников, которым он писал, жалуясь на свое окружение: «Офицеры здесь постоянно ругаются, доносят друг на друга. Командир полка — полное ничтожество, подчиненные его игнорируют. Возможности общения равны нулю. Офицерские жены низкого происхождения, необразованные, с плохой репутацией».

Восемь дней в декабре 1889 года, получив отпуск, корнет Маннергейм провел в Финляндии, встретив там Рождество. Кстати, «ничтожный командир» только его одного отпустил так далеко от места дислокации полка.

14 января 1890 года командир полка поручает корнету Маннергейму обучение только что прибывших из России 40 молодых солдат.

Помощником Густава был назначен вахмистр Соколов, который хорошо знал службу и пользовался поддержкой командира эскадрона. Казарма, конюшни были у него в идеальном порядке. К Маннергейму он относился подчеркнуто почтительно, но всегда с оттенком некоторого превосходства. Требования к молодым солдатам у Соколова были жесткие, часто с «мордобойством», особенно когда он стремился придать всем солдатам красивый вид, добиться стройного ответа на приветствие начальства. Он хотел воспитать в солдатах бодрый дух, доблесть, любовь к полку и царю. Смотр молодых солдат прошел хорошо, и корнет Маннергейм получил благодарность в приказе по полку.

Пользуясь свободным временем, Маннергейм начал детально изучать лошадей и убедился, что от них можно добиться чудес. Неожиданностью для него стало то, что по уму лошадь сравнима с собакой и имеет очень нежную натуру. Лошадь чувствует не силу всадника, а его опыт. Наказание от человека, сидящего в седле, лошадь не связывает с ним самим. Она обижается, если ей достается с земли. Один из пожилых унтер-офицеров, который сразу приглянулся пытливому Густаву, посоветовал ему строго требовать от денщика, чтобы тот ежедневно протирал спины его лошадей соломой и давал возможность поваляться, что их освежает. Так молодой корнет начал постигать сложную практику работы с лошадьми, став впоследствии признанным «лошадиным академиком», что еще позже было подтверждено знаменитым наездником Джеймсом Филисом.

Служба в Калише проходила легко, занимая не более трех часов в день, и было достаточно времени для долгих конных прогулок по этому «настоящему западноевропейскому городку с каменными домами и хорошо мощенными улицами», вспоминал Маннергейм. Ему нравились старинная площадь, которая чем-то напоминала Або (Турку), с мрачным чугунным монолитом, воздвигнутым в 1813 году в память о союзе России и Германии, величественный костел Святого Иосифа, Вейская улица с ее красивыми домами.

11 июня 1890 года корнет Маннергейм был командирован в Варшаву в 4-ю саперную бригаду для обучения саперному делу.

После тихого Калиша Густав попал в шумный столичный город с многочисленными, но недоступными из-за отсутствия нужных денег соблазнами.

Началась упорная, часто изнурительная учеба, с постоянными поездками в район Сохачева на учебный полигон бригады. Там-то впервые Густав познал настоящий физический труд, когда по шесть часов приходилось работать большой саперной лопатой, «зарабатывая» кровавые мозоли на руках при рытье траншей. Здесь корнет потрудился бетонщиком при постройке одноамбразурного дота фронтального огня и узнал, что такое качественный цемент. Фельдмаршал Г. Маннергейм во время инспекторской поездки по Карельскому перешейку в 1934 году пришел в ярость, когда узнал, что прочность бетона старых укреплений составляет всего 300 кг/кв. см вместо 600.

Минирование и разминирование местности, оборудование переправ, прокладывание путей для движения войск — все было ново для Маннергейма и интересно.

Только в субботу и воскресенье Густав мог знакомиться с красотами Варшавы. Он бывал на площади Старого мяста, у королевского замка и кафедрального костела Святого Иоанна. Заходил в костел Святого Креста и стоял у колонны, где замуровано сердце Фредерика Шопена. Он один раз побывал в Большом театре, посетил городскую картинную галерею. Отведал знаменитые трехкопеечные «келбасы горонцэ». Густав часами бродил по тихим улицам этого города-музея. Любовался похожими на театральные декорации домами, арками, украшенными затейливыми рисунками, лепными и бронзовыми изваяниями. Здесь, в Варшаве, часто встречая элегантных офицеров лейб-улан, Маннергейм вновь начинал думать о гвардии. Еще в Николаевском училище он твердо усвоил принцип, что в России есть только один способ сделать карьеру — с помощью связей. Отсюда, из Варшавы, Густав начал часто писать письма в Петербург баронессе Скалон, которая активно искала пути возвращения своего крестника в столицу России. Вращаясь в придворных кругах, баронесса знала, как трудно молодому офицеру попасть в любой гвардейский полк. Офицеров туда подбирали с особым разбором, о поведении и репутации новичков офицерские собрания собирали подробные справки. Часто высокие титулы и протекции не помогали. Баронесса Скалон через свою подругу камер-фрау императрицы Марии Федоровны фон Флотову написала прошение императрице. Результат был положительный. Императрица приняла баронессу, обещала «воздействовать» на Александра III и сказала, что Маннергейм должен отправить все свои документы председателю

офицерского собрания Кавалергардского полка с просьбой включить его в списочный состав.

Дни в Варшаве пролетели очень быстро, и опять был тихий Калиш. Отправив все документы и характеристики в Петербург, Маннергейм отбывает в Нарву, где 7 августа 1890 года начались большие войсковые маневры, на которых присутствовали Александр III и германский кайзер Вильгельм II.

В Нарве корнет Маннергейм был включен в состав учебной гальванической роты, которая вместе с гвардейскими саперами под командованием известного в то время военного инженера Ивана Тишкова обеспечивала развертывание войск в район Нарва — Ново-Пятницкое — Ямбург.

Здесь, на практике используя свои знания, полученные в Варшаве, корнет Маннергейм минировал переправы и мосты, руководил постройкой полевых фортификационных сооружений открытого и закрытого типа.

Вернувшись в полк, Маннергейм был назначен командиром саперной роты. Здесь же его ожидало приятное известие — письмо из столицы со штампом Кавалергардского полка. Председатель офицерского собрания полка прислал акт счетной комиссии, в котором 70 % офицеров одобряли включение Маннергейма в полк. Сопроводительное письмо говорило, что императрица Мария Федоровна как шеф кавалергардов дала свое согласие, но еще нужен был Высочайший приказ Александра III.

6 сентября 1890 года Маннергейм с радостью встретил прибывших в Калиш своих «николаевских зверей 1888 года» князя Георгия Эристова и Александра Самылова. Два дня в местном ресторане шло веселье, которое оплатил князь Эристов.

Высочайшее разрешение, но пока еще не приказ, на прикомандирование корнета барона Маннергейма к Кавалергардскому полку Александр III подписал только 26 октября 1890 года.

Через семь дней штаб Варшавского военного округа прислал телеграмму командиру 15-го драгунского Александрийского полка, в которой командующий войсками округа писал: «Приказываю командировать корнета барона Густава Карловича Маннергейма в Петербург для испытания по службе и дальнейшего перевода в Кавалергардский Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк».

Проводы Маннергейма в столицу ознаменовались прощальным обедом. В последние минуты перед отходом поезда офицеры полка вынесли на перрон вокзала подносы с шампанским, доказав, что молодой корнет постоянно ошибался в оценке своих сослуживцев.

Глава 4
БЛЕСТЯЩИЙ КАВАЛЕРГАРД

7 декабря 1890 года корнет Маннергейм приехал в Петербург и остановился в квартире своей крестной матери баронессы Скалон в Аптекарском переулке, где ему выделили комнату. Родственники общими усилиями собрали 3500 рублей, чтобы купить Густаву семь видов кавалергардской формы и необходимых к ней предметов — медной кирасы, каски, палаша, пристяжных шпор с «малиновым звоном». На Невском проспекте, 46, у знаменитого военного портного Карла Норденштрема Густав проявил чрезвычайную педантичность, чем удивил старого мастера. Барон требовал, чтобы все было предельно элегантно, «с иголочки». Один из лидеров кадетской партии, Гессен, вспоминая о своих встречах с Маннергеймом, называл его «породисто-изящным». Ему вторил знаменитый финский художник Галлен-Каллела: «С таким господином, как Маннергейм, всегда нужно выглядеть классом „люкс“».

Наиболее серьезно Густав отнесся к выбору двух лошадей, соответствующих требованиям строевой службы полка, — светло-гнедой масти. По росту они должны были быть только первой категории (свыше 1,5 метра), по степени породности — первого разряда, хорошего телосложения, ровного дыхания. Конский состав Кавалергардского полка с трудом комплектовали несколько заводов Дона и Украины. Большинство лошадей привозили из Германии. Одну лошадь Маннергейм купил у кавалергарда поручика Петра Арапова, вторую лошадь приобрели родственники. Хлопоты по экипировке и покупке лошадей были трудоемкими и дорогими, однако доставляли радость выходящему в гвардию.

Рано утром 7 января 1891 года, в тихий морозный день с легким снежком, корнет барон Маннергейм в николаевской шинели с бобровым воротником и полковой фуражке с красным околышем, слегка прикрытой башлыком, приехал в штаб Кавалергардского полка на Шпалерную улицу, 41. Доложив командиру полка генерал-майору Николаю Аркадьевичу Тимирязеву (1835–1906) о прибытии, Густав был прикомандирован, как офицер без штата, в первый взвод лейб-эскадрона полка. Командиром этого взвода был князь Василий Сергеевич Кочубей. Лейб-эскадроном же командовал ротмистр барон Евгений Гернгросс. Офицеры между собой называли его «золотым мальчиком» за три золотые медали, которые он

получил в Первой петербургской гимназии, Пажеском корпусе и Академии Генерального штаба. Лейб-эскадрон, который служил образцом для всего полка, насчитывал четыре взвода (12 офицеров, 19 унтер-офицеров и 156 рядовых). Эскадронный праздник отмечался 1 октября. Была и своя эскадронная песня «Я вечор, моя милая, я в гостях был у тебя». В подразделении поддерживалась очень жесткая дисциплина. Солдаты предавались полковому суду даже за такие мелкие поступки, как продажа казенных перчаток. Тем не менее находиться тут многие почитали за честь. Вахмистр эскадрона Алексей Самарев служил в нем бессменно с 1880 до 1917 года. Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна знати его лично и всегда персонально здоровались с ним.

20 января 1891 года начались зимние полковые будни молодого барона Маннергейма. Ежедневно в 7.45 утра Густав приезжал в полк, где его дни были расписаны строго по часам. С 8 до 12 — занятия с солдатами в казарме взвода на Захарьевской улице, затем завтрак для офицеров и обед для солдат. Холостые офицеры обязаны были завтракать, обедать и ужинать в столовой здания офицерского собрания. Денег на столовую у Густава постоянно не хватало, так что приходилось довольствоваться дешевыми солдатскими обедами (4 рубля в месяц), которые тайком приносил денщик Маннергейма Василий Батраков.

Затем занятия с солдатами продолжались, часто до 19–20 часов.

23 января 1891 года Густав заступил на свое первое дежурство по полку — удел молодых кавалергардов, которые еще не успели пристроиться к какой-нибудь полковой должности (заведующего оружием, учебной командой и др.). Этот день можно считать началом дружбы Маннергейма с корнетом князем Арсением Карагеоргиевичем, братом короля Сербии. Густав, как дежурный по полку, оформлял документы и отправлял князя на офицерскую гауптвахту за то, что тот не явился на занятия с молодыми солдатами. Несмотря на обстоятельства их первой встречи, князь и барон сохраняли дружеские отношения до самой смерти Арсения Карагеоргиевича в Белграде в 1930-х годах. Да и гауптвахта тогда была обычным явлением. Ни в одной армии мира не было столько внутренних нарядов, сколько их было в русской. Например, в феврале 1891 года в лейб-эскадроне ежедневно в нарядах находились 33 человека — целый взвод.

27 января 1891 года лошади Маннергейма были доставлены в офицерскую конюшню, где их внимательно осмотрели командир полка и командир взвода. Генерал-майор Тимирязев, уходя, бросил фразу: «Надеюсь, корнет, с вашими лошадьми вам будет

не скучно». Действительно, лошади Густава только-только подходили к полковому стандарту.

Январь и февраль 1891 года были месяцами активной светской жизни столицы России, временем роскошных балов, представляющих редкий набор громких имен и изящных туалетов.

На «Розовом балу» в шикарном особняке Елены Александровской на Большой Морской улице, 51, сослуживец Маннергейма по эскадрону корнет Александр Звягинцев знакомит Густава со своей двоюродной сестрой Анастасией Араповой, которая после смерти матери жила с сестрой Софьей у своей тети на Шпалерной улице. Это была высокая девушка, не отличающаяся особой красотой, с хорошей, хотя и несколько коренастой фигурой. Миловидное лицо ее немного портили глаза — чуть-чуть навыкате.

После этого знакомства Густав с Анастасией иногда встречались на балах.

1 февраля 1891 года корнет Маннергейм впервые в составе лейб-эскадрона участвовал в Высочайшем смотре войск на Дворцовой и Разводной площадях.

Полковая жизнь Кавалергардского полка во многом удивляла Густава. Особенно — равенство между офицерами, независимо от их титулов. Отсутствие «мордобойства» солдат, с которым Густав встречался в Калише и Варшаве. Ругань, которая у николаевских юнкеров считалась молодечеством, здесь была признаком дурного тона. Главное было уважение к солдатам. «Дедовщина» жестоко каралась, поэтому ее в полку и не было. Здесь обращались друг к другу только на «вы». Не пили на брудершафт, хотя от хорошей водки в наполненной до краев рюмке не отказывались. Впоследствии, будучи фельдмаршалом и маршалом Финляндии, Маннергейм постоянно издевался над своими генералами, которые, получив рюмку водки, налитую «под завязку», проливали ее, чаще всего в тарелку. Маннергейм, заметив это, обычно с милой улыбкой говорил: «Вы что, хотите приправить свое блюдо алкоголем или разбавить соус?»

Кавалергардский полк во второй половине XIX века представлял собой высококультурную военную среду, оказывающую огромное воспитательное воздействие на солдат, выходцев из крестьянских семей.

По традиции с 7 ноября 1860 года шефом полка была императрица. В кавалергарды подбирали солдат высоких, белокурых, с синими глазами. Гимном полка с 1826 года служила мелодия из оперы Ф. Буальдьё «Белая дама» (на военном жаргоне «Белая дама» — холодное оружие). Кавалергарды с момента

создания полка в 1799 году несли почетную дворцовую службу и службу при коронации. Это было особое войсковое подразделение, к которому предъявлялись повышенные строевые требования. Оно использовало все возможные технические и тактические новшества ведения боя, которые кавалергарды испытывали во время лагерных сборов в Красном Селе.

Старшие офицеры лейб-эскадрона, внимательно приглядываясь к молодому корнету, с пониманием оценили его чувство долга и рвения к работе. Новый командир подразделения штабс-ротмистр барон Федор Гойнинген-Гюне стал умелым и требовательным наставником Маннергейма. Он сделал Густава блестящим наездником и умелым командиром. Маннергейм всю свою долгую жизнь использовал на практике и совершенствовал уроки своего учителя в работе с людьми и умении выбирать лошадей. Штабс-ротмистр представил Густава великому князю Николаю Михайловичу, который хорошо знал деда Маннергейма. В полку Густав встретил своего личного николаевского «зверя» Павла Демидова и «земного бога» николаевского вахмистра Андрея Половцева, перед которым младшие юнкера становились «во фронт», как перед генералом.

Павел Демидов, очень богатый человек, постоянно и очень тактично, часто незаметно, помогал своему бывшему николаевскому «богу».

5 марта 1891 года корнет Маннергейм вместе с девятью офицерами полка был приглашен на Высочайший бал в Зимнем дворце. Офицеры-кавалергарды личных приглашений не получали. Полку сообщали, что надо прислать столько-то танцоров. Командир полка назначал кандидатов по своему усмотрению. Во дворце зорко следили за поведением кавалергардов, и если кто-то нравился, то он получал личное приглашение на очередной бал. Блестящий полонез и мазурка, которой восхищались в Варшаве поляки, — и Маннергейма сразу включили в реестр церемониальной части Зимнего дворца. Вот как Густаву пригодились уроки танцев, которые он постоянно посещал в Николаевском училище, выслушивая насмешки товарищей.

28 мая 1891 года Кавалергардский полк выступал в свой красносельский лагерь, расположенный в Павловской слободе, составляющей как бы продолжение Красного Села. Поход в лагерь был похож на красивый пикник. День обычно выбирался солнечный, на полпути офицерам предлагали обильный завтрак.

Лагерный сбор полка делился на две неравные части. С мая до середины июля шли конные и стрелковые учения, занятия по сторожевой охране, офицерские стрельбы, на которых Густав

несколько раз занимал призовые места. Рука у него была твердая, и стрелял он очень метко.

Остальные три-четыре недели уходили на артиллерийские учения, четыре уставных дивизионных учения, маневры частей бригады. Все это завершалось общими маневрами всех войск и Высочайшим смотром. Переход от одного типа занятий к другому носил название «перелом» и приходился на 27 июля.

Свой первый лагерный сбор в полку корнет Маннергейм начал с дежурства как главный пожарный, затем он стал командовать хлебопеками и следить за порядком в походном лазарете полка. На тактических занятиях гвардейской кавалерийской дивизии был ординарцем у командира полка и офицером для поручений у командира дивизии.

11 августа 1891 года командир кавалергардов генерал-майор Тимирязев в присутствии офицеров зачитал Высочайший приказ и поздравил корнета барона Густава Маннергейма с зачислением его в постоянный состав полка, назначив помощником знаменщика соединения.

Лагерный сбор закончился большими маневрами в присутствии Александра III, скачками и театральной премьерой. Здесь, в местном театре, впервые выступала балерина Матильда Кшесинская.

Все это великолепие не радовало Густава, денежные расходы были велики, а кошелек — полупустым. Вечера приходилось проводить в офицерской артели с ее обязательным шампанским. Хотя Кавалергардский полк был непьющим, все же французские вина и шампанское были главным связующим звеном в офицерской среде. Генерал Игнатьев писал: «Маннергейм пил так, что всегда оставался трезвым».

Свой 28-дневный отпуск Маннергейм частично провел в Москве, живя у своего приятеля по полку Петра Арапова.

Вернувшись в полк, Густав углубился в сложные обязанности казначея, временно получив эту должность. Он долго наводил порядок в этой запутанной финансовой области.

12 октября командир полка выделяет Маннергейму небольшую квартиру во втором офицерском корпусе. Аккуратный корнет ужаснулся ее состоянием — настоящая помойка с поломанной мебелью. Квартирмейстер поручик Федор Безак совершенно не справлялся со своими обязанностями. В разговоре с Павлом Демидовым Густав рассказал о своем жилище. Павел сразу предложил другу переехать в его огромную квартиру на Захарьевской улице в доме протоиерея Григория Дебольского.

15 декабря корнет Маннергейм с группой офицеров был принят главнокомандующим войсками гвардии и округа по

случаю их зачисления в полк. Вечером шеф полка императрица Мария Федоровна устроила для офицеров в Малиновой гостиной Аничкова дворца кофейный стол. Будучи маршалом Финляндии, Маннергейм часто вспоминал «звенящую люстру» императрицы.

Начиная с Рождества на молодого кавалергарда обрушился поток светско-религиозных обязанностей. Два-три раза в неделю, вплоть до Масленицы, приходилось ездить в дома, куда был приглашен, часто даже не зная в лицо хозяйку.

В дни, свободные от визитов, Густав со своим другом поручиком Владимиром Воейковым в квартире его отца на Надеждинской улице (ныне Маяковского) устраивали «смотрины невест», среди которых было немало замужних дам.

Красивый, высокий и элегантный корнет, блестяще владевший французским языком, пользовался большим успехом у девушек и великосветских львиц. Он чувствовал себя одинаково непринужденно с юными особами и влиятельными дамами бальзаковского возраста. Умение завоевывать симпатии женщин было одним из его достоинств. Он считал и твердо был убежден, что путь к его успеху лежит через жен влиятельных в столице сановников.

Однако очень быстро «похождения» Густава родили волну сплетен в столичном обществе. Председателю офицерского собрания полковнику Андрею Дашкову пришлось провести с молодым корнетом «душеспасительную» беседу и напомнить ему о женитьбе.

Обладая дальновидным умом и четко представляя цели своей жизни и карьеры, Маннергейм решил устроить свою личную жизнь. Не спрашивая советов у отца и близких людей, Густав принимает решение жениться, не без помощи баронессы Скалон и госпожи Звегинцевой, на Анастасии Араповой. Брак намечался не по любви, а скорее по сумме приданого в 800 тысяч рублей, не считая двух имений и дома в Москве на Большой Никитской, 75.

Маннергейм предложил Анастасии Араповой свою руку и сердце. Положительный ответ был получен, но родственники невесты, ссылаясь на религиозные традиции семьи, предложили Густаву перейти в православие. Начались долгие переговоры, в результате которых согласились на «усредненный» вариант свадьбы — два венчания — православное и лютеранское.

15 января 1892 года командир полка дал разрешение корнету барону Густаву Карловичу Маннергейму на брак с девицей Анастасией Араповой, дочерью покойного генерал-лейтенанта Николая Арапова, бывшего кавалергарда.

Начались свадебные хлопоты. Основные расходы взяли на себя брат отца генерал Константин Арапов и опекунша Анастасии

Мария Звегинцева.

Получив отказ своих родственников субсидировать свадьбу, Густав, став 94-м членом Императорского Царскосельского скакового общества, на соревнованиях в Михайловском манеже Инженерного замка получил первый приз скакового общества — 700 рублей, которые внес в фонд предстоящего торжества.

Свадьба, которая состоялась в 15 часов в понедельник 2 мая 1892 года в присутствии ста гостей, совпала с подготовкой Густава к вступительным экзаменам в Академию Генерального штаба.

Молодожены вечером уехали в подмосковное шикарное имение невесты Успенское (сейчас в этом районе дача Б. Н. Ельцина), где провели медовый месяц. Их соседом по имению был внук С. В. Морозова — Сергей, у которого в это время жил художник И. Левитан, писавший этюды на Москве-реке. Соседи часто встречались, и вполне возможно, что корнет Маннергейм был представлен знаменитому живописцу.

18 августа 1892 года Густав и Анастасия вернулись в Петербург в свою первую семейную, прекрасно меблированную квартиру с большим штатом прислуги на набережной Мойки в доме Лобанова-Ростовского. Квартира занимала весь второй этаж, выходила окнами на дом, где прошли последние годы жизни великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Выбор этого жилья был обусловлен желанием Анастасии «каждый день видеть Пушкина». Густав поддержал прихоть супруги и под ее строгим контролем стал время от времени заглядывать в сочинения поэта.

Мир, в котором вращались молодожены, как бы замкнулся в границах между Невой, Невским проспектом и Литовской улицей, где жили все родственники и знакомые. Густав, увлеченный молодой женой, забыл об Академии Генерального штаба, первый экзамен в которой (диктовку и сочинение) успешно провалил. Однако провал для гвардейского офицера не означал ни горя, ни позора.

Маннергейм вернулся в свой полк и сразу был назначен в «тяжелый» дворцовый караул, где кавалергарды находились сутки, а потом три дня «приходили в себя». Причиной этого были — необходимый атрибут дворцовой формы лосины. Их немного смачивали, посыпали внутри мыльным порошком, и затем два дюжих солдата «втряхивали» в лосины голого офицера. Лосины великолепно облегали ноги, но когда они высыхали, начинались адские мучения, проблемы с туалетом. Все это продолжалось 24 часа.

5 сентября 1892 года на общеполковом празднике

кавалергардов во дворце на Елагином острове корнет Маннергейм представил императрице Марии Федоровне свою жену. Государыня вспомнила, что 13 представителей семьи Араповых имели честь быть кавалергардами. Смотрины молодой жены Маннергейма в Швеции прошли хорошо. Анастасия соответствовала стандартам высшего стокгольмского общества.

Вернувшись в Петербург, Густав начал активно искать покупателя на имение в селе Успенском, которое стояло пустым. Однако оно было продано только в 1900 году. Первым пошел с молотка дом в Москве, который купила графиня Олсуфьева.

Получив большое приданое жены в свои руки, Густав начал, как шутили в Петербурге, «лошадиную кампанию». Лошади из Успенского быстро нашли новых хозяев. Маннергейма интересовали дорогие иностранные лошади, как у его высокопоставленных кавалергардских друзей.

Вскоре Густав создал прекрасную скаковую конюшню, в которой постоянно было от 6 до 16 верховых и верхово-упряжных лошадей.

После Высочайшего смотра войск в феврале 1893 года Густав начал в полковом манеже усиленно готовиться к соревнованиям в Михайловском манеже. Его тренером стал великолепный педагог Федор Гойнинген-Гюне. Первые скачки для Маннергейма были неудачными, и только 12 марта Маннергейм триумфально на своей знаменитой шестилетней кобыле Лилли завоевал первый приз (1000 рублей). На другой день все крупные российские газеты писали: «Барон Маннергейм действительно великолепный ездок. Уверенность, грация, замечательная выдержка — вот выказанные им качества. Он шутя, казалось бы, брал препятствия».

В итоге за шесть дней соревнований шесть лошадей Маннергейма получили шесть наград, из которых одна была очень престижной.

В воскресенье 23 апреля 1893 года рано утром родилась первая дочь семейства Маннергеймов, Анастасия, которую акушерка назвала «богатырем» с весом почти четыре килограмма. Девочку крестили 7 мая в полковой церкви кавалергардов на Захарьевской улице.

Анастасия Николаевна активно воспитывала у своего мужа художественный вкус, любовь к русскому театру. Она ежемесячно абонировала ложу в бельэтаже Александринки. Скоро все премьеры и артисты этого театра стали «наипрелестнейшими» для Густава.

Семья Маннергеймов была классически хороша. Их дом жил своей особенной жизнью, отличаясь и роскошью, и каким-то

поразительным удобством и уютом, совмещая в себе Скандинавию и Россию.

Черная полоса в жизни супругов началась в июле 1894 года, когда во время родов у Анастасии умирает сын.

Маннергейм очень тяжело переживал смерть своего наследника. Он замкнулся в себе, стал черствым и очень раздражительным. Его неожиданная вспыльчивость становилась обычным явлением в стычках с женой, человеком также очень самолюбивым. Здесь, видимо, и надо искать начало серьезных конфликтов и причину окончательного разрыва отношений между супругами.

После смерти сына Анастасия категорически отказалась жить на Мойке, все теперь здесь ей стало немило. В конце октября семья переехала на Гагаринскую набережную.

В конце мая Кавалергардский полк перешел в свой красносельский лагерь в Павловской слободе около железнодорожной станции «Скачки». Начались обычные лагерные будни с учениями и маневрами. Свой отпуск Густав провел в имении жены Александровское, где вел бесконечные бои с арендаторами, не желающими платить деньги за землю, которую плохо обрабатывали.

Вернувшись 1 сентября в полк, Маннергейм получил приказ о присвоении ему звания поручика.

В первое воскресенье января нового, 1894 года поручик Маннергейм, командуя первым взводом лейб-эскадрона, участвовал в Крещенском параде. После участия в двух придворных балах и вечера у графини Кляйнмихель барон начал готовиться к скачкам в Михайловском манеже, которые в 1894 году были какими-то особенными по количеству представителей высшего света столицы. На них присутствовали зять отца Маннергейма первооткрыватель Северо-Восточного морского пути Норденшельд и Эммануил Нобель. На этих скачках Маннергейм вновь на Лилли оказался первым, получив приз в 1000 рублей.

И опять красносельский лагерь. Лето стояло знойное. Солдаты и офицеры при нестерпимой жаре, особенно после полудня, быстро уставали. Многие учения приходилось отменять. Корпусные и дивизионные маневры были очень тяжелыми. Офицеры с трудом дождались смотра войск и, наконец, отпуска.

Свой отпуск Маннергейм с женой и дочерью провел на французском курорте Биарриц, где отдых в августе называли «русским сезоном» благодаря большому наплыву публики из России. Кругом слышалась русская речь.

После Франции Маннергеймы отправились в Вену и Будапешт. В Венгрии Густав заболел, и только 20 октября 1894

года семья вернулась в Петербург в траурные для столицы и всей страны дни — умер император Александр III. Почти две недели поручик Маннергейм в составе полка участвовал в печальной похоронной службе. После траурных дней и бракосочетания Николая II и Александры Федоровны барон наконец смог заняться домашними делами. 20 ноября 1894 года семья Маннергеймов переезжает на новую квартиру на Литовской улице в особняк княгини Путятиной.

Новый, 1895 год начался с постоянных дождей и снега. В столице было много пожаров. Несколько дней город был без воды, так как на Неве обледенели приемные трубы.

6 марта 1895 года Маннергейм как секундант участвовал в дуэли поручика князя Карагеоргиевича с графом Мантейфелем из-за женщины, графини Мантейфель. Дуэль закончилась выстрелами в воздух. Офицерское собрание полка немного пожурило секундантов, а князя уволило в отставку без права на пенсию.

24 марта во время большого перерыва на скачках в Михайловском манеже Густав Маннергейм познакомился с 40-летней графиней Елизаветой Шуваловой (Барятинской), одной из богатейших женщин России, которая была в восторге от поручика и его лошадей. Эта встреча положила начало длительной любовной связи между бароном и графиней.

6 мая 1895 года кавалергарды участвовали в первом после смерти Александра III смотре войск гвардии и военного округа на Марсовом поле. В смотре участвовали 23 пехотных батальона, 18 эскадронов и 10 сотен кавалерии и много орудий.

В конце мая Кавалергардский полк начал свои лагерные сборы в Красном Селе. Имея достаточно свободного времени, которое Густав научился себе создавать, он постоянно бывал на скачках в Царском Селе, которые проходили на ипподроме около вокзала. Маннергейм вместе с корнетом графом Борисом Шуваловым представили на скачки кобылу Гипотезу. Жокеем был Николай Берн. Решение оказалось удачным, и 28 июня 1895 года Гипотеза принесла своим владельцам приз в 1047 рублей.

1 июля 1895 года командир Кавалергардского полка вручил поручику Маннергейму его первый иностранный орден — Кавалерийский крест австрийского ордена Франца-Иосифа. В этот же день вечером Анастасию увезли в родильный дом на Надеждинскую улицу, 5. В понедельник утром 7 июля 1895 года появилась на свет вторая дочь Маннергейма — Софья. Она росла веселым и требовательным ребенком. Девочка была подвижна и активна, правда, временами ее одолевала беспробудная лень.

Девочек в доме воспитывали по-спартански — походные

кровати, трапеции, качели. Густав хотел закалить дочерей, как это делала его мать. Отношения с ними у Маннергейма были хорошие. Правда, в обучении иностранным языкам (французский и английский) отец был предельно строг. Каждый день вся семья говорила на одном из трех языков: французском, русском или английском. Софья больше, чем Анастасия, любила отца, да и он, достигнув высокого положения в Финляндии, помогал больше ей, хотя огорчался ее безалаберной жизнью.

С появлением второго ребенка у Анастасии возникло много трудностей, главное — гулять с дочерьми было негде. Вся зелень на Лиговке была покрыта пылью, которая сыпалась на людей. Дачи в Красном Селе и Дудергофе Анастасии не нравились, пришлось с детьми сидеть в городе. Анастасия стала увлекаться спиритизмом, но Густав не поддержал увлечение жены.

Тогда супруга предлагает найти новую квартиру в более престижном и зеленом районе столицы. Густав согласился с этим предложением, но особой активности в поисках не проявил. В сентябре требование найти новую квартиру поступает Маннергейму от жены уже в ультимативной форме. Однако найти в столице хорошую квартиру оказалось сложной проблемой. Решить ее Густаву, как это часто случалось на протяжении всей его жизни, помог случай. На балу в одном из великосветских домов столицы он познакомился со старым «николаевцем» полковником Глинкой-Мавриным, который предложил барону квартиру в своем доме на Миллионной улице за 60 рублей в месяц. В день переезда семьи Маннергейма, в ночь с 1 на 2 ноября 1895 года, в Петербурге началось сильное наводнение.

Маннергейма по боевой тревоге вызвали в полк. И лишь к утру, когда ветер стал стихать и вода пошла на убыль, Густав вернулся и рассказал напуганному семейству, какие страшные следы наводнения он видел по дороге.

Через несколько дней, когда новая квартира приобрела жилой вид, поручик Маннергейм был первый раз временно назначен командиром лейб-эскадрона. В этой должности барон возглавил комиссию по осмотру лошадей, поступивших в кавалерийское училище города Николаева.

После командировки на Украину Густав был назначен командиром обоза кавалергардов — сложного хозяйства, которое доставило ему много хлопот и неприятностей.

В конце зимы 1896 года вся Россия начала готовиться к коронованию Николая II, назначенному на май. Кавалергардский полк, который должен был нести почетную коронационную службу во время торжеств, 27 апреля был направлен в Москву и расквартирован в Покровских казармах. Особо почетные

обязанности возложили на 16 из 45 офицеров полка, в их число вошел поручик Маннергейм. Уже 7 мая в составе почетного эскорта он встречал вдовствующую императрицу — шефа полка.

Церемония прошла гладко, если не считать одного на первый взгляд незначительного эпизода. Когда Мария Федоровна и Николай II подошли к ожидавшей их открытой карете, молодой император единственный раз в жизни сел спиной к кучеру.

Вечером этот случай стал предметом разговоров на балу в Дворянском собрании, где Густав присутствовал с офицерами своего полка.

Коронационные торжества приближались с неумолимой быстротой. Наконец, 13 мая в 9 часов вечера в специальном помещении здания Сената офицеры-кавалергарды стали облачаться в дворцовое обмундирование. Трудно было натягивать ненавистные лосины, которые так часто натирали Густаву бедра и колени. Пришлось несколько раз менять ботфорты, которые жали ноги. Каска с орлом при резких поворотах головы съезжала набок. Быстро увеличили ее подкладку, но во время коронационных торжеств она создавала голове Густава условия парной бани.

По совету Федора Гойнинген-Гюне, принимавшего участие в коронации Александра III, Маннергейм побывал в сауне и отказался от питья, кроме небольшой чашки кофе в пять утра.

Всю ночь продолжались приготовления.

Начиная с 6 утра офицеры стали вводить солдат в Кремлевский дворец, и лишь в семь утра все кавалергарды, получив на плечо светло-голубой бант с позолоченной короной, заняли свои места.

14 мая 1896 года. Московские улицы представляют собой необычный вид. Сотни тысяч людей облепили кремлевские площади и расположились вокруг стен Кремля.

В 7 часов, когда загудел колокол Ивана Великого, прозвучал 21 пушечный выстрел и старинные часы на Спасской башне озарило яркое солнце, стали приезжать участники церемонии коронования. В 8 утра начался молебен. Все площадки и переходы Кремля были заняты помостами с перилами, обитыми красным сукном. Вдоль помостов на расстоянии трех шагов друг от друга стояли солдаты гвардейской кавалерии.

В 9 часов приехала вдовствующая императрица. Примерно через полчаса после этого на Красном крыльце, ведущем к Успенскому собору, появился взвод кавалергардов, за которыми шел молодой император. Над ним колыхался золотой балдахин, штанги и кисти которого держали 32 генерал-адъютанта в белых шапках. Старшие — у кистей, младшие — у штанг. Рядом с императором, который был в сине-зеленом мундире

Преображенского полка, шли два младших офицера-кавалергарда, его ассистенты. Справа — штабс-ротмистр Кнорринг, слева — поручик Маннергейм. За задними штангами — полковники Казнаков и Дашков. За императорским кортежем под балдахином шла императрица.

Под оглушительные крики «ура!» и пение «Боже, царя храни» процессия медленно двигалась по красному ковру к Успенскому собору — месту коронования.

Вся середина храма была занята огромным помостом, в глубине которого стояли три трона. Средний — для царя, правый — для вдовствующей, а левый — для молодой царицы, от помоста опускалась широкая отлогая лестница, обитая красным сукном.

Когда торжественная процессия вошла в собор, четыре взвода кавалергардов, обойдя собор по западной стороне, встали на помост, ведущий от северных дверей Успенского к Архангельскому собору.

В 10 часов, когда государь и обе царицы расположились на тронах под балдахином напротив алтаря, начался торжественный чин венчания и помазания на царство.

Четыре офицера-кавалергарда, ассистенты императора, заняли свои места на ступенях тронной лестницы с обнаженными палашами и касками в руках. На пятой ступени — Казнаков и Дашков, на седьмой — Кнорринг и Маннергейм.

Службу вел петербургский митрополит Палладий (в миру Павел Раев) при участии московского и киевского митрополитов.

После возложения корон и богослужения император встал с трона и через Царские врата направился в алтарь. По дороге он передал свое оружие Маннергейму, который вместе с Кноррингом сопровождал его. Перед Царскими вратами ассистенты отошли вправо к иконе Спасителя. Когда царь шагнул на ступени алтаря, тяжелая цепь ордена Андрея Первозванного соскользнула с его плеч. Николай молниеносно подхватил и поправил ее. Все произошло столь быстро, что никто, кроме ассистентов, этого не заметил.

После причащения и миропомазания в алтаре Николай II на несколько минут остановился у иконы Божией Матери, а затем выслушал традиционную речь митрополита «Поучение», входившую в «чин венчания на царство». На этом церковная церемония закончилась.

В 12.30 началось шествие к Архангельскому собору. Старшие и младшие ассистенты императора заняли свои места в том же порядке, как во время движения к Успенскому собору.

В храме ассистенты расположились слева от престола. После того как царская чета поклонилась могилам царей, процессия

двинулась к Благовещенскому собору, затем в Грановитую палату на торжественную трапезу. Здесь ассистенты встали около ступеней по обе стороны от трона.

По окончании трапезы царь и царица направились во внутренние покои Кремлевского дворца.

На другой день приказ по Кавалергардскому полку гласил: «Его Императорское Величество изволил дважды выразить свою благодарность за блестящий выход полка и его безукоризненное обмундирование…»

Вечером 15 мая кавалергарды узнали, что их командир стал генералом свиты Его Величества.

16 мая молодой император, облаченный в красный мундир кавалергардов, устроил в Кремлевском дворце прием для офицеров полка. Разговаривая с ними, царь неожиданно подошел к Кнорингу и Маннергейму и начал расспрашивать их о женах, детях и сложностях службы. Свита была в замешательстве. Беседа затянулась, нарушая график приема и торжественного обеда.

После этой встречи с царем у поручика барона Маннергейма появился «его император» — корректный, внимательный и вежливый человек, портрет которого всю жизнь был у него на почетном месте, даже в годы оголтелой «русофобии». Густав до конца своих дней в Швейцарии был убежденным монархистом, часто сетуя на то, что финны безвозвратно потеряли много хороших и теплых традиций царских времен.

Но тогда, в торжественные дни восхождения на престол нового императора Николая II, произошло страшное событие. 18 мая 1896 года Кавалергардский полк был поднят по тревоге и получил приказ выдвинуться к Ходынскому полю. Однако у Тверских ворот эскадроны остановил великий князь Владимир Александрович, — в содействии войск уже не было необходимости. Так кавалергарды узнали о Ходынской трагедии — знамении последнего российского царствования, когда во время раздачи подарков по случаю коронации из-за халатности властей произошла давка. На Ходынском поле, по официальным данным, погибло 1389, было изувечено 1300 человек.

26 мая 1896 года завершились торжества, и опять для Маннергейма начались полковые будни на пыльном поле Красного Села с новым командиром лейб-эскадрона штабс-ротмистром бароном Кнорингом.

А 11 августа и командир полка генерал-майор Гринвальд, передав свои обязанности генералу Николаеву, получил назначение на должность командира первой бригады 1-й гвардейской дивизии.

Отношения с новым командиром полка у поручика

Маннергейма поначалу складывались довольно удачно.

В ноябре-декабре 1896 года поручик, получив себе в помощники корнета графа Алексея Игнатьева, провел ускоренную строевую подготовку новобранцев, заслужив благодарность «дяденьки Николаева» — так называли генерала офицеры-кавалергарды.

А вот семейная жизнь барона разваливалась на глазах. 4 марта 1897 года Густав получил личное приглашение, без жены, на большой благотворительный праздник в Таврическом дворце и саду, который устраивала графиня Елизавета Шувалова. У супруги это вызвало резко отрицательную реакцию, которая переросла в настоящую бурю, когда муж явился домой утром. До Анастасии уже стали доходить слухи о «большом внимании» графини к ее мужу. За скандалом в семье последовали неприятности по службе, когда после инспекторского смотра полка поручик Маннергейм получил «строгое внушение» командира за плохое хранение неприкосновенного запаса.

Маннергейма направили «набираться знаний» в передовой по тому времени Кирасирский полк, который стоял в Гатчине. Однако командировка не спасла поручика от участия в грандиозном весеннем параде гвардии и военного округа, который проходил в присутствии австрийского императора Франца-Иосифа и эрцгерцога Отгона 28 апреля 1897 года.

Напряженным был и лагерный сбор в Красном Селе, где впервые, отменив многие занятия, начали скрупулезную подготовку к проведению в августе крупных совместных маневров четырех лагерных сборов: красносельского, усть-ижорского, ямбургского и ораниенбаумского. Началась практическая отработка новых русских уставов: пехоты, артиллерии и кавалерии. Офицеры оказались привязанными к своим взводам и эскадронам. Занятия проводились даже в воскресные дни.

В этих сложных условиях Густав был лишен своего увлечения — скачек. Только один раз во время проведения лагерного сбора он смог побывать на ипподроме.

7 августа 1897 года в Красном Селе Маннергейма неожиданно вызвал к себе командир бригады генерал Гринвальд. Он сообщил, что вскоре по просьбе императора возглавит Придворную конюшенную часть и хотел видеть Густава своим помощником. Он рассказал о преимуществах этой должности и заверил Маннергейма, что тот останется в списках Кавалергардского полка. Немного подумав, Густав согласился. Высочайший приказ о переводе его в Придворную конюшенную часть был подписан 14 сентября 1897 года.

Глава 5
ШТАБ-ОФИЦЕР ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

19 сентября 1897 года поручик барон Маннергейм приехал на новое место своей службы. Придворная конюшенная часть была создана в 1891 году на базе Придворной конюшенной конторы. Она заведовала всеми лошадьми, экипажами и конюшнями Министерства Императорского двора в столице и Царском Селе.

Конюшенная часть всегда славилась своими великолепными лошадьми. Некоторые из них стали моделями для известных скульпторов и художников.

В 1897 году Придворная конюшенная часть была большим полувоенным подразделением, имея в своем штате около двух тысяч военных и гражданских чинов. Поручику Маннергейму установили должностной оклад в 300 рублей в месяц, состоящий из основной зарплаты, столовых и разъездных денег, обеспечили личный выезд с кучером. Кроме того, вскоре он должен был получить две казенные квартиры в столице и Царском Селе.

Основными обязанностями Маннергейма были выбор и покупка лошадей на конных заводах России и Западной Европы, координация работ с Главным управлением коннозаводства, контроль за исполнением приказов управляющего и многое другое.

На следующий день после представления исполняющему обязанности управляющего, штатскому генералу Николаю Клокачеву, Маннергейм вместе с ним отправился в длительную командировку в Вену, Будапешт, Потсдам и Ганновер. Для Густава начались сумасшедшие дни, все было ново и незнакомо. Долго приходилось искать информацию о продаже лошадей, выбирать и покупать их, нанимать проводников, искать помещения для временного содержания лошадей, а также готовить их для отправки в Петербург. Кроме того, возник вопрос с пошлиной и ветеринаром.

Вернувшись в столицу и оформив все документы и счета, Густав приступил к исполнению своих прямых обязанностей штаб-офицера по особым поручениям.

31 октября 1897 года поручика барона Густава Маннергейма принял управляющий Придворной конюшенной частью генерал Артур Гринвальд. Он детально познакомил своего помощника с его будущей работой, предложил внимательно познакомиться с обстановкой в конюшенной части и написать справку со своими выводами и заключениями.

То, с чем встретился Маннергейм в процессе его знакомства с подразделениями конюшенной части, его просто ошеломило. Он попал в среду с чуждым ему, строевому офицеру, психологическим климатом, где отношения строились по каким-то скрытым для посторонних глаз законам. Например, кучер царя Василий Дроздов, который жил в седьмом корпусе конюшенной части, обращался с офицерами, как со своими подчиненными. Так же вели себя кучера великих князей и других сановников.

Разболтанность, разгильдяйство, пьянство на работе, плохое содержание лошадей, даже дорогих арабских скакунов, аварийное состояние некоторых дворцовых карет и многое другое — вот что увидел здесь Маннергейм. Справка штабс-офицера произвела эффект разорвавшейся бомбы, по результатам которой генерал Гринвальд твердой рукой стал наводить жесткий порядок, не останавливаясь даже перед увольнением сановных бездельников, десятками лет сидевших на своих местах.

Видя стремление своего помощника к активной деятельности, управляющий постоянно поручал ему разнообразные временные заведования, когда командиры подразделений конюшенной части уходили в отпуск. Густав особенно любил конюшню молодых лошадей на Елагином острове, расположенную между Средней и Большой Невками. Он был великолепным наездником, который умел возбуждать у солдат и вольнонаемных работников конюшни интерес к лошадям и спортивную страстность.

В конце ноября 1897 года управляющий поручает своему помощнику оказать содействие известному русскому художнику Валентину Серову в выборе лошадей, необходимых для его эскизов.

Густав с присущим ему тактом и вниманием относился к просьбам и желаниям художника. Он сам выводил лошадей и всесторонне демонстрировал их достоинства, обращая внимание художника на их великолепные пропорции. Густав Маннергейм был наделен богатой творческой фантазией.

О том, что в нем «скрыт художник», сказали три известных живописца — Н. Сверчков, В. Серов и А. Галлен-Каллела. Эти качества, кстати, заметил в своем помощнике и генерал Гринвальд, постоянно поручая ему выбор лошадей, которых Николай II дарил своим высокопоставленным гостям.

28 января 1898 года барон Александр Штиглиц пригласил поручика Маннергейма, который постоянно оказывал помощь ученикам его рисовального училища, на открытие выставки финских художников. Маннергейм был восхищен картиной 33-летнего художника Акселя Галлен-Каллела «Мать

Лемминкяйнена», которая оставила в его памяти глубокий след.

С 27 марта по 10 апреля Маннергейм был членом судейской коллегии Михайловского манежа, а затем уехал в длительную командировку на российские конные заводы.

Успешно выполнив задание генерала Гринвальда по подбору лошадей для драгунского полка, Маннергейм сразу принял участие в работах по подготовке Всероссийской конной выставки в Петербурге. Несмотря на большую нагрузку, Густав нашел время, чтобы 25 мая побывать на праздновании 75-летия родного Николаевского кавалерийского училища.

Начиная с 29 мая Густав все дни проводит на конной выставке, где были представлены 404 лошади, среди которых 57 были из Великого княжества Финляндского.

В начале июня в управлении коннозаводства состоялось знакомство поручика Маннергейма с полковником Брусиловым. 46-летний Брусилов, небольшого роста, сухой и стройный, казался мальчишкой перед очень высоким поручиком. В короткой беседе Густав выразил свое восхищение статьями полковника в «Военном сборнике».

Вскоре у Густава произошла большая неприятность. При вольтижировке финская призовая лошадь упала, подмяв под себя ногу поручика. Это был первый перелом костей у Маннергейма, которых в течение жизни было 14. Все лето Густав, когда кость ноги срослась, занимался бумажной работой, связанной с передачей и отправкой лошадей, контролем за выездкой лошадей для великих князей.

17 сентября Маннергейм с семьей получил казенную квартиру № 18 на втором этаже первого корпуса конюшенной части с телефоном № 1273. Окна квартиры, куда семья переехала 22 сентября, смотрели на леса строящегося храма Спаса на Крови.

15 ноября 1898 года управляющий командирует Густава в Германию для покупки лошадей. Сначала, минуя Берлин, поручик направился в Ганновер, где оформил сделку на партию лошадей для кирасиров. Далее путь лежал в Берлин, где во время осмотра молодых коней трехлетняя кобыла копытом раздробила коленную чашечку Густава.

Маннергейм был доставлен в лучшую клинику Берлина к профессору Эрнсту Бергману (1836–1907). Это был знаменитый хирург и клиницист, выпускник Тартуского университета. Во время Русско-турецкой войны 1877 года Бергман был хирургом-консультантом русской Дунайской армии. Оставив Россию, он практиковал в Германии.

Профессор сшил коленную чашечку Маннергейма серебряной проволокой. Немцы не выставили счета за операцию и

пребывание Густава в больнице.

Больше месяца Маннергейм не вставал с постели и только в середине января 1899 года с помощью костылей начал ходить. Помимо страшных болей в колене, Густава мучила мысль, что он не сможет принять участие в 100-летнем юбилее своего родного Кавалергардского полка, который отмечался 11 января 1899 года.

К торжествам уже были подготовлены памятная медаль и жетон. Началось составление четырехтомного издания биографий кавалергардов за 1724–1908 годы. В день юбилея в Михайловском манеже состоялись парад полка, вручение нового знамени, затем завтрак для офицеров в Аничковом дворце.

Друзья-кавалергарды и офицеры конюшенной части не забыли Густава. В день юбилея он получил несколько телеграмм из Петербурга, в том числе от вдовствующей императрицы — шефа полка. Кайзер Германии прислал ему цветы. А 12 февраля поручик барон Маннергейм с женой был приглашен на обед в императорский дворец на Оперной площади Берлина. Густаву не понравилось, как держал себя Вильгельм II, который своими неожиданными вопросами не давал гостям даже прикоснуться к блюдам. В нем не было того аристократического благородства и достоинства, которые воспитывала в Маннергейме русская придворная среда. Германский император был похож на пожилого фельдфебеля, лишенного элементарного такта и обаяния.

Когда Густав с женой вернулись в Петербург, колено вновь напомнило о себе. Боли усиливались, и лечение в госпитале дворцового ведомства результатов не давало. После исследования рентгеном врач Владимир Ульрих рекомендовал пациенту поехать на грязи в Эстонию.

Получив по болезни двухмесячный отпуск, Густав 22 июня отправился не на остров Сааремаа, куда поначалу собирался, а на знаменитый грязевой курорт Гапсаль (ныне Хаапсалу), где великолепно провел время со своей «дамой сердца» графиней Шуваловой и попутно Высочайшим приказом по военному ведомству произведен в штабс-ротмистры.

12 августа Маннергейм вернулся в столицу России и приступил к работе, которая была весьма разнообразной — от покупки лошадей до продажи навоза для усадьбы фрейлины Васильчиковой.

Январь 1900 года штабс-ротмистр Маннергейм провел на столичном полигоне, где шли секретные испытания бронированных карет для лиц императорской фамилии. Испытания были неудачными. От тяжести брони ломались колеса, при взрыве фугасов даже небольшой мощности кареты опрокидывались. Маннергейм предложил использовать

пневмошины, но председатель комиссии «забыл» включить в акт это мнение.

12 апреля 1900 года генерал Гринвальд вручил Густаву его первую русскую награду — орден Святой Анны 3-й степени. Генерал, встречаясь со своим помощником, видел, что его травма постоянно напоминает о себе и штабс-ротмистру трудно ходить даже с палочкой. Управляющий, зная, как Густав аккуратно, грамотно и логически точно готовит деловые документы, 24 мая 1900 года предложил ему временно возглавить канцелярию конюшенной части.

Маннергейм попал в сложное положение, так как ему пришлось «командовать» женами офицеров конюшенной части, которые работали в канцелярии. Как в этой ситуации найти правильную линию поведения?

Помогли кавалергардский светский опыт и умение очаровывать женщин. Правда, через «очарование» Маннергейм быстро перешел к порядку и жесткой дисциплине труда. Одна из его бывших подчиненных, закончившая свои дни в Париже, писала в своем дневнике: «Барон Маннергейм очень зримо в нескольких словах показывал наши ошибки, воздерживаясь от личной критики. Он как бы незримо направлял нашу деятельность. Был всегда любезен, но мог резко прервать разговор, когда наши слова не совпадали с реальностью… Он первый из наших бывших начальников быстро нашел „корень зла“ — отсутствие механизации нашего труда. Быстро появились новые пишущие машинки и копировальные аппараты…» Работу канцелярии конюшенной части кавалерист Маннергейм организовал образцово, что особо отметил генерал Гринвальд в своем приказе, назначая его на ответственную должность заведующего упряжным отделением. Это было ведущее подразделение, которое находилось на особом контроле у министра Двора графа Фредерикса. Генерал Гринвальд много раз выслушивал язвительные замечания графа: «Дорогой барон, вы, по-видимому, начали заведовать только лошадьми, забывая о людях. Вчера один ваш болван, подавая мне карету, разбил на ней фонарь».

80-летний граф Фредерикс, живший после 1917 года в своем имении около Выборга, как только видел в финских газетах портрет Маннергейма, кричал своему слуге: «Смотри, смотри, Степан, этого генерала я знал, он был главным в моих дворцовых конюшнях!»

Вступив в должность заведующего, Густав начал наводить порядок. Он был пунктуален, но предсказать его настроение было невозможно. От его проницательности не могли укрыться даже

малейшие промахи подчиненных. Маннергейм воспринимал людей не самих по себе, а как комплекс мыслей, идей и способностей. Конюшни, каретники и подсобные помещения быстро приобрели ухоженный вид. Школа кучеров получила новые классные помещения. Кузнецы, написавшие жалобу на Густава, который обвинил их в плохой ковке лошадей, открыли рты, когда штабс-ротмистр, «белоручка», по их мнению, лично показал, как надо ковать лошадь, не забывая, что не только люди, но и животные боятся боли. Отложив инструмент, Густав предупредил кузнецов, что теперь он лично будет проверять их работу. Вместе со своими офицерами Маннергейм перестроил всю службу заказа карет, сам переделал учебные планы школы кучеров и привлек в качестве преподавателей опытных специалистов, щедро оплачивая их учебные часы. Понимая, что с вольнонаемными высокой дисциплины труда не добиться, предложил управляющему брать на вакантные места запасных унтер-офицеров гвардейских кавалерийских полков, что и было сделано. Правда, тут случилась большая неприятность. Фельдфебель запаса, принятый в упряжное отделение, оказался главарем банды, грабившей почтовые отделения и вагоны.

1900 год был годом сплошных семейных конфликтов четы Маннергеймов. Мелкие стычки и постоянные взаимные обвинения дополнялись сценами ревности жены. Основанием такого поведения Анастасии были две женщины, которыми увлекался любвеобильный Густав, — графиня Елизавета Шувалова и артистка Вера Шувалова. Кому из этих двух женщин Густав отдавал предпочтение — сказать трудно, но его любила только графиня. Взаимоотношения супругов отрицательно сказались на дочерях, особенно на старшей, Анастасии, которая в 22 года ушла в монастырь. Младшая дочь Софья жила в Париже, окруженная сворой собак и кошек. Умерла 8 февраля 1963 года в страшной нищете. Денег не было даже на отдельный могильный крест.

В начале февраля 1901 года Маннергейм направляется в длительную зарубежную командировку, сначала в Лондон на конную выставку, затем в Германию на конные заводы братьев Оппенгеймер.

Вернувшись в Петербург, Густав начал заниматься оборудованием дежурной комнаты в конском лазарете, успевая в воскресные дни бывать на скачках в Михайловском манеже, к своему сожалению, только как зритель. Почти весь май Маннергейм жил в Царском Селе, где наводил порядок в пенсионной конюшне.

Несколько раз в неделю приезжая в столицу, Густав, минуя

дом, отправлялся на Коломяжский ипподром, а потом на Новодеревенскую набережную к Дмитрию Полякову в его роскошный сад «Аркадия». Не забывал штабс-ротмистр и «Дачу Эрнеста» на Каменноостровском проспекте.

Анастасия, встречая по утрам неожиданно появлявшегося мужа, поняла, что дальше совместной жизни не будет, и принимает решение активно воздействовать на Густава. Этому помог удачный случай. Когда было продано имение Успенское, друг Маннергейма барон Гойнинген-Гюне, зная ситуацию в его семье, предложил им купить имение в его родной Курляндии, ярко расписав тамошние красоты. Маннергейм, несмотря на «разгульную жизнь», загорелся этой идеей. Он съездил в Либаву, затем в Априкен, где познакомился с имением. Не доверяя мужу деньги, Анастасия сама выезжала в Либаву, где подписала купчую на имение и оформила все финансовые дела.

В начале августа Маннергеймы с прислугой и домашним скарбом выехали в Априкен. Это была последняя в российской жизни Маннергейма семейная поездка на отдых.

Разместившись в старинном помещичьем доме, построенном в 1765 году, Густав развил бурную деятельность. Такой активности от мужа Анастасия не ожидала и начала верить, что теперь все изменится к лучшему. Однако все начинания барона: и рыбоводство (в новых прудах все рыбы погибли), и «молочная кампания», — потерпели фиаско, и вскоре семья вернулась в Петербург.

В столице Маннергейм продолжал «куролесить». Он не только возвращался домой под утро, но по нескольку дней отсутствовал, объясняя это командировками в Царское Село и другие города Петербургской губернии. Анастасия начала быстро действовать. Подруга определила ее на курсы медицинских сестер общины святого Георгия и после их окончания включила в отряд Красного Креста, который уезжал на Дальний Восток, где в Китае шло знаменитое боксерское восстание.

В начале сентября 1901 года, воспользовавшись тем, что муж находился в длительной командировке на Ново-Александровском конном заводе, баронесса Маннергейм в составе санитарного отряда уезжает в Хабаровск, затем в Харбин и Цицикар.

В октябре 1901 года штабс-ротмистр барон Маннергейм избирается 80-м действительным членом общества Императорских рысистых бегов на Семеновском плацу. Его сразу сделали членом судейской комиссии, а великий князь Дмитрий Константинович по предложению генерала Гринвальда включил Густава в состав экспертов по высокопородным лошадям государственного коннозаводства.

Часто бывая на скачках, Густав неожиданно знакомится со сводным братом своей жены Александром Араповым, судьба которого оказалась весьма трагичной. Лошади приносили Александру большие прибыли, шальные деньги сделали его алкоголиком и в 44 года свели в могилу.

В феврале 1902 года баронесса Маннергейм вернулась в столицу. Ее рассказы о пережитом на Дальнем Востоке и особенно медаль «За поход в Китай 1900–1901 гг.» произвели на Густава сильное впечатление. Густав неожиданно становится идеальным мужем, которого вдруг почему-то заинтересовали все домашние мелочи.

16 марта начальник офицерской кавалерийской школы генерал Брусилов включает Маннергейма в состав участников конных соревнований, которые в присутствии великого князя Николая Николаевича будут проходить в школе. Блестяще выполнив фигуры высшей верховой езды, Густав получает золотой жетон и благодарность великого князя. В тот же день на обеде в честь победителей состоялась беседа Маннергейма с Брусиловым, в ходе которой штабс-ротмистр выразил свое желание служить в школе. Это было связано с тем, что служба в конюшенной части стала тяготить Густава своей «бумажной» работой. Брусилов дал согласие, однако из-за отсутствия штатных мест было решено прикомандировать штабс-ротмистра Маннергейма к офицерской кавалерийской школе, но с условием, чтобы до вступления в штат он продолжил службу в конюшенной части.

В начале мая в столице началась эпидемия оспы и брюшного тифа. Архитектор А. Парланд обратился к Гринвальду с просьбой оказать помощь строителям храма Спаса на Крови в хлорировании питьевой воды и соблюдении личной гигиены. Эта работа была поручена Густаву, который, как вспоминали его сослуживцы, предпринял драконовские меры по очистке воды. Он подготовил группу солдат-санитаров, которые придирчиво следили за тем, моют ли рабочие руки перед едой, из чего пьют воду и т. п.

Несмотря на эпидемию, жизнь столицы России шла своим чередом, и, как обычно, в конце мая начался скаковой сезон, который Густав пропустить не мог. Перед первым заездом граф Муравьев знакомит Маннергейма с восходящей звездой русского балета Тамарой Карсавиной. Расстались они друзьями. В дальнейшем их знакомство продолжилось. Густав бывал в доме балерины на Крюковом канале, 6. Позднее они встречались в Англии и Франции.

Свой очередной отпуск Маннергейм провел в Финляндии, а

его жена с сестрой были в имении Александровское, где, познакомившись с положением дел и финансовыми документами, решили его продать. 20 декабря 1902 года Маннергейм стал ротмистром.

Новый, 1903 год изменений в семейную жизнь Маннергейма не внес. Нормализовать отношения с женой не удалось. Супруги стали жить, как чужие люди, разделив квартиру на Конюшенной площади на две половины. Слуги и денщик не знали, как вести себя с господами, которые не разговаривают друг с другом, но по утрам вежливо здороваются. Баронесса Маннергейм закрывает свои счета в русских банках и переводит деньги в Париж. Ничего не говоря мужу, Анастасия наносит прощальные визиты, забирает все документы на имение Априкен и с дочерьми уезжает во Францию. Сначала на Лазурный Берег, затем, в апреле 1904 года, в Париж.

Густав остается без имений. Нужно было думать, как жить дальше на одно офицерское жалованье, как платить долги, сумма которых угрожающе росла.

К семейным невзгодам Густава прибавились и родственные. Старший брат участвует в борьбе за изменение законов Финляндии. Его высылают в Швецию. Вскоре и другой брат Густава с семьей покидает страну.

На торжественном ритуале у памятника Петру I, в день празднования 200-летия Санкт-Петербурга, Маннергейм узнает, что долгожданный приказ о прикомандировании его к офицерской кавалерийской школе подписан. Переложив свои обязанности на старшего конюшенного офицера Александра Тургенева, Маннергейм уезжает в Красное Село, где готовит своих лошадей к парфорсным охотам (от «парфорс» — колючий ошейник для охотничьих и служебных собак).

Эти охоты создал А. А. Брусилов, чтобы воспитывать смелых полевых ездоков. Они имели два вида: по искусственному следу с собаками и по живому зверю. Особо сложна была вторая охота, так как действия зверя, которого преследовали собаки, были непредсказуемы.

Начиная с раннего утра в Красном Селе ротмистр упорно тренировал своих лошадей легко переносить его через препятствия из твердой как камень земли, которые офицеры называли «гробами».

В начале августа, приехав в селение Поставы Виленской губернии, Маннергейм был включен в группу офицеров Генерального штаба, вместе с которыми должен был участвовать в охотах. Его новые коллеги с нескрываемой злобой готовились к охотам, проклиная начальника «лошадиной академии» —

генерала Брусилова. Многие из них не перенесли испытаний охотами и раньше срока ушли в отставку. Суровые требования офицерской школы создавали настоящих кавалеристов, а не людей, склонных к покою.

На первую охоту с особо резвыми собаками выехал сам генерал Брусилов. Впереди всадников шла большая стая собак, которая, дойдя до следа и почуяв запах зверя, резво бросилась вперед. Всадники галопом следовали за ними, преодолевая изгородки, канавы, болотистые низины, лес, не разбирая пути и не упуская собак.

Великолепно владея методом скачек с препятствиями, Брусилов и Маннергейм первыми пришли к финишу, а затем помогали незадачливым офицерам, вылетевшим из седла, подниматься с земли и ловить их лошадей.

Одна из сентябрьских охот по живому зверю чуть не окончилась для Густава плачевно. Его лошадь споткнулась о корягу и упала. Ротмистр, перелетев через ее голову, повредил себе шею и спину. После этого две недели пришлось пролежать в лазарете.

Вернувшись в столицу, Маннергейм начал проводить занятия с курсантами школы по выездке молодых лошадей. Его как нового преподавателя предельно загрузили работой, и только вторая половина дня в четверг, вечер в субботу и воскресенье были свободными. Густав писал брату: «У меня часто такое тяжелое и подавленное настроение, что мне с великим трудом приходится заставить себя продолжать жить». Офицерского жалованья ни на что не хватало. Долги, особенно карточные, постоянно росли.

Вернувшись в сентябре в столицу, Густав привел в порядок документы упряжного отделения и распрощался с конюшенной частью.

Теперь он каждый день в 8 часов утра отправлялся на Шпалерную улицу в старые Аракчеевские казармы, где находилась офицерская кавалерийская школа.

Генерал Брусилов назначил ротмистра помощником знаменитого наездника Джеймса Филиса. Густав хорошо знал француза, когда тот был консультантом в конюшенной части. Маннергейм был горячим поклонником системы выездки лошадей Филиса и вместе с ним вводил ее в практику офицерской школы.

Новый, 1904 год отмечался 15 января большим балом в Зимнем дворце, на который был приглашен ротмистр барон Маннергейм.

Никто не предполагал, что бал этот окажется последним в период царствования Романовых. Не прошло и двух недель, как

Маннергейму пришлось присутствовать на торжестве иного характера — официальном объявлении 27 января 1904 года Николаем II войны с Японией. Маннергейм писал в своем дневнике: «Желание принять участие в войне появилось сразу, как только она разразилась, я долго раздумывал, прежде чем принять решение…»

Однако гвардейские части на фронт не отправлялись, продолжая выполнять в столице свою повседневную службу. Проходили смотры и парады, а также лагерные сборы с учениями и маневрами.

И для Густава жизнь шла своим чередом. В конце февраля он передал дела упряжного отделения полковнику Каменеву. В апреле ротмистр был награжден сразу двумя иностранными орденами.

Лето 1904 года ротмистр Маннергейм провел в Красном Селе, где получил свой четвертый в России иностранный орден — офицерский крест греческого ордена Спасителя.

Глава 6
КОМАНДИР ОБРАЗЦОВОГО ЭСКАДРОНА

Высочайшим приказом от 31 августа 1904 года ротмистр барон Маннергейм был зачислен в постоянный состав офицерской кавалерийской школы с оставлением в списках Кавалергардского полка.

Школа была создана в Петербурге 9 мая 1809 года на Шпалерной улице. Ее казармы, просторные и удобные, как и превосходные конюшни, в 1830 году построил граф Аракчеев. А великий князь Николай Николаевич, выпускник этой школы, назначенный в 1855 году генерал-инспектором кавалерии, начал реформировать это учебное заведение, сделав его центром повышения квалификации для офицеров — кандидатов на должности командиров эскадронов.

Почти две недели Густав передавал дела и вводил в должность штаб-офицера по особым поручениям своего бывшего кавалергардского командира и учителя полковника Гойнинген-Гюне, после чего приступил к новым обязанностям.

Генерал Брусилов, прирожденный организатор, с момента прикомандирования ротмистра Маннергейма к школе, до мелочей изучал поведение и действия своего нового офицера. 15 сентября 1904 года, после большого разговора с великим князем Николаем Николаевичем, он назначает ротмистра командиром учебного эскадрона и членом учебного комитета школы. Это подразделение учебного заведения было эталоном всего нового, что имела русская и иностранная кавалерия. Генерал знал, кому и какую работу поручать.

Вечером у себя на квартире Брусилов устроил небольшой прием, на котором сказал, что барон должен «вдохнуть новые идеи в учебный процесс». С этого дня Густав часто бывал в скромной квартире генерала, жена которого с интересом слушала рассказы ротмистра о его родине и службе.

Приняв эскадрон у подполковника Дитерихса, Маннергейм сразу столкнулся с многими проблемами. Одна из них — офицеры, считавшие себя лучшими кавалеристами России и смотревшие на изучение чего-либо нового как на пустое времяпрепровождение. В работе с ними требовались большая осторожность и деликатность, но в то же время жесткая требовательность, особенно в выполнении приказаний.

Второй проблемой были его новые ученики, опытные и бывалые офицеры-кавалеристы, по чинам и званиям не

уступавшие, а нередко и превосходившие его чин ротмистра. Как проводить с ними занятия и строить личные отношения? Вопросы, вопросы и вопросы.

Густаву повезло. Рядом с ним был умный и тактичный учитель, который, незаметно контролируя, говорил, что отдавать приказы надо с уважением к настроению и характеру исполнителя, делая это сдержанно и хладнокровно. Брусилов, который твердо и целенаправленно управлял работой кавалерийской школы, был лучшим примером для ротмистра Маннергейма.

Теперь, постоянно встречаясь с генералом, Густав понял, что, работая с ним, надо быть не только самому творческим, трудолюбивым человеком, но и постоянно признавать, что начальник умнее и оригинальнее тебя.

Маннергейм, блестящий кавалерист и знаток лошадей, здесь, в школе, постоянно совершенствовал свое мастерство. Это вызывало нездоровую зависть у офицеров постоянного состава, которые между собой называли его «гвардейским выскочкой». Это особенно проявилось, когда генерал Брусилов некоторые свои практические занятия передал Густаву.

Ротмистр Маннергейм имел стойкий характер, и жизнь закалила его и многому научила. Отношение к себе офицеров школы он быстро смог направить в нужное русло и заставить их уважать себя как человека и опытного командира. В письмах к близким Густав писал, что на новом месте он «чувствует себя удовлетворенным».

И хотя службой своей барон был доволен, общее состояние его дел оставляло желать лучшего.

Последние три года жизни Маннергейма в Петербурге были для него почти невыносимыми. Его долги катастрофически росли, офицерского жалованья ни на что не хватало. Кроме того, его «дама сердца» графиня Шувалова после скоропостижной смерти мужа предложила, еще не разведенному Густаву, вступить с ней в гражданский брак. Маннергейм прекрасно понимал, что если он это сделает, то потеряет все. Высшее общество столицы России таких поступков не прощало.

А в это время каждый день с фронтов Русско-японской войны шли тревожные и часто непонятные сообщения. Мало кто знал, что там конкретно происходит.

В сложившейся ситуации был только один выход — уйти добровольцем на фронт. Видимо, это поняла и Шувалова, когда, отказавшись поехать на Украину, где открывался памятник ее мужу, она, срочно возглавив походный лазарет, уезжает во Владивосток.

Перед отъездом Густава в Маньчжурию состоялся его большой и серьезный разговор с Брусиловым. Генерал сначала стал отговаривать барона от поездки на фронт, но потом, видя его упорство, подарил свою фотографию с дарственной надписью и, согласившись с «патриотическим» желанием Густава, обещал ходатайствовать о включении Маннергейма в 52-й драгунский Нежинский полк.

Передав учебный эскадрон подполковнику Лишину, ротмистр Маннергейм уехал в Финляндию, чтобы попрощаться с родственниками. 25 октября 1904 года он вернулся в Петербург и начал готовиться к поездке в Маньчжурию. В эти дни он писал родным: «Я могу считать себя более чем хорошо снаряженным для ведения тяжелой зимней войны». Шведская обувь была удобна. Зимнее обмундирование, включая полушубки, подготовил магазин Норденштрема. По эскизам Густава была изменена форма воротника, карманов и рукавов шинели. Впоследствии, хорошо зная основы моделирования военной одежды, фельдмаршал Маннергейм ввел в финской армии русский стиль обмундирования. Густав по совету друзей приобрел револьвер системы «наган», самое надежное личное оружие того времени. Денщик закупил большой запас продовольствия, необходимый в дороге и на фронте. Особенно тщательно выбирались мясные консервы, которые в Маньчжурии из-за долгого хранения могли стать смертельно опасными.

Полковник Гойнинген-Гюне и его жена два дня помогали Густаву упаковывать его поклажу. Помимо трех больших дорожных чемоданов еще было 90 килограммов багажа и около 160 килограммов вещей, предназначенных для разных лиц в Харбине и Мукдене. На фронт Маннергейм взял трех лошадей, среди которых был гнедой жеребец Талисман, рожденный в 1898 году. Он обладал прекрасной реакцией и большой стартовой скоростью бега, что очень важно в условиях скоротечного кавалерийского боя.

Чтобы покрыть огромные расходы, связанные с поездкой в Маньчжурию, Густав получил большую ссуду под два страховых полиса.

С помощью своего знакомого инспектора императорских поездов Василия Копыткина Густав быстро решил вопрос с отправкой своих лошадей в Харбин, которых сопровождал денщик. Однако узнать, когда они будут там, не мог даже Копыткин.

После прощальных визитов, получив Высочайший приказ от 7 октября 1904 года о переводе его в 52-й драгунский Нежинский полк подполковником с отчислением от школы, ротмистр

Маннергейм субботним вечером 9 октября курьерским поездом через Москву отправился в Маньчжурию.

Глава 7
НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Приехав 10 октября 1904 года в Москву, подполковник Густав Маннергейм остановился в гостинице «Националь» на углу Тверской и Моховой улиц. В первый день он навестил сестру жены Софью Менгден и ее мужа. Другой день полностью ушел на встречу с дядей жены бароном Мейендорф фон Искууль, который приехал из своего подмосковного имения Подушкино. Разговор шел о поместье Априкен в Курляндии. Барон получил на его управление генеральную доверенность от Анастасии Маннергейм. В августе 1904 года Маннергейм побывал в поместье, где составил подробный план его развития. Однако Мейендорф начал саботировать все начинания Густава. В итоге по решению Анастасии в ноябре 1906 года имение было продано, а деньги за него переведены в Париж.

Поздно вечером 12 октября 1904 года Маннергейм скорым поездом отправился в Маньчжурию.

Пассажиры в вагоне были в основном военные. С некоторыми он познакомился, обсуждая вопросы войны и мира. Первую половину пути приятными собеседниками Густава были генерал юстиции С. И. Калишевский и старый адмирал Греве, бывший начальник военного порта в Порт-Артуре. Все офицеры, с которыми беседовал Маннергейм, предвкушали славу быстрой победы над Японией. В пути он начал вести свой дневник, куда записывал все свои впечатления.

После станции Ряжск картина за окнами вагона изменилась: вместо лесных пейзажей потянулась нескончаемая степь. Скучная и однообразная местность навевала зевоту почти до самой Уфы. Миновав долину реки Тесма, поезд стал подниматься на Уральские горы. И сразу за станцией Уржумка показалась белая каменная пирамида с надписью «Европа — Азия». Проехав город Омск, утром поезд подошел к станции Тайга, и все стали ждать Иркутска. В полдень за окном показалось здание вокзала города. Густаву удалось немного побродить по улицам Иркутска, а уже вечером поезд, идущий в Маньчжурию, прямо с магистральных путей взял к себе на борт ледокол-паром «Ангара», перевозивший эшелоны через озеро Байкал. Само озеро Маннергейм не разглядел. Шел густой снег, и в вагоне было очень холодно. Поезд остановился у станции Мысовая. Пассажиры бросились в буфет, требуя водки, пельменей и омуля. В дальнейшем остановок было мало, и офицеры голодали вплоть до станции Верхнеудинск.

Дорога казалась однообразной; ущелья, скалы, горы с вершинами без растительности. Однако перед станцией Сохонда Густав все же пододвинулся поближе к окну. Хотелось посмотреть на реку Хилок, которая ежегодно промерзала до дна. Неожиданно появился 84-метровый тоннель с изящным порталом, который имел надписи на западной стороне «К Великому океану», а на восточной — «К Атлантическому океану». Поезд прошел Яблоновый хребет и вечером, огибая озеро Кено, подошел к городу Чите, где на вокзале Маннергейм впервые увидел китайцев. Около часа ночи 22 октября 1904 года поезд подошел к пограничной с Китаем станции Маньчжурия. Станция произвела на Густава неприятное впечатление своими лачугами и очень грязным рестораном. К поезду прицепили два вагона, нижняя часть которых была бронирована, куда пересадили всех офицеров. 24 октября 1904 года эшелон достиг отрогов Хингана и, влекомый тремя паровозами, прошел трехкилометровый тоннель.

27 октября 1904 года поезд с суточным опозданием прибыл в Харбин. Комендант станции сообщил подполковнику Маннергейму, что его лошади прибудут не ранее 7 ноября, таким образом у Густава в запасе оставалось около десяти дней. Барон дает телеграмму Елизавете Шуваловой, в которой просит встретить его во Владивостоке, куда он приехал 31 октября. Графиня освобождается от работы, приезжает в город и снимает номер в дорогой гостинице, где проводит два дня наедине с Маннергеймом. 3 ноября Густав возвращается в серый Харбин с его грязным вокзалом, где у военного коменданта станции пришлось забронировать место в вагоне поезда, идущего в Мукден.

В вокзальном ресторане Густав встретил своего родственника и друга ротмистра Владимира Звегинцева, адъютанта генерала Жилинского. Тот сообщил, что полк Маннергейма входит в 17-й армейский корпус 3-й армии, командовать которой скоро будет генерал Каульбарс.

И вот поезд на Мукден, в котором было только два пассажирских вагона, остальные «теплушки», подают к перрону.

За генералом и офицерами, которые скромно начали входить в вагоны, впорхнула большая группа женщин, весьма вульгарно одетых. Было странно, как эти кокотки получили билеты на поезд в город, который был объявлен прифронтовым.

После заунывного сигнала горна поезд медленно тронулся, набирая обороты, оставляя позади огромные поля, голые желто-серые степи. В вагонах было грязно и очень душно. За окнами мелькали станции с флагами Красного Креста.

И опять, к своему удивлению, Густав заметил на вокзале и

платформе станции Телин очень много хорошеньких женщин, в профессии которых нельзя было усомниться. Позднее офицеры полка рассказали ему, что эти «бабочки» были из «Пансионата мисс Мод», который «родился» в портовом городе Инкоу, откуда «размножился» на Харбин, Мукден и Телин. Вообще, как впоследствии установил Густав, дефицита в «живом товаре» здесь не было.

Рано утром 9 ноября 1904 года поезд прибыл в Мукден. От коменданта вокзала подполковник Маннергейм узнал, где находятся его денщик и лошади. Они несколько дней были в одной казачьей сотне. Комендант выделил Густаву для багажа двухколесную арбу и четверку лошадей. «Я отправился в часть, которая размещалась в 21 километре к югу от Мукдена, сев на Талисмана, — писал Маннергейм, — а двое моих солдат ехали на Брудасе и Арбузе. Ехали на рысях, чтобы до наступления темноты быть в штабе 17-го корпуса». Затем Густав с солдатами-проводниками направился в 52-й Нежинский драгунский полк. «Командир принял меня дружелюбно и представил присутствующим офицерам, среди которых был полковник Сергей Ванновский, мой товарищ по кавалерийской школе. Скоро пришел ротмистр Дараган, командир 2-го эскадрона, с которым мы направились в эскадрон».

21 ноября 1904 года подполковника Маннергейма принял командир корпуса генерал Бильдерлинг, который вспомнил своего бывшего «николаевца». Генерал расцеловал барона и около получаса беседовал с ним. Уже до этой встречи Густав знал, что 51-й и 52-й драгунские полки, составляющие бригаду, не участвуют в боях, потому что командиру бригады генералу Степанову командование боится ставить самостоятельные задачи.

Однако, отправляясь в Маньчжурию, подполковник Маннергейм хотел приобрести боевой опыт, но, к сожалению, штатной должности не оказалось, и пришлось ему сидеть в резерве до 8 января 1905 года, когда был подписан приказ о назначении подполковника Маннергейма помощником командира полка по строевой части.

В своем дневнике Густав образно писал: «Жизнь крайне однообразна. Газеты получаем крайне нерегулярно, полное отсутствие книг… Жизнь в нашей фанзе начинается поздно… беспорядок царит до 12 часов… Я обычно пытаюсь избежать утреннего беспорядка и выезжаю сразу на верховую прогулку… День оканчивается ужином в восемь часов, который продолжается до поздней ночи как громкоголосая общая вечеринка».

Дальше Маннергейм пишет: «Чтобы хоть немного разобраться в делах, я решил использовать все возможности для того, чтобы

увидеть войну с другой стороны, чем та, с которой я познакомился в полку. Первой моей инициативой в этом направлении была поездка в дивизию донских казаков…» Казаки несли патрульную службу на русской линии сторожевого охранения. Здесь Густав узнал, что генерал Мищенко с шестью казачьими полками собирается отправиться в тыл к японцам. Маннергейм упросил командира Кавказской казачьей бригады генерала князя Орбелиани включить его в качестве добровольца в одну из двух сотен, которые направлялись на юг. По дороге он присоединился к отряду полковника Плаутина, которого знал по Николаевскому кавалерийскому училищу. В 18 часов они прибыли в Сыфантай, где была ставка Ляохейского отряда генерал-майора Коссаговского, чьи позиции были выдвинуты далеко на юго-запад. Здесь, в штабе, Маннергейм познакомился с подполковником князем Георгием Тумановым, который предложил ему возглавить полусотню казаков Терско-Кубанского полка и произвести разведку двух деревень. Развернувшись в цепь, казаки двинулись к первой деревне, где японцы встретили их сильным огнем. Пришлось укрыться за пригорком и вернуться обратно. Дальше двигаться было нельзя. Впереди находились вражеские позиции.

15 декабря 1904 года подполковник Маннергейм встретился с командиром Урало-Забайкальской дивизии генерал-адъютантом Мищенко, от которого узнал о подготовке кавалерийской операции в районе порта Инкоу.

После падения Порт-Артура освободилась осаждавшая крепость 3-я японская армия. Желая опередить японцев и задержать их прибытие на главный театр военных действий, главнокомандующий генерал Куропаткин принял решение о кавалерийском рейде на город Инкоу. Начиная с 9 декабря 1904 года в район селения Сыфантай начали подходить части, назначенные в рейд, сосредоточиваясь на юго-западной окраине селения.

В своих «Мемуарах» Маннергейм писал: «В период с 25 декабря 1904 года по 8 января 1905 года я в качестве командира двух отдельных эскадронов принял участие в кавалерийской операции, которую проводил генерал Мищенко силами 77 эскадронов. Целью операции было прорваться на побережье, захватить японский порт Инкоу с кораблями и, взорвав мост, оборвать железнодорожную связь между Порт-Артуром и Мукденом… Важная наступательная операция протекала очень вяло. Мищенко придерживал основные силы для подавления незначительных укреплений противника, вместо того чтобы направлять туда небольшие войсковые подразделения, а крупные

кавалерийские части бросить против Инкоу».

Дивизион подполковника Маннергейма двигался к Инкоу в составе сводной драгунской дивизии, которой командовал генерал-майор Александр Самсонов, впоследствии вошедший в историю Первой мировой войны как виновник гибели 2-й русской армии в августе 1914 года. Этот умный и честный человек, застрелившись, взял на себя тогда мужество ответить за просчеты и неподготовленность высшего русского командования.

Двигаясь с потерями в результате скоротечных боев с японцами, колонна Самсонова подошла к деревне Такаукхень — месту большого привала отряда. Здесь уже стояла 4-я казачья дивизия генерал-майора Телешева, где во второй сотне 26-го Донского казачьего полка (командир войсковой старшина Батаев) служил молодой солдат призыва 1903 года Семен Буденный, которому только что исполнился 21 год. Он, как и его сослуживцы, любовался призовым конем подполковника Маннергейма. Семен был не робкого десятка, мечтал после войны открыть собственный конный завод, потому и обратился к подполковнику с вопросами о его Талисмане. Беседа шла довольно долго. Так состоялась встреча двух сослуживцев (Буденный окончил отделение наездников в Брусиловской кавалерийской школе), двух будущих маршалов, которые, оказывается, хорошо знали друг друга.

Когда отряд генерала Мищенко увидел Инкоу, противник уже успел хорошо подготовиться к обороне. Неправильная постановка цели рейда, огромный обоз и неумение выбрать время атаки неприятеля превратили район Инкоу в «долину смерти» для русских солдат и офицеров и привели к позорному отступлению. Дивизион Маннергейма в атаке на город не участвовал.

В январе 1905 года 52-й Нежинский драгунский полк принял участие в наступлении на Сандепу, которым руководил уроженец Финляндии генерал от инфантерии Оскар Фердинанд Грипенберг. Операция сулила успех, но вмешательство главнокомандующего Куропаткина в действия Грипенберга во время боев у Сандепу и приказы через его голову при посредничестве начальника штаба 2-й армии привели к большим потерям и отступлению.

В середине февраля японцы, прорвав фронт 1-й Маньчжурской армии восточнее города Мукдена на реке Хуньке, хлынули в прорыв и загнали в «мешок» 2-ю и 3-ю Маньчжурские армии.

Подполковника Густава Маннергейма с его двумя эскадронами подчинили 1-й стрелковой дивизии (командир генерал-лейтенант Гернгросс) 1-го Сибирского корпуса, которая

занимала правый фланг 1-й Маньчжурской армии. Дивизион Маннергейма выполнял разведывательные операции, не вступая в длительные контакты с неприятелем.

19 февраля 1905 года драгуны натолкнулись на японский кавалерийский отряд, который следовал по большой Синминтинской дороге. Началась перестрелка, во время которой погиб ординарец Маннергейма граф Канкрин, пал от полученной раны великолепный призовой конь Густава Талисман. Уже раненный, он вынес хозяина из-под обстрела.

За несколько дней до этой стычки японцы начали наступление на фронте шириной до 150 километров. Это наступление на левом фланге смогли отразить части 1-й Маньчжурской армии генерала от инфантерии Линевича. На правый фланг приказ поступил с большим опозданием, был бездарно выполнен и привел к беспорядочному отступлению.

Японцы преследовали русские части небольшими подразделениями, каждое из которых имело несколько орудий. Умело используя холмистую местность, ведя огонь с закрытых позиций, японцы наносили русским большие потери, которые привели к паническому бегству.

23 февраля 1905 года Маннергейм получил приказ начальника штаба 3-й Маньчжурской армии генерал-лейтенанта Мартсона: «Немедленно выступить в район восточной Импени и в штабе армии доложить о прибытии. В дальнейшем действовать согласно указаниям, полученным на месте». По прибытии в указанный населенный пункт подполковник Маннергейм долго не мог разместить своих драгун по фанзам. Люди и лошади коченели на сильном морозе, сбиваясь в группы, чтобы согреть друг друга. Только в два часа ночи удалось решить эту проблему. В 2.30 Густава пригласили в штаб армии, где его встретил командующий армией генерал Бильдерлинг. Он рассказал, что части его армии вместе с обозами идут вдоль западной стены Мукдена, не заходя в город, жители которого, сняв русские флаги, нагло и открыто готовятся к встрече японцев.

Бильдерлинг приказывает Маннергейму зайти в тыл японцам, чтобы спасти пехотинцев 3-й пехотной дивизии и обозы, которые попали под ураганный огонь неприятеля.

После того как разведгруппа нашла проход в японских позициях, дивизион Маннергейма незаметно, под прикрытием тумана проскользнул во вражеский тыл. На месте определив направление атаки, драгуны нанесли быстрый и сокрушительный удар по врагу, уже праздновавшего свою победу. Японцы подумали, что их атаковали какие-то русские резервные части, пришедшие с юга, и обратились в бегство.

Маннергейм за личную храбрость и умение руководить войсками был представлен к званию полковника. Густав писал сестре, что получение на фронте офицером звания полковника означает быстрое назначение на должность командира полка, а это дополнительные 200 рублей. Кроме того, командир полка более независим, чем штабной офицер.

По окончании операции дивизион подполковника Маннергейма был выведен в резерв на четыре дня, затем он получил приказ прибыть на станцию Чантуфу, в расположение своего полка.

Отдельная кавалерийская бригада, в состав которой входил 52-й Нежинский полк, проводила глубокую разведку Монголии и делала это очень своеобразно. Чтобы не было дипломатических скандалов с Монголией, русское командование собрало несколько сотен китайцев и с их помощью попыталось получить информацию о японцах, находящихся на монгольской территории.

Штаб 3-й Маньчжурской армии поручает Маннергейму «испытать боеспособность трех милицейских сотен, сформированных из китайцев, которыми командуют русские офицеры». «Мой отряд, — писал Густав, — просто хунхузы, т. е. местные грабители с большой дороги… Эти бандиты не получали военного обучения. Ничего, кроме русской магазинной винтовки и патронов, они не знают… Мой отряд собран на скорую руку из отбросов, в нем нет ни порядка, ни единства… Хунхузами очень трудно командовать, хотя их и нельзя упрекнуть в недостаточной храбрости. Им удалось вырваться из окружения, куда нас загнала японская кавалерия… Штаб армии был очень удовлетворен нашей работой — нам удалось закартографировать около 400 верст и дать сведения о японских позициях на всей территории нашей деятельности». Это была последняя военная операция, в которой участвовал подполковник Маннергейм.

5 сентября 1905 года в Портсмуте (США) был подписан мирный договор с Японией. Войну Россия проиграла, и в Маньчжурских армиях началась подготовка к переброске войск в Россию, что было весьма непростым делом, в том числе из-за погромов и насилий, которые солдаты творили на станциях КВЖД.

Главнокомандующий потребовал от командующих Маньчжурскими армиями наведения железного порядка на железной дороге.

Генерал Бильдерлинг направляет «единственную и достойную представительницу регулярной конницы России 2-ю Отдельную кавалерийскую бригаду» на станции Китайской

восточной железной дороги для их охраны во время следования воинских эшелонов. Штаб бригады разместился в Харбине. Командир генерал-майор Степанов, которого Густав называл «играющим командиром с зачатками гомосексуалиста», разрешил командирам полков и эскадронов жить в городе и один раз в неделю навещать свои подразделения на железнодорожных станциях.

В ноябре 1905 года полковник Маннергейм, как доброволец, был отправлен в Петербург. Путешествие через неспокойную Сибирь продолжалось около месяца, поэтому он приехал в столицу в конце декабря. По дороге Густав увидел, к чему привела свобода, которая воспринималась просто: делай все, что хочешь. Вокзалы и железнодорожные депо были в руках бунтующих солдат. Военные коменданты вокзалов оказались беспомощными перед разъяренными вооруженными людьми. Все стремились поскорее добраться до дома.

Приехав в столицу, Маннергейм в Главном штабе узнал, что остался без должности, которая как штабная была исключена из штата 52-го драгунского Нежинского полка. Здесь, в Петербурге, его ждали неприятные семейные проблемы, которые он не разрешил, отправляясь на фронт. Густав стал агрессивен, так как ему казалось, что его военные заслуги не были оценены по достоинству. Столица напоминала ему кипящий котел, где волна беспорядков захлестнула улицы, ибо царский Манифест от 17 октября 1905 года не смог сбить революционную волну. Отдохнуть душой в родном Кавалергардском полку не удалось. Бывшие приятели не интересовались событиями Русско-японской войны. Они горделиво хвастались своими «подвигами» в борьбе с революционными рабочими. С восторгом обсуждали приказ об отточке шашек, предоставлявший самим офицерам защищать честь своего мундира на улицах города. Маннергейм отказывался от визитов к своим сослуживцам по Придворному конюшенному ведомству. Ему не хотелось смотреть на места, с которыми было связано так много неприятностей, где жена и дочери покинули его. Правда, полковника Гойнинген-Гюне он все же навестил. По-новому 38-летний полковник увидел высшее общество столицы Российской империи, которое учтиво подчеркивало, что сейчас он для них только «далекий маньчжурский элемент». Его в Петербурге просто забыли.

В начале января 1906 года Маннергейм, после большой медицинской комиссии, получил двухмесячный отпуск для лечения обострившегося ревматизма. Он поехал на родину в Финляндию и там участвовал в последнем сословном представительном собрании баронской ветви Маннергеймов.

Глава 8
АЗИАТСКИЙ ПОХОД

Китайский Туркестан

16 марта 1906 года из канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского в Гельсингфорсе полковнику Маннергейму вручили предписание Главного управления Генерального штаба с требованием прибыть 20 марта в Петербург и в 10 часов утра явиться к генералу от инфантерии Федору Федоровичу Палицыну.

Встреча с генералом, который всегда был дружески любезен с полковником, прошла как-то странно. Сухо пожав руку Маннергейма и остановив его рапорт, Палицын, разбирая бумаги на столе, спросил о войне. Без внимания выслушав рассказ, он сказал: «Относительно вас, барон, принимается важное решение, о котором вы узнаете через девять дней».

Русско-японская война сильно изменила былые взгляды и суждения Маннергейма — они стали более прогрессивными. Он очень хотел активно использовать в армейской жизни свой опыт, полученный на полях сражений в Маньчжурии, но город, с которым были связаны все его надежды, оказался неисправимым рабом старых привычек и традиций.

Наконец наступило 29 марта 1906 года. В огромном кабинете Палицына находились начальник 2-го Азиатского отдела Генштаба генерал-майор Васильев и начальник 4-го Туркестанского отделения полковник Цейль. Палицын, подойдя к столу, где лежала большая карта Дальнего Востока, сказал: «Генеральный штаб очень волнует положение на южных границах России. Китайские реформы превратили Поднебесную в опасный фактор силы. Возможна война, и начнется она в Туркестане, а у нас мало сведений о провинциях Западного Китая. Густав Карлович, вам предстоит совершить строго секретную поездку из Ташкента в Западный Китай, провинции Ганьсу, Шэньси. Продумайте маршрут своего похода и согласуйте его с генералом Васильевым. По всем организационным вопросам обращайтесь к полковнику Цейлю…» Немного подумав, Маннергейм сказал, что гордится доверием Генерального штаба. Однако он сомневается, сможет ли выполнить ответственное задание императора. «Даю вам, барон, два дня, чтобы подумать». Через день Густав дал свое согласие на участие в экспедиции и попросил два месяца, чтобы

собрать необходимые для похода сведения. Разрешение было получено.

Маннергейм был очень воодушевлен этим серьезным заданием, которое продолжало традиции его семьи, заложенные знаменитым исследователем Нильсом Норденшельдом.

Научно-теоретическую подготовку к азиатской экспедиции он начал с Петербурга. По рекомендации действительного члена Русского географического общества генерала от инфантерии Бильдерлинга и генерал-майора Васильева Маннергейм получил доступ к фондам и материалам Музея антропологии и этнографии, а также отдела этнографии Русского музея. По его заданию Публичная библиотека и библиотека Русского географического общества делали подборки специальной литературы. Библиотека Генштаба познакомила Густава с закрытыми для печати отчетами об экспедициях в Среднюю Азию генералов Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова. Состоялась встреча с исследователем Центральной Азии П. К. Козловым. Труд был титанический. Забыв друзей и знакомых, Маннергейм работал по 10–12 часов в день, не прерываясь на обед и садясь за обеденный стол только вечером.

В Гельсингфорсе активный труд полковника продолжался. Карл Доннер помог Густаву установить контакты с Финно-Угорским обществом, которое подготовило рекомендательное письмо. Фонд Антелля, чтобы пополнить коллекцию финского Национального музея, выделил Маннергейму финансовую помощь. Дальнейшую этнографическую подготовку Густав получил в Стокгольме у своего двоюродного брата Эрланда Норденшельда, известного исследователя племен Южной Америки.

Возвратившись в столицу 10 июня 1906 года, Густав через два дня принял участие в большом секретном совещании **У** генерала Палицына, на котором были утверждены маршрут, снабжение и финансирование экспедиции, определен порядок и каналы передачи информации в Петербург через отца Маннергейма. Густав был недоволен тем, что его включают в состав экспедиции французского социолога Поля Пеллио. Правда, вскоре по решению Николая II экспедиция Маннергейма приобрела самостоятельный статус.

19 июня 1906 года полковник Маннергейм, взяв с собой 490 килограммов багажа, тронулся в путь. Не задержавшись в Москве, Густав через два дня был в Нижнем Новгороде. Затем Казань, Саратов. И вот рано утром 28 июня перед взором восхищенного барона как бы из воды стала вырастать Астрахань. Маннергейм выразил желание немного познакомиться с городом. И — вновь

палуба парохода. Быстро пролетели дни перехода по Каспийскому морю. Шумное и жаркое Баку, африканское пекло Красноводска и несколько суток, проведенных в раскаленном как печь, душном и грязном вагоне.

Наконец вечером 5 июля показался светлый вокзал Ташкента и шумный извозчик привез полковника в гостиницу с громкой приставкой «люкс». На другой день Маннергейм посетил штаб военного округа, где его принял командующий. Состоялась любезная беседа, но новых инструкций, которые касались бы экспедиции, Густав не получил.

В оперативном отделе штаба Маннергейма познакомили с полковником Лавром Корниловым, знатоком Средней Азии, великолепно владеющим тюркским, персидским и китайским языками. Недавний делопроизводитель Генштаба, он быстро продвигался по служебной лестнице. Офицеры вспомнили минувшую войну. Оказалось, что на фронте они были соседями. Кавалерийский дивизион подполковника Маннергейма во время рейда на Инкоу прикрывал полки 1-й стрелковой бригады, где Корнилов был начальником штаба. К сожалению, лично встречаться им в то время не пришлось.

Сбор снаряжения, в комплектации которого очень помог Корнилов, задержал Маннергейма на восемь дней в Ташкенте, откуда он выехал в Самарканд за назначенными для участия в экспедиции казаками 2-го Уральского казачьего полка.

Командир полка полковник Сергей Кудрявцев любезно принял Маннергейма и долго вместе с ним подбирал кандидатуры казаков. Выбор остановился на Игнатии Юнусове и Шакире Рахимжанове. Они оба хорошо говорили по-киргизски, имели прекрасных лошадей и хорошее снаряжение. Густав с казаками выехал по железной дороге в город Андижан, а оттуда, на лошадях, в город Ош. «Закупив несколько лошадей на ярмарке в городе Узгене, — писал Маннергейм, — среди которых были старые и неважные», и заготовив нужное снаряжение, экспедиция 29 июля 1906 года тронулась в путь.

Пройдя через Талдынский перевал, барон и его спутники 14 августа перешли русскую границу и через три дня прибыли в город Кашгар. Всю экспедицию Густав вел дневник. Его простой, очень выразительный и живой слог, без труда передающий самые тонкие оттенки чувств и ощущений, образные и скрупулезно-точные описания событий, мест и встреч, — все это сделало дневники Маннергейма литературным явлением, хотя его автор отнюдь не был любителем изящной словесности.

Густав писал: «В Кашгаре я простоял вторую половину августа и первую сентября. Мне пришлось прикупить лошадей и

нанять трех человек: одного для разведок, одного — повара, а другого для ухода за вьючными лошадьми, взамен казака Юнусова, который был отправлен в полк. Я старался использовать продолжительное пребывание в Кашгаре и усиленно занимался китайским языком. К тому меня вынуждала невозможность найти хотя сколько-нибудь удовлетворительного переводчика».

Русский консул в Кашгаре Сергей Колоколов и его жена Софья оказали Маннергейму самый теплый прием. Успешностью своих первых шагов по китайской территории барон во многом был обязан их любезному содействию. Отправив главную часть своего снаряжения в город Куча, где Маннергейм должен был получить паспорт, высланный ему из Пекина, он сам отправился в Хотан, чтобы проверить слухи о наличии японцев в южном районе Кашгара. Слухи оказались вымыслом местных мусульман.

На обратном пути из Хотана Густав с помощью карманной буссоли провел верхом маршрутную съемку местности, затем перенес ее на планшет. В этом он успешно использовал знания, полученные им в Красном Селе, во время длительных лагерных сборов. Пригодился и опыт Русско-японской войны. В Яркенде Маннергейм серьезно заболел, а вслед за ним заболел и его переводчик. Густав почти месяц пролежал в постели. Своим выздоровлением он был обязан шведскому миссионеру врачу Гёсте Ракетту, с которым потом были долгая дружба и переписка.

Выехав из Кашгара 29 сентября, экспедиция Маннергейма вернулась туда только 21 декабря, где в дружелюбной семье Колоколова Густав встретил новый, 1907 год.

Убедившись в полной некомпетентности своего китайца-переводчика, которому однообразное путешествие успело надоесть, Густав решил его уволить и найти нового. Но, несмотря на энергичные поиски и большую помощь Колоколова, дело не сладилось и выступить в поход пришлось с прежним переводчиком. Хитрый малый быстро понял выгодность своего положения и заставил Маннергейма поменяться ролями; теперь уже не барон ставил ему условия, а он барону.

Перейдя через горы и подробно исследовав реку Таушкан-Дарью, экспедиция остановилась в селении Аксу и простояла там две недели. Здесь при содействии местных властей Маннергейм значительно увеличил свой караван, наняв 14 лошадей.

Окончив свои работы по изучению Аксуйского уезда — одного из богатейших оазисов Китайского Туркестана, Маннергейм 13 марта 1907 года направился к Музартскому хребту и через пять дней перешел ледник Тугр-Мус. Переход был очень тяжелым. Дорога змеилась по почти отвесному склону. На самом леднике ее пересекали опасные трещины, где лошади

запросто могли поломать себе ноги. Во время подъема на ледник казак Рахимжанов тяжело заболел лихорадкой, сопровождавшейся высокой, до 40°, температурой. Вдобавок ко всему его лошадь поскользнулась и упала в трещину, из которой ее с трудом вытащили. Остановиться экспедиции было негде, топливо кончалось. Но Бог хранил Маннергейма.

Потеряв на этом переходе более 30 коней, 31 марта 1907 года экспедиция вышла в Кульджу и простояла там 21 день. «Надо было, — писал Густав, — привести съемки и работы в порядок, прикупить несколько лошадей, купить китайское серебро, разослать его в разные города моего предстоящего пути, нанять одного-двух калмыков, снарядиться для путешествия в горах, получить необходимое разрешение, а главное приложить все старания к тому, чтобы выйти из-под тирании моего переводчика, наняв другого».

Большую помощь в поиске нового переводчика Маннергейму оказал русский консул Сергей Федоров. Был найден 17-летний китаец-католик. При небольшом запасе русских слов он удовлетворительно владел разговорной речью, немного писал по-русски, но не писал и не читал по-китайски. С этим недостатком переводчика пришлось мириться. Как показало дальнейшее путешествие, юноша оказался человеком скромным и правдивым, но, как большинство китайцев, не имел ни малейшего интереса к своей стране и путешествию, а поэтому, уставая от дороги, был вял и требовал постоянных понуканий.

В Кульдже Маннергейм по телеграфу попросил разрешения командующего войсками Туркестанского военного округа о замене казака Рахимжанова, здоровье которого вызывало опасение.

Маннергейм писал: «Ко мне был назначен казак второго Сибирского казачьего полка Луканин, принимавший участие в русско-японской войне. Он впоследствии, во время всего путешествия, в полной степени заслужил мое одобрение своим примерным поведением, исполнительностью и умением держаться с тактом и достоинством среди кочевников и китайцев».

С прибытием в город Кульджу закончился первый период экспедиции полковника Густава Маннергейма через Китайский Туркестан.

Западный Китай

22 апреля 1907 года караван Маннергейма, состоявший из

семи человек и 16 лошадей, выступил из города Кульджи и через семь дней, перейдя реку Текес, двинулся на восток по ее течению. Перейдя горы между Кунгес и Цангма, экспедиция направилась к долине Большого Юлдуза и нижнего течения реки Малаго. «Переход через перевал, — вспоминал Густав, — был тяжелым. Втянувшись в ущелье в третьем часу дня, мы, после пяти часов безостановочного движения и тяжелой работы, достигли вершины перевала лишь к восьмому часу, а лошади и люди настолько выбились из сил, что в этот день не могли одолеть самое крутое место. Расстояние от начала ущелья до перевала было около семи верст».

С наступлением темноты поднялся буран. Дров не заготовили, и никто уже не был в состоянии поставить палатки. Ночь оказалась особенно тяжела для выбившихся из сил лошадей, для которых не нашлось ни травы, ни горсточки зерна.

Спустившись в долину, которая отличалась тяжелыми климатическими условиями, экспедиция Маннергейма остановилась на правом берегу реки Юлдуз, где находилась ставка хана юлдузских торгоутов (калмыков), насчитывавшая около ста юрт, из них некоторые были очень богаты, с красивыми узорами из красного сукна. Маннергейм побывал во многих селениях торгоутов, которые произвели на него «впечатление забитых и крайне сдержанных людей, относящихся весьма недоверчиво ко всякому иностранцу». В беседах с торгоутами Густав рассказывал о их братьях в Астраханской области, вызывая живой их интерес. «Однако, — писал Маннергейм, — несмотря на встречи с ними, я вынес впечатление, что они примирились со своей безотрадной жизнью, усердно молясь Будде, и относятся ко всему остальному, в том числе и к России, весьма безучастно».

Приближенные хана встретили полковника с большим подозрением и весьма негостеприимно, так как китайские власти забыли предупредить о его приезде. Когда нужная информация поступила, отношение сразу переменилось.

Дальнейшее движение экспедиции проходило по реке Малый Юлдуз. Поднявшись на перевал Котлы, перед выходом на Карашарскую долину, лошади, измученные продолжительным отсутствием кормов, не выдержали, и двух из них пришлось бросить, с тем чтобы потом им доставить воды и, пользуясь свежестью ночи, переправить в Карашар. Этих и других ослабленных животных пришлось на время оставить здесь.

Сам же Маннергейм вместе с китайцем-переводчиком двинулся к городу Урумчи, возложив на казака Луконина нелегкую задачу перегнать туда всех изнуренных лошадей экспедиции.

15 июля Густав с переводчиком прибыли в город Урумчи — центр и столицу провинции Синьцзянь, где размещались органы центрального управления, монетный двор, учебные заведения и кадетский корпус.

Город был вытянут вдоль мелководной реки с широким каменистым руслом. Северную его часть занимала большая шестигранная крепость с примыкающими к ней торговыми рядами. Южнее базара размещались русское консульство и торговый центр. В городе было несколько торговых фирм, принадлежащих русским татарам и туркестанцам. Годовой оборот русской торговли здесь достигал около двух миллионов рублей.

Маннергейм, вспомнив свою кадетскую юность в Финляндии, посетил местный кадетский корпус и был разочарован тем, что он — низшего разряда. Здесь готовили юношей к поступлению в средний корпус, который должен был открыться лишь осенью. Учителя уже были назначены, появились и кандидаты в кадеты.

Незадолго до приезда Маннергейма в Урумчи прибыл новый губернатор края. Несмотря на свой преклонный возраст, китайский чиновник обладал твердостью характера, большим служебным опытом, а также хорошим знанием края.

Маннергейм вместе с русским консулом Николаем Коротковым нанес официальный визит губернатору Чену. Во время беседы Чен, в виде шутки, с удивлением сказал: «Господин Маннергейм, вы по-прежнему путешествуете под двумя фамилиями?» Это было связано с тем, что в паспорте, полученном из Пекина, стояла фамилия «Ма-ну-э-хэй-м», а в визитных карточках, напечатанных в Кашгаре, «Ма-да-хан» («конь, проскакавший через звезды»).

Густав сразу же почувствовал неладное. И действительно, несмотря на то что китайские власти тщательно скрывали перемену своего отношения к России, оно под влиянием Японии приобретало все более негативную окраску. Это и передалось в словах губернатора.

Испытывая чудовищное напряжение физических и душевных сил, давление со стороны китайских чиновников, отдохнуть душой барон мог лишь в кругу россиян.

«В Урумчи, — писал Маннергейм, — мне в последний раз, до прибытия в непосредственную близость к Пекину, пришлось приятно провести время среди соотечественников, часто собиравшихся в гостеприимном доме нашего консула Николая Николаевича Короткова и его радушной супруги».

Во вторник 13 августа экспедиция отправилась в Гучэн, о котором Густав писал: «Это один из наиболее оживленных торговых центров всей провинции… от него ежегодно

отправляются три-четыре „серебряных каравана“, везущих более миллиона дан[4] серебра на уплату за полученный товар».

В этом городе было 15–20 тысяч жителей: китайцев, дунган и сартов, преимущественно первых.

Из Гучэна Маннергейм отправился в Турфан. Путь к нему шел через перевал, подъем на который был крут и каменист. Уже 7 сентября здесь выпал снег. К тому же спуск с перевала был значительно круче подъема. Только после спуска дорога выходила на широкую долину Бэяньхэ.

Наконец, после утомительного перехода, экспедиция достигла города Турфан и его оазисов. Этот город состоял из двух частей, находившихся примерно в версте друг от друга. Вся торговля была сосредоточена в одной его части, имеющей шесть тысяч жителей. Администрация же размещалась в небольшой крепости под прикрытием роты пехоты.

От Турфана экспедиция направилась к построенному на скатах южных гор городу Баркулю, куда вступила в понедельник 30 сентября. Этот город имел какой-то недостроенный вид, окруженный, по мнению Густава, «расплывающейся стеной». Рядом темнели развалины маньчжурского города. Баркульский уезд был заселен китайцами. Климатические условия здесь исключительно суровы: когда через восемь дней экспедиция Маннергейма покидала город, вся местность была покрыта неглубоким снегом.

Переход через перевал Кошеты-даван был очень труден. Густав писал: «Нам пришлось в течение двух суток лопатами очищать дорогу на расстоянии около 3,5–4 верст, то есть на последнем крутом подъеме и на самом перевале, который на расстоянии около трех верст представлял почти горизонтальную площадь. Снег имел от 0,5 до 2 аршин глубины. После неимоверных трудов удалось вывезти тяжело нагруженные арбы».

12 октября экспедиция вошла в небольшой, но плодородный оазис Хами, принадлежащий мусульманскому князю. Маннергейм пишет, что этот князь «своей алчностью и бессердечностью далеко превзошел китайских чиновников». Население здесь было сартское. Лишь в городе Хами и в немногих деревнях жили китайцы и дунгане. Город состоял из трех частей: базара, зданий администрации и гарнизона, дворца князя.

Маннергейм писал: «Незадолго до моего приезда в Хами вспыхнули беспорядки. Сарты, выведенные из терпения, стали требовать своего освобождения от тирании князя с тем, чтобы они, наравне с другими китайскими подданными, платили подати одному богдыхану. Вдохновителем этого движения был, по-видимому, местный мандарин, и, вероятно, не из

националистических чувств, а из желания вместо князя собирать подати. Когда я приехал, все уже улеглось. Китайский генерал с небольшим отрядом кавалерии был вызван из Баркуля. Несколько невооруженных сартов легло под китайскими выстрелами, и неудачный националистический мандарин был отрешен от должности».

В четверг 17 октября Маннергейм со своей группой покинул Хами и через 11 дней прибыл в город Ань-си, о котором сказал: «Город мертвый, окруженный полуразвалившейся и полузасыпанной песками стеной».

Из Ань-си экспедиция по пустым дорогам с встречавшимися кое-где колодцами и небольшими сараями добралась до города Дуньхуана. Маннергейм писал: «В Дун-хане я застал только что улегшиеся волнения на экономической почве, направленные на этот раз против местного представителя богдыхана. Местные милиционные войска отказались действовать против толпы, которая вломилась в дом мандарина, убив при этом двух-трех сторожей. К моему приезду все уже успокоилось и главари бежали в горы».

Уже установилась зима, когда Маннергейм в субботу 9 ноября выступил из Ань-си в направлении на Цзяюйгуань. Дорога по всей Северной Ганьсу была очень однообразна. Она тянулась широким коридором между горными массивами, расширяясь и сужаясь. Для ночлега экспедиция останавливалась в больших деревнях.

Внутренний Китай

В воскресенье 17 ноября экспедиция Маннергейма у Цзяюйгуаня миновала Великую Китайскую стену и вошла во Внутренний Китай. На другой день, пройдя большой таможенный пункт, в основном для русских товаров, караван остановился в городе Сучжоу. Стоянка была короткой, после чего движение продолжилось к городу Ганьчжоу, куда экспедиция вступила в пятницу 6 декабря. Характеризуя этот город, Маннергейм писал: «Город занимает очень большую площадь, но по крайней мере одна треть ея под болотами и камышом, последний достигает более сажени высотой. Из остальной части немало уходит под кумирни, которых, говорят, имеется целых 40. Население города определяют тысяч в 35–40, уезда — в 55–60 тысяч жителей. Местность кругом болотиста, и вода имеется в изобилии».

В среду 25 декабря экспедиция выступила из Ганьчжоу на восток и через несколько дней была в городе Ляньчжоу — третьем

по населению в провинции Северная Ганьсу. Это большой китайский город с маньчжурской крепостью. Около города разместилась резиденция епископа, главы католических миссионеров Северной Ганьсу. Здесь с бельгийскими миссионерами Маннергейм встретил новый, 1908 год. Вспоминая свое пребывание в городе Ляньчжоу, Густав писал: «Я должен с благодарностью упомянуть имя монсиньора Отто. Он и его миссионеры, большая часть которых бельгийцы, оказали мне радушный прием и искреннее содействие всюду, где могли. Они часто вспоминали действия наших отрядов во время подавления боксерских беспорядков и с симпатией относятся к русским».

9 января 1908 года экспедиция Маннергейма выступила из Ляньчжоу и через восемь дней подошла к столице провинции Северная Ганьсу и резиденции Шеньганьского короля, городу Ланьчжоу, расположенному на берегу Желтой реки, которая омывает северную стену города.

Долина, в которой лежит город, со всех сторон окружена горами, что является хорошей естественной защитой. Характеризуя тамошнего правителя, Густав писал: «Вице-король Шень — одна из интересных личностей высших административных деятелей северных провинций Китая. Проведя в молодые годы несколько лет в Европе, он является убежденным сторонником реформ и проявляет много разума при разрешении нелегкой задачи их проведения в бедной и отсталой Гунь-су».

Город Ланьчжоу невелик площадью, но очень густо застроен, с населением примерно в 150–180 тысяч человек. Уезд имеет население в 270 тысяч жителей. В долине сделаны прекрасные ирригационные работы, не уступающие Туркестану. Они дают два урожая в год. «Этот город, — писал Маннергейм, — является передовым, крупным центром, в котором обосновались русские купцы… Ныне продажа русских товаров в Ланьчжоу достигает 120 тысяч дан в год. Главным затруднением торговли России с этим городом является то, что отсюда нечего вывозить в Россию, кроме кирпичного чая. Русские купцы, не удовлетворенные торговыми операциями с китайцами, вместо товаров увозят серебряные слитки».

Время пребывания Густава Маннергейма в городе Ланьчжоу сильно затянулось, он заболел инфекционным гриппом, который обострил радикулит, вызвав сильные боли в спине. Три раза Густав ложился в постель с высокой температурой. Гриппом переболели все спутники Маннергейма.

После 48-дневного пребывания в столице провинции Северная Ганьсу, в среду 4 марта, направив главную часть своих вещей в Сиань, экспедиция, с полубольным Маннергеймом и его

спутниками, двинулась с небольшим вьючным караваном в Хэчжоу. Целью этого похода было знакомство с бытом местного населения.

Преодолев во время снежного бурана Тянь-шаньский перевал, караван спустился в долину Дасяхэ и подошел к городу Хэчжоу. «Этот китайский город, — писал Маннергейм, — занимает обширную, но лишь частью застроенную площадь… Стены города в сильно запущенном виде. К южной стене и юго-западному углу города примыкает пригород… В нем 12 мечетей. Здесь жил китайский генерал Магалянь, дунганин по происхождению, но заслуживший расположение китайских властей своей храбростью, а особенно кровожадностью и свирепостью, проявленными им при подавлении дунганских восстаний».

В городе Хэчжоу встреч с Маннергеймом стали искать турецкие купцы. Вопрос был один: «Не приехал ли господин из Турции?» Скоро причина этого была установлена. Оказывается, здесь ждали приезда какого-то «посланника» от турецкого султана, который будто бы уже находился в Пекине.

9 марта экспедиция Маннергейма вышла из Хэчжоу и направилась через монастырь Лабран к большой дороге Ляньчжоу — Циньчжоу. Весна уже полностью вступила в свои права. Желтые лессовые горы со своими террасообразными склонами стали неузнаваемы под зеленым покровом. Маннергейм сильно устал, его постоянно мучили боли в спине. В письме к отцу он с горечью писал: «Как только я доберусь до побережья, я немедленно соберусь в дорогу домой».

С 23 марта по 3 апреля 1908 года экспедиция находилась в городе Циньчжоу, затем, переправившись на пароме через реку Вэйхэ, следуя горными дорогами, подошла к цветущей долине реки Цинщуй и городу с таким же названием.

9 апреля Маннергейм и его спутники, преодолев под дождем, в непроницаемом тумане, головокружительный спуск перевала Гуаньшань — границы между провинциями Ганьсу и Шеньси, вышли к городу Луньчжоу. Затем, миновав богатые селения и три небольших городка, переплыв реку Вэйхэ, экспедиция подошла к городу Сяньянь. Недолго задержавшись здесь, Маннергейм продолжил свой путь среди сотен курганов — древних могил императоров и императриц династий Тан и Хан, их министров, евнухов и сожительниц.

14 апреля экспедиция полковника Маннергейма вошла в главный город провинции Шеньси — Сиань. Характеризуя этот город, Густав писал: «Судя по свидетельству древних китайских летописцев, он в дни своего величия занимал всю местность от реки до своего нынешнего местоположения, а дворцы его по

красоте и богатству далеко превосходили все то, что самое пылкое воображение может представить себе. Из всего этого, конечно, ничего не осталось, и даже так называемый императорский дворец, в котором поселились вдовствующая императрица и богдыхан, после своего бегства из Пекина во время боксерских беспорядков — просто поместительный дом».

Город Сиань — со своей древней стеной, тройными массивными воротами, громадными угловыми и надвратными башнями производил большое впечатление на европейцев. Как и в Ганьсу, ближайшими советниками местного вице-короля Шеня были бельгийцы, так здесь губернатор Нгэцшу, воспитанник старой школы и маньчжур по происхождению, своими советниками сделал японцев.

В четверг 30 апреля экспедиция Маннергейма выступила из города Сиань в дальнейший путь, который пролегал через город Линьтунь с могилой Цзинчжоханя — строителя Великой Китайской стены. Густав писал об этих краях: «К югу от дороги тянется, под различными названиями, декоративная высокая горная цепь… С северной стороны, на некотором расстоянии течет река Вэйхэ. Южный берег ее гораздо богаче деревьями и незначительно подымается над северным. Большие деревни раскинуты на близком расстоянии друг от друга. Нежные краски маковых посевов и чудные поля этой богатейшей долины уже тысячи лет кормят многочисленное население, ласкают глаз проезжего».

Подойдя к городу Тунгуан на реке Хуанхэ, Густав отправил свое экспедиционное снаряжение под наблюдением казака Луканина и одного из китайцев по большому тракту в город Тайюань, а сам, в сопровождении трех китайцев, направился к городу Хэнаньфу, бывшей столице китайской империи во время династии Чжоу.

Наконец, в среду 18 мая, Маннергейм подошел к станции Чжэнчжоу. Вид железной дороги привел барона в неописуемое состояние, и он «с большим восторгом стал прислушиваться к раздавшемуся вдалеке свистку локомотива, чем когда-либо прежде к самой тонкой оперной музыке». На следующий день Густав «с большим удовольствием опустился на мягкий диван вагона первого класса, в котором помчался в город Кайфынь».

Здесь Маннергейм задержался на пять дней. «Одной из причин этого, — писал Густав, — стала некоторая подозрительность китайских властей, которую они начали проявлять, начиная от города Сианьфу, и затруднения, которые делали мне при малейшем уклонении в сторону от маршрута, намеченного, в крупных чертах, в моем паспорте».

Маннергейм в субботу 23 мая 1908 года по железной дороге выехал до станции Шицзячжуань, до которой поезд шел полтора дня, останавливаясь на ночь, затем тянулся неполных 300 километров до станции Тайюань.

Город Тайюань, построенный около небольшого притока реки Фыньхэ, живописно расположился в окружении красивых гор, некоторые из которых, если поверить китайским летописцам, «достигают облаков».

Здесь препоны, чинимые Маннергейму китайцами, приняли более настойчивый характер. Маннергейм писал, что ему вместе с другими запретами было отказано в выдаче паспорта, чтобы отвратить его от поездки к далай-ламе и к северному изгибу Желтой реки.

Густав, по совету английского врача, отправил в Пекин сильно ослабленного во время продолжительного путешествия казака Луканина и, продав часть своего снаряжения, 8 июня выехал из Тайюаня на север.

Несмотря на все эти трудности, настойчивый в поставленной цели Маннергейм, после двух коротких переходов по горам и каменистому дну небольших рек, дошел до святыни монголов — монастыря Утайшань.

Барон так описывает эту поездку: «Монастырь живописно расположен на небольшом холме, окруженном горами. Группа кумирен, золоченых каланчей и белых „субурган“ — башень, представляла чудную картину со своими золотисто-желтыми и бирюзовыми черепичными крышами, которые сверкали на солнце, среди окружающей зелени».

Далее Густав писал: «В течение зимы 1907–1908 года Далай-лама, по приглашению Пекинского двора, переехал из знаменитого монастыря Гумбум под городом Синин в Утайшань. Мое пребывание там совпало с самой сильной летней жарой, во время которой путешествие по Монголии, особенно на верблюдах, затруднительно… Высказанная Далай-ламой мне лично радость по поводу приезда в Утайшань партии тибетцев, всего человек 100, также косвенно подтвердила слух о том, что наплыв паломников в Утайшань становился меньше… Далай-лама занимал довольно обширную, но сильно запущенную кумирню, живописно расположенную, выше других, на самой вершине холма, по склонам которого раскинут монастырь.

Обстановка, в которой он жил, отличалась большой простотой; здание, занимаемое им, с небольшим двором, охранялось двумя парами парных часовых из угрюмо выглядывающих вооруженных тибетцев. Свита же его с прислугой помещалась в маленьких и грязных конурах, запущенных

наружных домов». Среди свиты далай-ламы был и японец, но во время приезда Густава он находился в Пекине.

Дальше Маннергейм пишет: «Мне пришлось видеть Далай-ламу два раза. Раз во дворе, когда он выходил, чтобы сесть на коня для ежедневной прогулки верхом, а другой раз во время особой для меня аудиенции. Последняя была, вопреки моим ожиданиям, дана мне без всяких затруднений, вроде обычного предварительного ознакомления с моими подарками и т. п… Во время моего приема он сидел на золоченом кресле, поставленном на возвышении из досок, против окна в конце небольшой приемной комнаты. По обеим сторонам этого возвышения стояло два широкоплечих тибетца средних лет с угрюмыми лицами темно-бронзового цвета. С китайского на тибетский язык переводил с уверенностью и легкостью, поразившими меня, пожилой лама Туокамбо, настоятель большого монастыря недалеко от Лхассы, с русского же на китайский — мой постоянный переводчик.

Далай-лама с видимым интересом расспрашивал о Государе Императоре, России, нынешней силе армии и т. п. По его приказанию, почти сейчас после ответа на мой поклон был доставлен ему кусок белой шелковой материи, так называемый „Хатак“, который он торжественно, собственноручно, передал мне с просьбой от его имени, при приезде моем в Санкт-Петербург, представить Государю Императору. Один из его первых вопросов был, не имею ли я поручения к нему. На его лице было видно, с каким интересом он ожидал моего ответа, и некоторое разочарование при моем отрицании. Когда я уже стал уходить, он попросил меня остаться еще на один день в Утайшане, дабы дать ему возможность на следующий день обратиться ко мне с просьбой. Я остался, но на следующий день он, видимо, раздумал, ибо сообщил мне, что не имеет ко мне поручения, так как еще не получил какого-то письма, которое ожидал накануне. Разговор еще коснулся его пребывания в Китае, а впоследствии в Тибете, смерти нашего посланника Покатилова, приезда нового, вторжения англичан в Тибет, различного оружия, симпатии в России к буддистской церкви, а также сочувствия, с которым русское общество относилось к нему во время событий, вызвавших его переезд из Тибета в Китай, и многого другого. Далай-лама роста среднего, не полный, носит небольшие черные усы, на лице мало заметные неровности — как говорят, следы от оспы, цвет лица светлый, выражение несколько беспокойное, а черты лица скорее приятны. Одежда его была из золотисто-желтого шелка с голубыми отворотами на рукавах, даже сапоги светло-желтые китайского покроя с голубым галуном по швам. На

нем не было головного убора. Когда он шел по двору, то движения его были непринужденны и энергичны. Во время разговора он внимательно рассматривал меня, когда я говорил, но, говоря сам, тщательно избегал встречи с моими глазами и делал какие-то нервные движения туловищем.

Конечно, короткого банального разговора, да еще при помощи двух переводчиков, недостаточно для того, чтобы составить себе определенное мнение о своем собеседнике, но его вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что Далай-лама — энергичный молодой человек, полный интереса к политическим событиям дня и живой ум которого едва ли способен на ту пассивную, безличную роль, которую обыкновенно приписывают буддистской церкви. Он ничего общего не имеет с типом тех апатичных и полуразвитых „перерожденцев“, какими обыкновенно представляют себе их и каких мне не раз во время своего путешествия приходилось видеть. Несомненно также, что он по-прежнему продолжает проявлять живой интерес к России…» (Когда нынешний далай-лама посетил Финляндию, он счел за долг побывать в музее Маннергейма, прекрасно зная о его визите в Утайшань. Вместо десяти протокольных минут он пробыл в музее около двух часов: столь много оказалось здесь экспонатов, напоминающих ему о родине.)

Маннергейм писал: «Во время моего пребывания в Утайшане я находился под особым наблюдением чиновника из управления по сношению с иностранцами, специально командированного сюда. Он пытался во время моей аудиенции насильно войти вместо моего переводчика вслед за мной, но был остановлен лицами из свиты Далай-ламы».

Дальнейший путь экспедиции лежал к небольшому городку Шаньинь, потом к Шопинфу — мертвому и крайне бедному городу, которому по какому-то капризу императора был присвоен титул областного города. Первым китайским городом, который посетил Маннергейм в этих краях, был Гуйхуачен, имеющий небольшую крепость, которую скрывали дома пригорода. В городе несколько древних монгольских кумирен, по своей оригинальности и интересу мало уступающих Утайшаню. Пробыв в этом городе несколько дней, 28 мая Густав покинул его. Пройдя город Фынчжэнтин, окруженный болотистыми полями и сам по себе необыкновенно грязный, Маннергейм прибыл в главный город Северной Шаньси — Датунфу. Этот город был известен своим своеобразным предметом вывоза — девицами, которые славились своей красотой. Мандарины и разбогатевшие китайцы покупали их за большие деньги. Густав писал: «Прекрасный пол этого города, вполне сознавая свою цену, отличается своим

кокетством и более чем где-либо в северных провинциях занимается своими туалетами из шелковых материй нежных и ярких красок, искусственными прическами, различными пестрыми украшениями и необыкновенно маленькими ножками. При определении женской красоты размеры последних имеют в Китае несравненно большее значение, чем черты лица».

Маннергейм узнал, что изуродованные ноги китайских женщин называют «цзинь-лянь» (золотой лотос). Эта варварская операция, которую делают девочкам, прижимая четыре маленьких пальца ноги к подошве так, что ломаются косточки, затем, обернув ноги в тряпки и завязав их, натягивают тесные-претесные башмаки. После этого почти пять дней девочка лежит, а дальше она ковыляет. Понемногу ей надевают все более тесные туфли, пока нога не приобретает уродливую форму. «Наши девушки подобны тростнику, который колышит ветер», — говорили Маннергейму местные китайцы.

В Датунфу, как заметил Густав, многие местные девушки совсем не могут ходить. Их возят на тачках и носят на носилках. Иногда сильная служанка взваливает свою госпожу на спину и тащит по улице. Если такая девушка вздумает немного погулять сама, то возле нее с обеих сторон идут служанки, на которых она опирается.

Наступил сезон дождей. И 200 километров, отделяющих город Датунфу от Калгана, экспедиции пришлось преодолевать преимущественно по воде. При нормальных погодных условиях эта дорога по китайским масштабам была вполне удовлетворительна.

«В живописном, бойком своей торговлей Калгане, — писал Маннергейм, — я приятно провел день среди небольшой, но гостеприимной и радушной русской колонии. Уволив людей своей экспедиции, кроме юного переводчика Чжао и славного китайца — повара из Ланьчжоу, пожелавшего повидать Пекин, и распродав лошадей, за исключением моего Филиппа, рыжего киргизского мерина, сделавшего все путешествие из Кашгара, я выехал через Сюаньхуафу в Пекин, куда прибыл 12 июля».

Пекин

Коллектив российской миссии в Пекине радушно принял Маннергейма и оказал ему искреннее содействие. Первый секретарь миссии Борис Арсеньев, временно заменявший посла, которого ожидали из Петербурга, предоставил Густаву помещение на первом этаже с окнами в великолепный сад,

которое было удобно для работы и отдыха. Здесь Маннергейм жил все 64 дня пребывания в столице Китая.

Первые две недели Густав с помощью переводчика миссии Николая Колесова и машинистки систематизировал материалы своих антропологических и этнографических исследований. Просматривал контрольные отпечатки сделанных им фотографий. По его просьбе работники миссии под контролем Евгения Голубева готовили к отправке экспонаты, собранные Маннергеймом для Финляндии.

Работа Густава часто прерывалась приступами радикулита. Это сопровождалось повышением температуры и общей слабостью. Врач миссии назначил Маннергейму постельный режим, постоянно делая ему подкожные инъекции. Нужны были серные ванны.

Когда Густав немного поправился, начался второй этап его работы — черновая подготовка предварительного отчета на основе дневниковых записей и других материалов, включая статистику, собранную в китайских городах. Описательная часть отчета была подготовлена довольно быстро. Трудности начались на стадии выводов и заключения. Большую помощь здесь оказали Густаву резидент русской разведки Борис Арсеньев и военный агент полковник Лавр Корнилов. Больше недели Маннергейм работал со своей военно-разведывательной информацией — расположением, численностью и обучением китайских отрядов в различных провинциях Китая. Корнилов стал редактором этого раздела и помог в составлении военно-политического обзора.

Скоро был готов первый вариант предварительного отчета, составивший 130 страниц машинописного текста. После добавлений, сделанных Густавом уже в столице, его объем вырос до 173 типографских страниц.

По рекомендации врача, когда с 14 сентября влажная жара смягчилась и погода улучшилась, Густав начал работать в саду миссии, делая перерывы для прогулок по Пекину.

Маннергейму очень нравились яркие и пестрые торговые кварталы города с его многоголосой шумной толпой, вызолоченными, похожими на языческий алтарь, магазинами. Поражали странные контрасты. Рядом с магазинами тканей и игрушек — лавки гробов, напоминающих египетские саркофаги. Густав «покатался» на джин-рикше, обгоняя носилки-паланкины, из-за занавесок которых выглядывали любопытные женские глаза.

Короткие прогулки завершались упорной работой над отчетом. Болезнь не отпускала Маннергейма, и он телеграммой попросил разрешения генерала Палицына прибыть в столицу не 1 октября 1908 года, а немного позже. Ответа на телеграмму не

последовало.

Когда отчет был отредактирован и напечатан, его внимательно прочитал и одобрил посол Иван Коростовец, вернувшийся из Петербурга.

Во время обсуждения дня отъезда Маннергейма в Россию посол предложил ему, вместе с Арсеньевым, продолжить свою секретную миссию, теперь уже в Японии.

Одной из задач, которые были возложены на резидента и его помощника «шведского ученого», было выяснение военных возможностей порта Симоносеки, его подъездных путей, пакгаузов, мостов и кранов. Совместные работы в этом порту были недолгими. Затем Арсеньев уехал в Нагасаки, а Маннергейм в Киото, где должна была состояться их последняя встреча перед отъездом Густава во Владивосток.

Прибыв в Симоносеки, Арсеньев и Маннергейм остановились в маленькой невзрачной гостинице, где их регистрация не требовалась. Проинструктировав Густава, как надо оценивать портовые объекты, и предупредив о необходимости быть особо осторожным, ибо японцы хитрее и умнее китайцев, Арсеньев уехал в Нагасаки.

Потратив день на «знакомство» с портом и его сооружениями, Маннергейм в японском фривольном журнале специальными чернилами подробно описал все, что представляло интерес для русской разведки. В последний день, перед отъездом в Киото, когда он почувствовал на себе пристальное внимание коренастых, дымящих папиросами, одних и тех же похожих на черных такс субъектов, он быстро стал любопытным туристом, которого очень интересовали жизнь и быт японцев.

Маннергейм с интересом наблюдал хитроватых фокусников и быстрых, юрких уличных парикмахеров. Удивлялся мальчишкам-газетчикам, которые ловко бросали в толпу свои газеты, получая 2 сэна.

Чувствуя, что наблюдение за ним не прекращается, Густав в целях конспирации покупает два билета на поезда, идущие от Симоносеки в разных направлениях и в разное время. Он на виду у всех сел в поезд, идущий в Ивакуни, и когда тот стал набирать скорость, выпрыгнул из вагона и незаметно перебрался в поезд, идущий через Ямагути в Киото.

Приехав в Киото, Маннергейм на местном базаре встретился в условленные часы с Арсеньевым, передал ему японский журнал со своими записями и получил билет на пароход до Владивостока на 23 сентября.

Попрощавшись с Арсеньевым, Маннергейм отправился в храм «Тысяча циновок», чтобы пройтись по его «поющим полам», но

почувствовал: «черные таксы» опять следят за ним, но делают это очень осторожно. Видимо, Арсеньев привел их на «хвосте». Надо срочно уезжать — решил Густав.

Быстрые сборы и — в путь к порту Ниагата. Вот, наконец, порт и желанная палуба парохода «Симбирск», стоящего на рейде. Вечером вышли в море. Скоро берега Японии скрылись в туманной дали и только огоньки на лодках японских рыбаков напоминали о Стране восходящего солнца.

Во Владивостоке военный комендант станции, получив документы Маннергейма, несмотря на переполненные поезда, идущие в Центральную Россию, вручил ему билет первого класса до Москвы. Движение поездов по Транссибирской магистрали уже было налажено, и можно было спокойно ехать без пересадок. Условия поездки были приличные, с хорошим вагоном-рестораном.

В 10 часов утра поезд двинулся на запад. За окном прекрасная картина Амурского залива — дачные места Владивостока. Вечером станция Пограничная. Станцию Харбин барон не узнал. Он помнил ее по толпам солдат, штурмующих вагоны. Теперь же были чистые платформы, элегантная реклама, прекрасно отремонтированный вокзал и хорошо одетая публика.

На станции Верхнеудинск в вагоне появился жандарм и попросил господ пассажиров внимательно следить за своими вещами, особенно проезжая по Кругобайкальской железной дороге. «Там жулики сильно балуют. Все на глазах тащат, да так ловко — просто страсть. Никого не пускайте в свой вагон, не надейтесь на проводника, мы ему тоже не очень доверяем».

На новой магистрали встреча с «сибирскими жуликами» не состоялась, и пассажиры долго любовались чудесным Байкалом и его скалистыми, извилистыми берегами.

Дальнейший долгий путь Густава до столицы прошел без особых приключений, но постоянно напоминала о себе «азиатская награда», целый клубок болезней — от радикулита до острого ревматизма.

Приехав в Петербург, полковник Маннергейм, как вспоминали его друзья, около недели приходил в себя, посещая врачей, и часами сидел на скамейке в Летнем саду, как бы впитывая в себя ароматы города, который любил. Часто обедал на Фонтанке у Менгденов, в доме, где сейчас ресторан «Демидов». Вечерами Густав совершал длинные прогулки по набережной Невы, хотя боли в спине постоянно давали о себе знать.

Наконец, получив на Невском проспекте, 46, от Карла Улофа Норденстрёма парадную форму 52-го Нежинского драгунского полка, Густав явился в Генеральный штаб на Дворцовой площади.

Встреча с начальником Главного управления Генштаба генералом от инфантерии Ф. Ф. Палицыным и начальником 2-го Азиатского отдела генерал-майором Васильевым была торжественной. Материалы отчета Маннергейма давно пришли из Пекина и имели хорошие рецензии. Похвалы буквально сыпались со всех сторон.

Генерал Палицын попросил Маннергейма 21 октября 1908 года в малом зале Генштаба кратко рассказать группе генералов и старших офицеров о своей экспедиции.

Наступил назначенный день, который поразил Густава особой строгостью проверки всех присутствующих. Пришли все офицеры Азиатского и Туркестанского отделов. Появились генералы Бильдерлинг и Васильев, затем генерал Роборовский и полковники Козлов и Ласточкин.

Все офицеры встали, когда в зал вошли генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын и член Государственного совета сенатор П. П. Семенов-Тян-Шанский. Когда охрана плотно закрыла двери, генерал Палицын предложил полковнику Густаву Карловичу Маннергейму начать выступление, которое продолжалось два с половиной часа. Основная масса вопросов, задаваемых Маннергейму, касалась тактических и военно-стратегических тем, правда, были и практические, как у полковника Петра Кузьмича Козлова, человека, заслужившего всемирную славу своими экспедициями в Центральную Азию: «Как проходил, Густав Карлович, ваш поход на лошадях?»

Маннергейм начал свой рассказ с того, что в составе его каравана было 12–13 верховых и вьючных лошадей, покупка которых была не всегда удачной, попадались старые и неважные. Горные перевалы и ледники были для них настоящей бедой. Многие лошади проваливались в глубокий снег, иногда целиком, другие попадали в трещины и ломали себе ноги. «Больше всего я потерял лошадей на ледниках и при переходе пустыни Гоби, в основном из-за кормов. Хотя у меня были невзыскательные горные лошади, но даже они с трудом находили подножный корм и быстро слабели. Я был очень восхищен, как знаток хороших лошадей, которых у меня было много в Петербурге, киргизской породой, которую ценят китайцы. У них отличные ноги, сильнейшие почки и крестец. Правда, без ковки копыт пятки у них отбивались настолько, что они, например, с трудом двигались по „каменистому морю“ в окрестностях Ляньчжоу.

От Кашгара до Калгана я ехал на рыжем киргизском мерине Филиппе, наводившем на меня ужас и ставившем в полную свою зависимость, когда на узких горных тропинках он беззаботно шел по самому краю скалы».

Сенатора Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского интересовало нынешнее положение в российском и китайском Туркестанах.

Маннергейм ответил, что его поразил резкий контраст между этими двумя краями, населенными одним и тем же племенем. В российском Туркестане люди живут кипучей, деятельной жизнью, с энергией предаваясь земледелию, торговле и промышленности. Однако стоит перейти нашу границу, и картина коренным образом меняется. Здесь царствует унылая пустыня, в которой влачат жалкое существование дремлющие люди, живущие в полной апатии.

И наконец, генерал Палицын произнес: «Густав Карлович, мы все хотим услышать краткие итоги вашей экспедиции». Генерал в эмиграции, в Париже, часто вспоминал, какое сильное впечатление на слушателей произвел ответ Маннергейма, даже строгий Семенов-Тян-Шанский громко произнес: «Я восхищен вами, полковник, вы достойный ученый».

Отвечая Палицыну, Маннергейм сказал: «Ваше высокопревосходительство, я использовал каждый день и час, чтобы выполнить ваше задание. Трудности похода и мои болезни не помешали этому. Я нанес на карту 3087 километров своего пути и составил военно-топографическое описание района Кашгар — Уч. Турфан. Исследовал реку Таушкан-Дарью от ее выхода из гор до впадения в Оркенд-Дарью. Составил планы 20 китайских гарнизонных городов и дал обширное описание города Ланьчжоу, как будущей русской военной базы в Китае. Оценил состояние войск, промышленности и горного дела Китая, строительство железных дорог и борьбу с потреблением наркотиков. Выполнил специальное задание, которое получил от вас, ваше высокопревосходительство, через Арсеньева…»

Палицын попросил Маннергейма рассказать, какие еще работы он дополнительно проводил во время своей экспедиции. Маннергейм рассказал, что в процессе экспедиции он собрал много материалов о буддийской культуре. Это 1200 интересных предметов. Нашел около двух тысяч древних китайских манускриптов в песках Турфана. Обнаружил редкое собрание китайских зарисовок из Ланьчжоу, содержащее 420 персонажей разных религий. Составил фонетический словарь языков народностей, проживающих в северных провинциях Китая. Провел антропометрические измерения калмыков и киргизов, а также малоизвестных племен абдалов, желтых тангутов и торгоутов. В процессе экспедиции было сделано 1353 фотоснимка. Кроме того, Маннергейм привез большое количество тетрадей с путевыми и дневниковыми записями.

Генерал Палицын и сенатор Семенов-Тян-Шанский тепло поблагодарили полковника за его интересное и впечатляющее выступление. Генерал обещал назавтра в Царском Селе доложить о нем императору.

Казалось бы, отчет об экспедиции всем, кому нужно, знаком и направлен в типографию Генштаба для «закрытой публикации», выступление в Генштабе состоялось и теперь можно отправиться в долгожданный отпуск в родную Финляндию. Однако, как говорят, «не тут-то было». Для полковника Маннергейма началось присущее для России бумаготворчество, пресловутые «вопросники», часто с совершенно нелепыми вопросами: «Ели ли вы местные фрукты и какой они имели вид?»

Остановил этот бумажный поток телефонный звонок из Царского Села. Николай II назначил встречу полковнику Маннергейму, и к ней надо тщательно подготовиться, так как она будет продолжаться только 20 минут.

Наконец 15 ноября 1908 года для Маннергейма наступил этот торжественный день. Он заранее, почти за два часа до встречи, приехал в давно знакомый провинциальный городок около столицы, живущий жизнью и сплетнями царского двора. Осень уже вступила в свои права, позолотив прекрасные парки городка. Масса воспоминаний нахлынула на Густава, всплыли в памяти кавалергардские годы. Караулы во дворце, приемы в особняках Орбелиани и Вырубовой, своя квартира с окнами в парк и свои победоносные «приключения»…

Вот изящный Александровский дворец, в левом крыле которого царское семейство основало свой мир. Густав около десяти минут сидел в комнате ожидания, пока гигант-негр не пригласил его в кабинет царя.

Полковник вошел в небольшую, в одно окно, комнату со скромной мебелью. Письменный стол с ящичками, выравненными с тщательной аккуратностью. Другой стол, побольше, заваленный картами и книгами. Большой книжный шкаф, на котором расположились бюсты и портреты.

Император встретил Маннергейма приветливо и радушно, несколько запинаясь на первой фразе. Но скоро начал говорить твердо, попросив собеседника обрисовать итоги своей поездки.

Маннергейм обладал необыкновенной способностью в нескольких словах и очень зримо рассказать о том, что он видел, не забывая упомянуть о своем мнении, которое всегда совпадало с реальностью. Император был так тронут и увлечен, что забыл об установленном для Маннергейма регламенте. Он внимательно слушал, закуривая одну папиросу за другой. Часы пробили 20 часов, и император вспомнил, что скоро будет ужин, а

Александра Федоровна не терпит опозданий.

Николай II встал и спросил полковника Маннергейма, что он хочет от него. Густав ответил, что его волнует должностная неопределенность и ему хотелось бы стать строевым офицером и командовать полком. Император обещал подумать и решить эту проблему с военным министром.

На другой день в Генеральном штабе генералы и офицеры буквально засыпали Маннергейма вопросами, как принимал его царь, и тут же как по волшебству появились все документы на отпуск, жалованье за все время путешествия вместе с наградными деньгами. Это была сумма, о которой Маннергейм даже не мечтал.

Поездку на родину задержала телеграмма из города Орла. В ней говорилось, что новый командир 2-й Отдельной кавалерийской бригады генерал-майор Орановский поздравляет полковника Маннергейма с его великолепной экспедицией в Азию и ждет его в своем штабе для переговоров о дальнейшей службе. Что делать? Все отпускные документы в кармане.

Пользуясь своей, как он говорил, «минутной славой», Густав просит генерала Палицына принять его. Генерал сразу решил все «орловские вопросы», заявив Маннергейму: «Отдыхайте и лечитесь. Я приглашу вас из Финляндии в Петербург, когда император подпишет Высочайший приказ о новых назначениях. Николай Николаевич говорил мне, что вы будете командовать полком в Польше. Каким — я еще сказать вам не могу. Желаю вам счастливого отдыха на родине. Передайте мой сердечный привет вашему отцу, он был прекрасным посредником во время вашего азиатского похода».

Глава 9
СЛУЖБА В ПОЛЬШЕ

10 января 1909 года, закончив свой отпуск, полковник барон Густав Маннергейм приехал в Петербург. В отделе кадров Генштаба он получил Высочайший приказ от 5 января 1909 года о назначении его командиром 13-го уланского Владимирского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полка. После короткой поездки в Финляндию Густав 11 февраля 1909 года отправился в полк, который стоял в 40 километрах от Варшавы в городе Новоминске.

Маннергейм вспоминал: «С хорошим настроением я принял свое назначение в Польшу. Ведь там 19 лет тому назад я начинал свою военную карьеру».

Полк Маннергейму передавал полковник Давид Дитерихс, у которого в 1904 году барон принял образцовый эскадрон кавалерийской школы. Маннергейм с разочарованием узнал, что никто из его офицеров не менял мирную жизнь на невзгоды войны. Поэтому тактические занятия проводились плохо. Дисциплина была низкая. Бывшие командиры полка занимались только личными делами и славились «тяжелым командованием». Знания офицеров были ограничены рамками полевого боя и позиционной войны. Тактику боя, которая родилась в Маньчжурии, никто не знал. Занятия с уланами шли нудно и неумело. Будущего вероятного противника — немцев — никто не изучал.

Работу с полком Маннергейму пришлось начинать буквально с нуля, обратив особое внимание на строевую и стрелковую подготовку. Офицеры по 12 часов находились на службе. Их жены стали бунтовать. В эскадронах гуляли злые стишки:

Семь пятьдесят утра.
По командирской воле
Полк выстроился в поле.
Все молодцы ждут командира —
Варшавских милых дам кумира.
И в снегах ли плац заносях,
В песка ли нагнанных валах,
Красноречив барон в разносях,
Косноязычен в похвалах…

Маннергейм, получив эти стишки, прочитал их офицерам

полка, сказав, что они ему понравились, и предложил включить в историю полка.

В конце марта полковник навестил в Люблине своего друга, а теперь командира 14-го армейского корпуса (Владимирский полк входил в первую бригаду 13-й кавалерийской дивизии корпуса) генерал-майора Алексея Брусилова. Алексей Алексеевич с горечью вспомнил о смерти своей несчастной жены, плохих отношениях с сыном и своем душевном одиночестве. Густав рассказал о своей жизни, сложных отношениях с дочерьми и азиатском походе. После этой поездки встречи друзей стали более частыми. Брусилов несколько раз посещал Владимирский полк, присутствовал на тактических занятиях эскадронов, отмечая успехи и неудачи солдат и офицеров. В один из приездов он на построении полка торжественно вручил полковнику Маннергейму орден Святого Владимира — награду императора за азиатский поход.

Почти все свои выходные дни Густав проводил в Варшаве, часто бывая в доме Любомирских. Дарил подарки и играл с пятилетней Доротой, которой очень нравился веселый офицер.

Используя свой боевой опыт, умение работать с людьми и жесткие требования русской воинской дисциплины, полковник Маннергейм за один год сделал Владимирский полк одним из лучших в военном округе. Он быстро разобрался в сложностях жизни своих подчиненных, не теряя времени на беспочвенные проекты. Прекрасно владея речью и умением строить убедительные фразы, Густав очень быстро сделал офицеров полка своими союзниками. Теперь анонимный полковой поэт без тени сарказма называл Маннергейма «Калушинским героем». Поселок Калушино около Новоминска — место летнего лагерного сбора полка.

На исходе 1910 года Густав присутствовал на скромной свадьбе Брусилова. Маннергейму нравилась невеста друга — крупная представительная женщина, которая была выше мужа.

Генерал Брусилов при встречах с великим князем Николаем Николаевичем постоянно рассказывал тому об успехах Маннергейма. Это стало поводом для разговора великого князя с императором о назначении полковника Маннергейма командиром лейб-гвардии Уланского Его Величества полка и присвоении ему звания «генерал-майор свиты Его Величества». Вспоминая эти дни, Маннергейм писал: «Этот полк считался одним из лучших кавалерийских полков, и назначение туда расценивалось как значительное повышение. Такая служба была для меня очень желанна».

17 февраля 1911 года Маннергейм принял полк у своего

бывшего командира Павла Стаховича. Это соединение по сравнению с гвардейскими столичными полками было скромным и серьезным. Служба в нем шла аккуратно, сохраняя порядки, заложенные в начале 80-х годов XIX века командующим войсками округа генерал-фельдмаршалом графом Иосифом Владимировичем Гурко.

С шести часов утра в полку шла тщательная чистка лошадей, которой придавали преувеличенное значение. Затем начинались занятия. Кормили солдат великолепно. Завтраки, обеды и ужины офицеров были дешевые, но сытные.

Казармы гвардейского полка находились в одном из красивых районов Варшавы за старинным парком Лазенки в треугольнике улиц Гусарская — Агрикола дольная — Черняковская. На территории полка стояла красивая церковь во имя святой Ольги и святого мученика Мартиана. (Во время Второй мировой войны 1941–1945 годов все здания полка были уничтожены немцами.)

Помимо службы холостые офицеры полка вели серенькую жизнь, главными интересами которой были женщины и лошади. На женщин офицеры смотрели как на источник развлечений и наслаждений. Продавщицы в магазинах, служащие многочисленных контор и банков охотно шли на «летучие романы» с гвардейскими офицерами. В Варшаве была даже такая песенка: «Бо у польки есть в натуже, кохать хлопца цо в мундуже». Иногда женские проблемы в офицерской среде принимали неприглядную форму — продажа офицерам в «наложницы» послушниц католического монастыря, самоубийство офицеров из-за танцовщиц варьете и др. Во всем этом приходилось разбираться генерал-майору Маннергейму.

До прихода Маннергейма в полк гвардейские офицеры жили совершенно обособленно от польского населения — домами не знакомились, встречались лишь в ресторанах, магазинах и театрах. Только три человека — полковник Головацкий, штабс-ротмистр граф Пржездецкий и поручик Бибиков поддерживали связи с высшим польским обществом. Уже будучи маршалом Финляндии, Маннергейм писал: «Личных контактов между русскими и поляками было очень мало, и во время моего общения с поляками на меня смотрели недоверчиво. Это два раза привело к рапорту жандармского управления генерал-губернатору, который, правда, все эти бумаги бросал в корзину. Наследственная злоба между двумя славянскими народами не приводила к насилию, так как поляки понимали, что этим они бы ухудшили свое состояние, придя к полному раздору».

Генерал-майор Маннергейм резко меняет отношение офицеров полка к полякам, взяв за основу совместный с ними

конный спорт. Генерал становится вице-президентом скакового общества Отдельной гвардейской кавалерийской бригады и членом Варшавского скакового общества. Одновременно его принимают в охотничий клуб, который в Польше считался элитным жокей-клубом со вступительным взносом в 300 рублей.

В одном из своих писем родственникам из Варшавы Маннергейм писал: «Я попал в блестящие и гордые своим особым положением высшие круги польского общества».

Он был принят в фамильной среде Радзивиллов, Любомирских, Замойских, Велепольских и Потоцких. Правда, генерал не избегал и скромной семьи шведского капитана артиллерии Карла Корьюса, преподавателя немецкого языка Варшавского суворовского кадетского корпуса — отца будущей звезды сцены и экрана Милицы Корьюс. (На время написания книги дочь Милицы, госпожа Мелисса Уэллес была послом США в Эстонии.)

Польские женщины быстро вскружили голову генералу Маннергейму, который жаловался князю Радзивиллу: «Все мои деньги уходят на лошадей и красивых женщин…» В доме генерала на Черняковской ул., 35, соблюдая осторожность и секретность, которую обеспечивали денщик и слуга, побывало много дам, среди которых особо выделялась двоюродная сестра графини Елены Потоцкой.

Когда слухи о визитах великосветских дам Варшавы к русскому генералу стали гулять по городу, Маннергейм вспомнил княгиню Марию Любомирскую. Она хорошо знала о похождениях своего «друга сердца» и позднее писала: «Густав был человек увлекающийся, никогда и ничем не умел дорожить». Маннергейм же считал, что его «амурные успехи» маскировали отношения с Марией и давали спокойно спать ее мужу. Он понимал, что разорвать отношения с Любомирской нельзя, так как это сразу скажется на его положении в высшем обществе Варшавы, поэтому надо признаться княгине в любви. Все было продумано, ничего не делалось под давлением минутного порыва.

Вспоминая своего «друга сердца», княгиня Любомирская писала в своем дневнике: «Чем меня покорил Маннергейм? Он был умным, остроумным, одетым со вкусом человеком, прекрасно знакомым с мировой, русской и польской культурой». Ее как бы дополняет в своих неопубликованных парижских воспоминаниях (1934) генерал Енчалычев: «Мой командир барон Густав Карлович Маннергейм был большим знатоком польского театра, посещая многие его спектакли и оперы. Он встречался с великим мастером перевоплощения Людвиком Сольским, знал знаменитую певицу Марцелину Зембрих-Коханьскую. В книжных шкафах кабинета

Маннергейма в его доме на Черняковской улице стояло много произведений польских писателей, от „Истории одной бомбы“ Струга и „Пепла“ Стефана Жеромского до любимого бароном „Камо грядеши?“ и „Крестоносцев“ Генрика Сенкевича. Лучшим польским художником, по мнению Густава, был Ян Матейко с его картинами, отмеченными патриотическим пафосом: „Битва под Грюнвальдом“ и „Проповедь Скарги“. Эти картины, говорил генерал, выводят меня на глубокие раздумья о прошлом Польши».

Маннергейм обычно в конце мая посещал ипподром на Мокотовском поле, когда там разыгрывались призы Варшавского дерби (10 тысяч рублей) и Императорский (5 тысяч рублей). Лошади Маннергейма в скачках не принимали участия. Существовал запрет для старших офицеров гвардейских полков выставлять своих скакунов. Однако остается загадкой, почему генерал Маннергейм постоянно посещал ипподром, когда там выставлялись лошади, скрывавшие имя их владельца под буквами «ЕСБ». Возможно, это были лошади Маннергейма, так как в это время он имел большие затруднения с деньгами — фешенебельная Варшава стоила очень дорого. Маннергейм и раньше в Петербурге и Царском Селе умело маскировал свою фамилию.

Командуя гвардейскими уланами, Маннергейм чувствовал себя так хорошо, что отказался от очень престижной гвардейской должности командира 2-й Кирасирской бригады, стоявшей в Царском Селе. Он ждал, когда в Варшаве освободится должность командира Отдельной гвардейской кавалерийской бригады.

После больших летних маневров у Ивангорода началась долгая, правда, с периодами разочарования, дружба Маннергейма с 54-летним генерал-лейтенантом, выпускником Николаевского кавалерийского училища князем Георгием Тумановым, которого Густав знал по Русско-японской войне. По воскресеньям Маннергейм иногда бывал в дружной и гостеприимной семье Тумановых. Правда, Густава быстро утомляли чрезмерная болтливость князя и его постоянное несогласие с мнением начальников.

Генерал-майор Маннергейм основательно перестроил всю боевую подготовку эскадронов своего полка. Постоянно проводил многокилометровые переходы, практиковал полевой галоп в развернутом строю. Требовал, чтобы все офицеры проходили вместе с ним галопом четыре километра, где стояли 12–15 «мертвых» препятствий высотой более полутора метров. Он первый из генералов русской армии учил своих офицеров тщательно отрабатывать тактику боя мелкими подразделениями и обучать каждого улана вести бой в окружении и в условиях

изоляции от своего эскадрона. Об этом через 27 лет писал в своем отчете «Уроки войны с Финляндией» маршал К. Е. Ворошилов.

Гвардейские полки, расквартированные в Варшаве, часто посещали офицеры Генштаба, которые знакомились с их боевой подготовкой. Одним из таких стажеров, прикомандированных к лейб-уланам, был офицер штаба Киевского военного округа 36-летний полковник Николай Николаевич Духонин, будущий начальник штаба Верховного главнокомандования (1917). Этот тихий, но пронырливый человек, тонкий льстец, сразу не понравился генералу Маннергейму, и интуиция его не подвела. Впоследствии Духонин сыграет отрицательную роль в военной судьбе Маннергейма.

На летних маневрах 1912 года лейб-уланы, единственные из полков Варшавского военного округа, не получили за свои действия ни одного штрафного очка от посредников учений.

Великий князь Николай Николаевич, или «Лукавый», как его звали офицеры, заимствовав это прозвище из молитвы: «…но избави нас от лукавого», взирая на учения со своего серого коня, назвал Маннергейма «великолепным командиром». Кстати, принимая Маннергейма в Шуаньи под Парижем в 1920 году, великий князь сказал: «Я рад вновь встретить великолепного командира, который достойно выполнил свой долг в милой мне Финляндии».

Каждый год, обычно в начале сентября, уланы охраняли район царских охот около Спала — летней резиденции царской семьи, в 21 километре от железнодорожной станции Скерневицы. Маннергейм позднее писал: «Мне приятно вспоминать охоты в замке Спала, на северо-западе от Варшавы. Туда меня приглашали, когда мои гвардейские уланы охраняли замок при больших фейерверках. Там мое внимание было приковано к той простоте, которой окружала себя царская семья. Николай II наслаждался в этом маленьком, окруженном лесом замке, далеком от блестящей жизни столицы».

Генерал-майор Маннергейм часто покидал Варшаву, уезжая то в Петербург, то в Москву, то в Вену или Берлин.

Осенью 1913 года генерал Маннергейм больше месяца был во Франции, где в знаменитой военной школе Сен-Сир, основанной в 1802 году около Парижа, принимал участие в военной игре, а также во французско-русских учениях.

24 декабря 1913 года генерал-майор свиты Его Величества Густав Маннергейм был назначен командиром Отдельной гвардейской кавалерийской бригады. «В ее состав входил мой полк, — писал Маннергейм, — а также лейб-гвардии Гродненский гусарский полк и артиллерийская конная батарея. Все они были в

Варшаве».

Теперь под его командой были два генерала, 88 офицеров, среди них семь князей и четыре барона, 914 унтер-офицеров и солдат.

Июнь и часть июля 1914 года Маннергейм провел в Висбадене — бальнеоклиматическом курорте на Рейне, подлечивая свой застарелый ревматизм.

Возвращаясь в Варшаву, он на несколько часов задержался в Берлине, чтобы встретиться с продавцом лошадей, у которого покупал их для Придворного конюшенного ведомства в конце XIX века. К удивлению Густава, лошадей в магазине не оказалось. Господин Волтманн, владелец магазина, с улыбкой встретил своего старого знакомого, сказав: «Сожалею, господин генерал, что вы приехали ко мне сегодня, вчера 130 лошадей я отдал армии». Маннергейм был очень удивлен, что бедная немецкая армия могла купить столь дорогих лошадей, каждая из которых стоила не менее пяти тысяч рублей. Тогда Волтманн ответил: «Каждый, кто хочет войны, может и готов заплатить любую сумму». Этот ответ немецкого продавца заставил Густава задуматься.

Приехав в Варшаву утром 22 июля 1914 года, генерал во второй половине дня в гостинице «Бристоль» встретился с княгиней Любомирской. Она рассказывала сестре Юлии: «Густав говорил мне: будь мужественной, война, которая, видимо, скоро грянет, будет недолгой. Я постараюсь бывать в Варшаве. Я офицер и должен выполнить свой долг перед родиной».

Вечером Маннергейм отправился в лагерь, где его бригада была на маневрах и к концу которых он успел. Во время совместной атаки полков лошадь генерала на галопе упала и он вывихнул себе ногу, пришлось неделю ходить с палочкой.

Глава 10
В ОГНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

1914-й

29 июля 1914 года, в полдень, когда генерал Маннергейм обедал в охотничьем клубе на Эриванской улице, 7, солдат-посыльный вручил ему предписание: «Срочно прибыть в штаб бригады, куда поступил приказ о мобилизации».

«Тишину ночи, — писал генерал-майор Носович, — прорезали звуки труб „Всадники-други, в поход собирайтесь!“. Лейб-гвардии Уланский полк построен. Трубачи гремят — под штандарты! Полк, справа по три! Незаметно дошли по пустынным улицам Варшавы до вокзала. Незаметно кончилась посадка, и вот мы в Люблине…»

«Утром 31 июля 1914 года, — пишет в своем дневнике княгиня Любомирская, — ко мне пришел попрощаться генерал Маннергейм… Он попросил напутствовать его на дорогу».

2 августа Отдельная гвардейская кавалерийская бригада сосредоточилась в четырех деревнях около Люблина. Генерал Маннергейм в штабе 4-й армии получил приказ о том, что его бригада вошла в сводный отряд генерал-лейтенанта Туманова. Место дислокации — город Красник. В ночь с 6 на 7 августа поступило сообщение, что Австро-Венгрия объявила войну России.

15 августа 1914 года генерал Маннергейм получил самостоятельную задачу удержать от врага город Красник, важный стратегический узел, и произвести глубокую разведку неприятельских сил. Получив информацию о движении австрийцев к Краснику, генерал Маннергейм приказал лейб-уланам занять позиции, а лейб-гвардии Гродненский полк оставил в резерве. Вскоре вражеские снаряды стали падать около уланских позиций. Вдали, со стороны селения Здеховицы, появились вражеские цепи. Плотный заградительный огонь остановил врага. В 12 часов положение стало серьезным после отхода третьего эскадрона к опушке леса. Как потом показал допрос пленных, на 500 спешенных русских кавалеристов двигались три пехотных полка австро-венгров с четырьми артбатареями, имея в авангарде полк кавалерии. Неприятель шел густо, упорно продвигаясь вперед, несмотря на большие потери. В руку и грудь был ранен командир полка лейб-улан генерал Абалешев. Дело принимало плохой оборот. На 80 улан второго

эскадрона приходилось две роты австрийцев. Когда около 13 часов к позициям подошли наконец два русских стрелковых полка, Маннергейм принял решение придать активной обороне наступательный характер, как он это делал в Русско-японскую войну. После того как русская артиллерия нанесла по австрийцам мощный короткий удар, в бой была брошена кавалерия. После ее стремительной атаки враг начал поспешно отступать, бросая оружие и раненых, оставив пленными шесть офицеров и 250 солдат.

В 17 часов эскадроны лейб-улан и пулеметную команду на позиции сменил Белевский пехотный полк. Лейб-уланы потеряли в бою 48 человек, среди которых было семь офицеров, включая командира.

За бой при Краснике приказом командующего 4-й армией генерал-майор Маннергейм, один из первых в мировую войну русских офицеров, был награжден золотым Георгиевским оружием.

Стратегическое значение этого сравнительно небольшого по своим масштабам сражения было очень велико. Соединение, которым в силу сложившихся обстоятельств пришлось командовать генералу Маннергейму, остановило быстрое продвижение австро-венгров, обеспечив планомерное развертывание войск Юго-Западного фронта.

После своего поражения у города Красника передовые части неприятеля встали стеной перед правым флангом 4-й русской армии и настолько усилились, что всякое проникновение конницы генералов Туманова и Маннергейма в тылы австрийцев прекратилось.

Проведя две неудачные разведывательные операции, гвардейцы Маннергейма стали постоянно вести тяжелые встречные бои с врагом. Генерал Туманов приказал гвардейской бригаде занять позиции на правом берегу реки Выжница, но гвардейцы не смогли выполнить этот приказ, так как попали в окружение у селения Грабувка. Что делать? Кругом враг, имеющий почти трехкратное превосходство в силах. Темнеет, сведений о противнике нет. Маннергейм приказывает собрать всех офицеров и предлагает каждому дать короткое предложение, как выйти из окружения. Выслушав всех, генерал берет красный карандаш и на оперативной карте делает круг, в центре которого деревня Грабувка. Затем делит круг на 20 сегментов. В каждый из сегментов направляется уже на местности группа опытных солдат с офицером. Задание каждой группе — захватить вражеского языка. Около полуночи вернулись все разведчики, ведя, как на поводу, пленных, подбор которых соответствовал

«маннергеймовским сегментам». Это после допроса пленных дало возможность штабным офицерам найти в поле окружения разрыв, равный километру. Направление выхода из окружения было определено. В два часа ночи гвардейцы устремились в прорыв. Выдержав короткий бой с ротой австрийцев, рано утром они присоединились к 13-й кавалерийской дивизии.

Около 13 часов 11 августа 1914 года бригада Маннергейма, не успев как следует напоить и накормить лошадей, получает новый приказ: задержать продвижение врага в районе деревни Суха Вулька.

Подойдя к деревне, гвардейцы попали под сильный пулеметный огонь противника. Завязался бой, который шел до вечера. Видя, что своими силами врага не остановить, Маннергейм приказывает отходить. Чтобы быстро оторваться от неприятеля, генерал дал указание командирам полков имитировать подход подкрепления. Для этого два взвода гусар срубили тонкие деревья и прикрепили к хвостам своих лошадей, пустив их в карьер. Австрийцы по огромным столбам пыли решили, что приближается кавалерийская дивизия, и остановили свое движение. Переправившись на правый берег реки Выжница, гвардейцы соединились с полками генерал-лейтенанта Туманова.

Утром 12 августа Туманов собрал у себя в штабе всех старших офицеров своего кавалерийского соединения. Он сказал: «К нам приближается войсковая армада (любимое слово князя) врага, которая почти в три раза превосходит наши силы. В управлении нашей армией полный хаос. Связь не действует. Ночью переходим на новую позицию у деревни Коваля». Вечером, когда связь восстановилась, из штаба фронта поступило сообщение, что новым командующим 4-й армией назначен 57-летний генерал-адъютант Алексей Эверт. Маннергейм хорошо знал Эверта по Русско-японской войне. Тот славился нерешительностью и неоднократными срывами наступательных операций.

Положение кавалерийского соединения генерал-лейтенанта Туманова стало неопределенным. Никаких активных действий; пассивная оборона с редкими перестрелками. 13 августа пришел один из первых приказов Эверта, который возмутил офицеров соединения. Он гласил, что «кавалерия действует не энергично, занимая участки сплошной линией без резервов. Генералы и офицеры руководят своими частями только по картам. Все тылы забиты обозами…»

Туманов отправил первую бригаду своей дивизии на охрану переправ на реке Ходель. Не зная фактической обстановки, он приказывает Маннергейму возглавить пять кавалерийских полков

и очистить от врага район, прилегающий к правому флангу 4-й армии.

Связь со штабом Туманова прервалась. Маннергейм оказался в сложном положении. Надо самостоятельно принимать какие-то решения. Оценив ситуацию, генерал решил только атаковать врага, причем внезапно. Лобовая атака с фланговой поддержкой сыграла свою роль, австрийцы обратились в бегство.

Не сказав даже «спасибо» командиру своих главных сил, князь Туманов отдает новый приказ: «Генерал Маннергейм, немедленно, в четырех местах, вплавь перейдя реку Ходель, атакуйте и захватите у врага город Ополе».

Быстро форсировав реку, в мокрой одежде и сапогах, гвардейцы, имея впереди две сотни казаков, галопом, перескакивая через могилы старинного кладбища, ворвались на улицы города Ополе. Австрийцы не ожидали такой стремительности от русских. После жестокого боя почти за каждый дом к вечеру неприятель был выбит из города. Подтянув к пригороду артиллерию, австрийцы начали методично обстреливать город. Один из снарядов упал рядом с наблюдательным пунктом Маннергейма. Генерала засыпало землей. Офицер и телефонист, которые стояли рядом с ним, были убиты. Маннергейм ночью приказывает полкам выйти из города и преследовать врага, но неожиданно получает приказ Туманова: «Генералу Маннергейму вернуться на правый берег реки Ходель». Этот приказ буквально ошеломил Маннергейма. Он перечеркивал успехи его солдат и офицеров. Упоенный победой Маннергейма, генерал-лейтенант Туманов, войдя вслед за ним в город Ополе, забыл о бдительности, чем воспользовались австрийцы, мощным ударом с запада выбив его из города. Опять Маннергейм по ротозейству своего начальника оказался отрезанным от него. Нужно было из вражеского тыла, куда его непроизвольно загнал Туманов, выходить в район деревни Коваля. В полдень 15 августа, без потерь, полки Маннергейма заняли свои позиции.

16 августа Туманов приказывает Маннергейму вновь возглавить пять полков и с ними перейти в район села Змиевка, откуда ударить в тыл врага, который пытается форсировать реку Ходель. После удачного боя, когда противник был отброшен от реки, в своем донесении начальнику штаба 4-й армии генерал-лейтенант Туманов писал: «…честь успешного боя принадлежит начальнику гвардейской бригады Свиты Его Величества генерал-майору Маннергейму…»

За успешные операции в августе 1914 года генерал-майор Маннергейм получил орден Святого Станислава 1-й степени с мечами и мечи к имеющемуся у Густава ордену Святого

Владимира 3-й степени.

19 августа 1914 года штаб генерал-лейтенанта Туманова получил секретное предписание, гласившее, что из корпусов 4-й армии и прибывших к ней новых частей образованы две армии — 4-я и 9-я. Командующим последней назначен генерал от инфантерии Платон Лечицкий.

Ночью генерал-майор Маннергейм получил секретное предписание немедленно выступить в город Люблин, место сбора всех частей гвардии.

В старом центре города на Королевской улице головной полк Отдельной гвардейской кавалерийской бригады встречали командующий 4-й армией генерал Эверт и командир гвардейского корпуса генерал от кавалерии Владимир Безобразов. 22 августа у Маннергейма состоялась неприятная встреча с его бывшей любовницей графиней Елизаветой Шуваловой, которая возглавляла госпиталь Красного Креста в Перемышле.

Война есть война, и потому недолог был отдых гвардейцев Маннергейма. В соответствии с указанием Ставки Главного командования русской армии штаб Юго-Западного фронта разработал план новой операции, которая предусматривала общее наступление всех армий фронта с целью отбросить противника к рекам Сан и Висла.

Командир Гвардейского корпуса генерал Безобразов приказывает Маннергейму возглавить армейское соединение в составе трех кавалерийских полков, двух казачьих дивизий и конно-артиллерийской батареи. Соединению была поставлена задача захватить выходы из Таневских лесов и освободить от врага уездный город Янов, расположенный в 75 километрах от Люблина.

Подойдя к городу Янову и оценив обстановку, генерал-майор Маннергейм провел «звездную операцию», которая совершенно сбила с толку врага, так и не разобравшегося, откуда наступают русские, и потому «прохлопавшего» атаку лейб-гусар, ворвавшихся в предместье Янова. Когда полки соединения вошли в город, они обнаружили много раненых русских солдат, которые были взяты в плен австрийцами в середине августа. Им не оказывали медицинской помощи, и они лежали на соломе, пропитанной кровью и гноем. Увидев эту картину «гуманного» отношения неприятеля к пленным, Маннергейм приказал немедленно доставить сюда всех австрийских врачей и сестер, захваченных в городе, и их силами привести всех раненых русских солдат в «идеальный вид». Контроль за этим мероприятием он возложил на врачей гвардейской бригады.

После этой блестящей наступательной операции русских австрийцы стали поспешно отходить по лесным дорогам от Янова к деревням Шклярня и Пикуле. Захватив большие трофеи и оставив часть полков соединения в городе, гвардейцы Маннергейма вошли в лес, примыкающий к южной его окраине, где неожиданно встретили сильное сопротивление врага. Бригада понесла большие потери. Был убит штаб-ротмистр Бибиков. Выведены из строя все пулеметные команды. Надвигался ненастный вечер. Маннергейм понимал, что держаться в проклятом лесу не имеет смысла, поэтому с тяжелым чувством на душе приказал отойти к городу Янову.

Узнав о событиях у города Янова по слухам, которые ходили в Варшаве, — а слухи твердили, что генерал-майор Маннергейм пренебрежительно относится к гвардейским офицерам, бросая их на явную смерть, — княгиня Любомирская пишет Густаву большое гневное письмо. Ее возмущение понятно, если учесть, что слухи были связаны с гибелью Бибикова, любимца высшего женского общества Варшавы. Но эти домыслы и суждения противоречили действительности, так как в одном из приказов по 4-й армии, еще до гибели Бибикова, генерал-майора Маннергейма обвинили в том, что он, сохраняя своих солдат и офицеров, уклоняется от боев с противником.

Отдохнув два дня в деревне Гройцы-Мамоты, полки соединения Маннергейма начали движение к бурной с сильным течением реке Сан. За рекой вдали возвышались одиночные холмы, на склонах которых были позиции неприятеля. Одна часть соединения перешла реку вброд, другая — через понтонный мост в Кржешове.

Отступая, австрийцы хорошо укрепили левый берег реки Сан. Утром 4 сентября, выйдя из деревни Зарзина, полки Маннергейма попали под сильный огонь врага, но, выбив его из окопов, были атакованы немецкой пехотой. Это был более серьезный противник, чем австрийцы. Начался кровопролитный бой. Русские атаки успеха не приносили. Вспоминая это сражение, Борис Энгельгардт писал: «Мне пришлось видеть в бою у реки Сан одного из самых видных кавалерийских генералов — барона Маннергейма. Он спокойно стоял под ураганным огнем немецкой пехоты. Рядом падали люди и лошади. Стоявший вблизи генерала адъютант был убит, на его глазах пули свалили командира эскадрона…»

К вечеру бой утих. К этому времени две пехотные дивизии отбросили немцев и начали вместе с полками Маннергейма преследовать неприятеля. У деревни Зарзина лейб-уланы потеряли столько лошадей, что часть кавалеристов пришлось

прикомандировать к пехотному полку.

Ступив на землю Галиции, генерал-майор Маннергейм стал командовать только двумя полками своей гвардейской бригады, которая начала ходить в ближнюю и дальнюю разведку. Часто эскадроны находились в рейде от двух до трех суток, проходя 60–80 километров в день. Лошади постоянно выбывали из строя, а нового пополнения не поступало.

Обстановка на русском фронте в начале сентября 1914 года была очень сложной. Армии правого фланга Юго-Западного фронта вели упорные бои, срывая попытки немцев прорваться на север в междуречье Вислы и Буга. И только армии левого фланга достигли успеха, оккупировав восточную Галицию с городами Львов и Галич. Командир Гвардейского корпуса приказывает Маннергейму направиться через Сандомир к городу Опатов, обеспечивая предстоящий переход русских войск на левый берег реки Вислы и развертывание на этом берегу.

Опять длинные переходы по скверным дорогам и непролазной грязи. Земля Галиции от постоянных дождей стала рыхлой и влажной. На ней лошади быстро уставали. И только генеральская кобыла по кличке Дези, обладая сверхчутьем, хорошо выбирала дорогу и броды. Она понимала настроение Маннергейма, его желания, чувствовала характер. Генерал всегда находил время, чтобы поделиться сахаром со своей любимицей.

Придя в город Опатов, Маннергейм представился своему новому начальнику — флигель-адъютанту генералу Петру Дельсалю, зеленоглазому статному шатену с аккуратно подстриженной бородкой. Тот встретил Густава как старого знакомого и начал разговор по-французски. Он жаловался, что теперь они с бароном «смертники», которыми их сделал генерал Лечицкий. Ведь сил врага, по данным разведки, в 2,5 раза больше.

Не дав гвардейцам даже немного отдохнуть после дальнего перехода, генерал Дельсаль приказывает Маннергейму выступить в район селения Климонтов. Этот район очень волновал командующего корпусом. Он считал, что немцы могут легко перерезать пути отхода его гвардейской пехоты и кавалерии Маннергейма к Сандомиру, где был единственный мост через Вислу.

Вот как Маннергейм описывает это событие в своем докладе Дельсалю: «В 14 часов я получил приказ, отданный вами в 10.55, собрать бригаду и перейти в район селения Трембанов (оставив врагу Климонтов) для обеспечения правого фланга гвардейских стрелков при их отходе в Аннополь… С моего наблюдательного пункта было видно, что отходящие части стрелков под убийственным огнем противника двигаются не на Аннополь, а к

шоссе Опатов — Сандомир… Около восьми вечера 20 сентября я получил новое приказание Вашего превосходительства прикрыть отход гвардейских стрелков на Аннополь, в то время как они идут на Сандомир…»

Создалась странная ситуация. Отдавая свой приказ, генерал Дельсаль не знал фактической обстановки или перекладывал свои тактические ошибки на Маннергейма?

Барон понял, что нужно самостоятельно принимать решение, ибо промедление смерти подобно. Надо было, пренебрегая опасностью окружения своих полков, прикрыть отход гвардейской пехоты на Сандомир.

Около 18 часов враг начинает наступление. Фланговые контратаки гвардейской кавалерии и русская картечь заставили противника повернуть назад. Гвардейская пехота подошла к Сандомиру и заняла новые позиции, обеспечив переправу частей 9-й армии на правый берег реки Сан.

За эту операцию генерал-майор Маннергейм был награжден крестом Святого Георгия 4-й степени, который был вручен 18 декабря 1914 года. Лейб-уланы по этому случаю сочинили стихи:

Крест Георгиевский белый
Украшает вашу грудь;
Есть чем вам, жестокий, смелый,
Бой с врагами помянуть.

11 октября русские неожиданно для врага перебросили на левый берег Вислы 4-ю и 9-ю армии Юго-Западного фронта. В это время Маннергейм писал отцу: «Мы снова стоим перед большим сражением, в котором немцы будут использовать все свои силы». И он был прав. Вскоре около Ивангорода развернулись крупные бои. Кавалерийская бригада генерал-майора Маннергейма была переброшена на левый берег Вислы, где в лесистой местности вместе с гвардейской пехотой начала вести тяжелые сражения, в которых, по словам сослуживцев Густава, «он производил большое впечатление своей неизменной храбростью, будучи в сфере ружейного огня». Во всех стычках он был под пулями, которые не трогали его. На вопросы офицеров о неуязвимости он показывал рукой на левый нагрудный карман, где лежала серебряная коронационная медаль, полученная в 1896 году. После поражения австро-германских армий в Варшавско-Ивангородской операции, одной из крупнейших в Первой мировой войне, Ставка приступила к выработке дальнейших действий армий. Намечалось продолжение наступления, но действующие армии испытывали серьезные затруднения из-за

недостатка боеприпасов, продовольствия, обмундирования и фуража. Плохо соблюдались меры скрытого управления войсками. Немцы регулярно перехватывали русские радиосводки.

В конце ноября 1914 года гвардейцы Маннергейма заняли стационарные позиции на реке Нида, где для них закончился походно-маневренный этап первого года войны и началось зимнее сидение в окопах.

Новый, 1915 год генерал-майор встретил на позициях своей гвардейской бригады в кругу офицеров. После традиционного тоста за победу лейб-уланы поздравили своего командира с возвращением из госпиталя в полк и преподнесли ему «на счастье» серебряный портсигар.

1915-й

Командир 12-й кавалерийской дивизии

После блестящих успехов первого периода войны, ознаменовавшихся разгромом австро-венгерских вооруженных сил и занятием почти всей Галиции, русская армия начала отступать.

В начале года германское Верховное командование, встревоженное успехами русского оружия над австрийцами, круто изменило принятый им вначале план войны, по крайней мере на ближайший период времени.

Создав на Западном фронте почти неодолимую стену укреплений, оплетенных колючей проволокой и усиленной мощной артиллерией, немцы быстро перебросили свои значительные силы против русских.

Русская армия, таким образом, становилась главным предметом действия центральных держав. Даже немецкая Ставка была перемещена на восток, в небольшой город Плесс, расположенный в Силезии, почти на границе с Австрией.

Командование Юго-Западным фронтом, учитывая сложившуюся обстановку, начало передислокацию войск.

Отдельная гвардейская кавалерийская бригада генерал-майора Маннергейма была переброшена из западной Галиции в восточную, где ее включили в состав 8-й армии, которой командовал генерал Алексей Брусилов. Густав писал сестре Софье: «Встретил старого знакомого… бывшего начальника офицерской кавалерийской школы в те времена, когда я принадлежал к ее кадрам». Можно добавить: «и по совместной приятной службе», как Брусилов написал на фотокарточке,

подаренной Маннергейму в 1904 году. Имя этому генералу создали победы Юго-Западного фронта. Его любили в войсках за умение хорошо ориентироваться в обстановке и ставить исполнимые задачи, но ненавидели генштабисты — называя «лошадиной мордой» и «берейтором офицерской школы». Брусилов в долгу не оставался, величая их «кабинетными червями».

Очень сложны были суждения Маннергейма об этом человеке — от признания его способностей и заслуг до полного разочарования, когда Брусилов, в погоне за революционной репутацией, перешел на службу в Красную армию.

При первой встрече с Маннергеймом, когда последний докладывал о прибытии бригады, Брусилов предложил ему временно возглавить 12-ю кавалерийскую дивизию, входившую в состав 2-го кавалерийского корпуса, командир которой был ранен. Почему временно? Да потому, что командующий армией имел право только временно назначать генералов на вакантные должности. Окончательное решение принимал император. Высочайший приказ поступил 24 июня 1915 года.

Генерал Маннергейм хорошо знал 12-ю кавалерийскую дивизию по ее боевым делам в составе 7-го и 24-го армейских корпусов в Польше и Галиции, поэтому сразу согласился с предложением командующего армией.

Знакомя Густава с секретными документами, поступившими из Ставки Верховного Главнокомандования, и зная, с каким интересом тот воспринимает информацию о своей родине, Брусилов показал ему две сводки, которые говорили:

«Вице-консулы России в Роттердаме и Копенгагене сообщали в Ставку о том, что немцы развернули кампанию по приглашению молодых финнов в Германию для обучения их военному делу с целью подготовки восстания в Финляндии».

«Для противодействия немецкой агентуре командующий Северо-Западным фронтом запретил выезд молодых финнов в возрасте 18–35 лет из Финляндии за границу…»

Прочитав, Маннергейм не стал комментировать эти сводки, чего Брусилов, видимо, не ожидал.

Советские пропагандисты после Второй мировой войны, поливая грязью имя старого маршала, приписывали ему «тайные связи» с финскими егерями в дни Первой мировой войны, делая его чуть ли не немецким шпионом.

На самом же деле генерал Маннергейм встретился с финским егерским батальоном, сражавшимся на стороне Германии в Первую мировую войну, в феврале 1918 года. Он стал костяком его армии. Однако между бывшим царским генералом и

офицерами батальона возникли разногласия, которые впоследствии сказались на судьбе Маннергейма.

Передав свою гвардейскую бригаду генералу Абалешеву, Маннергейм догнал наступающую на врага 12-ю кавалерийскую дивизию в деревне Лисец.

Отдельная гвардейская кавалерийская бригада по приказанию Брусилова вошла в 3-ю гвардейскую дивизию, которой командовал друг кавалергардских лет Густава — генерал Петр Арапов.

12-я кавалерийская дивизия, часть 2-го кавалерийского корпуса, имела в своем составе две бригады, в каждой из которых было по два полка, по словам Маннергейма, «великолепных».

Старейшие традиции имел Ахтырский гусарский[5] полк, который в 1651 году встал на охрану южных границ Московского царства. В 1767–1769 годах он участвовал в войне против Польши, брал штурмом предместье Варшавы — Прагу. Сражался в 1812 году на главном театре военных действий. Его коллективные заслуги были отмечены серебряными трубами с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году». Почетным полковником, шефом полка, была младшая сестра Николая I — Ольга Александровна.

Богатые традиции также имели полки: Белгородских улан[6], сформированный в 1701 году, участник войны 1877–1878 годов; Стародубских драгун[7], созданный в 1783 году из украинских казаков и покрывший себя славой в войнах 1812–1814 и 1877–1878 годов. Четвертый полк состоял из оренбургских казаков. Дивизия также имела конную артиллерию и команды: пулеметную, саперную и связи. В 1914 году гусары и уланы простились со своей блестящей формой, имеющей много деталей. Они надели шинели солдатского сукна, защитные кителя и гимнастерки с пуговицами, обтянутыми материей. С 1916 года офицерское обмундирование стало весьма разномастно, так как его шили из материи любого защитного цвета.

Штаб 12-й кавалерийской дивизии, при неоднородности его состава, имел великолепную выучку и аккуратность в работе. Начальник штаба Иван Поляков — человек крепкого телосложения, требовал от офицеров штаба не просто повиновения, но самоотдачи. Свои поручения он никогда не делал в приказном тоне. Голос его был спокоен, за исключением тех случаев, когда нерадивость офицеров выводила его из себя. Маннергейм так характеризовал свой новый штаб: «В экстренных ситуациях ни один человек не терял присутствия духа, ответственность не уменьшалась, и создавалось впечатление, что мое окружение составляют люди молодые и проворные».

Принимать полки дивизии и знакомиться с ними генерал-майору Маннергейму из-за боевой обстановки пришлось около десяти дней.

Бои у поселка Залещики

Вечером 12 марта барон получил приказ командира 2-го кавалерийского корпуса немедленно сменить 1-ю Донскую казачью дивизию, которая понесла большие потери у поселка городского типа Залещики, расположенного в 45 километрах от Черновцов.

Интересна история этого поселка, известного с 1340 года. В 1772 году Залещики оккупировала Австро-Венгрия, затем, с 1809 года, он шесть лет был в составе России. С 1815 года им сто лет опять владела Австро-Венгрия. В конце 1914 года поселок вновь перешел в руки русских.

Залещики расположены в покрытой роскошной растительностью, необычайно красивой местности, которую на Украине называют «второй Швейцарией». Дома поставлены в глубокой впадине, с трех сторон омываемой Днестром, который здесь имеет ширину 150–160 метров и глубину до пяти метров. По правому берегу поселок полукольцом охвачен густой растительностью, расположенной на очень высоких холмах (до 322 метров). Это единственное место во всей Западной Украине с умеренным средиземноморским климатом, где много солнца и выпадает малое количество осадков. Правда, март здесь слякотный и грязный.

Когда в 7 часов вечера 12 марта полки дивизии подошли к селению Бедриковцы, генерал-майор Маннергейм решил лично обследовать позиции, которые на гребне высот правого берега занимали казаки и пехота.

Приехав в Залещики, где находился штаб казаков, Маннергейм вместе с командиром 1-й Донской дивизией и офицерами своего штаба отправился на позиции. Подойти к ним через Днестр можно было только по доскам, проложенным под полуразрушенным бетонным мостом (единственной связью с тылом), который был постоянно под огнем врага.

Этот мост, по рассказам работника местного музея, строился дважды, после Первой и Второй мировых войн. Сейчас он только пешеходный. Железнодорожный мост, построенный в 1895 году, существовал до 1914 года и был взорван отступающими русскими войсками. В 30-х годах его восстановили, но в 1944 году он был взорван и больше не строился.

Перейдя мост, офицеры под прикрытием высокого берега направились к высоте 317 за деревней Крещатик, где были позиции двух батальонов Александрийского пехотного полка. Генерала и сопровождающих его офицеров никто не встретил. После долгих поисков из землянки пещерного типа был «вытянут» подполковник с сонными полупьяными глазами, оказавшийся командиром Александрийских пехотных батальонов. Поднялись на позиции, имевшие жалкий вид: мелкие пулеметные и стрелковые ячейки при полном отсутствии ходов сообщений. Несколько окопов, не связанных с общей системой обороны, защищали редкие и косые проволочные заграждения. Весь гребень высоты был изрыт огромными воронками от снарядов. Командный пункт пехотинцев находился в канаве у большого камня, от которого до позиций врага было около 800 метров. Они, казалось, полностью вымерли, пусты и безмолвны. Куда ни кинь взгляд — бесконечно тянутся ряды проволочных заграждений, за ними чуть угадываются темные пятна бойниц. Кое-где видны заброшенные строения, вдалеке полоска леса.

Осмотрев при ярком свете вражеских ракет позиции врага, Маннергейм обратил внимание офицеров на первый ряд гладких кольев, залитых смолой и окутанных проволокой. «Посмотрите, господа, — сказал генерал, — эти заграждения — с электрическим током. Изоляцией против утечки тока служит смола».

Позиции казаков на гребнях высот 306 и 322 и у деревни Крещатик были в лучшем состоянии, но во всем чувствовалась небрежность, как будто люди не дорожили своей жизнью.

Оценив обстановку, генерал-майор Маннергейм с огорчением установил, что русские позиции недостаточно укреплены и совсем не приспособлены к обороне с трех сторон по дуге. Это позволяло врагу держать их в «огневом котле», постоянно обстреливая и буквально засыпая снарядами.

Под пулями, выбивавшими искры из бетонных опор моста, офицеры возвращались в Залещики. Оттуда уже без приключений добрались до бедриковцев.

Собрав в здании местной школы офицеров дивизии, Маннергейм кратко обрисовал обстановку на правом берегу Днестра, затем определил диспозицию бригад: 1-я (драгунский Стародубский и уланский Белгородский полки) занимает позицию по гребню высоты 306. Пехотные батальоны на высоте 317 входят в подчинение командиру бригады. 2-я (гусарский Ахтырский и Уфимско-самарский казачий полки) занимает позицию от деревни Крещатик до высоты 322.

Свое выступление генерал закончил словами: «Приказываю:

по возможности дообрудовать и укрепить позиции. Помните, что если мы пропустим неприятеля в Залещики, то он нанесет удар в тыл 33-го армейского корпуса, поэтому ни шагу назад…»

В 11 часов вечера 12 марта полки 12-й кавалерийской дивизии, оставив лошадей в деревнях Дуплиска и Бедриковцы, заняли позиции на правом берегу Днестра. Штаб дивизии остался в Залещиках. Ему нашли дом, с крыши которого открывался хороший обзор вражеских позиций. Маннергейму, вместе с командиром 2-й бригады, был оборудован выносной командный пункт на высоте 322.

Почти три дня дивизия, несмотря на неустойчивость пехоты, отбивала яростные атаки врага, который возмещал свои неудачи непрерывным артиллерийскими обстрелами Залещиков и русских позиций.

С командного пункта генерала была видна грозная картина. Гребни высот правого берега Днестра дымились от взрывов. Деревни Крещатик и Звенячин были окутаны пламенем горящих домов. Казалось, живому существу невозможно удержаться, устоять в этом крошеве камней и осколков. Столбы земли, целые деревья взлетали в воздух, засыпая окопы и солдат.

— Каково сейчас моим солдатам и офицерам? — думал барон. — Ведь им надо уцелеть в этом огне, да еще и силу сохранить для будущих боев.

Все это напоминало эпизоды книги Леонида Андреева «Красный смех». Враг неизвестным путем только обнаружил место штаба дивизии в Залещиках. Снаряды стали падать веером в его районе, ломая деревья и разрушая соседние здания. Штаб дважды менял свое место.

В эти дни в докладах на имя командира 2-го кавалерийского корпуса генерала Хана-Нахичеванского Маннергейм писал: «В ночь на 13 марта австрийцы атаковали деревню Крещатик, но были отбиты. Днем противник вновь перешел в наступление на деревни Крещатик и Звенячин. Несколько часов шел упорный бой. Крещатик несколько раз переходил из рук в руки, в конце концов враг был отброшен».

«Вечером 14 марта противник вел яростные атаки на всем фронте дивизии. Под проливным дождем, в наступающей темноте, австрийцы густыми колоннами лезли на позиции полков дивизии, массами гибли, встречая штыковые контратаки. Противник понес большие потери, перед нашими окопами лежат горы трупов…»

В этих боях в полках Маннергейма потери были тоже немалые. Контузию получил ординарец генерала штаб-ротмистр Скачков. Вражеский снаряд, угодив в окоп ахтырцев, погубил

половину взвода солдат. Санитары с большим трудом переправляли раненых в Залещики.

Разбирая итоги боев в Залещиках, Маннергейм считал, что большие потери были связаны с тем, что:

плохая маскировка и излишняя удаль донских казаков помогли врагу точно пристрелять их позиции;

непрерывные, днем и ночью, артиллерийские обстрелы не позволили полкам дивизии углубить, укрепить и расширить свои позиции;

отсутствие разветвленных ходов сообщения и постоянные «огневые завесы» у моста не давали возможность эвакуировать раненых.

В эти дни командующий 9-й армией генерал Лечицкий, придававший большое значение позициям в районе Залещиков, приехал, вместе с командиром 2-го кавалерийского корпуса, не предупредив об этом Маннергейма, на одну из высот к северу от поселка. Противник, увидев на дороге автомобиль, открыл по нему артиллерийский огонь. Генералы выскочили из автомобиля и легли на землю, при этом взрывной волной генерал Хан-Нахичеванский был контужен, шофер убит.

Офицеры штаба Маннергейма вызволили незадачливых генералов и помогли им. Автомобиль командующего был разбит взрывом снаряда. Срочно приехав с позиций в Залещики, Маннергейм не узнал своих начальников, имевших в грязных шинелях жалкий вид. Оба генерала молчали, не реагируя на доклад Маннергейма, хотя он знал, что Лечицкий требует фотографически точных отчетов о том, что происходит.

Командующий армией — маленький, сухой старичок с белыми большими усами, упорным взглядом узких глаз смотрел в окно. Хан-Нахичиванский нервно двумя руками потирал оглохшие уши. Только выпив по рюмке коньяку, генералы немного пришли в себя и начали разговор, инициативу которого по принципу «с места в карьер» взял на себя Маннергейм.

— Ваше высокопревосходительство, — обратился он к командующему, — разрешите расширить позиции полков моей дивизии. Это позволит более прочно удерживать их. Нам необходим второй мост для связи с правым берегом Днестра. Пришлите мне несколько артиллерийских батарей, да от полка пехоты я бы не отказался.

— Вы, барон, что-то очень много хотите. Я вам помогу с артиллерией, но большего не просите. Вы ведь знаете положение нашего фронта. С позициями разбирайтесь сами.

Вскоре незадачливые генералы уехали, забыв свои обещания.

Правда, около часа ночи 14 марта в Залещики пришла

Отдельная гвардейская кавалерийская бригада, которой раньше командовал Маннергейм, но, три часа простояв в северной части поселка, ушла обратно. Зачем ее присылали — осталось тайной штаба армии.

Возвращаясь на свой командный пункт, генерал-майор Маннергейм решил побывать на позициях 1-й бригады.

Быстро миновав тихие улицы поселка и оставив лошадей под прикрытием каменного дома на улице Собецкого, генерал с группой офицеров поодиночке осторожно перешли мост. Затем, под прикрытием высокого берега, направились к деревне Крещатик.

Вскоре показалась полуразрушенная, но еще живая, крепко державшаяся своими массивными башнями и мощными ногами контрфорсов за скалистый берег Иоанно-Богословская церковь, воздвигнутая в 1765 году. Под ее крепкими арочными проходами и террасой шел путь к позициям 1-й бригады.

Генерал Маннергейм с сожалением смотрел на то, что сделала беспощадная война с этим старинным, чарующим своей романтичностью уголком северной Буковины.

Здесь было относительно спокойно, так как враг в это время «обрабатывал» снарядами позиции 2-й бригады.

Маннергейм обошел все окопы, которые ему не понравились, так как солдаты и офицеры хорошо укрыли себя от снарядов, но не от холода, о чем красноречиво говорил громкий кашель, раздававшийся отовсюду.

Лежать в окопах и землянках было невозможно, надо было вылезать под пули неприятеля и согреваться бегом. Сначала пытались мастерить печи, но командиры полков запретили, опасаясь прицельного артиллерийского огня врага. Обходились небольшими кострами на склонах берега Днестра, где также грели воду.

В окопах и землянках для Маннергейма было много незнакомых лиц, особенно среди нового пополнения. Командир четвертого уланского эскадрона, высокий и статный ротмистр, представил генералу унтер-офицера Семена Дронова — георгиевского кавалера, героя боев в Галиции. Этот человек с крупными чертами лица и широким ртом настороженно воспринял вопрос Маннергейма:

— Что, Дронов, приуныл, небось от жены писем нет?

— Так точно, ваше превосходительство, давно что-то не пишет.

— Ох, Дронов, знаешь, какая у нас на войне почта — я и сам давно жду писем от родных. Потерпи, письмо обязательно придет.

— Что, герой, вздрагиваешь, небось австрийца боишься? —

обратился Маннергейм к молодому солдату, недавно прибывшему в полк.

— А что его бояться, ваше превосходительство? — тихо ответил юноша.

Побывал генерал и на перевязочном пункте. Из-за сильного артиллерийского огня противника и его непрерывных атак на стыке бригад дивизии Маннергейм решил остаться на командном пункте 1-й бригады.

Около восьми часов вечера начальник штаба по телефону доложил генералу, что в Залещики вошла 37-я пехотная дивизия. Ее командир передал приказ начальника штаба армии о том, что пехота будет сменять 12-ю кавалерийскую дивизию, которая отводится в район Дзявиняч — Бедриковцы.

Всю ночь с 14 на 15 марта шла передача позиций пехотной дивизии и переход полков Маннергейма через Залещики в район сосредоточения.

Наконец-то дивизия получила непродолжительный отдых, который, однако, был самым бесцеремонным образом нарушен шумом авиационного мотора. Вражеский аэроплан, как ястреб, кружился над Бедриковцами. От него отделились несколько точек и быстро понеслись к земле.

— Бомбы! — раздались крики.

Солдаты начали стрелять из карабинов. Пилот невозмутимо посылал на землю свои «подарки». Бомбы падали у домов, где стоял полевой лазарет дивизии. Санитары, бросив раненых, разбежались кто куда. Только врачи продолжали свою работу, несмотря на царивший кругом шум.

Барон подошел к медицинской сестре, одиноко стоявшей у санитарной повозки.

— Что, вы, сестра, бомб не боитесь?

— Конечно, боюсь, только от них все равно никуда не спрячешься.

Тем временем незваный «гость» улетел, не причинив серьезного вреда полкам дивизии. Все понемногу стали выползать из своих убежищ. Увидев генерала, санитар, сидевший под телегой, стал рассказывать, как он наводил порядок, а офицер, стрелявший по аэроплану из револьвера, утверждал, что он вместе с уланами вел залповый огонь по летающему объекту. Каждый рассказывал не то, что было на самом деле.

После долгих бессонных ночей в Залещиках Маннергейм решил хорошо отдохнуть, надев свою любимую пижаму. Друзья считали это причудой генерала, но всегда получали стандартный ответ:

— Вы знаете, почему генерал Раух в Восточной Пруссии

привел в полную негодность свою прекрасную гвардейскую кавалерийскую дивизию? Он погубил ее своим приказом: «Офицерам на ночь сапоги не снимать, лошадей не расседлывать». Полки моей дивизии должны знать, что командир им верит и спокойно спит вблизи неприятеля под их охраной.

Вечером 17 марта за ужином адъютант передал Маннергейму телеграмму из штаба армии, которая гласила:

«Генералу Маннергейму. В 6 часов утра 18 марта вы должны быть в деревне Шупарка, затем, через селение Пилипче, подойти к деревне Устье и с помощью понтонного батальона, он вам направлен, форсировать Днестр и соединиться с корпусом генерала графа Келлера. Содействуя частям Келлера и совместно с ним движением на селение Надворная нанести удар во фланг неприятеля, действующего на фронте 9-й армии. В ваше распоряжение передается один батальон Александрийского пехотного полка».

Распутица помешала графу наступать

Совместные действия дивизии с корпусом графа Федора Келлера особой радости Маннергейму не принесли. Он хорошо знал этого любимца публики и официальной прессы, который, с 1914 года загребая жар чужими руками, быстро продвигался по служебной лестнице.

19 марта полки 12-й кавалерийской дивизии сосредоточились в селении Устье, которое в мирное время славилось своими умелыми рыбаками. На правый берег Днестра на понтонах были переправлены три эскадрона стародубских драгун, которые заняли там оборону. Лично, с командиром понтонного батальона, осмотрев все места намеченных переправ, генерал принял решение навести мост в восточной части селения, у ветряной мельницы, где складки местности обеспечивали скрытое сосредоточение войск. В восьми километрах от Устья, в деревне Выгонка, была организована паромная переправа, по которой ночью 20 марта перешли на правый берег оренбургские казаки и батальон Александрийского полка. Переправу обнаружила вражеская артиллерия и открыла по ней сильный огонь. Казакам и пехоте пришлось окопаться и занять оборону. Когда был наведен понтонный мост у мельницы, по нему перешли четыре эскадрона ахтырских гусар, усилившие казаков и пехоту. Общую команду над этой группой возглавил полковник Жуков.

Друзья Келлера в штабе фронта сообщили графу, что Верховный Главнокомандующий принял решение о наступлении

русской армии, ориентированной на Будапешт. В предвкушении будущих наград граф решил за счет солдат Маннергейма сохранить кадры своего корпуса.

Он, как старший по званию, отдает приказ о том, что его корпус будет только «содействовать» боевым операциям 12-й кавалерийской дивизии, а не действовать вместе с ней, как это было предписано приказом штаба фронта. Видимо, не без участия графа в дивизию Маннергейма были включены совершенно небоеспособные батальоны Александрийского пехотного полка. Протесты генерала в штаб армии остались без ответа. Кастовые связи в верхах армии были очень сильны.

Оценив положение своих полков, Маннергейм направляет 1-ю бригаду к деревне Баломутовка с задачей занять ее, нанеся неожиданный удар по флангу врага. Бой, который разгорелся у северной окраины деревни, не привел к успеху, так как дивизия корпуса Келлера не обеспечила фланги 1-й бригады Маннергейма. Пришлось быстро отходить.

Ночью барону из штаба корпуса Келлера передают приказ штаба фронта: «Келлеру и Маннергейму расширить плацдарм в районе деревни Выгонки».

Маннергейм по телефону любезно обращается с вопросом к графу Келлеру: будет ли тот выполнять приказ штаба фронта о совместных действиях? Келлер утвердительного ответа не дал, использовав уклончивую фразу: «Я помню о поставленной нам задаче».

В пасхальную ночь 22 марта вторая бригада дивизии и два батальона александрийцев при поддержке трех артиллерийских батарей ворвались в селения Шлосс и Фольварок, обратив врага в бегство и захватив около 1000 пленных и восемь пулеметов.

Противник начал энергичные контратаки. Маннергейм усиливает 2-ю бригаду двумя эскадронами стародубских драгун и артиллерийской батареей. Части корпуса графа Келлера в бою участия не принимают.

Враг, усилив свои соединения шестью батальонами пехоты и артиллерией, начал активное наступление. Видя, что силы противника увеличились почти вдвое, Маннергейм обращается к Келлеру с просьбой о поддержке, на что получает неожиданный ответ Келлера. «Сожалею, но распутица мешает мне помочь вам».

Два батальона александрийцев, прикрывавшие левый фланг 2-й бригады дивизии Маннергейма, во время контратаки врага побросали оружие, подняли руки с белыми тряпками и сдались в плен.

Видя безвыходное положение своих полков, генерал Маннергейм приказал им отойти к Днестру, переправиться через

него и ликвидировать все понтонные мосты.

Эта операция, которая так бесславно кончилась, могла бы иметь крупный стратегический успех, если бы не странные действия генерала графа Келлера.

Маннергейм написал подробное донесение № 1407 о всех этапах этой неудачной боевой операции и действиях корпуса графа Келлера.

Однако только что назначенный командиром 2-го кавалерийского корпуса генерал Георгий Раух, скорее всего, положил это донесение под сукно. Такое отношение к Маннергейму, видимо, связано с давней историей, которую Раух не забыл. В 90-е годы XIX столетия его семья и семья Маннергейма дружили. Раух был шафером на свадьбе Густава. Его сестра Ольга знала Анастасию Арапову по жизни в Москве, помогала в воспитании ее дочерей. После громкой столичной истории, когда Арапова покинула мужа, мотивируя это его изменой, Раух и его сестра порвали отношения с Маннергеймом. Густав до назначения Рауха командиром корпуса не встречался с ним, хотя знал о его карьере. На свое поздравление Рауху по поводу назначения его командиром корпуса он ответа не получил. Впоследствии их отношения были строго официальны.

26 марта дивизия Маннергейма, передав свои позиции 9-й кавалерийской дивизии и оставив небольшое сторожевое охранение на Днестре, отправилась на 30-дневный отдых в деревню Шупарка.

В этом селении было около 100 домов, хозяин каждого из которых брал на постой солдат и офицеров, получая за это от земства 12 рублей месяц. Кроме того, хозяева домов имели право привлекать солдат для выполнения отдельных домашних работ. В Шупарке солдаты и офицеры блаженствовали, еда была хорошая, занятия только четыре часа в день. По приказу Маннергейма за деревней было оборудовано большое стрельбище, где устраивались конкурсы на лучшего стрелка эскадрона и сотни.

Эти соревнования всегда открывал сам генерал, демонстрируя великолепное владение всеми видами стрелкового оружия, что вызывало бурный восторг у присутствовавших. Князь Леонид Елецкий прозорливо шутил: «Здесь, в Шупарке, генерал начал закладывать основы снайперского движения в нашей армии». Лучших стрелков торжественно награждали дорогими папиросами и дефицитными спичками.

Не были забыты и пасхальные праздники, хотя их светлые дни дивизия провела в боях. В первые дни отдыха в нескольких больших сараях были организованы коллективные праздничные

обеды с раздачей подарков, поступивших из разных мест России. Несколько посылок было от финляндского Красного Креста. Маннергейм присутствовал на обеде в Ахтырском гусарском полку.

Первые две недели отдыха полков дивизии стояла теплая, солнечная погода с небольшими морозами по ночам. Маннергейма отдых особо не радовал. С конца февраля его постоянно мучили боли в пояснице. Самочувствие было плохое, часто приходилось лежать. Единственной радостью были письма близких и родных, а также обилие старых и новых газет, которые тюками привозила полевая почта. Вечерами старшие офицеры дивизии обычно собирались на чаепитие. За чаем один из офицеров по очереди читал наиболее интересные статьи из столичных и московских газет.

Генерал, внимательно слушая читающего, иногда бросал фразу:

— Как красиво пишут. Это случайно не «Новое время», где самые красноречивые газетчики?

Снова тревожные будни войны

С 25 апреля для 12-й кавалерийской дивизии вновь наступили серые будни войны. Утром — воздушная разведка, днем — порция снарядных осколков, вечером — пулеметная трескотня. В промежутках — никому не нужные разговоры и чтение дурацких приказов. Маннергейма очень развеселила директива штаба фронта № 4212 с грифом «Весьма секретно». Один из ее пунктов гласил:

«Местные еврейские девушки занимаются шпионажем в пользу противника. Шифры австрийских штабов они носят в подвязках и в бюстгальтерах. Многие из них надевают чулки со стрелками».

Передавая эту директиву генералу, старший адъютант дивизии капитан Рот весело воскликнул:

— Шикарно! Теперь мы будем раздевать всех подозрительных девушек.

Маннергейм нахмурился и сказал:

— Капитан, это не приказ, а глупость. Спрячьте его подальше от глаз офицеров. Визировать его не будем.

В середине апреля 1915 года русская армия глубоко вклинилась в пределы Австро-Венгрии, освободив от врага города Тарнов и Перемышль. Захватив перевалы в Карпатах, армия не смогла форсировать их и вынуждена была перейти к обороне.

Германское командование, видя тяжелое положение своего союзника, решило помочь ему, нанося удар между рекой Вислой и Карпатами. Задачей немцев было не только отбросить русских от Карпат, но и потрясти всю русскую армию.

Немцы тщательно и детально готовились к этой операции, которую начали 19 апреля, прорвав фронт 3-й русской армии в районе Горлице. Отступление 3-й армии обнажило фланги 8-й армии, и Юго-Западный фронт начал отходить к рекам Сан и Днестр. Узнав из директив штаба армии о наступлении немцев, Маннергейм был обескуражен, однако скоро пришел к выводу, что это наступление не имеет решающего значения, если рассматривать общее положение армий всех русских фронтов.

22 апреля Николай II посетил Львов, где обратился к галичанам с речью, сказав: «Да будет единая, могучая неразделенная Русь». Однако вскоре Галиция снова досталась врагу.

На дворе апрель, а зима не торопится уступать место весне. Воет ветер, сыплет и тут же тает мокрый снег. Проселки превратились в грязные реки. В эти дни 9-й армии было приказано проявить активность, чтобы облегчить положение правого фланга Юго-Западного фронта.

25 апреля генерал-майор Маннергейм был временно назначен командиром сводного кавалерийского корпуса, в который вошли: 12-я кавалерийская дивизия, Отдельная гвардейская кавалерийская дивизия и бригада Заамурской пограничной стражи — всего восемь кавалерийских полков.

Перед сводным корпусом была поставлена задача форсировать реку Днестр и вместе с Сибирским корпусом вести наступление на город Коломыя.

Форсировав на понтонах Днестр, сводный корпус двинулся на селение Городенка. Пасмурно. Небо покрыто тучами. Движение полков корпуса идет медленно, так как беженцы понемногу захватывают все войсковые стоянки. Многие людские таборы становятся рассадником вшивой заразы.

Наблюдая за всем этим, Маннергейм говорил:

— Да, картинки из нравов каменного века. Совсем как во времена аракчеевщины, когда табунами гнали поселенцев через всю Россию. Господа офицеры, вы, наверное, помните рассказ Лескова «Продукт природы», теперь та же картина.

Целые дни, а то и ночи, болтались офицеры и солдаты в седлах, без горячей пищи и курева. Лес, бездорожье. Люди и лошади выбивались из последних сил. И всюду — в лесах, на полях, по дорогам — разлагающиеся трупы людей. Все это было совершенно непереносимо. Еще страшнее были полевые лазареты.

Тут и там носилки, на которых стонут окровавленные люди. Всюду грязь, вонь, отчаяние, беспомощность и страшный беспорядок, с трудом преодолеваемый героическими усилиями врачей и сестер.

Для солдат полков сводного корпуса продвижение вперед не играло особой роли. Говоря о войне, они всегда болтали о бое — о его удали и ярости, или о бабе (справится ли она с хозяйством, не забалует ли?), или о Боге. Вопрос о том, захватим ли мы чужую землю, которую здесь неудобно было пахать, их мало интересовал. Поэтому настроение нижних чинов оставалось все тем же, как при наступлении, так и при отступлении.

Наконец, у Гродненки головной конный разъезд обнаружил вражеские позиции, которые по приказанию командира Отдельной гвардейской бригады в конном строю атаковали два эскадрона гродненских гусар и бригада пограничной стражи. Головной эскадрон не смог преодолеть проволочные заграждения и попал под убийственный пулеметный огонь. Понеся большие потери, конная группа отступила. И все же вечером противник, опасаясь окружения, покинул свои позиции, прикрывающие селение Городенка.

Начальник штаба передал генералу новый приказ командования армии, поступивший через 33-й армейский корпус: «Генералу Маннергейму активно преследовать противника, одновременно содействуя наступлению Сибирского корпуса на город Коломыя».

Оценив с офицерами штаба обстановку, генерал приказал направить 12-ю кавалерийскую дивизию в обход противника, оставив остальные части своего соединения для прикрытия 33-го армейского пехотного корпуса.

На рассвете следующего дня Маннергейм с головным отрядом корпуса в составе двух эскадронов ахтырских гусар при двух пулеметах двинулся в сторону города Заболотов. Кругом ни одной живой души и тишина такая, что поневоле настораживаешься. Дорога лежит через мост, но он взорван, переходить узкую речку приходится в стороне. Не успел головной дозор выйти на дорогу, как раздался треск пулеметов. Все инстинктивно соскочили с лошадей и легли на землю. Подождали, оглянулись — все целы. Маннергейм высылает вперед три разъезда — один по дороге, два по сторонам — и приказывает двигаться шагом. Разъезд, который шел по дороге, вскоре вернулся, доложив, что впереди противника нет, но как только эскадроны вышли из леса, то сразу попали под пулеметный огонь врага. Пришлось быстро отойти в лес и занять там оборону.

Вскоре начали подходить дивизии Сибирского корпуса, которые вместе с частями Маннергейма обратили противника в бегство и подошли к предместью города Заболотов. Отсюда открывалась широкая панорама — холмистые дали, поблескивающие извивы реки Прут и белеющие в вечерней дымке здания города.

В час ночи фронтальной атакой кавалеристов Маннергейма и пехоты сибиряков город Заболотов был освобожден от врага.

Утром, при свете яркого солнца, город раскрылся во всей своей красе. Он был очень живописен. Его планировка, при значительных перепадах в рельефе местности, создавала удивительное разнообразие пейзажа. Тянущиеся от Прута вверх старые улочки, извилистые, изломанные крутыми поворотами, переходили на пологой части склона в сеть прямолинейных улиц с двухэтажными домами, а кое-где — шикарными особняками. В городе много еврейских лавок и магазинов. Тут и там можно услышать польскую, украинскую, еврейскую, румынскую и русскую речь, но все же преобладает местный говор. Яркими цветистыми пятнами нарядов выделяются местные девушки и женщины, которые кокетливо поглядывают в сторону солдат. Их не волнует, какой они армии. На большом рынке весело, хотя торговли почти нет, но покупателей много. Ларьки убогие, у любой торговки товара не больше, чем на два-три рубля. В центре города много книжных магазинов. Зайдя с группой офицеров в один из них, генерал спросил:

— Есть ли книги на русском или французском языках?

— Нет, ясновельможный пан генерал, — ответил продавец, — вражьи изверги их конфисковали и сожгли на дворе. Есть хорошие издания на польском и венгерском языках, немного осталось немецких книг.

«Позади большой путь, — писал Маннергейм Марии Любомирской, — мы пересекли Днестр и добрались до Прута».

Вскоре полки сводного кавалерийского корпуса в Заболотове сменила Сибирская стрелковая дивизия. После двухдневного отдыха кавалерийское соединение было расформировано и генерал-майор Маннергейм со своей 12-й кавалерийской дивизией был направлен на позиции у западной окраины города Снятын. Там он сменил 9-ю кавалерийскую дивизию.

Этот маленький городок на первый взгляд казался наполненным вывесками и козами. Последние группами бродили по тротуарам.

По главной улице, ведущей к базарной площади, фланировали офицеры, солдаты и так называемые «кузины милосердия», у которых давно было потеряно сходство с

обычными женщинами. Для них любовь была загаженной клеткой, из которой уже давно вылетела певчая птица. Недаром венерические болезни на фронте назывались «сестритом», а солдаты пели такие частушки:

Как жила я в горничных,
Звали меня Лукерья,
А теперь я барышня
«Сестра милосердья».

В городе свободных помещений нет, но для генерала и его штаба выделили местную гостиницу. Когда генерал поднимался по лестнице в свой номер, его догнал лакей и тихо спросил:

— Пан генерал, вам девочек в номер нужно одну или две — постельку погреть?

— Не забывайтесь, любезный, и свои предложения оставьте при себе.

— Владимир Константинович, — обратился генерал к адъютанту, — узнайте, пожалуйста, готов ли обед в местной харчевне, имеющей громкое имя «Ресторан Париж», и принесите мне свежие газеты.

Хозяйка «харчевни-ресторана», краснощекая, крутобедрая полька, накрыла белой скатертью большой стол, за который пригласила офицеров, сопровождавших генерала. Маннергейму был выделен отдельный стол, скатерть на котором напоминала поповскую рясу. Он был заставлен бутылками, как будто генерал собирался пьянствовать целую неделю. Маннергейм мило поблагодарил хозяйку за гостеприимство и сел за стол к офицерам своего штаба. Во время обеда генерал спросил хозяйку, как они жили при немцах. Она с раздражением ответила:

— Сожрали сала на 150 рублей и ничего не заплатили, все даром.

— А как с местными женщинами обращались? — поинтересовался начальник штаба.

— Не трогали только тех, кто с мужьями. А без мужей — крепко обижали.

— Господа, — обратился старший адъютант дивизии к офицерам, — мне только что сообщили, что вчера сюда прибыл театр из Коломыи, показывают фарс «Лига целомудрия», будет долгое раздевание десяти девушек. Кому заказать билеты?

В номере генерала денщик аккуратно разложил на столе пачку столичных газет, которые только что доставила местная почта.

Маннергейма приятно удивила «Петроградская газета»,

которая объективно рассказала о финляндской экономике, подчеркнув ее интенсивное развитие. В Великом княжестве шло падение курса русского рубля, составившего 100 рублей за 216 марок. Промышленность Финляндии не только не пострадала от войны, но даже расширила свою деятельность, пользуясь высокими ценами и отсутствием конкуренции.

На огонек в номер генерала заглянул начальник штаба полковник Поляков. Зашел разговор о патронах и снарядах.

— Прочитав сейчас статью о строительстве патронных заводов, я уяснил себе, — сказал Маннергейм, — что патроны наша дивизия получит только в следующем году, ведь недаром говорят наши мудрые ахтырцы, что мы воюем с Богом, а наш враг — с тяжелой артиллерией.

— О, ваше превосходительство, я забыл показать вам новый приказ штаба армии, который мы получили сегодня.

Прочитаю его главную мысль: «Приложите самые тщательные меры к сбору винтовок во время боя. Запасы оружия и патронов в армии иссякают…»

— Вот вам дополнение к моим словам, мой друг, — тихо сказал генерал.

Поздно вечером, когда Маннергейм уже лег спать, адъютант принес из штаба «весьма секретный» приказ командующего Юго-Западном фронтом, который гласил, что будут резко снижены поставки овса в кавалерийские дивизии. Он предлагал пользоваться соломой, которой в зоне действия армии не было.

Спать не давало еще одно неприятное сообщение старшего врача. Тот доложил, что у казаков после стоянки в городе Заболотове появилось шесть случаев заболевания сифилисом.

Утром очередная новость. Адъютант принес Маннергейму Высочайшую телеграмму следующего содержания:

«Генералу свиты Его Императорского Величества, барону Густаву Маннергейму. Хочу видеть моих ахтырцев. Буду 18 мая в 16.00 поездом. Ольга».

Срочно началась подготовка к приему великой княгини — параду и праздничному обеду в большом «облагороженном» сарае. По предложению командира Ахтырского полка Маннергейм решил торжества, связанные с приездом сестры Николая II, совместить с юбилеем полка, который должен быть в июле.

18 мая на станцию Снятын, куда из Заболотова должен был прибыть военно-санитарный поезд № 164/14 великой княгини, был выслан почетный караул со знаменем полка. Среди встречающих были генерал Маннергейм, полковник Поляков, командиры бригад и полков 12-й кавалерийской дивизии. Все

сроки, включая контрольные, ожидания санитарного поезда прошли. Чтобы не срывать подготовленное торжество, генерал предложил всем садиться за столы. Великая княгиня появилась неожиданно. На нее, одетую в скромную форму сестры милосердия, никто не обратил внимания. Незаметно войдя в сарай, где пир шел горой, Ольга Александровна подошла к Маннергейму и села рядом с ним на стул, который быстро поставил один из офицеров. Генерал растерялся, не зная, что делать: давать ли команду всем встать или продолжать обед. Видя смущение Маннергейма, великая княгиня мило улыбнулась и тихо сказала:

— Барон, вы знаете, что я не люблю церемоний. Продолжайте обед и не забудьте налить мне вина. Поухаживайте за дамой, я знаю, что вы галантный кавалер, не в пример нашим общим знакомым… Я прошу простить меня за опоздание. Мой поезд к вам на станцию не пропустили из-за боязни немецких самолетов. Я села на лошадь, вы меня как наездницу знаете, и я с ненужным мне конвоем приехала к вам. Прикажите пригласить к столу моих опекунов.

Торжественный обед прошел хорошо, было много тостов и даже танцы. Первый полонез Маннергейм танцевал с великой княгиней.

Ольгу Александровну и сопровождающих ее офицеров разместили в старинной усадьбе, хозяин которой бежал в Румынию.

На другой день чарующие звуки прелестного полкового марша открывали парад ахтырцев.

Торжество неожиданно было прервано противником, открывшим артиллерийский огонь по южному пригороду Снятыни. Генерал попросил Ольгу Александровну пройти в блиндаж, который прекрасно оборудовали саперы дивизии.

Великая княгиня около часа беседовала с Маннергеймом. Они вспомнили Петроград и общих знакомых. Ольга Александровна рассказала о своих планах расширения деятельности общества Красного Креста в Финляндии. Сообщила о смерти генерала Константина Арапова и его похоронах в Гатчине, а также о безвременной гибели княжны Софьи Джамбакури-Орбелиани. Увидев, что Маннергейма взволновало это сообщение, великая княгиня неожиданно заметила:

— Я знаю, барон, что бедная Софьюшка была вам не безразлична.

Вскоре с почетным конвоем своих любимых ахтырцев великая княгиня уехала. Интересно, что через много лет, 24 ноября 1960 года, у гроба великой княгини в Торонто (Канада) стояли

несколько 70-летних ветеранов Ахтырского гусарского полка.

Генерал Маннергейм никогда не забывал эту женщину, которая сильно отличалась от членов императорской фамилии. Об этом говорит милая надпись на фотографии, которую она подарила барону: «…Посылаю вам снятую в период войны карточку, когда мы больше встречались и когда, как любимый начальник 12-й кавалерийской дивизии, вы были вместе с нами. Это напоминает мне о былом…»

20 мая генерал-майор Маннергейм получил приказ: «В связи с общим отступлением армий Юго-Западного фронта вам следует перейти в район города Войнилова, где войти в состав 11-го армейского корпуса».

После смены пехотой дивизия двинулась в свой долгий четырехдневный путь к месту сосредоточения. 24 мая полки дивизии по грязным улицам ночью вошли в Станислав. Город со своими старинными домами и шпилями многочисленных костелов был суров и мрачен.

Полки прошли около разгромленных привокзальных строений и взорванной водокачки. У зданий, занятых многочисленными госпиталями, стояли санитарные повозки и автомобили. Где-то в одном из этих домов перевязывала раненых Мария Ульянова — сестра большевистского вождя Владимира Ленина.

Еще не дойдя до Войнилова, Маннергейм получил приказ прикрыть отход 11-го армейского корпуса на Галич и далее на Болешев.

Горечь отступления

10 мая, когда Италия объявила войну Австро-Венгрии, немцы приостановили свое наступление, а затем 2 июня его возобновили, заняли город Перемышль и утвердились на среднем Сане. Затем русские войска оставили Львов.

Дивизия генерал-майора Маннергейма получила задачу на участке в пять километров прикрыть 22-й армейский корпус, занимавший селение Бурштыны.

Наблюдательный пункт дивизии был оборудован в старом сарае, стоящем на холме, откуда открывался широкий обзор позиций врага, который атаковал левый фланг пехоты. Нужно было принимать новое решение. Маннергейм приказал командирам бригад прибыть на встречу с ним в доме, где он провел ночь и намечал разместить свой штаб.

Назначив встречу на 12 часов дня, генерал из-за

неожиданного артиллерийского обстрела врагом района командного пункта вынужден был задержаться.

Эта задержка спасла ему жизнь. Около 12 часов вражеский снаряд разорвался около стен дома, где должна была состояться встреча генерала с командирами бригад. Упавшая стена дома завалила своими обломками походную кровать Маннергейма. От рухнувшего потолка командиры двух бригад получили ранения. Осколками снаряда был убит адъютант Стародубского драгунского полка. Были легко ранены несколько офицеров и солдат, стоявших на улице. Денщик Маннергейма был засыпан опилками, упавшими с чердака, и отделался легким испугом. У подбежавших к разрушенному дому солдат и офицеров невольно мелькнула мысль: «Жив ли генерал?»

— Да, он жив! — раздались радостные возгласы. Все увидели неожиданно появившегося Маннергейма, который помогал выносить раненых офицеров.

Ночью 12 июня противник форсировал реку Днестр у поселка Рудзвяны, открыв сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по позициям 12-й кавалерийской дивизии.

Генерал получил приказ штаба армии: «Остановить продвижение противника». Для этого ему передали 11 батальонов пехоты, причем солдаты трех из них были без винтовок, имея только саперные лопатки. Меткий огонь артиллерии и успешные контратаки русских остановили наступление врага.

Выполнив эту задачу, 12-я кавалерийская дивизия отошла к реке Гнилая Липа, где прикрывала работы армейских частей на оборонительных позициях. Через несколько дней поступил новый приказ: «Срочно отойти на линию фронта, установленную Ставкой Верховного главнокомандования».

Утром 16 июня полки дивизии Маннергейма начали отход на восток вместе с армейскими частями, которые держали здесь оборону.

Войска шли песчаными косогорами, мимо больших селений. У их околиц стояли любопытные жители. Девушки шутливо прощались с солдатами.

— Скучать без нас не будете? — смеются гусары.

— Что делать, раз вы не хотите нас защищать и любить, — отшучивались девушки.

На второй день похода люди сильно устали. Кругом слышались угрюмые жалобы:

— Третьи сутки мы уже не спим. Собачья жизнь. Кони скоро подохнут, они два дня без еды.

Семь часов вечера. Темнеет. Полки дивизии делают короткий привал. Подходят походные кухни. Лошадям задают корм. Утром

дивизия перешла реку Золотая Липа, уничтожив за собой деревянные мосты.

Дивизия отходила не торопясь. Старалась не скорее уйти вперед, подальше от врага, а дольше задержаться, время от времени отбиваясь от наступавшего на пятки врага. Ни одного встречного леса, ни одного бугра неприятель не занял без боя; ни одной самой захудалой речонки не перешел без больших потерь.

Если главные силы русской армии неуклонно отходили, то разъезды 12-й кавалерийской дивизии оставались в арьергарде до столкновения с наступающим противником нос в нос, останавливая головные батальоны неприятеля на многие ценные здесь часы, а то и сутки.

Отступление русских армий проходило беспорядочно.

Все дороги были усеяны сеном, бочками, ведрами. Интенданты упрашивают офицеров:

— Берите, все равно пропадет! — Но никто ничего не берет. Правда, кое-где идет мелкое мародерство. Бросают одно, берут другое, лежащее на пути, и снова бросают…

Секретные приказы из штаба армии следуют один за другим. Первые из них требуют: «Одновременно с отступлением уводить все мужское население в возрасте от 18 до 50 лет», а последние: «Уводить весь скот и местных жителей, пригодных к любой работе».

Читая эти приказы, генерал-майор Маннергейм заметил начальнику штаба полковнику Ивану Полякову: «Что это за приказы? Это варварство, достойное немцев, а не русских. Из этого ничего не получится. Все это надо было делать примерно десять месяцев тому назад. Сегодня это просто бумажка».

Подходя к деревне Подгайцы, солдаты и офицеры услышали шум авиационных моторов. Два неприятельских аэроплана, как ястребы, начали кружиться над дорогой. Полки быстро спешились. Коневоды отвели лошадей в ближайший лес. Солдаты начали стрелять из винтовок, пулеметчики — с тачанок. Однако самолеты врага были неуязвимы, невозмутимо посылая на землю свои смертоносные «гостинцы». Вслед за бомбами полетели тучи листовок с одной зловещей фразой: «Ждите подарков, скоро вы узнаете о нас».

Наблюдая за самолетами в бинокль, Маннергейм неожиданно громко сказал:

— Денщик, винтовку!

Щелкает затвор, дуло винтовки поднимается вертикально вверх.

— Ваше превосходительство, цельтесь на ладонь вперед, — советует адъютант.

Коротко хлопает выстрел.

— Вот… вот, наклонился… падает! — кричит денщик.

— Ой, а почему он уходит в сторону? — смущенно шепчет адъютант.

— Вот видите, я выстрелил и прогнал немца, — весело смеется генерал.

Немецкие аэропланы улетают, и полки дивизии продолжают свое движение на восток. Всадники ведут негромкие разговоры. Генерал-майор Борис Кузьмин-Караваев, подъехав к Маннергейму, спросил его:

— Густав Карлович, вы читали газету «Южная копейка»? Священный синод постановил переименовать Галицию в Червонную Русь!

— Да, Борис Александрович, читал. У нас в России все невпопад. Немцы и австрийцы в Галиции, а мы всё еще считаем ее своей. Это мне напоминает историю с картами Австро-Венгрии, которые нам прислали в дни отступления из Галиции.

Бой у деревни Зазулинце

Вечером 28 июня генерал-майор Маннергейм получил телеграмму из штаба армии, которая гласила: «Приказываю, двигаясь на деревню Шупарку, остановить неприятеля, который, перейдя Днестр, занял позиции у деревни Зазулинце. В районе боевых действий руководствуйтесь приказами командира 2-го кавалерийского корпуса». На другой день в распоряжение Маннергейма были переданы две бригады Туземной дивизии, которыми командовали полковники Петр Половцев и Петр Краснов. Имена этих двух офицеров вошли в историю России.

Петр Половцев, участник Русско-японской войны, последовательно командовал бригадой, а затем корпусом. Был членом Военной комиссии Думы. Командуя Петроградским военным округом, он подавил июльское восстание большевиков в столице.

Петр Краснов — питомец Павловского военного училища — начал свой путь в дни Русско-японской войны в качестве корреспондента. В дни Первой мировой войны командовал полком, бригадой и 3-м конным корпусом в его неудачном походе на Петроград в 1917 году. Бежал на Дон, где в мае 1918 года был избран атаманом Войска Донского. Создал казачью армию, но, потерпев поражение, уехал в Германию. В эмиграции развил кипучую деятельность, предложив в 1921 году создать против большевиков международный десант, один из корпусов которого,

по его мнению, должен был бы возглавить Маннергейм. В годы Второй мировой войны он в Германии сформировал из эмигрантов и военнопленных казачий корпус. В 1945 году Краснов был арестован советскими органами и в возрасте 76 лет повешен.

Бригады Туземной дивизии, которыми командовали Половцев и Краснов, были своеобразными воинскими частями, состоявшими из представителей всех народностей Кавказа, в основном чеченцев.

«Всадники», как они себя называли, поражали своей храбростью. Противника они атаковали только в конном строю. Красив и своеобразен был обряд, которым сопровождались их атаки. Полк построен и готов каждую минуту броситься вперед. Вдруг перед фронтом появляется один из «всадников» и от имени полка просит знаменосца остаться. Последний, седой старик, сходит с коня, втыкает в землю древко знамени, а сам начинает молиться. Все это дело нескольких секунд. Уже полк ринулся в атаку, уже смял врага, врезавшись в его гущу, а знаменосец молится до тех пор, пока полк не возвращается с победой. И когда командиры приступают к раздаче наград, то первую из них, по просьбе полка, получает знаменосец, ведь его храбрость была для полка несомненна, а его молитвы помогли сломить врага.

Расположившись в роще около селения Зазулинце, «всадники» вместо подготовки своих позиций развели огромные костры и начали плясать. Увидев это, генерал Маннергейм приказал немедленно погасить костры, чтобы не выдавать своего местонахождения противнику. Много трудов ушло на то, чтобы выполнить этот приказ. Сделали это «всадники» с большим неудовольствием при молчаливой поддержке своих офицеров.

Собрав командиров своих и туземных бригад, Маннергейм приказал им спешиться, отвести лошадей в тыл и хорошо оборудовать свои позиции.

— Завтра в десять утра атакуем врага, — сказал генерал. — Моя дивизия действует в центре, туземцы Половцева поддерживают нас на правом фланге, Краснова — на левом.

Утром, после часовой артиллерийской «обработки» позиций врага, полки 12-й кавалерийской дивизии бросились в штыковую атаку. Она была столь стремительной, что противник обратился в бегство. Было захвачено много пленных и 10 пулеметов.

Во время боя, который вели полки Маннергейма, «всадники» полковника Половцева самовольно покинули свои позиции и ушли в тыл, а бригада Краснова «наблюдала» схватку, сидя в окопах.

Когда бой окончился, разъяренный генерал потребовал от

командиров туземных бригад подробных объяснений, почему они не выполнили приказ. Опустив головы, два полковника, как мальчишки, наказанные розгами, начали оправдываться. Суть их оправданий была в том, что «всадники» категорически отказались идти в атаку в пешем строю и офицеры сделать с ними ничего не могли. «Это же дикие люди», — с горечью заявил полковник Краснов.

Завершения блестяще проведенному бою не последовало, так как пришел приказ командира корпуса отойти на исходные позиции, а затем в резерв у деревни Карлювка.

Однако передышка оказалась недолгой, всего три дня. Штаб армии приказал 12-й кавалерийской дивизии занять и хорошо оборудовать позиции у деревни Касперовцы, которая славилась своими большими воскресными базарами.

Началась хмурая, долгая (больше месяца) окопная жизнь. После жарких дней пошли дожди, которые никак нельзя было предвидеть. Дождь превращал рыхлую землю окопов в какое-то липкое, тягучее месиво. Солдаты подстилали под себя полотнища палаток, ветки, солому, но ничего не помогало: вода проникала всюду. Это был какой-то кошмар. Люди были утомлены до крайности и нигде нельзя было прилечь ни на минуту. Всюду жидкая холодная грязь.

Генерал с офицерами штаба разместились в просторной землянке, надежно построенной саперами. Жить в деревне с ее глинобитными и мазаными хатами было нельзя, так как она постоянно обстреливалась противником.

На фронте полков 12-й кавалерийской дивизии было «тихо», так у солдат было принято говорить, когда за одну минуту звучало не более 30 выстрелов.

Пользуясь относительной тишиной, генерал-майор Маннергейм знакомился с многочисленными приказами штаба армии и фронта. Несколько приказов говорили о грабежах. Отступая, одна из казачьих дивизий разграбила город Замостье, насилуя женщин и девушек. Приказы требовали принятия строгих мер, вплоть до расстрелов мародеров и насильников.

«Дисциплина крайне необходима, — писал командующий армией, — последствия ее ослабления уже сказываются».

К сожалению, у барона были неприятности и со своими оренбургскими казаками, из-за которых приходилось краснеть полковнику Жукову.

В начале мая в одном из селений на берегу Днестра, где стояли казаки, о них прокатилась дурная слава, которая выразилась в коллективной жалобе жителей на имя Маннергейма. В ней было сказано: «…от ваших, генерал, казаков житья нет —

требуют денег, воруют вещи, ни одной женщине прохода нет, даже старухе…»

Пригласив к себе командира полка и командиров казачьих сотен, генерал заявил им:

«— Господа, приказываю немедленно принять меры для охраны населения от нас самих, как ни неприятно мне все это вам говорить. Если подобные безобразия еще повторятся, виновные узнают меру моего наказания. Не забывайте, что вы на фронте».

В один из дней у Маннергейма начались сильные боли в спине. Адъютант срочно вызвал врачей. Мнение их было едино: острая ревматическая атака, необходимо специальное курортное лечение.

Запись в послужном списке генерала говорит, что он был «эвакуирован в Россию в Саки для лечения болезни сроком на пять недель». Однако генерал-майор Маннергейм в крымский город Саки, находящийся в 20 километрах от Евпатории, отправлен не был. Вместо Саки, по неизвестной причине, его направили в Одессу. Командование 12-й кавалерийской дивизией принял 44-летний генерал-майор барон Николай Дистерло.

Лечение в Одессе

Командующий армией с огорчением узнал о болезни своего лучшего генерала и приказал выплатить ему двухмесячное жалованье (700 руб.) и пособие на лечение (175 руб.).

В Одессу генерала сопровождал его верный адъютант ротмистр Владимир Скачков, взявший на себя все заботы. Маннергейм поселился в гостинице «Лондонская», интерьер и комфорт которой воспроизводил старую Англию. Он был приятно удивлен 30-процентной скидкой от стоимости номера, которую ему, как фронтовику, предложила администрация гостиницы.

«Лондонская» находилась на Николаевском бульваре (ныне Приморском) — архитектурном и историческом памятнике Одессы. С одной из его сторон, у грандиозной Потемкинской лестницы, имеющей 192 ступени, возвышался памятник основателю города герцогу Ришелье, с ядром у пьедестала, оставшимся после бомбардировки Одессы в 1854 году. На другой стороне, возле здания Думы, — памятник поэту Пушкину, сооруженный в 1889 году на пожертвования горожан.

Из уютного номера Маннергейма открывалась чудесная панорама необъятного моря, сливающегося с горизонтом. Ночью очень таинственно выглядел порт, ярко освещенный электричеством.

Ежедневно генералу приходилось ездить за семь километров на Хаджибейский лиман в лечебное заведение доктора Сергея Сахарова, основанное в 1892 году. Лечебница была расположена в верхней части знаменитого парка, который не имел себе равных в городе по красоте и обилию растительности. Обычно Маннергейм обедал в ресторане парка, около курзала, а ужинал в гостинице или ресторанах города.

Несмотря на строгие требования врачей и постоянные лечебные процедуры, генерал находил время для знакомства с городом, который, по его мнению, отличался «трудноопределимой пикантностью, опрятностью и благородным лоском, без грубых, крикливых красок».

Одесса — один из немногих российских городов, построенных по заранее разработанному проекту. Этим объясняется четкая планировка улиц ее центральной части, правильная форма кварталов и рациональное использование рельефа местности. Этот яркий южный город, раскинувшийся амфитеатром вдоль морского залива на площади более 140 квадратных километров, имел великолепные улицы со сплошными аллеями каштанов, виноградом, вьющимся по стенам домов.

Генерал вечерами любил гулять по главной улице города, названной в память основателя ее порта де Рибаса. Начало ее украшали два грандиозных здания. С одной стороны — дом Либмана с лучшей в городе кондитерской, чьими пирожными часто лакомился Маннергейм. С другой стороны — стройный и изящный в своей простоте «Пассаж» Менделевича, где всегда был любимый бароном английский одеколон. Ни шума, ни движения, ни той кипучей сутолоки, которую так не любил Маннергейм в Москве.

В Одессе все было вылощено с потугой на европейский лад, но и здесь наблюдалась чисто русская широта: орущие граммофоны, с одной стороны — звуки «Марсельезы», а с другой — «Ах вы сени, мои сени…».

Маннергейму нравился роскошный зал почтамта, как бы устроенный для торжественных приемов. Поражало великолепное здание оперного театра с аристократически оформленным зрительным залом. В ложах позолота и бархат, как в Мариинском театре Петрограда. На афишах — драматические спектакли заштатных российских театров, но с очень дорогими билетами. Например, ложа бенуара стоила дороже, чем в столичном театре драмы.

Генерал часто бывал в театрах «Юмор» и «АПОЛЛО», которые своим острым одесским юмором отвлекали от мрачных дум о

войне и будущем.

В один из дней курьерским поездом № 10 из Петрограда приехала в Одессу сестра Густава Софья. Из ее рассказов он узнал о близких и друзьях, положении в Финляндии и трудностях, которые ей принесла война.

Сестра говорила, что жители Хельсинки получают только пол-литра молока в день, за которым в магазинах фирмы «Валио» стоят большие очереди. Исчезло из продажи масло. В ресторанах и кафе появились таблички с надписью «Внимание, для вашего удобства просим экономно пользоваться продуктами, особенно сахаром и маслом».

Софья жаловалась на очереди, квартирный кризис и недостаток разменной монеты. Цены затронули и курильщиков, стоимость сигар и папирос постоянно растет. Сестра отметила, что брат очень изменился. Война превратила жизнерадостного шутника Густава в серьезного, часто хмурого человека. Маннергейм много рассказывал сестре о войне, сетовал на ее трудности и лишения, которые изменили его внешность, но не привели к потере чувства собственного достоинства.

Пока генерал лечился в Одессе, его дивизия сражалась в верховьях Днестра, прикрывая отступление русских войск.

В начале июля в связи с отступлением Юго-Западного фронта Ставка Верховного главнокомандования русской армией приказала отвести войска за реку Висла. Это отступление обошлось очень дорого. Потери составили более миллиона человек. Утрачена огромная территория Российской империи, не говоря о Галиции. Отступая, великий князь Николай Николаевич приказал использовать тактику «сожженной земли», чтобы, как в 1812 году, замедлить движение врага. Русский фронт, лишенный боеприпасов, под сильным напором противника отходил, не допуская окружения и пленения корпусов и армий. В начале августа немцы вошли в Варшаву, которую удерживали до конца войны.

Бой у селения Гайворонки

В день, когда генерал-майор Маннергейм вновь принял командование 12-й кавалерийской дивизией, все газеты России сообщили, что Николай II вступил в Верховное командование вооруженными силами. Великий князь Николай Николаевич был направлен главнокомандующим на Кавказ. В армии перемена Верховного не вызвала большого впечатления, так как фактическим распорядителем всех вооруженных сил России стал генерал Михаил Алексеев. Это был сутулый человек, с косым взглядом из-под очков в простой металлической оправе, с несколько нервной речью, в которой постоянно слышались повторяющиеся слова. Он производил впечатление скорее профессора, чем крупного военного деятеля. Несмотря на скромный вид, генерал был человеком большого служебного самолюбия. Его характеру не чужда была некоторая излишняя нетерпимость к чужим мнениям, недоверие к работе своих сотрудников и привычка окружать себя безмолвными помощниками.

Осенние операции войск Юго-Западного фронта носили ограниченный характер. Австрийцы отказались от дальнейших попыток наступления в полосе рек Вислы и Буга, перенеся основной удар на города Сарны и Луцк.

Первые дни пребывания в дивизии ушли у генерала на знакомство и изучение груды приказов и директив, которые поступили в штаб во время его отсутствия. Из всех наиболее интересными были два документа. В первом говорилось, что Верховный главнокомандующий разрешил отпуска офицерам действующей армии сроком до двух недель. Однако в кавалерийских полках в отпуск можно было отправлять только по одному офицеру. Другой требовал приостановить награждение штабных офицеров, адъютантов и ординарцев, имеющих три и более награды, независимо от их заслуг.

Вскоре генерал-майор Маннергейм приказом командующего фронтом был временно назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса, который получил направление на участок генерала Владимира Май-Маевского. Этот человек вошел в историю Гражданской войны в России как командующий Добровольческой армией в составе Вооруженных сил Юга России и отстраненный от этой должности в 1919 году. Май-Маевский, страдавший частыми и безудержными запоями, умер от разрыва сердца, когда остатки армии генерала Врангеля покидали

Севастополь.

Узнав, что части генерала Май-Маевского прорвали фронт врага у селения Гайворонки, Маннергейм вместе с белгородскими уланами и Туркестанской конной батареей выехал к месту прорыва, приказав подтянуть туда остальные части корпуса.

Конная группа Маннергейма продвигалась лесом, испускавшим последние волны теплого аромата. Солдаты ради маскировки украсили себя зеленью, не забыв вплести еще зеленые ветки в хвосты и гривы своих лошадей.

— Ваше превосходительство, — обратился адъютант к генералу, — вы слышите, какие запахи?

— Слышу, — усмехнулся Маннергейм, — пахнет хорошим отступлением.

Вскоре на небе появился немецкий самолет-разведчик, но он, не заметив конницу, прошел стороной.

— Черт знает что! — ругались солдаты. — Это какое-то осиное гнездо, четвертый аэроплан с утра.

Небольшое, но очень живописное селение Гайворонки имело около 30 утопающих в вишневых садах домов. Оно находилось как бы в «мешке», имея с запада и востока большие рощи, занятые врагом.

Генерал Май-Маевский встретил барона на своем командном пункте, в двух километрах от селения. Обсудив ситуацию, генералы решили, что части корпуса Маннергейма двинутся на главные позиции немцев, как только полки Май-Маевского выбьют противника хотя бы из одной рощи. Атаку наметили на два часа дня, к моменту сосредоточения корпуса в южной части селения Гайворонки.

В полдень один из офицеров штаба Май-Маевского пригласил генерал-майора Маннергейма к телефону, но связь неожиданно оборвалась. Пока телефонисты чинили линию, зачищая провода зубами и употребляя винтовочный шомпол в качестве заместителя, генерал продумал тактику наступления своего корпуса.

Через полчаса, когда телефонную связь восстановили, Маннергейм услышал вкрадчиво-любезный голос командира 11-го армейского корпуса, который находился в 40 километрах от Гайворонок. По какой-то странной прихоти начальника штаба армии Маннергейм подчинялся этому корпусу.

— Здравствуйте, барон, мне доложили, что вы уже сосредоточили свои дивизии у Гайворонок. Чтобы облегчить тяжелое положение полков Май-Маевского, о котором мне сообщили, немедленно атакуйте врага.

— Ваше высокопревосходительство, мы с Май-Маевским

приняли общее решение, что я атакую врага после того, как он захватит рощу около Гайваронок.

— Я имею от Май-Маевского другую информацию.

— Ваше высокопревосходительство, прошу отменить ваш приказ об этой атаке. Даже малейшей надежды на успех операции у меня нет. Это связано с тем, что перед атакой основных немецких позиций мои полки под губительным перекрестным огнем врага должны пройти большие участки открытой местности и узкий мост. Я потеряю всю свою кавалерию, и атаковать немцев будет некому.

— Генерал Маннергейм, мой приказ остается в силе, выполняйте его. Желаю успеха.

Маннергейма до глубины души возмутило двуличие Май-Маевского, хотя о его «деяниях» в Галиции он был хорошо осведомлен. Неожиданностью для барона оказалось появление в его штабе двух командиров сотен Кабардинского туземного полка с приказом, который гласил: «Согласно решению командира 11-го армейского корпуса вы включаетесь в состав корпуса Маннергейма и вместе с ним в два часа дня атакуете врага…»

— Ничего, — подумал Маннергейм, — терять своих солдат под пулями врага я не буду, как бы ни хотели мои начальники, буду тянуть время до наступления темноты, а там посмотрим.

Собрав подчиненных ему командиров дивизий, бригад и полков, генерал детально отработал вместе с ними тактику предстоящей атаки на немецкие позиции без участия полков Май-Маевского.

Было решено, как только стемнеет, подтянуть для стрельбы прямой наводкой конные батареи и пулеметные команды ближе к позициям неприятеля, расположенным в рощах. По сигналу красной ракетой открыть ураганный огонь продолжительностью 30 минут, затем в конную атаку на рощи бросить кабардинцев. Когда они будут громить врага с запада и востока, незаметно между ними провести шесть эскадронов белгородских улан и неожиданно атаковать главные позиции немцев. Остальные части корпуса оставить в резерве и при необходимости постепенно вводить в бой.

На позиции медленно опустились сумерки. Маннергейм с офицерами штаба и связистами занял выносной командный пункт. Воцарилась глубокая тишина. От узкой речонки наплывала холодная сырость. Конница сосредоточилась для атаки.

— Ракету! — громко скомандовал генерал.

Артиллеристы, поддержанные пулеметчиками, открыли прицельный, прямой наводкой огонь по позициям врага, засевшего в рощах. Яркие вспышки разрывов снарядов освещали

падающие деревья и комья земли.

— Атака! — произнес Маннергейм, затем добавил: — Лошадь!

Кабардинцы, как вихрь, грозный и беспощадный, ринулись к рощам. Характерные восточные подвижные лица воинов приняли какое-то сатанинское выражение. Глаза горят, точно уголья, рот искривлен в злобной гримасе, сквозь зубы несется кошмарный вой.

Низко склонившись к передним лукам седел, почти сливаясь с лошадьми, кабардинцы мгновенно опрокинули врага, который, бросая оружие, устремился в бегство. Пленных не брали. Путь на немецкие позиции, которые смутно угадывались вдали, был открыт.

Маннергейм быстро вскочил на коня и скомандовал: «Уланы, вперед!» Не по долгу своей службы и не в назидание солдатам ходил в атаки генерал, а потому что смертельная опасность не только повышала в нем чувство жизни, но и наполняло его душу какой-то жуткой радостью человека, заглянувшего в бездну.

Миновав с белгородскими уланами рощи, где кабардинцы завершали свои счеты с врагом, генерал передал командование полковнику Чигирину, а сам вернулся на командный пункт.

Появление в темноте русской конницы для немцев было полной неожиданностью. Эффект внезапности показал свое преимущество. Бросая оружие и сдаваясь в плен, немцы постыдно бежали, а ведь это был, как установили при допросе пленных, гвардейский полк.

Вернувшись на свой командный пункт, генерал получил приказ командующего: «Генералу Маннергейму. Выступить ночью в район деревни Ягельницы и сторожевым охранением прикрыть фланг 11-го армейского корпуса».

На оборонительных позициях

С 5 октября, более девяноста дней, 12-я кавалерийская дивизия прикрывала фланги 11-го армейского корпуса. Кавалерийские полки выдвигались на передовые рубежи и выполняли функции сторожевого охранения. Постоянно во всех направлениях высылались разведывательные разъезды. При проверке сторожевого охранения ахтырцев шальной пулей был ранен начальник штаба дивизии полковник Поляков. На его место по предложению Маннергейма был назначен подполковник Михаил Георгиевич. К этому 32-летнему офицеру Маннергейм приглядывался давно, чувствуя в нем прирожденного

организатора, знающего, кому, когда и какую поручить работу. Правда, иногда все смазывала его излишняя горячность, сказывалась южная кровь. Подполковник Георгиевич довольно быстро оправдал надежды своего командира, став хорошим и очень строгим начальником штаба.

Полки дивизии постоянно меняли свои оборонительные позиции, задерживаясь не более чем на 5–10 дней в одном и том же месте. Пребывание штаба дивизии в деревне Каличковцы надолго запомнилось Маннергейму. Его с адъютантом квартирьеры разместили в зажиточном крестьянском доме. Чисто вымытые полы, свежепобеленные стены, в изголовьях кроватей — горы белых подушек. На всем печать достатка и сытости. Старшая дочь вдовы — хозяйки дома была красавицей. На ее прекрасном смуглом лице читалось малейшее изменение настроения и чувств, а глаза девушки чаровали своей подкупающей детской наивностью. Ее молодое тело — гибкое и точеное — было идеально красиво.

Генерал долго приглядывался к девушке, рассказывал в своих устных воспоминаниях ротмистр Скачков — адъютант Маннергейма. Ему нужна была большая сила воли, чтобы одолеть и прогнать наваждение от этой веселой хохлушки, постоянно уходя в другой, чуждый ей, фронтовой, армейский мир. В мечтах генерала недоступное казалось более прекрасным и более желанным, чем в действительности.

«Что это происходит со мной?» — вечерами думал Маннергейм, подписывая груды документов.

Чтобы чаще видеть эту девушку, барон отказался от своих вечерних конных прогулок. Перенес многие штабные работы в свой дом. Ограничил число посетителей, принимая офицеров только по очень важным делам. Постоянно отменял встречи с начальником штаба, выслушивая только доклады дежурного офицера.

Анна, так звали девушку, видимо, понимала состояние Маннергейма, долго занималась в его комнатах уборкой, сменила свой передник на красивое, вышитое крестиком платье, рельефно подчеркивающее ее упругую грудь. Однажды, подойдя к работающему за столом генералу, она слегка дотронулась до его аксельбантов, спросив:

— Пан генерал, а зачем у вас эта цацка?

— Милая Аня, это не цацка, а символ того, что я офицер свиты императора. Не стесняйся, сядь рядом со мной, пожалуйста.

Дальше был… поцелуй. Он казался для Густава вечным… С этого момента Анна стала самой близкой и желанной. Далеко в

прошлое сразу же ушли все женщины, которых он любил.

Однако жизнь более прозаична, чем кажется человеку. Скоро Анна показала себя с другой, совершенно неожиданной стороны. В один из вечеров, проезжая около дома, где жили офицеры Оренбургского казачьего полка, барон услышал пьяные песни и женский визг. Войдя в комнату, полную табачного дыма, Маннергейм увидел Анну, которая сидела на коленях чернобородого казака и что-то крикливо рассказывала. При виде генерала офицеры вскочили со стульев и встали по стойке «смирно». Девушка, одернув юбку, с перекошенным недоброй улыбкой лицом, быстро вышла из комнаты.

Еще несколько дней, пока дивизия стояла в Каличковцах, генерал жил под одной кровлей с Анной, но избегал встречаться с ней — слишком сильным было чувство презрения и потерянных надежд.

Когда полки дивизии перешли в селение Ягольницы, командир 11-го армейского корпуса приказал Маннергейму выделить из частей его дивизии один эскадрон и направить его на Высочайший смотр в город Гржималов. Генерал отрядил эскадрон улан под командой полковника Чекатовского. Смотр прошел успешно. Уланы получили благодарность царя за свою выправку.

Николай II так описывал в своем дневнике этот смотр: «… Долго пришлось ехать потом в район 9-й армии, куда прибыли около четырех часов 13 октября. Здесь встретил генерал Лечицкий. Парадом представителей от армии командовал генерал Сахаров — командир 11-го армейского корпуса. Тут тоже части представились отлично. Славные, бодрые выражения лиц, душу радующие! Среди прочих видел взвод своих улан, пластунов и сборную сотню Кавказской туземной дивизии. Начало темнеть, и надо было возвращаться в поезд».

Октябрь — декабрь 1915 года были утомительными для солдат и нелегкими для офицеров. Редко приходилось спокойно поспать ночь. Часто поздно вечером Маннергейм вызывал к себе в штаб то командиров бригад, то командиров полков, иногда, если дело касалось солдат, то и командиров эскадронов. В штаб дивизии приходилось ездить чаще всего вечером, в темноте, по грязной размокшей дороге. Вернувшись и отдав предварительные распоряжения, командиры не могли спокойно лечь спать, так как всегда ночью приходила диспозиция на следующий день, говорящая о том, какие части дивизии куда завтра будут направлены. На основании ее надо было написать и разослать приказы командирам эскадронов и начальникам отдельных подразделений и команд. Иногда в диспозициях, приходящих из

вышестоящих штабов, встречались указания и предложения, противоречащие решениям генерал-майора Маннергейма. Приходилось вновь ехать к нему в штаб, так как барон запрещал обсуждать оперативные вопросы по телефону, памятуя о том, что враг мог их прослушать.

Само понятие ночного отдыха для офицеров дивизии было весьма относительным. Штабы бригад и полков, входящих в дивизию, состояли из двух — четырех офицеров, которые обычно размещались вместе с командирами бригад и полков. Здесь же был дежурный телефонист. Один из офицеров штаба в порядке очередности был ночным дежурным, принимающим донесения и телефонограммы. Поражало, каким малым количеством часов сна офицер мог при надобности обойтись.

Поездка в Киев

Просматривая сводки о потерях, которые постоянно несла дивизия, генерал Маннергейм обратил внимание на значительный рост простудных заболеваний. Причиной этого были ранние холода, а зимнего обмундирования солдаты и офицеры не имели. Плохо было с обувью, полученной еще в начале войны. Она порядочно истрепалась.

Генерал много раз обращался по этому вопросу к армейским интендантам, но дальше обещаний исправить положение дело не шло.

Во время одной из встреч с командиром 2-го кавалерийского корпуса генералом Раухом Маннергейм с возмущением заявил, что, видимо, зимой его полки будут воевать «в трусиках и майках».

— Что это за глупые шутки, барон? — возмутился Раух.

— Нет, это не шутки, ваше превосходительство, мои солдаты раздеты и разуты. Наше высокое армейское интендантство отделывается обещаниями. Видимо, мне самому придется ехать в Киев и все доставать для дивизии.

— Так бы раньше и сказали, — обрадовался Раух. — Оформляйте документы, подбирайте нужных людей и отправляйтесь в дорогу.

29 октября генерал Маннергейм с адъютантом и группой офицеров отправился в Киев. Поездка была довольно долгой из-за постоянных остановок в пути. Уже по прибытии на вокзал барон поразился необычайному шуму и толчее, что было так непривычно для спокойно-ленивого, безмятежного ранее города.

Война чувствовалась во всем: вокзал был забит

отправляющимися на фронт эшелонами, по улицам мчались штабные и санитарные машины. О том, что фронт рядом, можно было понять по большому количеству раненых, появившихся в Киеве: по улицам города постоянно ходили особые трамваи для их перевозки.

Несмотря на все это, великолепная золотая осень входила в свои права и город жил кипучей, почти нормальной жизнью. На обширной Думской площади было много прохожих, среди которых мелькали фигуры штабных щеголей, спасающих свою драгоценную жизнь от фронта.

Оранжевый диск нежаркого октябрьского солнца освещал новые мосты на Днепре, построенные в рекордно короткие сроки. Киевляне шутили, что их возвели для того, чтобы быстрее удирать при отступлении.

Встретив своих бывших сослуживцев-кавалергардов, «окопавшихся» в местных тылах, Маннергейм был неприятно удивлен тем, что в их киевской жизни нет войны, а есть только рынок наживы, орденов и любви. Главной темой дня было не положение на фронте, а история начальника штаба округа генерала Ходоровича, который, желая избавиться от мужа своей любовницы, известного адвоката, административным путем выслал его из города. Все с упоением ждали ответа генерала Алексеева на жалобу адвоката.

Старые гвардейские связи помогли Маннергейму. Два вагона зимнего обмундирования были быстро отправлены в район дислокации дивизии. Осталось много свободного времени, которое вечерами барон посвящал театру. В киевской опере слушал «Пиковую даму» с несравненным Собиновым, с помощью друзей попал на концерт Федора Шаляпина.

Днем Маннергейм любил бывать на Царской площадке, откуда любовался широким торжественно-молчаливым Днепром и безграничным необъятным простором заречных далей, чем-то напоминающим ему Днестр у Залещиков. В памяти всплывал далекий Петербург и старый учитель русского языка в Николаевском училище, который с упоением читал своим непоседливым юнкерам великолепные грезы Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои…»

Накануне отъезда в дивизию один из офицеров принес генералу брошюру «Что надо знать русскому солдату», которую он обнаружил в своем гостиничном номере. Это издание российской социал-демократической партии большевиков призывало к ликвидации самодержавия, захвату власти пролетариатом.

— Я читать эту брошюру не буду, — сказал генерал. — Ротмистр, не рискуйте своей жизнью, скорее уничтожьте ее.

В резерве

Вернувшись из Киева, генерал-майор Маннергейм обратил внимание на неприглядный вид часовых из взвода его охраны. Обратившись к одному из них, он спросил:

— Ты хоть раз за войну умывался? Посмотри, воды сколько кругом.

— Ваше превосходительство, вы знаете, что медведь весь век не моется, а люди его боятся.

— Тоже мне шутник. Скажи своему командиру, что генерал приказал хорошенько помыть тебя, а потом показать мне.

— Ваше превосходительство, наше дело такое — раз надо, помоюсь. Голова у меня дурная, а руки умные.

Пригласив на очередную «летучку» офицеров дивизии, Маннергейм сказал:

— Директива штаба фронта, которую я сейчас получил, говорит, что почти полмесяца мы будем стоять недалеко от города Черткова. Приказываю провести в полках дивизии обязательный банный день. Я сегодня «любовался», в каком виде стоят в карауле ваши солдаты.

3 ноября командир 2-й бригады генерал Дистерло приказом Ставки назначается командиром 11-й кавалерийской дивизии. На его место по предложению Маннергейма выдвигается 54-летний командир Уфимско-Самарского казачьего полка Гервасий Жуков, одновременно получая звание генерал-майора. Это один из немногих русских офицеров, как отмечали в своих воспоминаниях люди, знавшие Густава, которого барон считал своим настоящим другом.

Жуков — выходец из дворян Оренбургского казачьего войска, отец семерых детей, был милым и приятным человеком, великолепным и храбрым офицером. Обладая острым аналитическим умом, он во многом помогал Маннергейму в решении серьезных, часто запутанных боевых проблем и задач. Жуков был беспощаден к нарушителям воинской дисциплины, паникерам и трусам. Его уважали и любили все солдаты и офицеры дивизии.

Несмотря на свою многодетную семью и властную жену, которая буквально засыпала его письмами, Жуков имел не один десяток романов на разных стадиях развития. Его связь с замужней медицинской сестрой подвижного лазарета дивизии

вошла в историю его полка. Этот роман, о котором неведомыми путями узнало командование фронта, привел к тому, что новую должность и звание он получил только после того, как Маннергейм лично обратился к своим друзьям в Ставке.

Барон, получая информацию об очередных «победах» Жукова, шутливо замечал:

— Гера (так уменьшительно называл Жукова Густав), побойся Бога! Ты скоро оставишь нас без медицинских сестер, так как их с «пополнением» придется отправлять в тыл. Ой, старина, твои шалости, видимо, не прекратятся и в 90 лет.

Дожить до 90 лет Жукову не удалось. Он умер в 1940 году в Шанхае, достигнув 79-летнего рубежа.

21 ноября Маннергейм направляет в Петроград телеграмму великому князю Михаилу Александровичу, с которым он дружил. Ее текст гласил:

«Прошу Ваше Императорское Высочество принять от меня и частей 12-й кавалерийской дивизии всепреданнейшее поздравление и горячие пожелания дальнейшей боевой славы во главе родной нам Кавказской туземной дивизии.

Свиты Его Величества генерал-майор барон Г. Маннергейм»

Подполковник Георгиевич познакомил генерала с интересной информацией, которая была включена в специальную сводку штаба фронта.

5 сентября 1915 года житель финского города Сортавала Вольфрид Унгер прислал великому князю Николаю Николаевичу письмо, в котором говорил, что, по его мнению, Россия нуждается в диктаторе, в котором он видит великого князя. «Дайте мне возможность, и я провозглашу автономию Финляндии и налажу производство оружия для армии…» Петербургские газеты, которые принес адъютант, сообщили и другую новость. Родственница Анастасии Араповой — Звегинцева (дочь дяди Анастасии) послала прошение в Ставку с требованием произвести ее скоропостижно скончавшегося мужа, ротмистра гвардии, в полковники, чтобы получить большую пенсию.

Протестантское Рождество прошло для генерала как-то незаметно, хотя предусмотрительный старший адъютант дивизии капитан Рот устроил в узком кругу «царский ужин» с бутылкой французского шампанского. Офицеры штаба преподнесли Маннергейму два комплекта любимого им английского шелкового белья.

28 декабря, накануне Нового года, в дивизии был второй «всеобщий», как говорил Маннергейм, банный день.

Вечером, сидя у окна, генерал наблюдал интересную картину. Солдаты возвращались из бани в обнимку с красными

распаренными местными женщинами.

— Что это за карнавал, ротмистр, узнайте подробности.

Подойдя к солдатам, адъютант генерала спросил:

— Вы что, уже с местными женщинами обвенчаться успели?

— Ваше благородие, они нас любят. Вы же знаете, что солнце — и то на ночь к бабе уходит. Здоровому улану без бабы тягости армейской не поднять. Всяка баба ласку любит, хоть наша, хоть местная.

— Вы что, все наши постои и резервы будете в публичные дома превращать?

— Ваше благородие, баба не мыло, используй ее сколь хочешь, она не вымылится.

Ночью генерал вновь убедился, что «женскому вопросу» его солдаты, особенно казаки, уделяют большое внимание.

На другой день «венчание после бани», как окрестили местные шутники банный день дивизии, вызвал целую дискуссию среди офицеров штаба. Генерал слушал, улыбаясь в усы, такие фразы своих боевых товарищей:

— Ваше превосходительство, для нас без женщин и сон не отдых.

— Ходят здесь у нас под окнами белые, грудастые, а скажите, как к ним пристроиться? Может, кто из вас посоветует?

— Вот, ваше превосходительство, у немцев и австрийцев все продумано, все казенное: и одежда, и пища, и женщин они получают. Каждый офицер еженедельно имеет свою красотку. Вот как живут наши враги!

31 декабря целый день шла раздача подарков, поступивших из разных городов России. Солдаты были довольны, куря дорогие папиросы и жуя мятные пряники.

— Эх, шкалик водочки нам бы прислали, дарители мелочные, — сетовали унтер-офицеры и пожилые солдаты. — Ничего, самогончиком разживемся!

В 10 часов вечера офицеры штаба сели за стол в актовом зале местной школы. Стрелки часов подходят к 12.00. Генерал встает и обращается к офицеру:

— Высокочтимые боевые друзья, примите мои сердечные поздравления с Новым годом, в котором хочу видеть всех вас живыми и здоровыми. Выпьем за нашу победу!

Последней боевой операцией 1915 года было декабрьское наступление войск Юго-Западного фронта, где главная роль отводилась вновь сформированной 7-й армии. Из-за плохой подготовки, нехватки артиллерии и боеприпасов это наступление окончилось неудачей.

Затем наступило длительное затишье.

1916-й

Резерв и поездка в Финляндию

В результате грамотно проведенного «Великого отступления» и удачных контрударов конца 1915 года русская армия прочно удерживала свои позиции, правда, далеко от линии фронта на начало войны.

Новый 1916 год для 12-й кавалерийской дивизии начался сравнительно спокойно, что было связано с переходом Юго-Западного фронта к позиционной войне. В первых числах января соединение отвели в резерв 7-й армии, которую недавно сформировали, к востоку от города Гусятина, в район деревень Ивахновцы — Завадовка. Штаб дивизии до конца января находился в местечке Звасково, позднее — в Верхове.

Генерал Маннергейм, используя передышку, организовал многостороннюю боевую подготовку полков. Были созданы учебные команды для молодых офицеров, прибывших из юнкерских училищ и незнакомых с условиями полевых сражений.

После тяжелых дневных занятий, приближенных к боевым, солдаты придумывали себе всякие развлечения. Вот три человека искусно замаскировались, изображая верблюда. Вот молодой безусый солдат преобразился в деревенскую девушку, юбку заменила часть плащ-палатки, широкая рубаха подделана под блузку. В адрес этой «девушки» со всех сторон сыплются остроты:

— Манька, брюхо-то подбери… чаво выпятила, аль гороха объелась?

— Не гороха, дурень… сам же ты шоколадкой меня окормил, а вот и вздуло, теперь хоть за доктором посылай.

На кругу появляются клоуны, куплетисты и прочие доморощенные артисты — изобретатели разных развлечений для нетребовательной аудитории.

В свободное время, которого здесь в резерве у офицеров было мало, они постоянно вели разговоры об окончании войны. Особенно они усилились, когда одна из русских газет рассказала о магической цифре «17» — предвещающей окончание всемирной бойни.

Однако это число не сработало. На семнадцатый месяц войны — январь 1916 года — ее конца и края не наблюдалось.

22 января генерал-майор Маннергейм по разрешению командующего 7-й армией, которое передал ему начальник штаба армии генерал Николай Головин, получил короткий 23-дневный отпуск в Финляндию, где давно не был.

По дороге домой барон ненадолго задержался в Петрограде, остановившись в своей любимой гостинице «Европейская».

Почему Маннергейм так любил эту гостиницу? Да потому, что она в то время была лучшей гостиницей России, имевшей в центре столицы 260 прекрасных номеров. Это был целый гостиничный город со своими рестораном, кондитерской, хлебозаводом, винным погребом, коптильным производством и многим другим. В гостинице, единственной в столице, постоянно была горячая вода. Все номера имели звонки для вызова официанта. На этажах стояли телеграфные аппараты. Первая рюмка водки в ресторане стоила один рубль (три марки по ценам того времени), вторая и последующая — 20 копеек.

Друзья пригласили Маннергейма посетить офицерское собрание Конюшенного ведомства, где приготовили небольшой ужин, но он, не объясняя причины, любезно отказался. Один из офицеров, который служил с Маннергеймом в офицерской кавалерийской школе, вспоминал, что Густав часто говорил: «Конюшенная в Петербурге для меня не существует». Видимо, Маннергейм не хотел бывать в тех местах, которые напоминали ему об Араповой.

Накануне отъезда в Финляндию он провел вечер в Мариинском театре, где шли балеты, главную партию в которых танцевала Тамара Карсавина.

Роскошный зал с лазоревой драпировкой и золотыми гербами переполнен. Неприятные картины войны, мрачные перспективы будущего мгновенно рассеялись при первых звуках оркестра. Маннергейм, зная каждое па балерины, был очарован фантастическими и сладострастными приключениями героев «Египетских ночей», «Исламея» и «Эроса», таинственными и волшебными декорациями.

На другой день, в полдень, курьерским поездом № 1 — снова в путь. Отойдя от Финляндского вокзала, расположенного на Выборгской стороне столицы, поезд поднялся на виадук, первые четыре километра проходивший по территории городской черты, оставляя под собой ряд поперечных улиц.

Первая станция — Ланская, затем Удельная, представляющая собой дешевую дачную местность, слившуюся с поселком Лесное. За Удельной следуют Озерки, Шувалово, Парголово. Двухминутная остановка в Белоострове, затем небольшой мост и территория Финляндии.

В 17 километрах от Белоострова на станции Терийоки — таможенный досмотр. Финские чиновники поразительно вежливо встретили генерала, заговорившего с ними по-шведски.

Мустамяки, Перкиярви и, наконец, в 129 километрах от

Петрограда — Выборг. После 10-минутной остановки поезд отправляется дальше. Из окон вагона виден живописный залив, усеянный множеством островков с красивыми дачами. На станции Кайпиайнен 20-минутная остановка, дающая возможность хорошо пообедать за 2,5 марки. В Кувола поезд вновь стоит 20 минут. Направляясь к станции Кориа, состав следует по большому железнодорожному мосту через реку Кюмень, которая много лет была пограничной между Россией и Финляндией.

На дальнейшем пути, минуя много станций среди больших холмов и скал, которые в некоторых местах отвесными стенами сдавливают железнодорожное полотно, поезд, оставляя позади себя парк Теле, а в стороне залив того же названия, медленно подошел к вокзалу Хельсинки.

Сразу получив извозчика через полицейского, наблюдавшего за очередью, Маннергейм направился к дому сестры Софьи. Радостной оказалась встреча с близкими, среди которых, правда, уже не было отца и старшего брата.

Дни отпуска пролетели до обидного быстро, лишь краешком зацепив в памяти события, связанные с празднованием 100-летия финского сената.

13 февраля генерал Маннергейм вернулся в селение Верхово, где стоял штаб его дивизии.

Подполковник Михаил Георгиевич встретил его приятной вестью о том, что пришел приказ от 26 января 1916 года, в котором было сказано, что Маннергейм награжден орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами, но для получения его надо заплатить 60 рублей.

Посещение родных мест вселило в генерала бодрость и новые силы. Как вспоминали офицеры, служившие с ним, «Маннергейм с необычайно молодыми глазами был изумительно бодр, легок и неутомим».

Сразу, на второй день после своего приезда в дивизию, генерал стал знакомиться с боевой подготовкой и жизнью полков. Начал он с Ахтырского гусарского полка, причем действовал необычно. Вместо строевого смотра он попросил познакомить его с полковой библиотекой. Командира полка и офицеров очень удивила эта фантазия генерала. Никогда до сих пор приезжавшие высокие начальники, и даже шеф полка великая княгиня Ольга Александровна, не интересовались библиотекой. Войдя в комнату, где лежали книги и большие баулы, в которых их перевозил обоз, генерал попросил алфавитную книгу читателей.

Внимательно просмотрев ее, Маннергейм удивленно спросил у сопровождавшего его поручика, заведующего библиотекой:

— Странно, поручик, что за два года войны ваши офицеры не

прочитали ни одной военной книги, я вижу только романы и рассказы. Посмотрите: штаб-ротмистр Усенко — одна книга за два года. Ротмистр Мауров — прекрасный офицер, а его страница в книге чиста, как душа новорожденного младенца.

Генерал закрыл и положил на стол алфавитную книгу.

— Прекрасная библиотека, превосходный военный раздел, как печально, что господа офицеры не интересуются им.

В комнату вошел командир полка и пригласил Маннергейма завтракать. Генерал любезно и суховато поклонился и, ни одним словом не высказав своих впечатлений, вышел из библиотеки. Через несколько минут все офицеры полка знали о происшествии.

Завтрак в офицерском собрании полка прошел довольно гладко. Маннергейм принял участие в общей беседе, но казался несколько рассеянным, как будто его ум был сосредоточен на какой-то мысли. Когда съели сладкое, генерал поднялся и произнес короткую речь. Он говорил отрывисто и довольно резко, что выдавало его волнение.

Маннергейм начал с того, что его приезд в полк подтвердил существующее мнение об ахтырских гусарах как одном из лучших полков русской армии. Он восхищен полковой библиотекой, которая пополняет свои фонды даже в условиях сложной боевой обстановки.

— Меня огорчило только то, — продолжал генерал, — что в алфавитной книге полковой библиотеки страницы с именами офицеров белы, как первый снег в моей родной Финляндии.

Все, что дальше говорил командир дивизии, офицеры не слушали. Они, низко опустив головы, внутренне проклинали барона за его любовь к книгам.

В начале марта 1916 года, на стыке между Северным и Западным фронтами, началось наступление русских войск. Оно проходило в условиях весенней распутицы, в результате чего потери достигли 100 тысяч человек.

24 марта генерал Брусилов сообщил войскам 8-й армии о том, что он назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом, а его место займет 55-летний генерал-лейтенант Алексей Каледин, ставший через год донским атаманом.

Генерал Брусилов был против назначения Каледина командующим армией. Он предлагал генерала Клембовского, но Ставка с этим кандидатом на должность не согласилась.

Маннергейм тоже с сомнением отнесся к этому назначению и имел впоследствии из-за него много неприятностей. Интуиция никогда его не подводила.

Новый командующий начал свою деятельность с фронтальных проверок войсковых частей, выбрав первой 12-ю

кавалерийскую дивизию. Примерно через неделю после встречи Маннергейма с Калединым в селении Верхово прибыл генерал-инспектор, который начал проверку со Стародубского драгунского полка.

— Барон, — обратился инспектор к Маннергейму, который присутствовал на проверке, — довольны ли вы интендантами? Достаточно ли полки получают хлеба, сухарей, сена и овса?

Не обратив внимания на ответ генерала, инспектор продолжает:

— Барон, я хочу посмотреть лошадей полка.

Стародубцы, усадив инспектора в кресло посередине большой площадки, вывели лошадей и по пять раз провели их мимо него.

— Почему вы не называете имена лошадей? — спросил инспектор.

— Это не совсем удобно, ваше превосходительство.

Дело в том, что в полках дивизии было много лошадей и подыскать им клички было нелегко, поэтому некоторые имена, придуманные солдатами, поражали своей пикантностью, например, кобыла Шлюха, Шельма… жеребец Шанкер, Шмундер, были и более острые прозвища.

Вдруг с неба раздался гул вражеского аэроплана. Командир полка, взглянув вверх, резко скомандовал:

— Лошадей в укрытие!

Инспектор бойко вскочил с кресла и, почему-то согнувшись, побежал к дому офицерского собрания, где стоял Маннергейм. Быстро вбежав на крыльцо, инспектор прошептал:

— Барон, мне бы водички.

Окончив проверку частей дивизии, генерал-инспектор познакомил Маннергейма с ее результатами. Особых замечаний не было. Дивизия была признана боеспособной. Маннергейм показал инспектору панцирь-жилет, изобретенный подполковником Чемерзиным, который в день рождения подарили барону его киевские друзья. Инспектор долго, как ребенок, рассматривал и примерял жилет, восхищаясь его защитными качествами. Он обещал генералу, что, как только партия этих панцирь-жилетов придет с завода в армию, штук двадцать он сразу же пришлет для офицеров дивизии. Однако, когда первая партия жилетов была поставлена в армию, она «потерялась» в верхних эшелонах штабов.

3 апреля генерал-майор Маннергейм получил из Ставки на свое имя копию Высочайшего рескрипта (письма монарха) Николая II военному министру о героической смерти трех офицеров Ахтырского полка, георгиевских кавалеров братьев Панаевых, и присуждении их матери пожизненной пенсии. Эти

братья благодаря печатным изданиям стали национальными героями России. Маннергейму пришлось выдержать удар журналистов столичных и московских газет, которые интересовались боевыми подвигами братьев Панаевых. Барон с большим уважением относился к этим офицерам. После нелепой смерти у поселка Залещики первого из братьев — Гурия — Маннергейм долго беседовал с Борисом и Львом. Он просил их поберечь себя в конных атаках и не забывать о вражеских снайперах, но судьба оказалась безжалостной к их молодым жизням, вскоре они сложили свои головы на поле брани.

Генерал написал большое прочувственное письмо матери братьев Панаевых, в котором подробно рассказал об их фронтовой жизни и смерти, приложив к письму фрагмент карты с указанием мест, где их похоронили.

Интересна история этого письма. По рассказам журналиста Льва Любимова оно попало в Париж, где хранилось вместе с другими реликвиями Ахтырского полка. Однако, когда Любимов собирался ко дню юбилея полка опубликовать в газете «Возрождение» рассказ о братьях Панаевых, используя в нем часть письма Маннергейма, он его не нашел. Хранитель архива полка предложил Любимову продолжить поиск в Ницце, где находились некоторые документы штаба, но… письмо бесследно исчезло. Возможно, что оно находится в Торонто (Канада), куда в годы Второй мировой войны из Франции попал архив ахтырцев.

Большое наступление

8 мая генерал-майора Маннергейма срочно вызвали в город Бердичев, где находился штаб 8-й армии. Генерал Каледин ознакомил Густава с секретным распоряжением № 01 404, в котором сообщалось:

1. Главнокомандующий приказал перейти в наступление… Артиллерийскую атаку начать на рассвете 19 мая (однако она началась только через три дня. — *Л. В.)*…

6. 12-я кавалерийская дивизия, командир свиты Его Величества генерал-майор Г. Маннергейм, передается в распоряжение 8-й армии.

Каледин сказал Маннергейму, что в случае успеха наступления армии он выдвинет дивизию в прорыв с возможностью выхода ее в тыл врага.

Начальник штаба армии, передав барону оперативные карты, сообщил, что его дивизия, до того как 8-я армия совершит прорыв фронта неприятеля, будет стоять в селении Варковичи за 32-м

армейским корпусом, но артиллерию дивизии надо установить на позиции, которые определил штаб фронта.

Территория Волыни, где должны были развернуться будущие бои, была основательно разделена небольшими высотами. Такие крупные реки, как Стырь и Стоход, текут в хорошо выработанных, резко очерченных долинах с волнистыми грядами, на склонах которых много балок и оврагов с крутыми, иногда совершенно отвесными склонами.

На рассвете 22 мая мощная артиллерийская канонада возвестила о начале наступления войск генерала Брусилова. На другой день штаб армии приказывает 12-й кавалерийской дивизии, в состав которой вошла 20-я самокатная рота, выступить в район селения Летчаны, оставив на позициях 32-го армейского корпуса Донскую казачью дивизию.

Буквально на полпути к Летчанам поступает новый приказ № 01 960: «Дивизии изменить маршрут и отправиться к селению Бакурино».

25 мая генерал Брусилов в телеграмме № 1575 Каледину пишет: «…Сожалею, что 12-я кавалерийская дивизия своевременно не была подведена и пущена для преследования противника». В этот же день командир 40-го армейского корпуса генерал Каштолинский передал Маннергейму личную телеграмму № 01 988 командующего армией. Она говорила: «Оперативные колонны и обозы противника отходят от Луцка на Владимир-Волынский и Стоянов. Приказываю вам переправиться через реку Стырь и двигаться на Чаруков, выдвинув разведку на фронте Торчин — Горохов. Донесения посылать через Луцк, сообщая все сведения в ближайшие штабы».

Выполняя этот приказ, дивизия утром через селение Бакурино подошла к деревне Осторжец, где авангард дивизии — третий эскадрон драгун — вступил в бой с противником, который засел в лесу около деревни Ярославичи. Эскадрон, встреченный сильным огнем врага, потерял много лошадей.

Генерал Маннергейм, оценив обстановку, приказал двум батареям открыть ураганный огонь по позициям врага юго-западнее селения Ярославичи, и под его прикрытием полки дивизии вошли в селение. Одновременно 2-я бригада дивизии выбила врага из леса.

Наступление шло широким фронтом. На правом фланге дивизии Маннергейма наступала 14-я пехотная дивизия, на левом — 32-й армейский пехотный корпус.

В своей телеграмме № 01 997 от 26 мая генерал Каледин сообщал командирам частей 8-й армии: «12-я кавалерийская дивизия преследует противника в общем направлении на

Чаруков, выслав разведку на фронт Торчин — Горохов». Штаб армии телеграммой № 1600 дополнил: «12-я кавалерийская дивизия преследует обозы противника от Луцка».

Полки дивизии Маннергейма неотступно шли за врагом. Почуяв, что русские начинают его обходить, противник быстро освобождал дорогу от войск и вперед пропускал свои обозы, прикрывая их сзади конницей и пехотой. Разгадав эту тактику врага, барон приказывает конной артиллерии под прикрытием казаков, идя по сторонам дороги, обогнать противника и ударить ему в «голову». Обойдя головную колонну обоза врага на два-три километра, артиллеристы выбирали удобную позицию, маскировались и пропускали вперед головной разъезд противника. Как только появлялись первые повозки обоза, артиллеристы открывали огонь прямой наводкой. В голове вражеской колонны сразу создавалась каша. Лошади рвут постромки, повозки в канавах. На дороге горы подвод, которые пылают как костер, вперед двигаться невозможно.

Та же история повторялась в конце обоза, где действовала 2-я конная батарея. Дорога для врага отрезана, ни вперед, ни назад, кругом ураган взрывов. За 10–15 минут вражеский обоз превращается в груду хлама. Казаки быстро расправляются с охраной обоза и вместе с артиллеристами отходят в сторону, не вступая в бой с главными силами противника.

Вскоре 12-я кавалерийская дивизия, передав свой участок обороны пехотной дивизии, подошла к деревне Надчицы, чтобы накормить лошадей.

Обратив внимание на небрежное отношение к лошадям в одном из взводов драгун, Маннергейм вызвал растерявшегося вахмистра полка и провел с ним «нравоучительную» беседу, сказав:

— Вы знаете, наверное, что лошадь — доброе и чуткое животное. Умение понимать это животное — талант, и бывает он у людей, от природы наделенных доброй душой. А есть ли у вас и ваших солдат такая душа, вахмистр?

— Виноват, ваше превосходительство, все понял, больше подобного не будет.

— Надеюсь, Петров.

Хорошо отдохнуть солдатам и офицерам после непрерывных двухдневных переходов не удалось, в 4 часа ночи последовала команда генерала атаковать селение Торговицы.

Артиллерия быстро выдвинулась на позиции, полки приготовились к атаке, но в 10 утра поступил приказ штаба армии: «Действия против неприятеля остановить». В результате Маннергейму пришлось направить свои полки на север и ждать

дальнейших указаний.

27 мая генерал с начальником штаба ознакомились с обстановкой у соседних пехотных полков, включая 4-ю финляндскую дивизию, и после этого решили подвести дивизию к переправе через реку Стырь у деревни Вышково.

Приехав к переправе, Маннергейм выразил неудовольствие ее местом и неудачными подъездами, а также большим скоплением пехоты на берегах, что могло привлечь нежелательное внимание вражеских батарей.

Генерал Жуков, который обеспечивал переправу частей дивизии, начал возражать, доказывая, что это место враг из-за холмов не видит и, кроме того, река здесь узкая и неглубокая.

После быстрой переправы полки сосредоточились у деревни Милуши, в пяти километрах от города Луцка. Дальнейший их путь лежал в район севернее шоссе Луцк — Владимир-Волынский.

Несмотря на сильный огонь врага, кавалерия заняла селение Шепельи и переправу у деревни Заболотцы.

Около двух часов ночи авангардный отряд дивизии, подойдя к селению Борятин, был встречен плотным огнем противника. Перегруппировав части дивизии, Маннергейм приказал командиру Ахтырского полка полковнику Елчанинову выбросить немцев из Борятина.

После трех успешных конных атак, поддержанных казаками, красивое, утопающее в цветущих садах селение Борятин и его окрестности были освобождены от врага. Маннергейм высоко оценил эту победу, наградив Елчанинова Георгиевским крестом.

Военные историки русской эмиграции, в частности граф Гейден, рассматривая действия 12-й кавалерийской дивизии с 23 по 30 мая 1916 года, принижают ее роль, используя фразу: «Действия дивизии ограничились лишь одной атакой у селения Борятина». Это совершенно не соответствует записям в журналах военных действий дивизии, хранящихся в военно-историческом архиве России.

Утром 28 мая полки 12-й кавалерийской дивизии были заменены пехотой и получили отдых, которого они не имели с вечера 22 мая, если не считать четырех 5–6-часовых остановок для питания людей и кормления лошадей. Небольшая деревня в двух километрах от Борятина, где встали полки дивизии, уютно устроилась в ложбине холмов. Из окон дома священника, в котором барон смог немного поспать, на многие километры на запад открывались луговые дали.

Опять долгожданный отдых не состоялся. В 14 часов поступил приказ командира 6-го кавалерийского корпуса генерала Павлова: «Выступить и освободить от неприятеля

селение Торчин». В три часа дня авангард дивизии выступил на большое селение Торчин (с 1940 года поселок городского типа), расположенный в 23 километрах от города Луцка. Торчин известен в мировой истории с 1093 года, когда половцы опустошили его, уведя в плен всех жителей.

Совместной неожиданной конной атакой двух полков — Ахтырского и Стародубского, — которая продолжалась около часа, селение было освобождено от врага. Когда сражение окончилось, генерал Маннергейм проверил работу перевязочных пунктов и лазарета дивизии. Неприятный разговор состоялся с главным врачом из-за грязи, в которой лежали раненые, и плохого использования попутного транспорта для доставки раненых в полевые госпитали армии.

Следующим пунктом движения дивизии было селение Затурцы. Лично обследовав район предстоящих боевых действий, Маннергейм приказал полковнику Черткову двигаться на Затурцы не по шоссе на Владимир-Волынский, а по обе стороны его, отступив примерно на 400–500 метров. Сам же барон с основными силами своей дивизии направился севернее, в обход, через селение Зубильно, имея впереди три эскадрона ахтырцев.

Операция прошла успешно. Стародубцы вместе с пехотой ворвались в селение Затурцы и захватили мост через реку Турию. После освобождения от врага селения Зубильно генерал Маннергейм повел дивизию на ночлег в район Смогилев — Торчин. Штаб дивизии разместился в полуразрушенном доме большого помещичьего имения, в котором целыми сохранились только несколько комнат. В одной из них, имеющей странную треугольную форму, отдыхал Маннергейм. На полу когда-то роскошного помещения, со стенами, покрытыми ярким оранжевым шелком, лежали груды затоптанных фотографий, вещественные следы немецкого вандализма. Красивые резные двери были изгажены похабными рисунками и надписями. Ванная комната — сплошная клоака.

Утром начальник штаба подполковник Георгиевич доложил генералу, что все переправы на реке Луге уничтожены врагом, а его конные части укрепились на правом берегу.

Барон по просьбе командира пехотной дивизии, которая решила обойти врага с юга, направил к деревне Конюхи белгородских улан, а в район деревни Свинюхи — эскадрон ахтырцев. Однако приказ штаба фронта: «12-й кавалерийской дивизии перейти в район к северу от шоссе Владимир-Волынский — Ковель», — свел на нет все тактические решения Маннергейма, «привязанные» к данному району военных действий. Так, к сожалению, на третий год войны, не зная фактической

обстановки на полях сражений, руководили войсками некоторые армейские штабы.

Генерал Каледин в личном обращении к Маннергейму (телеграмма № 02 231 от 31 мая) писал: «Ввиду выдвижения завтра 7-й кавалерийской дивизии для освещения полос Владимир-Волынский — Сокаль поручаю вашей дивизии разведку фронта Обениж — Владимир-Волынский — Русанов. Ядро дивизии держать к северу от большака».

Эта телеграмма была получена, когда дивизия, постоянно вступая в короткие стычки с врагом, вела его преследование, пытаясь оторвать обозы от идущей за ними пехоты. Головная бригада генерала Жукова, подойдя к селению Крухиничи, неожиданно столкнулась с немецким отрядом особого назначения, оснащенным большим количеством пулеметов. Попав под сильный огневой удар врага, Жуков отошел на север.

Оставив по эскадрону в селениях Свинюхи и Садова и переночевав в районе селения Еленов, дивизия продолжала преследовать противника.

Вечером 2 июня ахтырские гусары, перескочив полуразрушенный мост через реку Стоход, буквально на плечах врага ворвались в селение Киселин (сейчас Киселев), а затем, не останавливаясь, выбили противника из села Твердыни. Отступая, немцы на ветряной мельнице у села оставили своего наблюдателя с телефоном. Гусары его обнаружили и взяли в плен. Командир взвода корнет Векилов, великолепно владея немецким языком, стал руководить огнем немецкой артиллерии, которая открыла огонь по пустому месту. Награждая находчивого офицера, генерал шутливо заметил: «Как бы враги ни хитрили, мы их всегда перехитрим».

Генерал Маннергейм со своим штабом и бригада генерала Жукова заночевали в селении Киселин. Оно, разрушенное вражеской артиллерией, производило странное и тягостное впечатление. Среди развалин домов и сараев, обгоревших и вырванных с корнем деревьев лишь ветер носился, печально завывая.

Оба генерала и офицеры расположились в чудом сохранившемся свинарнике, «аромат» которого долго держался в шинелях и походных кроватях и не выветривался, несмотря на все старания денщиков.

В ночь на 3 июня полки дивизии, прикрывая перегруппировку пехотных частей 8-й армии, заняли и основательно укрепились на важных в стратегическом отношении высотах у селений Твердыни, Зубильно, Оздютичи.

В 8 утра прибывшие на позиции и усилившие немецкую

группировку части 10-го армейского корпуса густыми цепями начали наступление на высоты, занятые 12-й кавалерийской дивизией. Видя значительный перевес сил противника и зная, что позиции ему не удержать, генерал-майор Маннергейм обратился к командирам пехотных частей, закончивших перегруппировку, с просьбой заменить на позициях его несущие большие потери полки. Те быстро ее выполнили, дав возможность кавалерии отойти за порядки пехоты.

Вечером 4 июня барон получает телеграмму командующего армией генерала Каледина о том, что его дивизия переходит в состав 40-го армейского корпуса генерала Николая Кашталинского. Дивизия, согласно диспозиции штаба армии, должна перейти в район селения Киселин и быть готовой к наступлению на селения Осьмиговичи и Маковичи.

Когда дивизия под огнем тяжелой германской артиллерии подходила к печально знакомому и пылающему в огне разрывов Киселину, пришел приказ генерала Кашталинского: «Прекратить движение к Киселину. Прикрыть от неприятеля разрыв, который образовался между 39-м и 40-м армейскими пехотными корпусами». Установив по данным разведки и картам, что разрыв между соединениями составляет шесть километров и лежит он за огромным болотом к востоку от Киселина, барон направил туда свои полки. Преодолев за восемь часов тяжелый 40-километровый путь, кавалеристы «заштопали» брешь между корпусами.

Разместив свои полки на позициях в месте «разрыва», генерал устроил свой командный пункт на одной из ветряных мельниц, которых много было в округе. С ее вершины в бинокль хорошо просматривались боевые порядки и действия 39-го и 40-го армейских корпусов.

После неудачной атаки 500-го стрелкового полка на немецкие позиции неприятель начал активно теснить части 39-го армейского корпуса. Артиллерийский наблюдатель на второй мельнице непрерывно доносил Маннергейму обстановку боя:

— Наша пехота наступает… она отходит… наши бросают винтовки и пулеметы… фланги немцев подходят к опушке леса.

Генерал быстро принимает решение и отдает приказ:

— Жуков, оренбургских казаков — в атаку. Прикрой их фланги ахтырцами.

Артиллерийский наблюдатель докладывает:

— Казаки идут в атаку… немцы отступают… на левом фланге враг бежит. Наша пехота собирается… она атакует!

Немецкие части позорно бежали. Было захвачено много пленных и пять пулеметов. Освобождены солдаты пехотных полков, взятые в плен. Положение и позиции 39-го армейского

корпуса были восстановлены, но командир 500-го пехотного полка отказался дать командиру оренбургских казаков войсковому старшине Павлу Смирнову свидетельство об их героической атаке на врага. Этот вопрос был решен, когда ночью на командный пункт Маннергейма прибыл командир 39-го корпуса, его старый варшавский знакомый генерал Станислав Стельницкий. Он с присущей полякам галантностью и чрезмерной любезностью выразил барону «свою и офицеров корпуса благодарность за спасение от разгрома».

Позиционная война

6 июня по приказу командующего армией все части фронта, кроме 30-го армейского корпуса, начали закрепляться на своих позициях.

Обеспечивая правый фланг полков генерала Станкевича, Маннергейм получает приказ № 118 от 7 июня перейти в подчинение командира 8-го армейского корпуса.

Почти шесть дней, постоянно меняя позиции и вступая в короткие стычки с врагом, полки дивизии действовали в широком районе Ядвиговка — Блудов.

13 июня 12-я кавалерийская дивизия вновь передается 40-му армейскому корпусу. В личном обращении к Маннергейму генерал Духонин писал: «Рекомендую вам не ввязываться в серьезные бои. Сковывайте противника на своем фронте, выбирайте участки для атак и будьте готовы по особому приказу перейти в энергичное наступление».

17 июня противник, открыв ураганный артиллерийский огонь, перешел в наступление, но был остановлен. Контратака русской пехоты не удалась, и полки Маннергейма, которые должны были войти в прорыв, почти два часа бесполезно простояли под огнем врага.

20 июня 12-й кавалерийская дивизия была временно переведена в состав 11-й армии, перейдя в район Корчмы — Нива Злочевская.

В деревне Дубовой, где расположился штаб дивизии, уцелело лишь пять сараев и хлев для коров. Генерал и офицеры штаба облюбовали для работы сарай, где раньше хранились дрова и сено. Из нескольких бочек и досок соорудили что-то вроде стола и скамеек. Денщики приготовили из трофейных продуктов скромный обед. Три дня тыловое интендантство не направляло в дивизию продукты питания и фураж. Только запасливость командиров полков да строгость Маннергейма спасала солдат и

офицеров от голода.

Оперативная сводка штаба армии от 23 июня говорила, что «12-я кавалерийская дивизия продолжает оставаться в выжидательном положении, ведя по всему фронту энергичную разведку».

Наступление русской армии остановилось, началась позиционная война. Немецкие части, отозванные с Западного фронта, смогли остановить русских и тем самым предотвратить катастрофу, нависшую над австрийскими войсками.

2 июля состоялся полковой праздник Ахтырского полка, на котором вместе со своим адъютантом ротмистром Скачковым присутствовал генерал-майор Маннергейм. Во время парада высоко в небе рвалась немецкая шрапнель. Был большой праздничный обед, на котором солдаты и офицеры пели хором.

Всю первую половину июля тяжесть боевых действий ложилась на 1-ю бригаду дивизии, которая вела бои за переправы у деревни Ворончин. 2-я бригада генерала Жукова вместе со штабом дивизии стояла в лесной деревне Заостров. Генералов Маннергейма и Жукова с их адъютантами поместили в доме старосты. И хотя здесь на всем лежала печать достатка и сытости, но в глазах старостихи барон уловил страх и отчаяние.

— Что печалишься, хозяйка? — спросил Маннергейм.

— Ой, пан генерал, наши люди говорят, что, если немцы к нам придут, они всех детей порежут.

— Не бойся, хозяйка, мы не пустим сюда немцев. Будем вас защищать.

Ночь теплая и звездная. Из соседнего дома раздаются звуки гармошки и звучат казачьи песни, там казачьи офицеры устроили небольшой пир. Никто не думает о ночлеге и завтрашнем дне. Война как-то странно вошла в жизнь и быт офицеров.

Во второй половине месяца после долгого перерыва пришла почта. Сказывались извечное русское головотяпство и волокита, когда невозможно определить, как работает механизм армейской почты, в мешках которой подолгу залеживались тысячи недоставленных адресатам писем.

«Самое неблагодарное на фронте занятие — это писать письма, — говорил Маннергейм. — Пишешь не близким людям, а в какое-то пространство, не зная, дойдет ли твоя весточка до места назначения. Все мы как манны небесной ждем писем, ведь неизвестно, что будет с нами завтра и даже сегодня, возможно, сейчас».

С первого августа, почти 59 дней, 12-я кавалерийская дивизия, побригадно, по очереди, занимала окопы на правом берегу реки Стоход, на линии Воля — Киселин, а коневоды

оставались в урочище Жука, где находился штаб и землянки всех полков дивизии.

Используя это «окопное» время, Маннергейм все свое внимание уделил работе штаба. По его приказу подполковник Георгиевич, собрав в полках солдат, бывших плотников, по эскизу, нарисованному генералом, построил и хорошо оборудовал просторную штабную землянку.

Все офицеры штаба получили большие, хорошо освещенные столы, на которых можно было свободно разложить карты и схемы своих и вражеских позиций.

На рабочем месте генерала господствовал образцовый, почти бюрократический порядок. Каждый карандаш, циркуль и линейка имели свое конкретное место. Избави бог, если это нарушалось. На столах не было видно «батарей» чайных стаканов, без которых не могли работать русские генералы. На вопросы о чае барон обычно отвечал шуткой: «Чай — это хорошо, шампанское — еще лучше, но не на рабочем столе».

Прямо перед окопами полков 12-й кавалерийской дивизии на немецкой стороне стояла усадьба, обнесенная невысоким каменным забором, в котором находились пулеметные капониры врага. Слева к забору примыкал старый роскошный парк, посреди которого виднелась башня, «срезанная» снарядами. За усадьбой находился лес. Вдоль забора шла линия вражеских окопов, затянутая проволочными сетями.

Расстояние между окопами полков дивизии и неприятеля было около 200 метров, и сейчас, в тихие, погожие дни августа, было слышно все, что делалось у врага.

Маннергейм каждый день бывал на позициях полков своей дивизии. В один из дней он приехал к белгородским уланам, чтобы посмотреть, как они оборудовали пулеметные ячейки. Когда генерал закончил осмотр, его пригласили на чай в блиндаж командира полка. Августовский вечер был на редкость тихим, только-только появилась луна, которая долго, как шутили офицеры, скрывалась «в обозе второго разряда». В стане врагов было очень шумно. Слышались пьяные голоса, какие-то крики и ругательства.

— Опять перепились, — сказал полковник. — Спать опять ни черта не дадут.

— Слышите, ваше превосходительство, вроде женские крики, — сказал один из офицеров.

Действительно, внятно доносились женские крики и потом плач. Генерал и офицеры вышли из блиндажа. Послышались выстрелы.

— Кто это стреляет? — спросил генерал.

— Это наши секреты, ваше превосходительство, они недалеко от окопов врага, — ответил полковой адъютант.

Плач слышался все ближе, невдалеке, около забора показалась растерзанная женщина, скрывшаяся в темноте.

Генерал и офицеры вернулись в блиндаж, где денщик уже приготовил чай, черный как лакрица, терпкий, как дубильная кислота.

— Ваше превосходительство, — обратился полковник к генералу, — куру подавать?

— Да пошел ты к черту со своей курой, полковник, — мрачно ответил Маннергейм. Дикая сцена насилия будоражила его ум, было мерзко и невыносимо тяжко. Почувствовав настроение генерала, полковник заметил:

— Может быть, снарядами «угостить» этих изуверов, ваше превосходительство?

— Можно, конечно, но только артиллеристам точно место указать трудно, как бы свои снаряды нам на голову не упали, а если стрелять по площади, много боеприпасов впустую израсходуем.

В окопе у блиндажа послышался шум и какие-то отрывистые разговоры.

— Кто это там у вас шумит? — спросил Маннергейм.

— Бабу привели, ваше превосходительство, — ответил на вопрос генерала вошедший в блиндаж унтер-офицер.

— Давайте ведите ее сюда.

Сквозь низкую узкую дверь блиндажа еле протиснулась полная нагая женщина.

Все ее тело было избито и изодрано, сплошь покрыто глубокими царапинами, из которых сочилась кровь. Обнаженная грудь в кровоподтеках, поперек живота шел кровавый рубец.

— Фельдшера сюда срочно позовите, полковник, — сказал Маннергейм. — Ротмистр, прикройте женщину своей шинелью, но сначала срежьте погоны.

Прибежавший с санитарной сумкой фельдшер сначала растерялся, увидев генерала, но, взглянув на женщину, быстро понял, что ему надо делать. Жгучая боль, которую причинил кровоточащим ранам йод, вернула женщине сознание и чувство стыда. Она отвернулась и хотела сесть на земляной пол. Офицеры поддержали ее, завернули в шинель и усадили на обрубок дерева, служивший стулом.

Около часа женщина просидела, как неживая, прежде чем с ней можно было говорить. Мешая украинские, польские и русские слова, незнакомка начала свой рассказ:

— С тех пор как в наше имение вошли немцы, они

пьянствуют день и ночь. Наши хозяева бежали в Австрию, оставив нас, женскую прислугу, в своей усадьбе, приказав свято хранить их имущество. Разместившись в нашей усадьбе, немцы превратили нас, женщин, в своих наложниц.

Мы все под страхом смерти должны были днем и ночью выполнять их скотские прихоти. Сегодня в мою комнату ворвался пьяный майор и, сдирая с меня одежду, потребовал лечь с ним в постель. Я отказалась, тогда он жестоко избил меня плетью, позвал солдат, которые долго измывались надо мной. Сколько их было, я не помню.

— Как вы попали к нам в окопы? — спросил генерал.

— Солдаты, надругавшись надо мной, бросили меня, как тряпку, на свои проволочные заграждения. Бог миловал, и меня не проткнули железные колья. Придя в себя, я куда-то поползла. Сначала ваши солдаты стали по мне стрелять, но потом вот привели к вам.

Генерал и офицеры долго молчали, не решаясь что-либо произнести вслух после этого страшного рассказа.

— Полковник, позвоните от моего имени в наш дивизионный лазарет, пусть они срочно пришлют санитаров. Скажите старшему врачу, что я приказал привести эту женщину в нормальный вид, выделив ей отдельное место с медицинскими сестрами.

— А вы уточните координаты усадьбы, — обратился генерал к другому старшему офицеру, — и нанесите массированный удар по этому осиному гнезду, но не забудьте на время отвести на запасные позиции своих солдат.

На другой день после получасовой артиллерийской «обработки» на месте усадьбы остались только груды кирпичей, правда, немного пострадали и русские окопы.

Через три дня генерал пригласил командира 2-й бригады генерала Жукова и командиров его полков познакомиться с передним краем обороны. Поход по «улицам и переулкам» своеобразного земляного города начался рано утром. До врага рукой подать, однако по траншеям можно пройти в полный рост. Хорошая маскировка, дно траншей устлано сухой травой. Всюду образцовая чистота. Тихо, лишь изредка над головой проносятся один-два снаряда. На это никто не обращает внимания — привыкли. На каждом повороте — стрелки с условными названиями эскадронов. У переднего края окопы уже не такие аккуратные.

— Где тут у вас наблюдательный пункт? — обратился Маннергейм к командиру Ахтырского полка генералу Елчанинову.

— Еще не успели оборудовать, Густав Карлович.

— Может, дальше не пойдем? — как бы невзначай сказал генерал Жуков.

— А почему? — удивился Маннергейм.

— Впереди даже нет окопов, там только небольшая группа солдат, наш передовой «секрет».

— Вот и хорошо, — улыбнулся Маннергейм, — побываем и у них.

Около пятидесяти метров три генерала и сопровождающие их офицеры ползли по-пластунски до неглубокой, хорошо замаскированной кустами траншеи.

Увидев генералов, молодой поручик оторопел и на минуту потерял дар речи.

— Где, поручик, у вас передовые наблюдатели? — спросил Маннергейм.

— Да тут рядом, всего метров десять до них, у немецкой проволоки.

— Подождите, господа, очищать грязь с мундиров, поползем дальше.

Немцы, видимо услышав разговоры, открыли сильный пулеметный огонь. Генералам и офицерам пришлось залечь в неглубокой траншее.

— Эти траншеи мы отрывали ночью, ваше превосходительство, — тихо сказал поручик. — Немцы здесь все хорошо просматривают, и мы вынуждены быть очень осторожными.

— Поручик, я хорошо понимаю всю сложность вашего положения. Вам, как и нам, трудно, враг рядом. Прошу вас, берегите солдат. Приказываю этой ночью глубже зарыться в землю и хорошо замаскировать бруствер. Надеюсь, что ваш наблюдательный пункт будет отличным. Господа, возвращаемся обратно. Поползли. Крепче прижимайтесь к матушке-земле, если не хотите получить пулю в мягкое место.

К началу сентября русский фронт стабилизировался на линии река Стоход — Киселин — Злочев — Брезжаны — Галич — Станислав — Делатынь — Ворохова — Селетин.

28 сентября командующий фронтом приказал 12-й кавалерийской дивизии перейти в район старой русско-австрийской границы у города Почаева. Соединение направлялось в те места, где находилась знаменитая Почаевско-Успенская лавра, основанная, в 1597 году, когда местный монастырь получил от помещицы Анны Гойской земляные и лесные угодья и чудотворную икону Успения Богородицы, доставшуюся от греческого митрополита Неофита. Монастырь недолго был православным, вскоре им завладел униатский орден Святого

Василия. В 1831 году свет Православия вновь озарил это место, а в 1833 году обитель получает статус лавры — четвертой в России.

На переход полков 12-й кавалерийской дивизии в конном строю до новых позиций, которые занимала пехотная дивизия, ушло три дня. Шли под мелким дождем, который моросил целые дни, и холодным ветром, пронизывающим до костей. Лошади с трудом вытягивали ноги из грязи. Не было слышно разговоров, за которыми обычно коротается переход. Лишь изредка вылетало крепкое словцо, когда лошадь спотыкалась о вылезший на поверхность корень или оступалась в глубокую колдобину, пугливо шарахнувшись в сторону.

Система позиций, которую пехотная дивизия передала полкам Маннергейма, была основательно оборудована. Окопы глубокие и крепкие. Хорошая маскировка, связанная с рельефом местности. Много пулеметных ячеек, защищенных мешками с песком и стальными щитами — новинкой в русской армии.

Командир пехотной дивизии рассказал генералу, что здесь у них тихо и живут они с немцами почти мирно. Ежедневно в 12 часов дня русские и немецкие кухни одновременно выезжают к реке за водой, и никто по ним не стреляет. Солдаты даже помогают друг другу, вместе курят. Пехотинцы устроили в своих окопах огород. На насыпи, обращенной в сторону врага, посадили лук, а около ходов сообщения — картофель.

На язвительный вопрос барона: «А вы немецкий опыт быстрого выращивания однолетних огурцов еще не используете?» — пехотный генерал не отреагировал, с упоением рассказывая:

— Наш огород одновременно и маскировка, и для солдат свежие овощи, вот только мои офицеры боятся, как бы шальной немецкий снаряд не попал в него, ведь все грядки разнесет.

Командир пехотной дивизии передал Маннергейму хорошо оборудованный командный пункт на куполообразной «святой горе», откуда открывался многокилометровый обзор.

Квартирьеры дивизии поселили генерала с его адъютантом и денщиком, а также взводом охраны в старом барском доме на окраине города, около шоссе, ведущего к старому Почаеву. Штаб находился рядом, в двух домах, скрытых большим вишневым садом. Запущенные аллеи сада в золоте осенних листьев, сорная, уже поблекшая трава свидетельствовали о царящем в этом уголке духе запустения и одичания. Из окон спальни генерала со странным угловым диваном, спинка которого соединялась со шкафчиком, хранящим запахи вина и табака, открывались чудесные картины окрестностей лавры. Белые, величественные лаврские храмы как бы парили в воздухе над окружающими полями и лесами. Один из соборов, стоящий на отроге горы,

император Николай I, посетивший лавру в 1842 году, назвал «дерзновенной постройкой».

Адъютант генерала ротмистр Скачков вместе с управляющим — старым поляком обошел весь дом и отобрал ключи ото всех дверей, то же сделал корнет — командир взвода охраны, проверив надворные постройки, флигель для слуг, каретник и сеновал.

Вечером генерал-майор Маннергейм принял доклады командиров бригад. Полки дивизии быстро обжили новые позиции. Лошади были отправлены в район Рудня Почаевская.

Проводив старших офицеров, Маннергейм вместе с адъютантом обошел все помещения усадьбы, обратив внимание на посты охраны и близость шоссейной дороги. У каретника генерала встретил управляющий и стал жаловаться на то, что солдаты охраны реквизировали у него все сено и овес.

— Представьте счет моему адъютанту, и мы полностью с вами рассчитаемся, — коротко ответил генерал.

Отправив Скачкова позаботиться об ужине, Маннергейм направился в сад. Здесь от влажной земли тянуло плотным густым запахом прелых листьев. В высоком небе торжественно проплывали облака, причудливо меняя окраску под лучами заходящего солнца. Сад с его заросшими дорожками чем-то напоминал счастливые годы детства в замке Лоухисаари, где было столько веселых игр со старшим братом Карлом и друзьями. «Как много прожито, как много пережито, — подумал Густав, — в будущем году мне уже 50, а что будет дальше?»

Лирическое настроение прервал подобострастный голос надоедливого управляющего этого старого поместья, хозяева которого сбежали вместе с австрийцами еще летом.

— Пан генерал, я уже сказал вашему очень милому офицеру, что на ужин мы можем приготовить вам только жаркое. Повара у меня давно нет, осталась одна кухарка.

— Вы разместили моих солдат? — спросил Маннергейм.

— Да, конечно, пан генерал, все сделано, и даже вашу светло-гнедую красавицу уже выгуливают.

— Спасибо, господин управляющий.

Войдя в дом, в широком вестибюле генерал увидел вставших по стойке «смирно» всех полковых адъютантов дивизии.

— Что это за парад, уважаемый капитан Рот? — обратился Маннергейм к старшему адъютанту.

— Ваше превосходительство, нам документы нужно подписать.

— Опять у вас недокомплект лошадей? — засмеялся барон. — Молчите? Но меня не проведешь, я точно знаю их количество.

Вчера у моих окон, по шоссе, гусары катались на австрийских пулеметных тачанках, а лошадки-то у них были немецкие, знакомые мне — ганноверские. Ох, придется мне вас наказывать, все отчеты мне запутали. Давайте сюда ваши бумаги. Где нужно подписывать?

Маннергейму очень нравились окрестности Почаева. Он постоянно любовался ими, ежедневно выезжая на позиции полков дивизии. Извилистая дорога шла по холмам, где словно рукой неведомого сеятеля были разбросаны камни кремниевых пород, своими причудливыми формами очень напоминавшие сухие белые кости.

На фронте пока наблюдалось полное затишье, которое изредка прерывалось короткими артиллерийскими дуэлями, да ружейной пальбой по обнаруженным разведчикам с той или иной стороны.

Используя это благоприятное время, которого было так мало за годы войны, генерал приказал командирам бригад и полков научить своих офицеров готовить перспективные рисунки вражеских позиций, примерно с трех-четырех точек, что-то вроде панорамы. Это очень бы облегчало ориентировку.

Маннергейм помнил, как еще в Николаевском кавалерийском училище он, сидя в Красном Селе, в палатке, сражаясь с тучами комаров, рисовал позиции «неприятеля», укрепившегося в районе города Луги. Очень строгий преподаватель военной топографии и ситуаций штаб-ротмистр Николай Трамбицкий всегда особо отмечал «меткий глаз» и аккуратность Густава.

Генерал очень любил неожиданно экзаменовать наблюдательность командиров взводов и эскадронов, что было настоящей мукой для офицеров, так как Маннергейм не оставлял без внимания ни одной ошибки. Этот экзамен начинался так: генерал приглашал одного из офицеров, который оказывался рядом, к амбразуре в бруствере окопа, которая, по его мнению, была наиболее безопасна от пуль вражеского снайпера, затем говорил:

— Вот видите, корнет, вдали за второй линией проволочных заграждений бугорок. Как вы думаете, что это? — складка местности или немецкая офицерская землянка?

Есть ли у вас рисунок этого участка позиций неприятеля?.. Ах нет? Что ж, даю вам один день. Свое «произведение» пришлите мне через адъютанта полка.

— Владимир Константинович, — обратился генерал к своему адъютанту, — запишите мое задание и фамилию корнета.

— Ваше превосходительство, разрешите обратиться?

— Пожалуйста.

— Хотите увидеть интересный спектакль? — спросил командир эскадрона Стародубцев. — Мои разведчики ночью установили, что колья первой, самой близкой к немецким окопам, линии проволочных заграждений сентябрьские дожди основательно размыли и они плохо держатся в земле. Солдаты ночью крепко обвязали их веревками, концы которых находятся в этом окопе. Ваше превосходительство, разрешите начинать?

— Начинайте, штаб-ротмистр.

Тридцать наиболее крепких солдат и унтер-офицеров взялись за концы веревки и начали их медленно, не дергая, тащить.

Солдатское «радио» быстро донесло эту новость до всех траншей полков дивизии. Солдаты и офицеры, ожидая интересного зрелища, прильнули к амбразурам.

Первый ряд кольев немецкого проволочного заграждения вдруг неожиданно «ожил» и начал медленно падать, за ним потянулся следующий. Увидев, что с их заграждениями творится что-то неописуемое, немцы открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь. Русские окопы не отвечали. Между тем третий ряд кольев, вслед за первым и вторым, медленно тащился к русским окопам. Веревки сделали свое дело. Предприятие увенчалось успехом, и насколько этот успех был велик, доказали яростные крики немцев, внезапно «оголенных» для русского наступления.

— Молодцы уланы, — сказал генерал, — всех разведчиков представить к награде. Теперь можно спокойно атаковать врага. Командуйте!

В едином порыве, с могучим «ура», вырвавшимся из сотен глоток, бросились в атаку уланы, поддержанные ураганным огнем полков дивизии. Немцы, не дожидаясь встречи с русскими штыками, поспешно покинули первую линию своих окопов. Примерно через двадцать минут уланы были во вражеских траншеях, загруженных одеялами, отобранными германской солдатней у местных жителей, и горами банок с мясными консервами.

— Вы все — мои герои, — говорил генерал, обращаясь к солдатам и офицерам, которые со счастливыми лицами вытягивались перед ним по стойке «смирно», — вы еще на двести метров приблизились к старой российской границе.

В середине октября установилась солнечная и теплая погода, как будто лето вновь собиралось вступить в свои права.

В один из дней епископ Кременецкий Дионисий, по просьбе благочинного (старшего священника) дивизии отца Федора, провел небольшую экскурсию по лавре, ее соборам и пещерной церкви с могилой игумена Иова.

— Почаевская лавра, — начал свой рассказ владыка, — славится в России и на Украине двумя своими святынями: иконой Почаевской Божией Матери и отпечатком стопы Богоматери, что находится на скале, под которой бьет чудесный родник. Летом, перед наступлением врага, чудотворная икона была отправлена в Киев. После отхода неприятеля, который испоганил все храмы и памятники лавры, церковная служба, несмотря на близость фронта, продолжилась. И сейчас, вы все это слышите, звуки 11-тонного колокола лавры бесят немцев и постоянно напоминают о мощи России, вселяя дух бодрости в ее воинов.

После этой экскурсии Маннергейм рекомендовал командирам бригад и полков дивизии проводить подобные мероприятия с солдатами и офицерами, которые попеременно отводились в Почаев на отдых.

Генерал обращал большое и серьезное внимание на духовную жизнь своих солдат и офицеров, поддерживая постоянные контакты с благочинным отцом Федором, который руководил священниками полков. Все они проводили большую, полезную работу среди солдат и унтер-офицеров. Помимо служб полковые батюшки беседовали с бойцами, помогали писать письма, следили за чистотой солдатского белья, ходатайствовали за нижних чинов перед командованием. Во всех боевых столкновениях, даже кавалерийских атаках, священники были на передовых линиях.

Окопное «безделье» очень надоедало солдатам и офицерам, и они искали любую возможность рассеять свою скуку. Драгун Петр Аникушкин решил немного позабавить своих товарищей. Он предложил солдатам своего взвода и эскадрона хорошо укрыться в окопе и по его команде громко кричать «ура!». Затея понравилась, после чего это сообщение было передано вправо и влево по цепи. Куда делись тоска и скука! Минут через пять громогласное «ура!» прорезало вечерний воздух. Немцы, не зная в чем дело, открыли сильный огонь. Пули стаями летали над головами драгун, а навстречу им широкой волной разливался удальской победный возглас. Больше часа враг стрелял впустую, а драгуны сидели и посмеивались, благодаря Аникушкина за доставленное удовольствие.

Интересный случай был и на позиции ахтырцев. Один из гусар, находясь в секрете, обнаружил пулемет, который стоял на бруствере вражеского окопа, совсем без маскировки, видимо, его подготовили к атаке. Дождавшись ночи, гусар бесшумно, как кошка, подполз к пулемету и обвязал его колеса прочной веревкой. После этого он тихо расчистил небольшой тоннель в проволочных заграждениях против того места, где стоял пулемет,

и затем возвратился к своим, волоча за собой конец веревки.

Молниеносным усилием гусар, дружно взявшихся за веревку, пулемет был сбит с бруствера и, прыгая по полю, направился к русским окопам. Немцы бросились его догонять, но дружный залп гусар положил их всех на землю. Пулемет гусары благополучно дотащили до своего окопа.

Награждая находчивого гусара Георгиевским крестом, генерал Маннергейм шутливо сказал:

— Я теперь жду донесения о том, что в следующий раз белгородские уланы, конечно не без помощи казаков, притащат на наши позиции целую немецкую батарею. Думаю, заранее в штабе армии надо заказать побольше Георгиевских крестов. Богатый опыт все тащить у врага с помощью веревок у нас уже есть.

Благодаря установленному генералом порядку: неделя на позиции, неделя в тылу, — у офицеров появилось больше свободного времени. И это время хотелось провести с какой-нибудь хорошенькой барышней к несомненной пользе если не для души, то хотя бы для бренного тела. И вот тоскующие взоры лихих кавалеристов стали обращаться к молодым женщинам, которые, несмотря на запреты, связанные с фронтовой полосой, известными только им путями стекались в Почаев на богомолье.

Кроме того, Маннергейм, закрывая глаза на директивы Ставки, разрешал офицерам группами по три-четыре человека отправляться для «встречи с женами» в недалекий Кременец и даже в Ровно.

Однажды, вернувшись в Почаев после одной из таких «встреч», радостный и хмельной генерал Жуков обратился к Маннергейму:

— Густав Карлович, хватит тебе, сидя у окна, пожирать глазами молодых богомолок. Поехали к моим друзьям. Там обойма молодых женщин и мой друг, да и тот хромой. Условия великолепные: масса комнат, а постелей не сосчитать.

— Что ж, Петрович, уговорил, поехали. Позвони Юзефовичу, он на позиции. Передай, что остается за меня. С собой возьмем Скачкова и двух телефонистов, они будут держать связь с Почаевом. Посади своего телефониста у отца-эконома лавры, у него есть телефон для связи с Кременцом. При необходимости нас срочно вызовут. Берем с собой мой взвод охраны, пусть и они немного отдохнут, а то я их караулами замучил.

— Ну, отец-командир, — сказал Жуков, — вроде все решили, вели седлать лошадей.

Усадьба друзей Жукова встретила генералов бешеным лаем собак и французским шампанским, которым гостей угощал

пожилой слуга. Скачков с командиром взвода охраны занялись сторожевыми постами и порядком увольнения гусар в город после смены.

Гостеприимный хозяин, узнав от Жукова, что его начальник — поклонник Франции и тонкий ценитель еды, приказал повару приготовить кассуле по-тулузски и сальми из рябчиков по-провансальски, а также белые грибы по-бордосски. Ко всему этому были поданы Шато Икем и Жанно Гранд Арманьяк.

Два дня в гостях пролетели незаметно и весело, оставив приятную память о племяннице хозяина усадьбы, у которой муж где-то скрывался от войны, не давая знать о себе.

Румынский фронт

Первые два года мировой войны Румыния придерживалась нейтралитета, выжидая наиболее подходящий момент для перехода на сторону той или иной коалиции. Все это, однако, не мешало ей поставлять Англии пшеницу, снабжать Россию старыми винтовками, пропускать в Турцию переодетых немецких солдат и офицеров, продавать масло и мясо Германии, слать приветственные телеграммы императору Вильгельму.

Высадка союзников в Солониках, взятие Эрзерума и победы русского Юго-Западного фронта положили конец колебаниям Румынии, и 14 августа 1916 года она объявила войну Австро-Венгрии.

Русское командование не верило в реальную помощь фронту от румынской армии и советовало ей направить свои силы против болгар.

Однако румыны, стремясь скорее осуществить свою идею национального объединения, устремились в Трансильванию. В результате четырехмесячных боевых действий румынские войска были разбиты и значительная часть страны оказалась в руках немцев.

Чтобы предотвратить полный крах румынской армии, у которой осталось только 70 тысяч солдат, и остановить немецкое наступление, направленное на юг России, командованию Юго-Западного фронта пришлось осуществить вспомогательную операцию. Она потребовала удлинения фронта русских армий на 500 километров и переброски сюда 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий.

Русские войска заняли позиции по рекам Дунай и Серет, а также в Карпатах. Единственная боеспособная 2-я румынская армия вклинилась между 4-й и 9-й русскими армиями. Другие

части румынской армии были реорганизованы, их новое формирование стали осуществлять французы и русские артиллерийские инструкторы. Было создано около 15 румынских дивизий.

10 ноября 1916 года генерал-майор Маннергейм получил на свое имя секретную телеграмму командующего фронтом с приказом немедленно в конном строю выступить на румынский театр военных действий, передав свои позиции пехотной дивизии.

Передача позиций и сборы в дальнюю, почти 20-дневную дорогу заняли около пяти дней. Накануне отправления в путь пришла телеграмма штаба армии — сдать все журналы военных действий дивизии. Офицеры штаба и полков работали день и ночь, вспоминая бесконечные бои, наступления и отступления, величественные летние ночи на Волыни, мучительные лесные дороги, вонючие и грязные стоянки.

И вот наступил последний день пребывания дивизии в Почаеве. На короткой летучке начальник штаба дивизии подполковник Георгиевич рассказал о пути следования полков по маршруту Кременец — Тернополь — Волочиск — Каменец-Подольский — Бричаны — Бэльцы — Яссы — Роман — Бакеу — Аджуд — Одобешти. Были названы места стоянок и ночевок, доложено об организации питания. На офицеров, владеющих французским языком, были возложены функции переводчиков, когда дивизия войдет на территорию Румынии. Короткий молебен перед походом отслужил епископ Кременецкий Дионисий.

Наконец дивизия тронулась в путь под крупным, совсем не осенним дождем, по грязным и разбитым дорогам мимо голых полей и небольших деревушек…

Первая большая стоянка в городе Каменец-Подольском, куда полки вступили поздней ночью. Офицеры военной комендатуры и квартирьеры быстро разместили солдат и офицеров по домам и квартирам. Был организован ужин. Маннергейму и командирам бригад сняли номера в довольно приличной гостинице у центральной площади города. Спать почти не удалось, пришлось рассматривать рапорта командиров полков об утерянных вещах. Маннергейма возмутила наглая ложь командира стародубских драгун, у которого количество пропавших шинелей в полтора раза превышало число убитых и раненых воинов.

Густава, воспитанного в духе экономии и бережливости, когда неукоснительно соблюдается правило «зорко следить за каждой маркой, тратить ее осторожно, с непрерывной бдительностью», всегда удивляло то, что русская армия не имела представления об экономической дисциплине, просеивая, как

через решето, бесконечные материальные средства. Как бы то ни было, инцидент с шинелями сильно испортил генералу настроение.

Однако утром, побаловав сахаром верную и безотказную Дези, встретившую генерала тихим ржанием, и легко, совсем по-юношески взлетев в седло, Маннергейм почувствовал прилив силы и бодрости. Вспоминая этот переход, один из офицеров Ахтырского полка говорил: «В любых сложных моментах нашего движения к румынской границе генерал Маннергейм был светским, всегда сдержанным, находчивым и уверенным в себе офицером, с внимательным взглядом холодных глаз».

Полки дивизии быстро прошли Бричаны, остановившись только на три часа, чтобы накормить людей и лошадей. После однодневного отдыха в Бэльцах дивизия вышла к русско-румынской границе.

Через пять часов головной полк дивизии вступил в забитый беженцами и тыловыми армейскими учреждениями город Яссы. Всадники на рысях прошли главную улицу, минуя особняк, где жил румынский король, у ворот которого стоял караул в форме, напоминающей кавалергардов. У места временной стоянки полков дивизии их встретили восторженные толпы русских. Это были члены секты скопцов, которые почти 40 лет назад покинули Россию, чтобы навсегда поселиться за рубежом. Члены этой страшной секты, уроженцы Орловской и Новгородской губерний, в которой мужчины после рождения первого сына кастрируют себя, навсегда лишая потомства, получили полное доверие румын благодаря своей честности и трезвости. К тому же в Румынии они не занимались пропагандой своего учения. Скопцы были большие любители лошадей. Румынские офицеры рассказывали, что после реквизиции лошадей у скопцов те ходили в казармы и объясняли солдатам, какой характер у их прежних лошадей и как с ними нужно обращаться.

Генерал-майор Маннергейм с начальником штаба нанесли короткий визит русскому коменданту города генералу Казакевичу, бывшему преображенцу, которого барон знал еще по Петербургу. Здесь произошла встреча Маннергейма с генералом Крымовым, будущим неудачливым командиром странного похода на Петроград по приказанию Керенского в 1917 году. Крымов очень обрадовался, узнав, что его Уссурийская дивизия будет занимать фронт рядом с полками Маннергейма. Зашел разговор о роковых ошибках государя и «бескровной революции», ярым сторонником которой был Крымов. Барон, слушая разглагольствования Крымова, умело перевел разговор с политического в военное русло.

Когда головной отряд дивизии входил в город Роман, к конной группе офицеров штаба, с которой ехал Маннергейм, примчался взволнованный поручик, доложивший генералу, что на главной площади города у здания магистрата его ожидает командующий 9-й армией генерал Лечицкий.

Барон галопом вместе с адъютантом и начальником штаба обогнал полки и первым въехал в город. Действительно, у магистрата с офицерами и взводом охраны стоял командующий армией.

Маленький, сухой Лечицкий проворно соскочил с лошади и направился к Маннергейму. Генерал сделал то же самое и, приложив руку к козырьку фуражки, начал доклад. Командующий, махнув рукой, остановил его:

— Не надо условностей, барон. Я хорошо знаю о вашем блестящем переходе, в котором вы не потеряли ни одной лошади. Вы прекрасный офицер, разрешите обнять и поцеловать вас. Я знаю, что здесь, в Румынии, вам предстоят тяжелые дни. Ее армия, по моим сведениям, уже разгромлена немцами, но мы с вами офицеры и обсуждать приказы Верховного не имеем права. Я приказал хорошо разместить и накормить ваших солдат и офицеров и дать им здесь, в Романе, к моему сожалению, только однодневный отдых. Румыны каждый день кричат о помощи, надо им помочь.

6 декабря полки дивизии направились в дальнейший путь и на другой день в полдень пришли в селение Одобешти, поразившее Маннергейма своими кривобокими домами, пыльными улицами, по которым угрюмо бродили волы. Когда все полки дивизии, артиллерия, саперы, связисты и обоз втянулись в селение, их построили на широком кукурузном поле. Генерал Маннергейм и полковник Георгиевич с группой румынских офицеров, встретивших дивизию, проехали вдоль строя полков. Затем генерал обратился к ним с приветственной речью. Он поблагодарил солдат, унтер-офицеров и офицеров за успешный многокилометровый переход, который они совершили, сравнив их с суворовскими орлами. В конце своей речи Маннергейм отметил, что он верит в то, что дивизия вновь покроет себя славой в боях за освобождение братской Румынии от коварного врага. Он быстро перевел с французского на русский короткое приветствие румынского полковника.

Поручив начальнику штаба и командирам бригад вместе с румынскими квартирьерами размещение солдат и офицеров, генерал на автомобиле, который был прислан за ним, отправился в город Фокшаны. Ехали медленно по ужасному, разбитому беспрерывным движением обозов и распутицей шоссе. Вся

местность по сторонам была покрыта толпами беженцев и обозами, тянувшимися на север. Примерно через полтора часа въехали в Фокшаны — центр уезда Путна. Город утопал в садах. Среди голых ветвей прятались маленькие двухэтажные домики с широкими балконами. На улицах было много румынских солдат, среди которых цветными пятнами выделялись молдавские крестьяне.

Штаб 2-й румынской армии находился в большом красивом доме, около которого стояло несколько автомобилей и какой-то странный экипаж, запряженный шестеркой лошадей. На козлах спал усатый солдат.

Командующий армией генерал Авереско встретил Маннергейма у входа. Это был высокий смуглый элегантный офицер с иссиня-черными усами и такими же черными, хитроватыми глазами.

Авереско пригласил Маннергейма в свой кабинет, который был просто загроможден старинной резной мебелью. И уж совсем не к месту здесь были картины с полуголыми парижскими дивами. Быстро был накрыт стол с обилием фруктов и дорогих марочных вин. Командующий начал беседу на прекрасном французском языке, который в Румынии был «языком верхних 10 000». Поговорили о длительном переходе дивизии, вспомнили Петербург, где Авереско учился, даже нашли общих знакомых.

— Мой генерал, — обратился командующий к Маннергейму, — разместите свои полки в Одобешти и отдыхайте, дышите нашим прекрасным горным воздухом. Я уже отдал необходимые приказания. Все будет великолепно, клянусь честью.

Однако отдых был коротким. Через два дня к Маннергейму прибыл офицер по особым поручениям командующего румынской армией. Поклонившись, он сказал:

— Мой генерал, командующий извиняется перед вами за то, что он прерывает ваш отдых, и посылает вам следующий приказ: «Немедленно выступить в район деревни Коза и принять там в состав своей дивизии 7-ю румынскую бригаду полковника князя Стурдза. По согласованию с генералами Лечицким и Щербачевым ваше соединение получило условное название „Вранча“». Кроме того, мой генерал, командующий передает вам наши оперативные карты и просит познакомиться с ними. Мне поручено дать вам краткую характеристику вашего района боевых действий. Вот, посмотрите на карту, мой генерал. Мы сейчас находимся в самой доступной части Трансильванских Альп, так как их главный хребет здесь понижается и приобретает чисто альпийский характер, образуя горно-лесистые полосы шириной 25–35 километров. Вот видите, здесь много хороших дорог, при

доступности гор и перевалов. В долине реки Путны большие дубовые и кленовые рощи, на солнечных склонах — виноградники. Правда, здесь много больших холмов с очень крутыми склонами. Взгляните, здесь две большие реки — Серет, начинающийся в буковинских Карпатах, и Путна с притоком Милково. В своем нижнем течении, от селения Бакеу, река Серет стала серьезным препятствием для нашего общего врага. Вот здесь и там позиции ваших русских и наших румынских войск.

Генерал Маннергейм, поблагодарив румынского майора за подробную информацию, вызвал полковника Шумова и приказал ему выступить с двумя эскадронами улан в район деревни Коза и установить связь с 7-й румынской бригадой.

Подробно изучив румынские оперативные карты, барон приказал генералу Жукову с ахтырскими гусарами и четырьмя орудиями Донской батареи занять селение Гурастраду. Полковнику Смирнову с двумя сотнями оренбургских казаков занять селение Палтинул и установить связь с 3-й румынской дивизией. Остальные части дивизии были поставлены в резерв в район селения Пояна-Неружа. Штаб дивизии разместился в селении Видра.

Вечером с большим конвоем в штаб Маннергейма приехал командир 7-й румынской бригады, самый богатый помещик Румынии, полковник князь Стурдза. Военные действия шли в районе, где он владел семью тысячами гектаров плодородной земли, с тысячами батраков. Его роскошный особняк в Яссах мог соперничать только со зданием русской миссии и был несравним со скромным жилищем короля Румынии.

Перед Маннергеймом стоял человек среднего роста, хорошо сложенный, смуглый, с большими холеными усами и красивой копной волос. Полковника сопровождали три офицера, которые буквально смотрели ему в рот, готовые выполнить любую его прихоть.

Демонстрируя великолепное знание французского языка, князь начал беседу с замечания:

— Мой генерал, почему вы разместились в таком плохом доме? Здесь недалеко, всего в восьми километрах, находятся два моих охотничьих домика. Там, генерал, вы будете как в сказке. А какие там у меня служанки! Капитан Хандриу, немедленно отправляйтесь и подготовьте все к приему гостей.

— Мой полковник, — ответил Маннергейм, — спасибо вам за заботу, но я со своими солдатами пришел сюда не для отдыха в ваших прекрасных местах. Положение ваше и мое довольно серьезное, и нам не до охотничьих домиков. Прошу вас подойти к карте. Давайте подумаем о наших совместных действиях. Вот

видите, на этом 55-километровом фронте, рядом с вашей бригадой, я разместил полки своей дивизии. На левом фланге у нас первый Нерчинский казачий Наследника Цесаревича полк. Я жду встречи с его командиром полковником бароном Петром Врангелем.

— Мой генерал, — тихим голосом пробормотал князь, — у меня печальная новость: мои рошиоры (красные гусары) не смогли удержать железнодорожную станцию Путно и отошли, заняв новые позиции. Прошу вас, помогите моим бедным солдатам.

— Вчера, полковник, мои уланы почувствовали вашу «новость» на своей шкуре. Своим отступлением вы поломали все решения моего штаба, оставив врагу такие важные для нас двоих позиции. Теперь мы лишены хороших конных атак, придется ползать по вашим горам. Вы, полковник, заставили меня срочно атаковать врага у селений Коза и Герастрау.

— Мой генерал, главные силы моей бригады сейчас заняли позиции на горном массиве Макредеу, там же стоят две мои артиллерийские батареи.

13 декабря для стабилизации линии фронта генерал Маннергейм приказал оренбургским казакам полковника Ивана Смирнова занять селение Нереюль, выслав одну сотню к высоте 1372. Стрелковому полку румын, который дополнительно вошел в группу «Вранча», генерал приказал продвинуться к селению Барзешти. Стародубские драгуны были поставлены в «горячий резерв».

Подполковник Георгиевич передал срочную телеграмму командующего 2-й румынской армией, гласящую: «Генералу Маннергейму. Любыми силами и средствами приказываю занять станцию Путно. Если нужна моя поддержка, срочно сообщите. Авереско».

Собрав командиров бригад и обсудив сложное положение 12-й кавалерийской дивизии, в которое ее поставили румыны, Маннергейм принял решение создать войсковую группу, предложив возглавить ее полковнику Александру Багалдину. В состав группы были включены по два эскадрона от драгун и улан, три пехотных батальона румын, усиленные двумя самокатными ротами и шестью орудиями.

Вечером 13 декабря войсковая группа с трех сторон атаковала железнодорожную станцию Путно. Враг встретил атакующих ураганным огнем. Бешеная трескотня винтовок с властным аккомпанементом пулеметов отдавалась в горах грозным громовым эхом. Редкой цепью, теряя убитых и раненых, уланы, драгуны и пехотинцы неотступно приближались к немецким

позициям.

Стреляя и прибавляя ход, цепи начали смыкаться. Солдаты бегут задыхаясь — жарко, некоторые сбрасывают с плеч шинели. Враг уже близко. В ход вступили штыки. Пугливой толпой, бросая оружие, немцы начали постепенно покидать свои окопы. Станция Путно и небольшой поселок около нее в русских руках. Под конвоем уводят пленных. Всех огорчила печальная весть: во время атаки шальной пулей был убит беспримерно храбрый офицер полковник Багалдин, которого Маннергейм очень ценил. В командование войсковой группой Багалдина вступил полковник Николай Шумов. Он на радостях победы забыл приказать командирам частей переоборудовать немецкие позиции, переориентировав их в сторону неприятеля.

На другой день на рассвете, когда победители мирно отдыхали, опустошив несколько бочек трофейного вина и забыв о сторожевом охранении, немцы, незаметно подойдя с юга, атаковали станцию.

Неся большие потери, в полном беспорядке русские и румыны поспешно отступили.

Узнав об этом, Маннергейм, предельно сдержанный и корректный человек, не выдержал и в пылу гнева «обложил» Шумова всеми известными ему русскими ругательствами, приказав, под страхом офицерского суда чести, немедленно освободить станцию Путно от врага. Генерал дополнительно включил в группу Шумова эскадрон белгородских улан и два батальона румын, приказав бригаде полковника Стурдза прикрывать русские фланги.

Во время атаки станции Путно, когда неприятель стал отходить, 7-я румынская бригада по неизвестной причине начала отступление, оголив фланги войсковой группы Шумова.

Видя, что русские и румыны вот-вот будут окружены неприятелем, генерал Маннергейм приказал им отойти на запасные позиции в горах, к северо-западу от селения Коза.

Связь с полками князя Стурдза оборвалась, так как тот неожиданно двинулся к селению Совежа.

Оценив обстановку и свои боевые возможности, Маннергейм решил, что на правом фланге группы «Вранча» только полковник Алексей Одинцев сможет остановить немецкое наступление.

Срочно формируется новая войсковая группа, включившая в себя бригаду 12-й кавалерийской дивизии, четыре полка румын и четыре орудия. Попытка установить связь с бригадой князя Стурдзы вновь не удалась.

Не успели части полковника Одинцева занять установленные позиции, как поступило сообщение о том, что первый Нерчинский

казачий полк Уссурийской кавалерийской дивизии уходит в тыл, оголяя левый фланг группы «Врангеля».

Генерал немедленно связался по телефону с командиром Уссурийской дивизии генералом Крымовым и попросил его о встрече. Крымов от встречи уклонился, прислав вместо себя полковника Врангеля.

«Цапля», как в шутку называл Густав барона, ничего конкретного сказать не мог, и вообще было непонятно, зачем он приезжал.

Интересна дальнейшая судьба этого человека. После ухода Крымова на новую должность — командира корпуса — Врангель становится командиром Уссурийской кавалерийской дивизии, затем 7-й дивизии. С августа 1918 года барон в Добровольческой армии на разных командных должностях, а в апреле 1920 года он — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В эмиграции Врангель основал и возглавил Российский общевойсковой союз. Умер он в 1928 году в Брюсселе, похоронен в Белграде.

Уход с позиций Уссурийской дивизии заставил Маннергейма перебросить в этот район оренбургских казаков, которых потом заменила бригада князя Стурдзы.

Во второй половине дня 16 декабря немцы начали упорное наступление на фронт частей 12-й кавалерийской дивизии. Селение Гара-Тульчин много раз переходило из рук в руки, но русские стойко удерживали свои горные позиции. Правофланговые соседи дивизии — полки князя Стурдзы сохраняли свое положение. Штаб Маннергейма уже несколько дней размешался в грубо «склеенных» из неотесанных камней лачугах, без печей. Здесь пришлось попробовать местное варево из кукурузной муки с чесноком и луком, имеющее вид черного теста.

Утром 17 декабря немцы, прорвав фронт румынских частей на реке Негрелешти, вошли в тыл войсковой группы полковника Одинцева, которому, несмотря на помощь улан, пришлось отступить. Бригада Стурдзы каким-то чудом сохранила свои позиции и даже пленила роту немцев.

18 декабря фронт интернациональной группы «Врангеля» стабилизировался. В 16 часов к позициям 12-й кавалерийской дивизии подошла Кавказская туземная дивизия. Командир дивизии князь Дмитрий Багратион сообщил о том, что его полки переходят в подчинение Маннергейма, который, быстро оценив обстановку, передал все подчиненные ему румынские части полковнику князю Стурдзе.

Вечером, впервые за две недели, из города Яссы поступила

большая почта. Открыв «Биржевые ведомости», Маннергейм с удивлением прочитал следующее сообщение, обведенное черной рамкой:

«СМЕРТЬ ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА

Сегодня в шесть утра, в одном из аристократических особняков столицы, после раута, внезапно окончил жизнь Григорий Распутин-Новых».

Больше никаких сведений на эту тему газета не давала.

Маннергейм несколько раз в Петербурге на дворцовых приемах встречал Распутина, но лично представлен ему не был. В беседах с друзьями и фрейлинами императрицы, особенно Вырубовой, он слышал много, часто противоположных, мнений о «старце». Слух о гибели Распутина быстро разошелся по всем полкам. Офицеры по-разному обсуждали эту смерть, видя в ней залог больших перемен в политике России. Интересны были комментарии солдат. Они говорили: «Царь получил Егория (Георгиевский крест), а царица потеряла своего Григория. Теперь нам легче станет, может, война окончится, ведь Гришка больше воду мутить в России не будет».

В течение 19 декабря положение группы «Вранча» оставалось без изменений. 7-я румынская бригада с приданными ей частями занимала позицию на южном берегу реки Валея Сушица до высот у местечка Совежа. Далее были позиции Кавказской туземной дивизии до селения Топешти. Рядом с ними располагались полки 12-й кавалерийской дивизии до селения Наруж. В резерве были два пехотных полка и один эскадрон улан.

Около восьми часов вечера 20 декабря немцы неожиданной атакой сбили с позиций правофланговые части румын.

Предвидя возможность прорыва фронта своих частей, генерал Маннергейм выдвинул на помощь румынам свой резерв, что позволило до некоторой степени восстановить положение.

На другой день, в полдень, противник атаковал центр группы «Вранча» — Кавказскую туземную дивизию, но был отбит.

Перегруппировав свои части, немцы начали наступать на левый фланг группы «Вранча» с целью обойти его. Этот удар приняли на себя части генерала Жукова, на поддержку которым барон послал две сотни оренбургских казаков.

В ночь с 20 на 21 декабря обстановка на русской линии фронта неожиданно резко изменилась. Все полки Уссурийской дивизии генерала Крымова ушли в тыл, оголив линию фронта между частями генерала Жукова и 3-м румынским корпусом. Участок фронта в районе горного массива с вершиной 1001,

которая господствовала над всей местностью, оказался открытым для врага.

Этот «крымовский маневр» поставил группу «Вранча» в тяжелейшее положение. Если бы немцы заняли позиции полков Уссурийской дивизии, то для группы «Вранча» был бы отрезан путь отхода, а противник спокойно бы вышел в тыл 3-го румынского корпуса и всей 4-й русской армии.

Об этом самоуправстве генерала Крымова Маннергейм доложил командующему фронтом, однако вразумительного ответа, кроме «действуйте по обстановке», не получил. Эмигрантские и частично советские военные историки по-разному трактуют этот поступок Крымова. Одни ссылаются на его слова: «…я потерял всякое доверие к моим румынским соседям и отошел, считая себя вправе не подвергать мои части быть отрезанными». Правда, почему-то он забыл, что кроме румын у него были и другие соседи — полки Маннергейма. Иные объясняют поведение Крымова приказом командующего фронтом, которого не получил Маннергейм, о сосредоточении в районе Галаца крупной массы конницы под общей командой генерала графа Келлера. Это соединение предполагалось бросить в тыл немцам.

Военную этику, соблюдение ее в отношениях с соседними частями и соратниками по службе генерал-майор Маннергейм, как вспоминали его друзья, никогда не нарушал. К сожалению, этого не скажешь о многих русских генералах.

Ведя упорные кровопролитные бои с немцами на многокилометровом фронте, группа «Вранча» не имела свободных резервных частей, которые могли бы заполнить разрыв, оставленный полками Крымова. Подсчитав свои возможности, барон направляет сюда три кавалерийских разъезда (60 человек), приказав имитировать русские части.

Вечером 21 декабря противник повел наступление на местечко Совежа — центр фронта группы «Вранча», — и начал массированный артиллерийский обстрел позиций 7-й румынской бригады и приданных ей частей. Не выдержав удара противника, румыны отошли, оставив селение Барзешти.

На другой день в местечко Видру, на помощь частям Маннергейма, подошли три полка 1-й румынской дивизии и полк румынских добровольцев. Все они были направлены в район разрыва фронта.

Под натиском значительных сил неприятеля, поддержанных мощным артиллерийским и пулеметным огнем, линия фронта группы «Вранча» была нарушена. Полки 12-й кавалерийской дивизии начали отходить вдоль долины реки Путна. Разъездам,

заполнившим разрыв в линии фронта, тоже пришлось отойти, так как румынские части, которые должны были их сменить, пришли на этот участок очень поздно.

3-я и 13-я румынские дивизии под натиском врага начали отход, несмотря на приказ командира корпуса восстановить свое положение. Румыны своим отступлением поставили под удар неприятеля Уфимско-самарский казачий полк. Учитывая создавшееся положение, генерал Маннергейм направляет на помощь казакам свой последний резерв — румынский полк и один эскадрон ахтырских гусар. В итоге группа «Вранча» осталась без резервов и без связи с 3-м румынским корпусом.

Немцы при поддержке тяжелой артиллерии начали с трех сторон наступление на фронт группы «Вранча». Не выдержав натиска врага, 12-я кавалерийская и Туземная дивизии стали отступать. Маннергейм приказывает восстановить положение своих частей. Но это удается выполнить только 12-й кавалерийской дивизии, и то лишь с большими потерями.

Следующие два дня превратились в «поточное» отступление всех румынских частей. В результате этого 12-й кавалерийской дивизии пришлось оттянуть на три километра свой левый фланг, в то время как правый фланг сам, без приказа, начал отход на восток.

К ночи, опасаясь возможной катастрофы на своем левом фланге, генерал Маннергейм приказывает всем частям группы «Вранча», не теряя связи с 15-й румынской дивизией, отходить на север, ближе к частям 7-й румынской бригады, чтобы предотвратить отступление всей 4-й армии.

Утром 25 декабря немцы заняли высоту 1001 и основательно укрепились на ней.

К вечеру, когда бои у горного массива немного стихли, офицеры штаба, зная, что в этот день, как и все западные христиане, их командир празднует Рождество Христово, подготовили скромный рождественский стол с бутылкой французского шампанского и маленьким подарком — набором немецких трофейных зажигалок.

Узнав о потере главного горного массива с высотой 1001, командующий 2-й румынской армией приказал всем подчиненным ему частям атаковать его. Начались упорные бои.

Днем 26 декабря, когда 12-ю кавалерийскую дивизию сменили части третьего румынского корпуса, Маннергейм сразу же перевел их в свой резерв.

Остальным частям группы «Вранча» было приказано оборонять фронт от селения Ракоаза до Сербешти. В тот же день в тылу группы «Вранча» завершили сосредоточение три дивизии 3-

го кавалерийского корпуса генерала графа Келлера.

На участке, который обороняла бригада полковника князя Струдзы, все время шли упорные бои, которые постепенно охватили правый фланг Туземной дивизии.

28 декабря генерал Маннергейм принял решение сменить части Туземной дивизии, сильно потрепанные в последних, удачных для нее боях, частями, подчиненными князю Стурдза. Однако князь заявил, что его полки вконец измотаны и дальше он держаться не может. Маннергейм приказал 12-й кавалерийской дивизии сменить туземцев, а временно исполняющему должность командира дивизии генералу Жукову принять общее командование боевым участком.

29–31 декабря положение группы «Вранча» не изменилось, она вела умеренные бои. В 16 часов последнего дня года генерал-майор Маннергейм перевел штаб дивизии, выполняющий функции штаба группы «Вранча», в селение Варница, где был организован новогодний вечер, на который впервые были приглашены медицинские сестры.

Около 23 часов сели за столы. Хотя вина и еды было достаточно, праздничного настроения в коллективе офицеров не ощущалось. Сказывалась усталость, накопленная за годы войны, и неизвестность, которую каждому сулил 1917 год. Первый тост генерала Маннергейма был очень коротким:

— Господа, молю Бога, чтобы счастье, здоровье и военные удачи не покидали нас в Новом году!

Последним был лаконичный тост начальника штаба дивизии подполковника Михаила Георгиевича: «За нашу Россию, господа!»

1917-й

В первых числах января 1917 года Румынский фронт стабилизировался. 18 января поступил приказ командующего армией о передислокации дивизии Маннергейма в район города Кишинева, где в период зимнего затишья на фронте сосредоточивалась большая часть русской конницы. Богатая фуражом Бессарабия представляла кавалерии возможность привести себя в порядок после изнурительных боев.

21 января полки Маннергейма быстрым маршем двинулись к Кишиневу и по прибытии разместились около города. Генерал, зная о позорном поведении некоторых войсковых частей, отводимых в резерв, ввел для своих полков очень строгий режим, не забывая о полноценном культурном отдыхе. Только в полках Густава проходили под звуки оркестра совместные обеды солдат и офицеров. В воскресные дни на них присутствовали

Маннергейм и командиры бригад.

В Кишиневе дивизия получила небольшое пополнение, среди офицеров которого были артиллеристы Андрей Жданов и Петр Лещенко, будущий известный эстрадный певец.

18 февраля генералу Маннергейму был разрешен краткосрочный отпуск. 20 февраля он выехал в Петроград, сделав двухдневную остановку в Могилеве в надежде встретиться с Николаем II. Царя в Ставке не оказалось, была только встреча с друзьями. Приехав в Петроград, Маннергейм не мешкая отправился в Царское Село, где сразу как генерал свиты Его Императорского Величества получил аудиенцию у царя. Безрадостной была встреча с императрицей, которая лучше генерала знала о положении дел на Румынском фронте.

Недолго пробыв в столице, Маннергейм уехал в Финляндию, решив на обратном пути недельку-две пожить в Петрограде.

Пока Густав Карлович отдыхал в Хельсинки, в России произошло много событий. 27 февраля 1917 года открылась сессия Государственной думы, а через четыре дня, в ответ на резкое повышение цен, началась серия забастовок. Народ устал от войны. Нарастала нехватка продовольствия. 3 и 4 марта генерал стал невольным свидетелем трагических событий в столице Великого княжества Финляндского — кровавого мятежа моряков русских военных кораблей.

В пятницу 10 марта 1917 года барон вернулся в Петроград. Выйдя на площадь у Финляндского вокзала, он не узнал любимого города. Площадь и прилегающие к ней Симбирская и Новгородская улицы были покрыты сугробами грязного снега и кучами мусора. Трамваи не ходили. Подъезжая к гостинице «Европейская», Маннергейм увидел, что Невский проспект запружен толпами народа. Свой воскресный вечер генерал завершил в гостях у балерины Тамары Карсавиной. В понедельник в столице наступила анархия. Солдаты начали убивать офицеров. Совет рабочих и солдатских депутатов, разместившись на Финляндском вокзале, сделался хозяином положения. Вождей в городе не было — царила стихия с лозунгом «Да здравствует свобода!».

По совету администрации гостиницы Маннергейм не выходил на улицу, но, встав у окна, он привлек внимание солдат, которые тащили из филармонии стулья. Прибежавший в номер к генералу дежурный по этажу попросил его немедленно через черный ход покинуть гостиницу. Барон быстро направился на Екатерининский канал в контору своего друга Эммануила Нобеля. Побывав в особняке Нобеля на Сампсониевской набережной, 15, Густав недолго прожил в квартире своего

знакомого отставного корнета Селина на Новгородской улице, 12, а затем вернулся в гостиницу, которая оперативно создала систему защиты своих постояльцев. Вечером Густав с друзьями посетил ресторан «Привал комедиантов» на Марсовом поле — место озорства и рекламы.

14 марта генерал вместе с адъютантом отправился в Москву, где стал свидетелем начала революционных событий. Здесь Маннергейм узнал об отречении Николая II и отказе великого князя Михаила Александровича от престола. Не радовало и газетное сообщение о капитуляции Временного правительства перед большевистскими Советами.

Пожар революции разрастался. И уже на обратном пути из отпуска в действующую армию Маннергейм стал свидетелем революционных событий в Киеве. После этого тревожные мысли не оставляли генерала вплоть до прибытия в Кишинев, хотя для него самого все складывалось как нельзя лучше.

20 марта 1917 года командующий 11-й армией направил в Ставку представление о присвоении Маннергейму очередного воинского звания — генерал-лейтенант. 25 апреля звание было присвоено.

Вернувшись в Кишинев, барон узнал, что в Бессарабии все спокойно и главная забота большевиков — развалить фронт — не нашла здесь благодатной почвы. Вот почему большевистские газеты, думал Густав, называют Бессарабию «главным очагом контрреволюции, главным театром новой Вандеи». Маннергейм был очень удивлен, что половина унтер-офицеров и солдат его полков, имеющих возраст старше 40 лет и прошедших всю войну, отказались уйти в запас. Здесь была большая заслуга генерал-лейтенанта, который к 1917 году смог сохранить 23 % состава кадровых, стойких солдат и офицеров. Он умело влиял на решения солдатских комитетов полков, выступающих за продолжение военных действий.

Вскоре в дивизию Маннергейма прибыли комиссары Временного правительства, которые потребовали принять присягу новому строю.

Маннергейму повезло: два дня до намеченной присяги его дивизию вновь перебросили на Румынский фронт, где она заняла позиции в районе Фуедуль-Молдави, с перспективой участвовать в июльском наступлении. Опять началась окопная жизнь. В конце мая генерал-лейтенант Маннергейм был назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса. Это соединение было сформировано 10 ноября 1915 года и имело в своем составе 5-ю и 15-ю кавалерийские и 4-ю Донскую казачью дивизии.

4 июня 1917 года в селении Сирет, где в резерве стояли

дивизии корпуса, состоялась встреча Маннергейма со старшими офицерами, которые пропели здравицу в честь 50-летия своего нового командира. Так в день своего юбилея генерал-лейтенант барон Маннергейм близко познакомился с командным составом своего корпуса. 18 июня части 11-й армии Юго-Западного фронта начали успешное наступление, но оно быстро выдохлось. 23 июня начала наступление 8-я армия. Прорвав австрийскую оборону, русские войска глубоко проникли в расположение врага, но сюда вскоре были переброшены немецкие дивизии, что вынудило русское командование остановить наступление и на этом участке фронта. По инициативе генерала Брусилова на добровольных началах в армиях начали создаваться ударные части, получившие наименование «частей смерти». Дивизии Маннергейма добровольно принимали это имя. Но спасти ситуацию такие меры уже не могли. Завершив перегруппировку, австро-германские части нанесли сокрушительный удар 11-й армии Юго-Западного фронта, буквально сметая с лица земли русские дивизии. Керенский, обескураженный провалом июньского наступления, несмотря на возражения Брусилова, назначает на пост командующего Юго-Западным фронтом генерала Лавра Корнилова, который ввел в армии военные суды и казнь, что подняло его авторитет, и он становится народным героем, от которого ждут спасения России. Солдаты, почувствовав жесткую волю командующего, несколько присмирели, заняв выжидательную позицию.

И все же развал фронта исподволь продолжался. Многое в сложившейся обстановке казалось барону дикостью, например, предложение генерала Клембовского, который рекомендовал поставить во главе Юго-Западного фронта триумвират из командующего, комиссара и солдата.

Генерал-лейтенант Маннергейм, прямой и честный человек, все больше и больше понимал, что Временное правительство, не задумываясь, требует от старых, закаленных в боях офицерских кадров непосильного для них разрыва с прошлым. Он совершенно не понимал роль комиссаров Временного правительства. Что, например, мог усовершенствовать в его корпусе комиссар Михаил Иванов, студент-недоучка, не державший в руках винтовку? Как потом выяснилось, он умел только «совершенствовать» кляузы на своего командира.

Вслед за этим наступает неожиданное событие: начальник штаба Юго-Западного фронта расформировывает корпус, оставляя у Маннергейма одну кавалерийскую дивизию, резко понижая его в должности. На обоснованную телеграмму генерал-лейтенанта начальник штаба Юго-Западного фронта Духонин ответил одной

фразой: «Генерал Маннергейм, выполняйте приказ». Нарушая все служебные инстанции, барон посылает телеграмму своему другу Верховному Главнокомандующему генералу Брусилову, который в своем последнем приказе (18 июля Керенский освобождает его от должности) восстанавливает штаты 6-го кавалерийского корпуса, включив в него 12-ю кавалерийскую дивизию.

«Трюк Духонина» с автоматическим понижением в должности генерал-лейтенанта Маннергейма с позором провалился.

20 июля 1917 года в городе Дарабани Маннергейм слезами радости встретил свою родную 12-ю дивизию, которая, забыв устав, долго кричала «ура!». Сделав генерал-майора Жукова своим первым заместителем, Маннергейм сразу превратил дивизию в основу корпуса, который восстановил свою штатную численность — 133 генерала и офицера и 3743 солдата.

21 июля штаб корпуса разместился в городе Дарабани, а дивизии стали на позициях. 29 июля немцы начали теснить полки 12-й кавалерийской дивизии. С 30 июля по 4 августа фронт стабилизировался. 14 августа во всех взводах корпуса по приказу Маннергейма, несмотря на протесты комиссара Иванова, был обнародован приказ Верховного главнокомандующего генерала Корнилова № 2910, который гласил: «Свобода, своеобразно понятая темными массами, трактовалась как возможность и право ничего не делать. Праздность вместе с другими недугами подточила организм армии и довела ее почти до полного развала. Надо наверстать потерянное и приступить к самым усиленным занятиям…»

20 августа Маннергейм получил предписание передать позиции своего корпуса армейцам, отойти к югу от города Сучавы и ждать дальнейших приказаний. В своем последнем приказе, подписанном в русской армии (№ 126 от 29. 08. 1917 г.), генерал-лейтенант барон Маннергейм сообщил: «Противник остается пассивным, продолжая детально укреплять свои позиции. Командующий армией приказал мне оставить вверенные мне части к югу от Сучавы. Я с оперативным отделением штаба разместился в городе Сучаве».

2 сентября Маннергейм в сводке штаба армии прочитал, что генерал Корнилов отстранен от должности Верховного главнокомандующего, арестован и отправлен в тюрьму города Быхова. Вскоре в корпус пришел приказ № 2936 от 3 сентября 1917 года нового, штатского Верховного Александра Керенского. Последствия выступления Корнилова были тяжелыми, Россия снова, как в марте 1917 года, была брошена в пучину хаоса и измены.

Оценивая сложившуюся ситуацию, генерал-лейтенант Густав

Карлович Маннергейм, умный человек, умеющий просчитывать комбинации на много ходов вперед, говорил, что теперь уже «офицеры полностью растеряют остатки своего еще уцелевшего авторитета». К таким словам Временное правительство не стремилось прислушиваться. Оно без сожаления расставалось с боевыми кадровыми офицерами, готовя России грядущую катастрофу.

5 сентября 1917 года барон, желая укротить молодую лошадь, неудачно с нее упал. Оказалось поврежденным колено левой ноги, которое после травмы в 1898 году постоянно давало о себе знать. Получив медицинское заключение врачей, Маннергейм написал рапорт на имя начальника Ставки генерала Духонина с просьбой, ввиду болезни, зачислить его в резерв. Ответ из Ставки пришел очень быстро, как будто от Маннергейма ждали, когда он уйдет из армии. Передав дела корпуса генералу Алексееву, Густав получил документы для лечения в Одессе. Маннергейм просил офицеров не устраивать ему шумных проводов. Однако чувствами управлять невозможно. Офицеры и солдаты устроили своему командиру проводы, которых не имел ни один генерал русской армии. Последний бокал шампанского был выпит на перроне вокзала. Эскадроны полков долго сопровождали медленно двигающийся поезд.

Офицер-порученец генерала Маннергейма поручик Сергей Витт писал 23 августа 1921 года из Болгарии своему командиру: «Когда вы уехали из Сучавы, командиром корпуса стал маленький грязный казак с двумя личными адъютантами. Он ежедневно ездил пьянствовать с казаками в свою сотню. Генерал Приходкин говорил мне, что после вашего отъезда в дивизии корпуса прислали много людей, которые ничего не хотят делать…»

В Одессе, поселившись в своей любимой гостинице «Лондонская» и начав курс лечения, генерал ожидал окончательного решения своей судьбы. 20 сентября пришла телеграмма № Д/34611, подписанная генералом Духониным о том, что барон зачислен в резерв «из-за наших с вами расхождений взглядов на свободу и демократию…» Начало «расхождения» взглядов Маннергейма и Духонина началось после неприятного разговора о боях на Стоходе, где русская гвардия понесла большие потери.

2 декабря 1917 года барон Маннергейм принимает решение через Петроград отправиться в Гельсингфорс. В поездке его сопровождали вольноопределяющийся Мартин Франк и денщик Игнатий Карпачев.

Маннергейм писал: «Мне предоставили целый вагон… Список его пассажиров дополнили мой адъютант и денщик… Все

трудности длительной дороги легли на моего денщика. Он заводил показную дружбу с „товарищами“, чтобы на станциях получать кипяток. Обменял наш вагон, получивший повреждение, на другой у солдат, устроивших в нем казарму… Вскоре (через девять дней) мы добрались до Петрограда, где пробыли около недели».

Приехав 11 декабря в столицу России, Маннергейм остановился в гостинице «Европейская» и через три дня отправился на Екатерингофский проспект, 39, где в паспортной экспедиции статс-секретариата Великого княжества Финляндского получил контрамарку № 2999. Она удостоверяла, что он гражданин Финляндии, но паспорт ему не выдали, так как Маннергейм был генералом русской армии, еще не уволенным в отставку.

Посетив своего старого друга, начальника одного из отделов Генерального штаба России полковника Бориса Владимировича Литвинова, Густав у него на квартире (Большая Конюшенная улица, 2) пишет рапорт об отставке и просит Литвинова передать его в секретариат начальника (управляющего) Генштаба. Прочитав рапорт, Литвинов попросил Густава изменить дату рапорта на 1 января 1918 года, считая, что к этому времени в Генштабе кончится большевистский беспредел.

Теперь генералу надо было думать, как уехать в Финляндию. Разрешение на выезд из России давали большевики, но Маннергейм не хотел иметь с ними дело и решил пойти на риск. Он с Игнатием и двумя дорожными сумками отправляется на Финляндский вокзал. При проходе на перрон патрульные солдаты-ингерманландцы потребовали от Густава документы. Он, с ужасным произношением говоря по-фински, показал им командировку, полученную в Одессе. Это убедило солдат, и они пропустили Маннергейма и Карпачева на перрон. Поездов долго не было, и, когда приходили составы, люди штурмом брали вагоны. Оставшиеся ждали «у моря погоды». Карпачев с помощью носильщика, который оказался его земляком из села Творищино, на запасных путях организовал посадку в пустой вагон из сформированного состава для Финляндии.

Около часа ночи поезд двинулся в путь, недолго постоял на станции Белоостров и, пробежав по небольшому мосту через реку Сестра, вырвался на территорию Финляндии. Вахмистр Игнатий Кондратович Карпачев на пять лет покинул свою родину.

18 декабря 1917 года, приехав в Гельсингфорс, генерал Маннергейм с денщиком остановились у старшей сестры Густава Софьи, где провели рождественские праздники. Игнатий сходил на службу в Успенский собор.

26 декабря Густав Маннергейм, оформив нужные документы, теперь как иностранец поехал в Петроград, чтобы лично узнать, как тут развиваются события. Остановившись в гостинице «Европейская», которая стала особым западным миром того времени в большевистском Петрограде, Густав отправился к своему кавалергардскому другу Евгению Гернгроссу на Моховую улицу, 17, где неожиданно встретился с графиней Елизаветой Шуваловой, которая жила здесь после того, как красногвардейцы буквально выбросили ее из особняка на Фонтанке. Гернгросс, живя в Германии в 20-х годах, писал в своих неопубликованных воспоминаниях: «Шувалова подробно информировала своего „друга сердца“ о положении в красном Петрограде и людях, которые готовы были свергнуть большевиков, о провалах и арестах, не забыв тех, кто спрятался „в норах как мыши“». Графиня устроила встречу Густава с главой французской военной миссии в Петрограде генералом Нисселем, но разговор о продаже оружия не имел никаких реальных последствий. В субботу 29 декабря 1917 года, накануне своего отъезда на родину, генерал Маннергейм навестил Литвинова и попросил его передать в пенсионный отдел Генштаба свой послужной список, который он привез из Одессы. Литвинов выполнил просьбу друга.

Несколько позже полковник Литвинов по своим личным каналам передал Маннергейму в Финляндию, что 21 февраля 1918 года тот уволен в отставку с тремя пенсиями: из казны 3761 рубль, из эмеритальных касс: одесской — 859 рублей и финской — 739 рублей в год. На две первые пенсии «белофинского генерала и охранника кровавого Николая» наложил запрет, согласовав это с Лениным, 8 апреля 1918 года нарком по военным делам Л. Д. Троцкий (Бронштейн).

Финскую часть пенсии генерал от кавалерии Густав Маннергейм начал получать в Гельсингфорсе с июня 1918 года.

В серый туманный воскресный день 30 декабря 1917 года генерал-лейтенант свиты Его Величества, георгиевский кавалер барон Густав Карлович Маннергейм, больше русский, чем считают его финны, попрощался с любимым Санкт-Петербургом (генерал не признавал названий: Петроград и Ленинград) и навсегда покинул Россию после 30-летней службы в ее армии.

Революция оборвала его военную карьеру, лишила заслуженной ратными трудами пенсии и почетного положения в русском высшем обществе. Он стал врагом большевизма, но не русских людей.

Глава 11
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1918 ГОДА

Новый 1918 год Густав встречал у своей сестры Софьи, где собралась особая творческая компания — художники.

И все же мрачные, далеко не праздничные мысли заполняли голову генерала. Что будет с ним, пришельцем из канувшего в небытие мира? Как в 50 лет все начинать заново?

Финляндия на пороге катастрофы. Безработица, забастовки, нехватка продовольствия, так как зерно из России перестало поступать. В сенате и парламенте идет борьба между социал-демократами и буржуазными партиями. Независимость получена, но события в России активизировали деятельность финских большевиков. Ленин и Троцкий сделали это, чтобы усилить их международную популярность и облегчить осуществление в Финляндии социалистической революции, что подтверждали слова Иосифа Сталина: «Мы сделали это отсоединение для будущего воссоединения».

Сестра Густава Софья и двоюродный брат Якоб ввели его в круг людей, которые готовили программу восстановления самостоятельности Финляндии. Это был нелегальный военный комитет, созданный в 1915 году, который в ноябре 1917 года начал активные действия, объединяя добровольные отряды самообороны «шюцкор», сформированные буржуазными партиями и впоследствии составившие основу белой финской армии.

Комитет возглавил старый знакомый Маннергейма 60-летний генерал-лейтенант Класс Густав Роберт Шарпантье, выпускник Николаевского кавалерийского училища, бывший командир Кавказской кавалерийской дивизии. Он с 9 июня 1907 года состоял в списках лейб-гвардии Уланского Его Величества полка в Варшаве, которым с 1911 года командовал Маннергейм. Членом комитета был старый друг Густава ротмистр Ханнес Игнатиус.

Став 7 января 1918 года членом комитета, барон понял, что его председатель и члены плохо разбираются в стратегических вопросах и во внутреннем положении страны. Они не придают значения тому, что рабочие отряды, созданные после Февральской революции с помощью русских большевиков, постепенно объединяются в Красную гвардию. Их поддерживают русские солдаты и матросы Балтийского флота, дислоцированные в Финляндии. На одном из заседаний Маннергейм предложил радикально изменить тактику и методы работы.

Положение в стране усложнялось. Ситуация угрожала вылиться в беспорядки и хаос, так как пропасть между левыми и правыми стала неодолимой. 12 января сенат начал принимать меры по наведению порядка в стране. Через три дня Маннергейм сообщает премьер-министру Свинхувуду о том, что он избран председателем Военного комитета, который сенат признал государственным органом. Свинхувуд сообщил генералу, что он 11 января направил в Стокгольм шифрованную телеграмму Грипенбергу, в которой потребовал, чтобы финский представитель в Германии заключил соглашение об отзыве в Финляндию финских егерей с оружием и боеприпасами.

На другой день генерал-лейтенант Маннергейм вновь встречается с премьер-министром, который негласно назначает его главнокомандующим и дает задание организовать финские силы охраны порядка в стране. Маннергейм получает широкие полномочия и прямую отчетность перед сенатом. В разговоре с Свинхувудом он просит того отказаться от иностранной интервенции, говоря, что Финляндии нужно только оружие, но не войска.

17 января 1918 года нарком по военным делам советской России Николай Ильич Подвойский назначает бывшего полковника Генерального штаба Михаила Степановича Свечникова командующим русскими войсками в западной Финляндии и финской Красной гвардией. Он должен был координировать свои действия с командиром 42-го армейского корпуса в Выборге. Свечников в Петрограде командовал 1-й стрелковой дивизией, затем был переведен в Финляндию, где возглавил 106-ю пехотную дивизию.

17 января генерал-лейтенант Маннергейм в сопровождении членов Военного комитета ночным поездом уезжает в город Ваасу, где должна быть создана ставка главного командования финской армией. Вот как описывает эту поездку полковник фон Валь:

«В ночь с 17 на 18 января 1918 года, на промежуточной станции между Тампере и Ваасой, пассажирский поезд был задержан. Вооруженные винтовками солдаты разворачивали замасленными руками бумаги пассажиров. На нижней скамейке спального вагона крепко спал рослый мужчина лет сорока пяти. Солдаты грубо потрясли его за плечо. „Что такое?.. Документы?.. Подождите, я поищу“. Чтение по-солдатски: „Густав Мальмстрем, купец из Гельсингфорса. Какой там купец! Ведь сразу заговорил по-русски. Не купец он, а офицер. Одевайтесь, в комитете разберутся“. Сопротивление бесполезно. Купец незаметно передает более счастливому пассажиру на верхнюю полку пакет и

надевает шубу с высоким меховым воротником. В эту минуту в купе зашел подросток в железнодорожной фуражке. „Вот что здесь делают с пассажирами“, — машинально сказал ему купец по-фински. Со свойственной в революционные дни развязностью мальчик протиснулся в купе, вытянул из рук солдат документ и стал читать. „Да вы что тут дурака валяете, — авторитетно заявил он солдатам, — себя перед комитетом только осрамите, не видите, что ли, что документ у него в порядке“. Солдаты оробели и пошли на площадку посоветоваться, а купец продолжал стоять в ожидании свистка. Поезд тронулся. Солдаты выскочили. Купец простоял еще минуту и лег на прежнее место. Но ни он, ни его спутники не могли заснуть до прибытия в Ваасу».

Здесь днем в доме губернатора собралось около десятка людей, только что прибывших из Гельсингфорса. Это была первая штаб-квартира главнокомандующего генерала барона Маннергейма.

19 января 1918 года красные финские газеты опубликовали обращение к русским войскам в Финляндии. Оно гласило: «Мы, русские революционеры, не раз бившие корниловцев, калединцев и керенских, не должны спасовать перед бежавшим из России Маннергеймом, который теперь командует белой гвардией…»

23 января 1918 года в Гельсингфорсе создается финский рабочий Исполнительный комитет, а через два дня штаб 42-го армейского корпуса в Выборге получает из Петрограда телеграмму Подвойского с приказом о разоружении шюцкора и репрессиях против финских буржуев. Об этой телеграмме, проезжая через Выборг, узнал финский статс-секретарь Энкель, которому удалось в Петрограде добиться встречи с Подвойским и убедить его отменить распоряжение. В своей новой телеграмме в Выборг Подвойский написал: «Приказываю держаться нейтралитета во внутренних финских спорах. Государственное оружие не может быть никому предоставлено». В этот же день буржуазный сенат обращается с воззванием к финскому народу, говоря о грубейшем вмешательстве русских войск в Выборге во внутренние дела Финляндии.

26 января 1918 года руководство всеми военными действиями в Финляндии Петроград поручает Гапалайнену. Главой внутреннего управления страной назначается Тайми. Все русские войска на юге Финляндии сосредоточиваются в руках начальника Петроградского военного округа Константина Степановича Еремеева и делятся на три группы: вдоль южной Финляндии, у Выборга и у Куоволы. Финляндия получает заявление Петрограда о том, что он «не может гарантировать те или иные действия русских войск, расположенных в Финляндии».

27 января вечером генерал Маннергейм вызывает к прямому проводу Свинхувуда и просит его не откладывать выступление против красных, но премьер-министр дипломатично уходит от прямого ответа. Однако через несколько минут все объясняет телеграмма: «Россия обязалась оставаться нейтральной и не вмешиваться во внутренние дела Финляндии». Финское правительство, надеясь на мирный исход переговоров с Петроградом, удерживало барона от активных действий против русских. Однако он, оценив материалы разведки, которые говорили о больших передвижениях русских войск и военных моряках, которые неожиданно появились в Ваасе, не советуясь с правительством, отдает приказ о разоружении русских гарнизонов. Под удар Маннергейма попали части пограничной стражи и 423-го Лужского полка 106-й пехотной дивизии. Солдат арестовывали и держали в бараках, офицеров без оружия отпускали на свободу. Командир 423-го полка прапорщик Юшкевич был расстрелян.

Генерал Маннергейм подписывает обращение «К храбрым русским солдатам», в котором подчеркивает, что его войска сражаются не против России, а за свою свободу и законное правительство. В ответ на это обращение председатель областного Исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии Ивар Смилга заявил: «Все честные в наших войсках — на борьбу с белой бандой». Почему в этом лозунге есть слово «честные»? Видимо, потому, что уже все «нечестные» сдались в плен к белым.

В конце января 1918 года, когда пять тысяч русских солдат сложили оружие, генералу стало ясно, что появилась возможность создавать опорные пункты для будущих сражений.

Отдай Маннергейм свой приказ на один день позже, успех его операции был бы сомнителен, так как 28 января в Финляндии началась революция и было создано революционное правительство — Совет народных уполномоченных. Оно объявило, захватив все административные учреждения Гельсингфорса, о переходе всей государственной власти в руки рабочих и их революционных органов с лозунгом «Двигаться вперед по пути социалистической революции». Русские Советы и Центробалт с восторгом встретили эту революцию и начали оказывать ей помощь оружием и добровольцами.

Последнее, что успел сделать буржуазный сенат до революционного переворота, — это обратиться к народу с заявлением, в котором было сказано, что генерал Маннергейм назначается главнокомандующим, а части шюцкора являются законными войсками правительства. К народу также обратился и

Маннергейм, заявив, что русские солдаты объединились с худшими представителями финского народа и встали на путь насилия. Добровольно сдавшим оружие будет гарантирована личная безопасность.

После того как был освобожден промышленный город Варкаус, в руках частей армии генерала Маннергейма оказалась вся северная и центральная Финляндия. Однако ситуация обострилась, когда красные бросили в наступление значительные силы. Маннергейм вновь обращается к русским солдатам, пообещав им личную безопасность, если они сложат оружие. Но его слова остались без внимания. Начались ожесточенные бои «белых» финнов с «красными». Маннергейм делит свою Ставку на четыре штаба. Первый из них, Генеральный, возглавил генерал-майор Теслеф. В Ставку стали прибывать шведские офицеры, количество которых увеличилось до 84 человек. 13 февраля капитан Фабрициус с отрядом высадился на Аландских островах и быстро разоружил все русские части. Однако Швеция для «пресечения насилия над мирными жителями» 22 февраля бросила на острова свой оккупационный корпус, который находился там до 16 мая, когда немцы разоружили последние русские части.

На первом этапе национально-освободительная война в Финляндии носила чисто партизанский характер. Маннергейм начал создавать финскую армию из добровольцев и наемников. Ставка генерала, после недолгого пребывания в городе Вааса, была организована в поезде, который стоял вблизи станции Сейняйоки. 17 февраля из Германии в Ваасу прибыли 80 финских егерей, через восемь дней — еще 1130 человек. Генерал Маннергейм из войсковых соединений создает четыре оперативные группы, которые должны были держать оборону, не втягиваясь в наступательные операции. За время командования своей молодой армией генерал-лейтенант свиты Его Величества барон Густав Маннергейм своим умелым поведением смог победить недоверие и враждебность солдат, быстро завоевать их авторитет и даже любовь. Труднее было с егерями и некоторыми генералами бывшей русской армии, но все они вынуждены были подчиниться неукротимой воле Маннергейма. Они видели стремление генерала покончить с красными, освободить Петроград от большевиков и, возможно, присоединить к Финляндии Восточную Карелию.

17 февраля 1918 года в Гельсингфорс из Петрограда для поддержки своих сторонников приезжает делегация ВЦИК во главе с Александрой Коллонтай (Домантович). По просьбе Маннергейма буржуазный сенат в Ваасе принимает Закон о

всеобщей воинской обязанности, в результате которого белая армия получила 32 200 человек.

21 февраля красные начали готовить крупномасштабное наступление, но через четыре дня оно потерпело неудачу. После того как в Петрограде были созданы воинские части для Финляндии и финские красногвардейцы получили достаточно оружия и боеприпасов, они начали наступление в направлении города Антреа. Карельская группа белых войск капитана Ларне Сихво отразила все атаки красных, у которых не хватало выучки и было слабое командование. Бывший прапорщик русской армии Хаапалайнен был лишь номинальным главнокомандующим вооруженными силами красных, на самом деле войсками командовал полковник Свечников. Его приказы распространялись не далее западного и центрального участка фронта. Войсками в Карелии руководил русский армейский штаб в Выборге. Отсутствие единого командования у красных пагубно отражалось на ходе боевых действий.

Детально оценив обстановку в стране и учитывая готовность противника к новым жестоким боям, а также приближение весны, генерал Маннергейм 27 февраля 1918 года отдает приказ о наступлении.

После заявления Овсея-Герш Ароновича Зиновьева на заседании Петросовета о быстрой победе над «белобрысыми и тупыми финскими белогвардейцами», Совет народных уполномоченных Финляндии 1 марта 1918 года заключает с Советской Россией Договор о дружбе и братстве. По совету Ленина договор был подписан от имени Финляндской социалистической рабочей республики.

Через два дня Маннергейм получает из сената информацию, что по просьбе правительства Финляндии Германия «для подавления вспыхнувшего в Финляндии мятежа» обещала начать интервенцию. Возмутившись, Маннергейм заявил Свинхувуду, что маленькая Финляндия, вступив в союз с большой Германией, потеряет свою политическую свободу, как подобное было с Румынией. Маннергейм срочно отправляет телеграмму генерал-квартирмейстеру Германии Эриху фон Людендорфу. В ней он пишет, что высадка немецких войск в Финляндии должна быть только помощью, а не вмешательством во внутренние проблемы страны. Кроме того, немецкие части сразу после высадки должны быть подчинены финскому Верховному главнокомандованию. Немцы согласились со всеми предложениями Маннергейма.

В среду 6 марта 1918 года в Финляндию приехал шведский граф, родственник Германа Геринга, Карл Густав фон Розен. Граф при встрече с Маннергеймом подарил молодой финской армии

свой личный самолет, на крыльях которого была его личная эмблема — голубая свастика, впоследствии ставшая опознавательным знаком Военно-воздушных сил Финляндии.

В четверг 7 марта сенат присвоил Маннергейму звание генерала от кавалерии, чтобы он был чином выше любого немецкого генерала. На что Маннергейм с сарказмом произнес: «В России я был генерал-лейтенантом и под моей командой было 40 000 человек, а теперь я генерал от кавалерии при 40 подчиненных».

10 марта началось решающее наступление красных, которое, как всегда, быстро захлебнулось.

8 марта, после разгона Учредительного собрания, в Финляндию приехал Александр Керенский, чтобы подождать, пока положение в России несколько прояснится. Хозяин дома, где жил Керенский, передал информацию об этом в штаб Маннергейма. 9 марта генерал от кавалерии посылает к Керенскому офицера с конкретным предложением, как вызволить Николая II и его семью из Тобольска. Маннергейм для этой цели мог направить в Россию хорошо обученных и надежных офицеров. Однако Керенский не дал ответа на это предложение.

Барон надолго запомнил поведение «трусливой марионетки, погубившей Россию», и впоследствии с презрением отвергал все попытки Керенского встретиться с ним в Лондоне и Париже.

15 марта началось общее наступление на хорошо вооруженную цитадель красных, город Тампере. Полковник Свечников, узнав об этом, чтобы выиграть время для сосредоточения своих полков, посылает к Маннергейму делегацию с предложением пропустить в Тампере красные войска и возвратить захваченное имущество. Делегацию возглавили командир бригады 106-й пехотной дивизии, бывший полковник Александр Боровский и член дивизионного комитета большевик Мариюшкин. Генерал любезно принял членов делегации, угостил обильным обедом, но все требования Свечникова отклонил. Когда переговоры закончились, Боровский попросил Маннергейма взять его в свою армию. Доклад Мариюшкина в штабе 106-й пехотной дивизии вызвал шок. Примеру Боровского вскоре последовали многие русские офицеры, видя в Маннергейме человека, способного разгромить ненавистных им большевиков. Имена и фамилии многих из них стали финскими, чтобы их родственники в России не попали в лапы ЧК.

21 марта 1918 года барон переносит свою ставку в Вилппула, ставя задачу войскам скорее захватить Тампере до того, как красные получат подкрепление. В бой были брошены 12 тысяч человек. Когда войска приближались к Тампере, Генеральный

штаб Маннергейма разработал план наступления на Выборг.

Бои 25 и 26 марта показали, что противник создал вокруг Тампере мощное укрепленное кольцо и закрепился в каменных домах. По личному приказу генерала 1-й Карельский полк под командой ротмистра Эльфенгрена совершил глубокий рейд на территорию России. Одновременно шюцкоровцы окружили красные части в Рауту, что позволило финнам укрепить исходные позиции для предстоящего наступления на Карельском перешейке, что поубавило стремление Петрограда вмешиваться в финские дела. 28 марта белые финны частично вошли в Тампере, но были так измотаны, что генерал Маннергейм отдал приказ: пять дней выделить на отдых. Однако за эти дни красные укрепили свою оборону и начали атаки. В это время на юге и востоке страны обстановка чрезвычайно обострилась — красные начали беспрерывно атаковать части Маннергейма с двух сторон.

В среду 3 апреля 1918 года на полуострове Ханко высадилась немецкая Балтийская дивизия под командованием генерал-майора графа Рюдигера фон дер Гольца. На другой день была освобождена южная часть Тампере. В этот же день, не дожидаясь падения города, Маннергейм отправился в Карелию, где провел переговоры с майором Сихво. Готовилась важная операция, в результате которой должна была быть перерезана железная дорога Выборг — Петроград и на реке Сестра закрыта граница с Россией. Силы белых, которые были собраны в Карелии, составляли 24 тысячи человек при 41 орудии.

В субботу 6 апреля 1918 года Тампере был полностью в руках войск Маннергейма. В плен попало 11 тысяч человек, огромное количество военных трофеев, в том числе 30 орудий. Красные потеряли около двух тысяч человек. Был убит командующий красными частями Хуго Салмела. На другой день из Эстонии в Ловису переправилась бригада полковника Бранденштайна.

Новый главнокомандующий красных, сын священника и брат губернатора Выборгской губернии Куллерво Маннер совместно со Свечниковым принимает решение вывести красные войска из юго-западной части страны, считая, что Маннергейм двинется туда для соединения с немцами.

Командующий Балтийским флотом Алексей Михайлович Щастный отдает приказ флоту выйти из Гельсингфорса в Кронштадт. Начинается знаменитый ледовый переход, когда за ледоколом «Город Ревель» двинулись шесть линкоров, четыре крейсера, 24 эсминца и другие корабли. Проводку обеспечивали еще три ледокола и ледокольный буксир. Маннергейм с запозданием получил эту информацию. Среди бумаг, положенных ему на стол, была восторженная реляция: «Мы захватили два

эсминца, три тральщика, минзаг и другие корабли…» Генерал, как вспоминали его друзья, без особого энтузиазма отнесся к этому сообщению, сказав, что это «дело русских». Правда, 24 июня 1918 года, узнав из разведсводки о расстреле Щастного, назвал его «русским патриотом, оказавшимся в оппозиции к большевистскому террору и анархии, а также требованиям немцев».

В это время обстановка на юге и востоке Финляндии опять обострилась, красные возобновили атаки на двух направлениях.

Освобождение от революционных войск Тампере дало возможность Маннергейму перебросить значительные силы на восток страны, где была создана Восточная армия под командованием генерал-майора Лефстрёма. Основная часть соединений, участвовавшая в боях за Тампере, была преобразована в Западную армию, которую возглавил генерал-майор Ветцер. Восточная армия по численности была больше Западной. 10 апреля генерал от кавалерии Маннергейм переносит свою Ставку в город Миккели.

11 апреля немцы подошли к столице Финляндии. Как только революционное правительство и Маннер со своим штабом узнали о приближении немцев, они быстро перебрались в Выборг. Оборонять Гельсингфорс остались красногвардейцы, которых собственное руководство бросило на произвол судьбы. 12 апреля немцы вошли в столицу, а через два дня город был полностью освобожден от красных.

Всего за несколько дней ситуация в стране полностью изменилась. Военные действия подошли к своей решающей фазе. Северная армия красных была полностью разбита. Тампере был в руках Маннергейма, а баланс сил на Карельском перешейке выравнялся. Генерал-майор Лефстрём разделил свою армию на три группировки. Часть его подразделений подошла к железнодорожной линии на Петроград. 24 апреля белые вошли в Териоки, но внезапная атака Выборга не удалась. В этот же день барон перевел свой Генеральный штаб в Антреа, где находился командный пункт Восточной армии. 26 апреля в Антреа опустился русский самолет «Ньюпор», на котором из Гатчины прилетели капитан Крашенинин и поручик Зайчевский. Вскоре здесь приземляются еще четыре русских летчика, пожелавших служить в армии Маннергейма. Так была создана авиационная группа из русских пилотов, которые сразу получили новые фамилии и звания. Зайчевский становится капитаном Эриком Ильмариненом, его брат Олег — капитаном Отто Ильмариненом, Михаил Шаблович — капитаном Микко Хейконеном и т. п.

Свое боевое крещение авиагруппа приняла под Йоутсено и

впоследствии постоянно участвовала в бомбардировках против красных войск. После окончания войны русские пилоты обучали первое поколение финских военных летчиков. Но в сентябре 1919 года все русские военные летчики, получив из рук Маннергейма Крест Свободы, были спешно уволены из армии, попав под антирусскую кампанию, которую барон не смог остановить.

В ночь на пятницу 26 апреля 1918 года, поняв, что сопротивление бесполезно и белые финны находятся уже в пригородах Выборга, члены красного финского правительства во главе с Маннером, оставив свои войска на произвол судьбы, на трех кораблях бежали в Петроград.

Восточная армия выполнила свою задачу, захватив 15 тысяч пленных, много военной техники и имущества.

В среду 1 мая 1918 года жители Выборга уже начали праздновать победу, хотя последний оплот красных форт Ино только через 14 дней перешел в руки войск Маннергейма.

15 мая 1918 года финский парламент принял решение о разрыве дипломатических отношений с Советской Россией. Железнодорожный мост через реку Сестру был взорван, граница закрыта.

Во вторник 16 мая 1918 года в Гельсингфорсе при огромном стечении народа состоялся парад Победы. Сводные подразделения молодой финской армии прошли торжественным маршем по улицам города. Генерал от кавалерии барон Густав Маннергейм ехал во главе своей армии. Он был героем — освободителем страны. В своем приказе по армии Маннергейм поздравил всех тех, кто принял участие в многомесячной борьбе за свободу и независимость родины и внес свою лепту в общую победу. Жестокая гражданская война за независимость окончилась, но она оставила в общественном сознании глубокие раны, особенно после гибели 20 тысяч красных финнов, которым была устроена «кровавая баня». Маннергейма считали виновником белого террора, хотя он не мог остановить бессмысленное кровопролитие, так как военная ситуация часто выходила из-под его личного контроля, как это было, например, в Выборге.

18 мая 1918 года сенатор Свинхувуд становится регентом Финляндии, а через девять дней Юха Кусти Паасикиви формирует новое правительство.

22 мая генерал Маннергейм в поместье Хайкко посетил великого князя Кирилла Владимировича, который, предугадав будущие события в России, в июне 1917 года благополучно перебрался в Финляндию и с женой и 14 слугами поселился в городке Порво. Здесь, в усадьбе Хортлинга, 30 августа 1917 года

родился великий князь Владимир Кириллович. В сентябре семья великого князя, учитывая опасность, связанную с революцией в Финляндии, переехала в Хайкко, и это спасло им жизнь. В Финляндии Кирилл Владимирович жил тихо, «намазывая на горький хлеб изгнания зернистую икру воспоминаний» своей столичной офицерской жизни, любил выпить. За столом разговор между великим князем и бароном долго не входил в нужное русло, нить его совсем была утеряна, когда вмешалась княгиня, заявляя, что она умнее и сметливее всех окружающих. Встреча закончилась показом усадьбы и маленького наследника, который, прекратив крик, потянулся с рук матери к красивым крестам генерала, приняв их за игрушки.

30 мая 1918 года генерал Маннергейм получил приглашение сената прибыть на заседание, где будет рассматриваться вопрос о строительстве армии по немецкому образцу и с помощью немцев. Количество немецких офицеров и их статус в финской армии должен был определяться высшим военным руководством Германии. Все офицеры, участвующие в боевых действиях, кроме финнов и немцев, должны быть уволены из армии.

Маннергейма возмутило выступление сенатора Фрея, заявившего, что при финском главнокомандующем должен стоять офицер германского Генштаба. Он, Маннергейм, вытеснивший из страны красных и приведший почти необученную армию к победе, теперь должен покорно подчиняться немцам.

Правительство же Финляндии продолжало делать ставку на Германию, и ему было нежелательно, чтобы армией руководил шведскоязычный генерал русской армии. Только этим можно объяснить тот факт, что, когда генерал покидал сенат, ни у кого не нашлось для него теплого слова и никто не поднялся, чтобы подать ему руку.

Разочарованный и оскорбленный, генерал Маннергейм сложил с себя командование армией и подал в отставку, которую 30 мая 1918 года приняли.

Глава 12
РЕГЕНТ ФИНЛЯНДИИ

В пятницу 31 мая 1918 года генерал от кавалерии Густав Маннергейм со своими помощниками и денщиком Карпачевым отправляется в Стокгольм, где останавливается в «Гранд-отеле» (Бласиехолмсгатан, 8), откуда следит за событиями на родине и в России.

В день его рождения и именин 6 июня 1918 года Густава приглашают во дворец, где король вручает ему рыцарский орден Меча. Маннергейм встречается с западными послами, личные связи с которыми у него сложились еще в Петербурге. Он стремился предупредить правительство об опасности связи с Германией, которая катилась в экономическую и политическую пропасть. В Финляндии в это время парламент, где было большинство монархистов, решил предоставить финскую корону принцу Гессенскому, шурину кайзера Вильгельма.

Германия терпит поражение в войне, принц отказывается от престола. Немецкие войска уходят из Финляндии, и правительство регента Свинхувуда остается скомпрометированным в глазах стран-союзниц. В Финляндии начинается голод — все поставки продовольствия из-за границы прекратились. Вот тут-то и вспомнили о генерале Маннергейме, который не запятнал себя связями с Германией.

Заместитель министра иностранных дел Карл Энкель по поручению правительства отправляется в Стокгольм для встречи с Маннергеймом и предлагает ему быть представителем Финляндии в Англии и Франции. Надо было добиться у англичан признания независимости Финляндии, а от Франции, признавшей независимость, — восстановления дипломатических отношений. Кроме того, Маннергейм должен был снять запрет на поставку партии зерна из США, которая была уже проплачена, и получить разрешение на дополнительную закупку пшеницы и других культур.

В пятницу 4 октября 1918 года генерал возвращается в Гельсингфорс, чтобы обсудить с правительством все проблемы, возникшие перед страной. Густав выслушал регента, премьер-министра и министра иностранных дел и дал свое согласие быть их представителем, но только как частное лицо. Через три дня состоялась встреча Маннергейма с бывшим председателем Совета министров России Александром Федоровичем Треповым, который организовал в Финляндии Особый комитет по делам русских в

Финляндии, отражавший взгляды наиболее консервативной части эмиграции. Трепов считал, что генерал Маннергейм — самый подходящий человек, способный возглавить армию, которая возьмет Петербург и освободит Россию. Однако эта армия должна состоять из русских, пусть даже организованная и вооруженная немцами. Маннергейм выслушал Трепова, но с его мнением не согласился, тактично подчеркнув, что он — финский генерал и создавать русскую армию не собирается. На другой день Маннергейм через Швецию направляется в Норвегию, где из порта Берген плывет в Англию и через Абердин в Шотландии прибывает в Лондон в день подписания Компьенского перемирия, когда кайзер Вильгельм сбежал в Голландию.

Здесь, в Лондоне, Густав встречается с руководителями внешнеполитического ведомства Англии и с обычной энергией принимается за дело. Его смелость часто переходила все границы возможного и не была связана с предрассудками. Генерал предъявил англичанам целый пакет требований — от поставки зерна до похода на Петроград. Позднее Маннергейм вспоминал: «Ничего особенного во время этого визита в Лондон я добиться не смог, но появилась надежда на получение из Дании первых 5000 тонн зерна…»

14 ноября 1918 года председатель сената Юха Кусти Паасикиви в своей телеграмме просит Маннергейма стать главнокомандующим финской армией. Маннергейм поблагодарил Паасикиви, но конкретного ответа не дал. На другой день у генерала состоялся неприятный разговор с заместителем министра иностранных дел Англии Сесилем, который заявил, что продовольственная помощь Финляндии будет оказана только тогда, когда в ней будет поддерживаться внутренний порядок. «Я тотчас возразил ему, — рассказывал Маннергейм, — сказав, что именно поставки хлеба сами являются условием поддержания порядка. Разве голодные толпы не предадутся с легкостью большевизму и анархии?» Довод подействовал, поставки хлеба были обещаны.

17 ноября 1918 года Маннергейм направил в Гельсингфорс телеграмму, в которой сообщил правительству результаты своих переговоров с англичанами. В этот же день он получает телеграмму из Финляндии, в которой правительство просит его принять пост регента.

Выяснив, что Англия не собирается решать проблему независимости Финляндии без согласия на то Франции, Маннергейм срочно 23 ноября направляется в Париж, где останавливается в гостинице «Регина» около Лувра. Через два дня состоялась встреча генерала с министром иностранных дел

Франции Пишоном, который заверил Маннергейма, что он тотчас же обратится к правительству Англии и дружеские отношения между тремя странами будут восстановлены. 7 декабря Маннергейм вновь отправляется в Лондон, где наконец было получено конкретное согласие Англии на признание независимости Финляндии.

Будучи в Европе, генерал постоянно думал о России, о чем говорит письмо в Варшаву к княгине Марии Любомирской от 28 октября 1918 года: «…Мы упустили свой шанс, не поспешив на помощь генералу Юденичу, когда его армии грозила гибель у стен Петрограда…»

12 декабря 1918 года регент Свинхувуд подал в отставку, и в тот же день генерал от кавалерии барон Густав Маннергейм стал вторым регентом Финляндии. Это назначение было вызвано тем, что его проантантовская ориентация была широко известна в Финляндии и за рубежом.

Через два дня в телеграмме сенату из Лондона Густав писал: «К акциям против большевизма с помощью Финляндии Англия в данный момент не проявляет никакого интереса…»

Главнокомандующий белыми силами Юга России генерал Антон Иванович Деникин и его министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов в декабре 1918 года просят правительства Англии и Франции не разрешать генералу Маннергейму брать Петроград. Они считали унижением, если столицу России возьмут финны. Кроме того, зная враждебность финнов к русским, они опасались, что в Петрограде они не пощадят никого — ни богатых, ни бедных.

Теперь в Лондоне генерал Маннергейм мог продолжать переговоры в качестве главы государства. Он укрепил свои отношения с будущим президентом США Гербертом Кларком Гувером, результатом которых был первый корабль с американским зерном. Транспорт прибыл в Турку 22 декабря 1918 года, в день, когда генерал Маннергейм ступил на родную землю и архиепископ благословил его на должность главы государства.

На вокзале в Хельсинки нового регента встречали высшие официальные лица государства. Среди почетного караула в форме старшего сержанта финской армии стоял Свинхувуд. Пожав руки всем членам правительства, Маннергейм отвел в сторону генерала Рудольфа Валдена и сказал ему: «Завтра начнем оживлять шюцкор… Без них страна не справится…» Быстро был разработан план действий, который позволял укрепить добровольческую армию милицейского типа. Шюцкор должен был повышать обороноспособность страны и обеспечивать законный

общественный порядок.

В своем обращении к народу регент особо подчеркнул значение национального единения, рассказал о программе своей деятельности. Маннергейм определил свое отношение к правительству, где несколько министров были монархистами, что не вызывало доверия стран Антанты.

Накануне нового, 1919 года, когда большевики вышли на берег Балтийского моря, политическое и военное положение на берегу Финского залива резко обострилось. В Эстонии они оккупировали половину страны и стали угрожать Таллинну. Эстонцы обратились к Финляндии за военной помощью. 30 декабря 1918 года финские воинские части генерал-майора Ветцера высадились в Таллинне и через четыре дня начали наступление.

Регент Маннергейм 1919 год начал с военных реформ. Был уволен в отставку начальник Генерального штаба полковник фон Редерн, его заменил полковник Тунцельман. Военным министром назначен полковник Рудольф Валден. Началось сокращение армии, которая пребывала в плачевном состоянии. Шюцкор становится основой новой армии.

В ночь на понедельник 6 января 1919 года генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич с двумя офицерами тайно у деревни Тулокс перешел русско-финскую границу. В Териоках его ждали друзья и на автомобиле привезли в Выборг, поселив в доме на Екатерининской улице.

В своих неопубликованных воспоминаниях, которые генерал писал в Каннах, он рассказывал: «23 марта 1917 года, когда я вернулся с Кавказа в Петроград и вышел из Николаевского вокзала на площадь, меня чуть не растерзала толпа людей, идущих на Марсово поле, где готовились похороны жертв революции. Чудом удалось спастись благодаря помощи адъютанта и денщика. В Петрограде мне пришлось постоянно менять квартиры. От друзей на Сергиевской улице я бежал на Большую Монетную, где седой парик спас меня от красногвардейского контроля. Потом я перебрался на Пушкинскую улицу, где понял, что нужно покинуть Россию. Мои друзья, живущие в Выборге, все хорошо организовали…»

14 января 1919 года генерал Юденич принял участие в съезде русских эмигрантов в Выборге и в созданном им «Русском комитете» возглавил военное управление и гражданскую власть. Задачей Юденича была мобилизация в Финляндии и Швеции русских офицеров и формирование из них добровольческой армии. Финны не пожелали ему в этом содействовать.

Военный министр Валден 22 января 1919 года заявил:

«Большевики для нас не так опасны, как империализм России».

10 февраля 1919 года регент Маннергейм, получив приглашение шведского короля, отправился в Стокгольм, где был награжден орденом Серафима.

Утром 18 февраля на специальном поезде регент Маннергейм приехал в Копенгаген, откуда, пересев в королевскую карету, в сопровождении эскадрона гусар прибыл в замок Амалиенборг. Позднее во время официальной церемонии король Дании вручил Маннергейму орден Слона на красной ленте. В течение дня регент нанес визит королеве и другим членам королевской династии, а также вдовствующей императрице Марии Федоровне. Поездку в Норвегию барон отменил из-за плохого состояния здоровья.

24 февраля 1919 года Маннергейм распустил парламент и объявил новые выборы. Избирательная кампания была тяжелой: левые силы вели подрывную агитацию. В новом парламенте социал-демократы получили 80 мест из 200. Маннергейм разработал основные принципы республиканской формы правления, которые до сих пор живы в Финляндии. Регент принимает генерала Ивана Яковлевича (Йохана) Лайдонера, бывшего подполковника русской армии, на тот момент главнокомандующего эстонской армией. Лайдонер привез регенту свой план наступления на Петроград с помощью эстонских войск. Маннергейм долго и внимательно рассматривал документ, затем предложил выпить кофе и перевел разговор на тему независимости Эстонии. О плане Лайдонера регент ничего не сказал, вызвав недоумение Ивана Яковлевича. Так дипломатично и аккуратно умел Маннергейм отводить чужие, плохо продуманные проекты.

После этой встречи Маннергейм по телеграфу передает в Эстонию сообщение генерал-майору Ветцеру, в котором пишет: «Вам не следует переходить в какие-либо глубокие операции, выходящие за пределы эстонской границы. Инициатива в этом деле должна принадлежать нам, и уже мы не упустим удобное время, лишь бы только создались необходимые предпосылки».

Открывая 4 апреля 1919 года новый парламент, в своей речи регент четко определил те направления, которые должна была использовать страна в своей внешней и внутренней политике. Он также сказал, что «Финляндия не может равнодушно смотреть на страдания соплеменных народов, еще находящихся под властью большевиков». Это заявление Маннергейма несколько отличалось от его клятвы в 1918 году. Он клялся очистить Советскую Карелию от красных войск, обещав не вложить свой меч в ножны, прежде чем последний солдат Ленина не будет изгнан как из

Финляндии, так и из Советской Карелии. «Мы создадим мощную великую Финляндию».

20 апреля 1919 года регулярные финские войска вторглись в Олонецкую Карелию. В ответ на это в Петрограде были арестованы члены Финского временного экономического комитета. Вскоре конфликт был разрешен.

Когда Северный русский корпус генерала Родзянко из Эстонии начал наступление на Петроград, генерал Юденич счел возможным поступиться своей имперской гордостью и начать переговоры с регентом Маннергеймом. По его поручению первые встречи 8 и 20 мая с Маннергеймом проводил генерал Арсеньев. В воспоминаниях он писал: «Пользуясь своими давними связями и знакомством с Густавом Карловичем, я совершенно откровенно, в дружеской частной беседе, задал ему вопрос, насколько справедливы слухи о возможности русско-финского наступления на Петроград. „Да, наступление вполне возможно, — сказал Маннергейм. — Я хотел бы нанести решительный удар господству большевиков в России. Однако, чтобы этот поход состоялся, нужно, чтобы какая-нибудь авторитетная русская власть признала независимость Финляндии…“»

Барон Будберг в своем «Дневнике белогвардейца» писал, что документ об отказе в признании независимости Финляндии готовил наш «идиот, дипломатический вундеркинд» министр иностранных дел правительства Колчака Иван Сукин, а адмирал Колчак не глядя подписал телеграмму. Позднее Колчак признал «смертельно-гибельную роль для России» этого ответа Маннергейму.

После второй беседы Арсеньева с Маннергеймом, получив 14 июня 1919 года приказ адмирала Колчака о назначении его главнокомандующим Северо-Западной армией, Юденич решил встретиться с регентом. Он долго не хотел этого делать, считая, что Маннергейм ниже его по воинскому званию и должен первым его навестить. Генерал от инфантерии Юденич по старой привычке смотрел на Финляндию как на провинцию России. С ней можно не считаться, думал генерал, на нее нужно только нажать и приказать, и она не посмеет отказать в помощи своим прежним хозяевам. В том, что эти хозяева вернут свои утраченные в Финляндии позиции, Юденич нисколько не сомневался. Но, живя в Гельсингфорсе, он не видел, что теперь русские здесь не хозяева, а гости, и причем незваные.

Скромный и корректный бывший министр исповеданий Временного правительства, блестящий оратор Антон Владимирович Карташев, получив согласие Маннергейма на встречу, долго уговаривал этого 56-летнего грузного увальня с

круглой как шар головой, фельдфебельскими усами и крохотными глазками смирить свою гордыню. «Кирпич» (таким прозвищем «наградили» Юденича гвардейцы) долго колебался, но наконец дал свое согласие. Регент прислал за генералом своего адъютанта. Войдя в кабинет Маннергейма, Юденич оторопел и начал дико оглядываться, не обращая внимания на улыбающегося барона, который движением руки приглашал его к столу.

В своих воспоминаниях Юденич писал: «Первой моей фразой, не знаю почему, была: „Хорошо устроились, ваше высокопревосходительство“». Перед встречей с Юденичем Маннергейм попросил денщика подготовить ему старый русский генеральский мундир, оставив на нем только крест святого Георгия. Дальше Юденич пишет: «Крепко пожав мне руку, Густав Карлович спросил, что будем пить. Я ответил, что неплохо бы попробовать смирновской № 19, но у вас, у финнов, она, наверное, не водится? Покурить бы чего-нибудь, — добавил я. — Покупаю я на Генриховской ваши папиросы, но они для меня трава, вот бы махорочки найти.

— Смирновская, Николай Николаевич, у меня есть, — сказал регент, — а вот махорочки нет, вся она у немцев на Украине осталась. Вот, возьмите сигары, они достаточно крепкие, и вкус отменный…»

Когда сели за стол и выпили залпом по две традиционные офицерские рюмки, Маннергейм начал расспрашивать Юденича о положении в Петрограде и о том, что делается на фронтах у Деникина и Колчака. Рассказ генерала был сумбурный и неинтересный. Маннергейм по информации своей внешней разведки знал больше, чем то, о чем долго и нудно вещал Юденич.

Поздравив Юденича с назначением на пост главнокомандующего Северо-Западной армией, Маннергейм заявил, что пока адмирал Колчак не признает независимость Финляндии, не может быть и речи о совместном наступлении на Петроград. Юденич обещал телеграфом передать это требование Маннергейма Колчаку и попросил разрешения на формирование русских отрядов на территории Финляндии, с последующей переброской их в Эстонию. «На это Густав Карлович ответил, — вспоминал Юденич. — Николай Николаевич, не обижайтесь на меня, но вы, видимо, хорошо знаете, как сейчас финны относятся к русским, да и сами вы в этом виноваты. Разрешаю вам формировать свои полки только в районе Экенеса, там готовят редкие по качеству кильки, а какое там темное пиво! Мое условие: в лагере должно быть не более 250 человек без оружия, контроль будет строгим. На мой вопрос: что мне делать, уже

зарегистрировано 2000 человек солдат и офицеров? Регент ответил фразой: „Думайте, думайте, Николай Николаевич“». Дальше Юденич восторженно пишет: «Молодец мужик, и большевиков разбил, и своих красных подавил, и порядок в стране навел. Жаль, что в сурово-красивом Гельсингфорсе нам, русским, места стало маловато».

Вскоре по просьбе великого князя Кирилла Владимировича состоялась его встреча с регентом Маннергеймом. Вспомнив, что после гибели царской семьи великий князь претендовал на русский престол, Густаву пришлось использовать дипломатическую ловкость. Он не обращался к нему со словами «Ваше Величество», чтобы он не решил, что Финляндия признает его царем, «Ваше Высочество», что прозвучало бы как личное оскорбление: «да» и «нет», и только. Сейчас Кирилл Владимирович выглядел совершенно иным, чем при первой встрече. Он был полон величия. Маннергейм не мог понять из его речи, что стоит за громкими словами — фантазия или реальность. Скорее первое. Вероятно, его собеседник руководствовался только теоретическими предположениями и интуитивными чувствами. Это отражало те внутренние переживания, которые испытывало все русское офицерство здесь, за рубежами родины. Невозможно было определить, где чувства, а где разум и государственная целесообразность. Великий князь, адмирал русского флота, не мог ответить на вопросы регента о петроградском Генморе и запутался, отвечая на вопрос о работе Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. Свою беседу с регентом великий князь закончил бранью в адрес великого князя Николая Николаевича за то, что он попросил своего племянника об отречении в трудный момент для России. «У великих князей есть только желания, но нет дерзаний», — подумал Маннергейм. Это была последняя встреча барона с Кириллом Владимировичем, который в 1920 году покинул Финляндию, однако этих встреч не забыл. 4 сентября 1941 года его сын направил фельдмаршалу Маннергейму помпезное поздравительное письмо.

19 июня 1919 года Маннергейм без ведома кабинета министров составил с генералом Юденичем проект военно-политического договора, в котором признавались независимость Финляндии, а также право населения Восточной Карелии и Олонца на самоопределение. Руководство по захвату Петрограда возлагалось на Маннергейма.

Финское правительство этот договор не поддержало. Его отвергли Колчак и Антанта.

Несмотря на эту неудачу, Густав Маннергейм до конца своих

дней был твердо уверен, что рано или поздно обновленная Россия возродится, и оказался, как всегда, прав.

Тем временем генерал Евгений Карлович Миллер, генерал-губернатор и главком войсками Северной области, направляет в Гельсингфорс генерал-майора Марушевского с просьбой о помощи. Маннергейм заключает с ним соглашение о взятии Петрограда в обмен на выполнение следующих требований: независимость, порт в Печенегской губе, самоопределение некоторых карельских волостей. Однако и это соглашение не поддержали финское правительство и Антанта. Колчак назвал его «просто фантастическим». Английский консул в Гельсингфорсе сказал, что Маннергейм является «бессознательным орудием финских егерей и Германии». Он рекомендовал Антанте поддерживать не Маннергейма, а кабинет Рудольфа Холсти. Адмирал Колчак, зная о переброске значительного контингента советских войск на защиту «колыбели революции», вдруг одумался и начал бомбардировать Маннергейма срочными телеграммами, призывая к походу на Петроград, замалчивая, однако, требования Финляндии. Генералы Юденич и Миллер пытались урезонить Колчака, но тщетно.

Регент Маннергейм только через три недели любезно ответил отказом на все срочные предложения адмирала.

В начале июля 1919 года начинается подготовка к выборам президента Финляндии. Социал-демократическая фракция в сейме, враждебная регенту, не стала выставлять своего кандидата, чтобы не раскалывать противников Маннергейма. Позиции генерала серьезно пошатнулись.

7 и 10 июля 1919 года регента посетили представители активистов и егеря, заявив, что финская армия готова идти на Петроград, и предложили ему совершить государственный переворот. Маннергейм должен был распустить сейм, назначить новые выборы и сформировать интервенционистское правительство. Эти предложения заинтересовали регента, и он в понедельник 14 июля 1919 года собирает лидеров коалиционной партии и излагает им свой план освободительной войны, которая должна «закончиться за Петербургом». Несколько дней лидеры коалиционной партии обсуждали предложение Маннергейма и 17 июля заявили, что «в партии единства нет». «Ну, тогда я иду утверждать форму правления страной», — заявил генерал и в тот же день ее утвердил. Русские контрреволюционеры возлагали большие надежды на государственный переворот в Финляндии, но он не состоялся. Генерал Юденич в письме к Маннергейму отказался от независимой операции финнов против Петрограда, и регент с ним согласился. Маннергейм считал, что надо умело

спровоцировать нападение большевиков на Финляндию, приурочив это ко дню выборов президента. Однако Ленин его опередил, заявив 20 июля американскому журналисту, что советское правительство готово заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом при условии, чтобы это был мир на деле. 22 июля 1919 года министр иностранных дел Финляндии Рудольф Холсти заявляет представителям союзников, что похода на Петроград не будет.

На пост президента Финляндии было выдвинуто два кандидата — регент Густав Маннергейм и президент высшего административного суда Каарло Юхо Стольберг. Маннергейма выдвинули коалиционная и шведская партии, а Стольберга — Прогрессивная партия и Аграрный союз (центристы и левые). Социал-демократы заключили с Аграрным союзом соглашение о поддержке Стольберга.

В пятницу 25 июля 1919 года прошли бурные выборы, на которых в первом туре Стольберг получил 143 голоса, а Маннергейм только 50.

Член ЦК партии Народной свободы Иосиф Владимирович Гессен, бывший в это время в Гельсингфорсе, писал в своих воспоминаниях: «Маннергейм пользовался большой популярностью, вполне обеспечивающей ему избрание, но он был шведского происхождения, и политические руководители, обуянные ударившим им в голову национализмом, противопоставили Маннергейму Стольберга… Финский журналист Карманнен, бывший финский корреспондент газеты „Речь“, признался: „Если бы я должен был голосовать, то при всем уважении к Стольбергу подал бы голос за Маннергейма. Как же иначе, если ему мы обязаны своим существованием. Ведь нет дома у нас, в котором не красовался бы на видном месте его портрет.

А все-таки президентом должен быть финн“».

Глава 13
СТАНОВЛЕНИЕ ФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Генерал от кавалерии барон Маннергейм, потерпев поражение на выборах и оставшись без государственного поста, 17 сентября 1919 года в качестве частного лица отправляется в Париж.

Положение у Маннергейма было сложное. Он снова был вытеснен из большой политики. Семья распалась еще в 1903 году. После разрыва жена с двумя дочерьми проживала в Париже. Старшая дочь Анастасия в 1915 году стала затворницей монастыря сестер-кармелиток в Англии, где пробыла почти 20 лет, правда, впоследствии отказалась от монастырской жизни. Младшая, Софья, не умела заботиться о себе, пьянствовала и вела нездоровый образ жизни, ютясь в одной из подвальных квартир Парижа, загаженной сворой собак и кошек.

У Маннергейма были теплые отношения со своими братьями и сестрами. Старшая сестра Софья была не только душой близка Густаву, но и до дня ее смерти в 1928 году их объединяла общая работа в Союзе защиты детей и финском Красном Кресте. Вторая сестра, Ева, была его постоянным корреспондентом. Они оба были гурманами и знатоками поварского искусства. С самой младшей сводной сестрой Маргерит и ее мужем Микаэлем Грипенбергом Густав тоже был дружен.

Париж, куда приехал Маннергейм, стал на время центром мировой политики — здесь проходила мирная конференция, созванная странами — победительницами в Первой мировой войне.

В первый день пребывания генерала в городе ему позвонил бывший русский посол во Франции Александр Петрович Извольский и попросил приехать к нему. Маннергейм эту просьбу отклонил. Тогда Извольский неожиданно явился в гостиницу к генералу и предложил свои услуги в качестве представителя Финляндии на мирной конференции.

Маннергейм твердо отказал ему в этом, вспомнив его слова в день объявления Первой мировой войны: «Это самый счастливый день в моей жизни». Генерал не хотел таких новых «счастливых дней» для своей родины.

Встречами с премьер-министром Жоржем Клемансо и маршалом Фердинандом Фошем Маннергейм был разочарован. Надежды на поддержку Финляндии со стороны Франции пропали. Ситуация выглядела крайне мрачной.

В понедельник 3 ноября 1919 года генерал из Парижа отправляет открытое письмо президенту Финляндии Стольбергу. В нем он писал, что в компетентных кругах Парижа и Лондона не сомневаются, что гибель Советской власти — вопрос времени. По мнению Европы, судьба Петрограда — в руках Финляндии и этот вопрос имеет мировое значение. Если Петроград будет взят без помощи Финляндии, возникнут непреодолимые трудности в урегулировании отношений с новой Россией…

Мир с большевиками дал бы обманчивую безопасность — они потом использовали бы свое превосходство в силах. Поэтому надо действовать быстро. Взоры всего мира направлены на Финляндию, и от ее решения будет зависеть, не обвинят ли современники и потомки финский народ в малодушном уклонении от действия, которого требовали и интересы человечества, и его собственного будущего…

В ответ на письмо Маннергейма от 5 ноября 1919 года финское правительство официально заявило, что армия Финляндии не будет наступать на Петроград, и 14 декабря 1919 года в Тарту подписало мирный договор с РСФСР.

Узнав, что барон в Париже, его стали одолевать многочисленные русские знакомые — от генерала Миллера, бежавшего из Архангельска, до генерала Головина. Видя, что отбоя от посетителей и просителей не будет, Маннергейм бежит на Лазурный Берег, в Ниццу, где встречается со своим старым другом Павлом Демидовым, который только что купил виллу «Ла Перл», продав жемчужные украшения своей жены. Неприятный осадок оставила у генерала встреча с балериной Тамарой Карсавиной, которую ни на шаг не отпускал от себя ее партнер и очередной любовник Петр Владимиров.

Накануне отъезда в Париж Маннергейм получил приглашение великого князя Николая Николаевича посетить его в Шуаньи. Прием был устроен очень радушный. Великий князь изменился, стал любезным и тактичным, забыв свой любимый русский мат. Внимательно выслушав подробный рассказ Маннергейма о событиях в Финляндии и его отношениях с генералами Юденичем, Родзянко и Артемьевым, Николай Николаевич обнял Густава, поцеловал и сказал: «Поздравляю вас, барон, с тем, что вы выполнили свой долг офицера российской армии, чего не могли сделать в России ни Колчак, ни Деникин, ни Юденич. Еще в прошлом столетии я говорил императору, что таких офицеров, как вы, у нас в России единицы. Вы, Густав Карлович, оправдали мое доверие». Великий князь рассказал Маннергейму, что к нему постоянно обращаются разные эмигрантские организации с просьбой возглавить национальное

антибольшевистское движение. «Однако я всякий раз отказываюсь, — сказал великий князь. — Я считаю, что после всех революционных событий члены императорской фамилии должны воздерживаться от политической деятельности». Николай Николаевич попросил генерала аккредитовать в Финляндии его представителя Николая Бунакова.

После встречи с великим князем барон решил отправиться на Лазурный Берег и побывать в Монако — узкой полоске земли, прижатой предгорьями Альп к Средиземному морю. Остановившись в «Отель де Пари» и дотронувшись, по традиции игроков казино, до правого колена старинной бронзовой статуи Людовика XIV, чтобы повезло в игре, генерал подземным ходом отправился в салон казино, где ставки были неограниченны…

Азартный игрок, он не менее азартен был в любви.

Живя в Хельсинки, Маннергейм тщательно скрывал свою личную жизнь. Ни одна женщина, кроме пожилой служанки, не переступала порог его дома. Правда, Григорий Павлов, владелец старейшего в городе ресторана «Беллевю», что в районе Катаянокки, неподалеку от православного Успенского собора, мог бы немало рассказать о том, с кем, скрываясь от любопытных взглядов, любил ужинать у него господин барон в двадцатые и тридцатые годы. Но Павлов умел хранить тайны своих клиентов, он умер в 1957-м, не назвав журналистам ни одного женского имени.

Совершенно иным был Густав в своем любимом Париже. Здесь, во всемирной столице женской красоты, Маннергейма часто видели со многими красавицами — Аллой Назимовой, Виргинией Хериот, графиней Жанной де Сальверт… Опытный донжуан, еще с юности впитавший изысканный аристократизм российской знати, он без труда покорял женские сердца. А думал он о других победах.

Мысль о создании единого широкого фронта против большевиков не покидала во Франции Маннергейма. Особенно его вдохновило успешное наступление поляков на Украине и в Белоруссии. Он принимает решение ехать в Варшаву, встретиться с «начальником государства» Юзефом Пилсудским и точно выяснить военную ситуацию в России. Кроме того, генерал хотел узнать, что осталось от его вещей, когда в 1914 году его дом на Черняковской улице, 35, был снесен. (Символично, что на фундаменте дома генерала сейчас стоит красивый костел.) Приехав в Варшаву, Маннергейм остановился в гостинице «Бристоль», где его встретили журналисты. Пришлось отвечать на их вопросы. На другой день буквально с восьми утра начались телефонные звонки. Друг Густава Александр Велепольский

рассказал, как удалось спасти вещи генерала, которые немцы нашли с пометкой «барон Маннергейм» и хотели конфисковать как собственность русского офицера. Пришлось долго доказывать и писать разные бумаги, что это вещи главнокомандующего финской армией. В 1920 году вещи и мебель Маннергейма были отправлены в Гельсингфорс. Мария Потоцкая сообщила, что княгиня Любомирская в Висбадене. Попросил о встрече генерал Карницкий.

Утром 4 декабря 1919 года Маннергейму позвонил адъютант Пилсудского и сообщил, что «начальник государства» ждет его в 12 часов в Бельведерском дворце.

Пилсудский встретил Маннергейма у дверей своего кабинета. Он стоял величаво, но слегка сгорбившись, как бы придавленный тяжестью возложенных на него задач. Он был чисто выбрит и аккуратно подстрижен. На нем был военный френч и парадный пояс, который он надевал при приеме важных гостей. Начав разговор по-французски, Пилсудский пригласил генерала к столу и предложил сесть. Маннергейм, высокий и элегантный, в великолепном итальянском костюме и лакированных ботинках, источал запах дорогого английского одеколона, чем немного смутил главу польского государства.

Пилсудский, лукаво взглянув на генерала, сказал, что хорошо знает о его службе, восхищен его действиями в Финляндии. Маннергейм не остался в долгу, вспомнив подавление варшавского мятежа в январе 1919 года. Заговорив по-русски, вспомнили Антона Ивановича Деникина и его отношение к независимости Польши. Маннергейм сказал, что сходные события произошли и в Финляндии. Пилсудский рассказал о своем плане решительного наступления на Украину и предложил генералу быть его союзником. Маннергейм одобрил идею, но конкретного ответа не дал.

Видя, что Пилсудский устал, Густав прекратил разговор и попросил назначить еще одну встречу. Она состоялась через восемь дней.

За это время у Маннергейма состоялась другая, на этот раз неприятная беседа. Утром 7 декабря без предупреждения в номер к генералу явился генерал Карницкий с двумя русскими офицерами. Один из них назвал себя председателем Союза русских офицеров в Польше и начал бесцеремонно требовать от Маннергейма, чтобы он совершил государственный переворот в Финляндии. Поведение офицеров было столь наглым, что генерал указал им на дверь. Настроение у Маннергейма было основательно испорчено, правда, в последующие дни друзья, подруги и театры немного разрядили обстановку.

Вторую встречу Маннергейма и Пилсудского довольно точно охарактеризовал граф Пржездецкий: «Оба государственных деятеля на этой встрече своим внешним видом и беседой делали честь народам, которых они представляли».

На этой встрече генерал Маннергейм сразу отметил одну черту в поведении Пилсудского. Все свои действия тот проводил в зависимости от того, как развивались события, не дорабатывая свой план до конца. Его идеи выглядели странными и загадочными, причем единственной концепцией для них был он сам, другие для него не существовали.

В конце беседы Пилсудский попросил генерала помочь в проведении в Гельсингфорсе 15–22 января 1920 года встречи представителей прибалтийских стран, Польши и Финляндии. Конференция состоялась, но ничего не принесла, кроме больших расходов для финской казны.

В день отъезда генерала Маннергейма в Париж состоялись торжественные проводы. На вокзал приехали премьер-министр Падеревский и военный министр.

Вернувшись в начале 1920 года в Финляндию, генерал Маннергейм получил народный подарок — денежный фонд его имени в 7,5 миллиарда марок, процентами от которого он мог пользоваться в личных целях. К подарку был приложен адрес, который подписали сотни тысяч финнов, представляющие все классы общества.

4 апреля 1920 года в первый день Пасхи в Тампере состоялся парад шюцкоровцев, во главе их отрядов ехал генерал Маннергейм. В толпе любопытных на Хяменкату находились восемь боевиков, только что приехавших из Петрограда с заданием убить барона. Посланы они были Петроградским ЧК и военной интернациональной школой, где получили деньги и оружие. Застрелить Маннергейма предполагалось во время парада, но выстрелы не прозвучали. Когда генерал на коне поравнялся с главным киллером Карлом Сало, он, как выяснилось позже, струсил. Прикрывающие его Векман и Суокас, потеряв в толпе главаря, упустили удобный случай. В конце апреля 1920 года все трое террористов были арестованы в Финляндии и приговорены судом к разным срокам тюремного заключения.

Маннергейм становится председателем Союза защиты детей, а через два года — председателем финского Красного Креста.

В начале 1923 года он совершает поездку в Алжир и Марокко. За границей для генерала были другой мир и другая жизнь, о которой на родине он мог только мечтать. В Алжире автомобиль, которым управлял Густав, свалился в пятиметровое ущелье. Барон отделался переломом бедра и парой ребер. Перелом бедра

сделал ногу Густава короче на два сантиметра. До конца жизни он ходил с вкладышем, чтобы походка не выдавала дефекта.

Каждую осень Маннергейм отправлялся на охоту в Тироль стрелять серн и благородных оленей, которые отличались красотой рогов. Камердинер-австриец Густава Ханс Кёпф вспоминал, что барон был суеверен, требователен к еде, чаевых в ресторанах не давал, требуя русские или французские меню. Из вин предпочитал красное вино «Ле Кардинал». После обеда всегда пил хороший кофе. В торжественные дни на столе стоял коньяк «Хеннесси» и венгерский ликер «Баракк Палинка».

Крепкие напитки Маннергейм не только умел пить из рюмки, наполненной до краев, но и держал в секрете состав любимой водки с джином и вермутом.

В 1924 году генерал Маннергейм переезжает в двухэтажный дом в Кайвопуйсто на Каллиолиннатие, прожив до этого многие годы на разных временных квартирах. Этот дом, который называли по первому владельцу «дачей Баумана», был построен в 1873 году, с 1913 года принадлежал Карлу Фазеру, который сдал его Маннергейму. В год переезда в доме был сделан большой ремонт, чтобы он соответствовал потребностям нового жильца и его хозяйства. Маннергейм также арендовал небольшой полуостров в восточной части городка Ханко с постройками, а через несколько лет купил его. В 1941 году вилла Маннергейма была разрушена. После войны ее восстановили, и сейчас там элегантный летний ресторан. Генерал также приобрел соседний островок с популярным кафе, которое назвал «Изба четырех ветров». В нем он принимал своих именитых гостей. В 1931 году Маннергейм продал остров, часто потом сожалея об этом.

В 1924 году по предложению барона для организации армии в Финляндию приехал английский генерал Кирк, ставший одной из закулисных фигур в финской политике. Маннергейм поддерживал с ним долгие дружеские отношения.

1 марта 1925 года президентом Финляндии стал Лаури Кристиан Реландер — человек, который боялся недовольства сильных мира сего или раздражения финского общества. Из-за этого Маннергейм не стал фельдмаршалом и председателем Совета обороны. Реландер постоянно ориентировался на мнение советской газеты «Правда», особенно после ее угрожающей статьи 10 апреля 1925 года, которая гласила: «Генерал Маннергейм не должен забывать, что дорога из Хельсинки в Ленинград может оказаться гораздо длиннее, чем дорога из Ленинграда в Хельсинки».

Слабость президента Реландера и упущения правительства Финляндии стали причиной появления движения, возникшего в

северо-западной Финляндии и получившего название «лапуаское движение». Главным пунктом его программы было искоренение в стране коммунизма (хотя компартия была запрещена) и в конечном счете — государственный переворот.

В диктаторы лапуасцы прочили Маннергейма, хотя некоторые руководители движения считали его старым и малоэффективным — им больше нравился генерал Вальден.

В 1926 году барон совершил свое первое путешествие в Индию, но здесь охотничье счастье не сопутствовало ему, хотя он имел разрешение на охоту. Ни одного тигра он не видел. Днем генерал неудачно охотился, а вечером в столице округа весело проводил время, поражая своим аристократизмом местное английское общество.

1930 год чуть не стал роковым для Финляндии, когда огромная масса лапуасцев маршем вошла в Хельсинки. Парламент был распущен, а правительство отправлено в отставку. Финны воочию убедились в слабости государственной власти. И действительно, начиная с 1919 года Финляндия почти 14 лет находилась в состоянии внутриполитического кризиса. В эти годы сменилось множество правительств — от Лаури Ингмана до Кюэсти Каллио.

1 марта 1931 года президентом становится жесткий и решительный Пер Эвинд Свинхувуд. Он через год ликвидировал назревающее восстание лапуасцев и свел на нет их движение. Маннергейм же уклонился от диктатуры и тем самым сберег свое доброе имя.

Утонченный аристократ Густав Маннергейм был полной противоположностью грубоватому, а иногда и хамоватому Свинхувуду, но они оба боролись за независимость Финляндии. Свинхувуд назначает генерала председателем Совета обороны, и Маннергейм согласился в военное время командовать финскими войсками.

В начале августа 1931 года барон принимает решение лично обследовать состояние обороноспособности Карельского перешейка.

В четверг 14 августа он с тремя генералами и двумя полковниками в условиях секретности впервые посетил Териоки, где провел один день у своей родственницы Мари Прокопе на «Вилла Бьянка». Он жил на втором этаже в «синем салоне». Этот дом сохранился и находится в Зеленогорске на 2-й Пляжной улице, 7/9.

Вернувшись в Хельсинки, генерал Маннергейм рассказал министру обороны Оксала о результатах своей поездки. Он считал, что надо срочно заняться оборонительной линией,

дорогами и аэродромами.

С 1933 года президент Свинхувуд расширил полномочия и права Маннергейма и в пятницу 19 мая 1933 года, в связи с 15-летием победы в Национально-освободительной войне, генералу присваивают звание фельдмаршала.

Период с 1931 по 1939 год Маннергейм в своих «Мемуарах» назвал «наперегонки с бурей». Фельдмаршал прекрасно знал, что происходит на Западе. Его иллюзии в отношении Германии и национал-социалистов быстро рассеялись. Маннергейм считал, что Гитлер собирается превратить народы Европы в белых негров для службы Третьему рейху. Но главная опасность для его родины, по его мнению, была все же с Востока. Надо было срочно вооружаться. Отношения Маннергейма с правительством были сложными из-за того, что оно постоянно урезало военный бюджет. А состояние оборонительных сил Финляндии находилось на крайне низком уровне. Начиная с 1929 года боевые учения по причине экономии средств не проводились. Оружие устарело и износилось до предела. Современные самолеты и танки отсутствовали. Сотрудничество между армией и шюцкором было недостаточным. Мобилизационный план четыре года лежал на рассмотрении.

Маннергейм лично начал углубленно изучать технические проблемы армии, наводя смятение в рядах военных инженеров. Фельдмаршала до мелких деталей интересовала каждая иностранная новинка в области вооружения. Бывая на авиасалонах в Англии и Франции, он осматривал каждый самолет глазами квалифицированного практика, учитывая финские условия посадочной скорости машин. Его интересовало, как тяжелые самолеты убирают шасси, удобство работы экипажа, броневая защита кабин летчиков от пуль.

5 июля 1934 года фельдмаршал получил сообщение, что княгиня Мария Любомирская находится при смерти и хочет в последний раз увидеть своего старого друга. Маннергейм, чтобы не вступать в конфликт с мужем Марии, от поездки отказался. До последнего момента, когда 12 июля 1934 года Мария навечно закрыла глаза, она спрашивала медицинскую сестру, есть ли письмо или телеграмма от Маннергейма.

Так печально закончилось их почти 30-летнее знакомство, ставшее частью большой биографии Маннергейма.

В декабре 1934 года фельдмаршал на две недели отправляется в Германию, чтобы познакомиться с новыми самолетами фирм «Юнкерс», «Дорнье» и «Хейнкель». В Берлине его ожидала торжественная встреча, на которой он получил приглашение от командующего Военно-воздушными силами

Германии Германа Геринга провести переговоры с германской стороной. В процессе разговора с Маннергеймом Геринг, хитро улыбаясь, хвалил охотничьи успехи фельдмаршала в Тироле. Затем, извинившись, снял телефонную трубку и приказал показать Маннергейму новые боевые самолеты, подготовить документы на их покупку и отвезти барона в Шлайсхайме, где шло обучение будущих военных летчиков. Затем совсем по-дружески предложил фельдмаршалу пообедать и отдохнуть у него в Щорфхайде. Утром состоялась совместная охота. Они долго бродили по лесу, видели много животных, но не стреляли. Вечером Маннергейм уехал в Берлин, где практически начал решать свои авиационные дела.

В мае 1935 года произошло некоторое сближение баронессы Маннергейм и ее бывшего мужа барона Густава Маннергейма. Миротворческую роль в этом сыграл муж сестры Анастасии граф Дмитрий Менгден, обладавший большой силой внушения. Маннергейм писал: «Через многие годы мы нашли друг друга, все поняли и стали настоящими друзьями…» Как-то незаметно, как бывает в жизни, к баронессе Маннергейм подкралась страшная болезнь — рак, на симптомы которой она не обращала внимания. Шли дни, и лекарства перестали помогать. Фельдмаршал делал все возможное, что было в его силах, чтобы облегчить страдания жены, хотя по мнению лечащего врача, доктора Мартели, надежды на выздоровление было мало.

Доктор обещал барону сделать все, чтобы Анастасия верила в свое выздоровление и лишить ее предчувствия близкой кончины.

В середине декабря 1936 года профессор И. П. Алексинский, приглашенный как консультант, сказал дочери Софье: «Молитесь, только чудо может помочь вашей матери». Чуда не произошло, и за два часа до нового 1937 года баронесса Анастасия Николаевна Маннергейм (Арапова) скончалась. Отпевал ее в верхнем храме церкви Александра Невского в Париже митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский) в присутствии всего высшего эмигрантского света Парижа. На отпевании была и «разлучница» — графиня Шувалова.

Анастасия Маннергейм была похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, получив вечный номер 299. На скромной, забытой всеми могиле Анастасии белый крест несет в будущее, как связь с далекой родиной, великолепную палехскую икону.

В день смерти Анастасии фельдмаршал находился в Индии, где и получил скорбную телеграмму. Он сразу дал согласие на включение своего имени в газетный некролог. Смерть матери нанесла большой душевный удар Софье. Она оказалась

человечнее своей старшей сестры-монахини, которая, приехав в Париж на другой день после смерти матери, ничем не помогла Софье в сложных переговорах с храмом и похоронах.

Построенная в 1827 году старейшая русская православная церковь Святой Троицы на Унионкату в Хельсинки помнит заупокойную службу по Анастасии Маннергейм, во время которой фельдмаршал Маннергейм долго стоял на коленях, пока свеча не догорела в его руке.

22 января 1935 года Маннергейм просил президента Свинхувуда наградить финскими орденами группу офицеров германской армии, которые были связаны с осуществлением его визита в Германию. Это, считал фельдмаршал, «усилит в дальнейшем интерес и расположение Германии по отношению к Финляндии».

В 1935 году фельдмаршал совершил летом поездку в Англию, а осенью — во Францию. Он стремился соблюдать баланс в своем подходе к закупке новейшего вооружения у стран Запада, чтобы не вызывать недовольство, например у Англии и Франции, приобретением самолетов у Германии. Однако Маннергейм активизировал роль финского военного представительства в Берлине.

В сентябре 1935 года Геринг официально приглашает фельдмаршала посетить Восточную Пруссию, где в Роминтене (сейчас Калининградская область) находились его охотничьи угодья. Этот район с давних времен был королевским охотничьим хозяйством, а когда в 1933 году Герман Геринг вошел во власть, он взял себе эти земли с самыми большими в Западной Европе лосиными стойбищами, получившими название «Лосиный лес». Здесь по приказу Геринга выращивали и сохраняли разную дичь и животных, было много охотничьих домиков.

Так как «Каринхалле» был превращен в заповедник, Геринг начал использовать для охоты поместье Роминтен.

Когда Маннергейм прилетел в Берлин, его на аэродроме встретил Геринг, пересадил на свой «Юнкерс-52» и доставил в Восточную Пруссию. Здесь их приезда уже ожидали старый знакомый Маннергейма шведский граф Эрик фон Розен и сын Геринга от первого брака с Карин фон Кантцов, большой поклонник Маннергейма Томас фон Кантцов. (Впоследствии, во время Зимней войны, он сражался в Финляндии в рядах шведских добровольцев.)

На охоту выходили раздельно. Первые дни были неудачными, но все быстро забывалось в столовой, где стояли огромные бочки с темным и светлым пивом, а столы прогибались под горами жареного картофеля, кислой капусты, свинины, сосисок и дичи.

На третий день Маннергейм уложил 14-рогого старого оленя.

Геринг предложил фельдмаршалу перенести их охоты в заказник «Каринхалле», но погода нарушила все планы.

Кураторская роль рейхсмаршала Геринга в отношении Финляндии начинает приобретать активный характер после слов фельдмаршала Маннергейма о том, что новые германские руководители умело и быстро создают вооруженные силы. И все же барон не торопился занимать явно прогерманскую, а значит, откровенно антисоветскую позицию.

Маннергейм хорошо знал русских и с уважением относился к Красной армии, солдаты которой все схватывают на лету, легко подчиняются дисциплине, отличаются мужеством и жертвенностью. Он заявлял, что Россию и русских нельзя оскорблять, вызывать подозрительность, испытывать терпение, поэтому, чтобы не раздражать Советский Союз, Маннергейм отказался от участия во всемирном конгрессе Красного Креста в Японии. Отношения между Советским Союзом и Японией были очень плохими, шла подготовка к войне. Она началась в мае 1939 года, когда японские войска вторглись в Монголию в районе реки Халхин-Гол.

В январе 1936 года Маннергейм на похоронах английского короля Георга V представлял народ и президента Финляндии Свинхувуда. Он два часа шел пешком в очень утомительном похоронном шествии. Западные газеты в этот день писали: «На похоронах короля Финляндию представлял бывший офицер русской гвардии Конного полка фельдмаршал Маннергейм».

Через несколько дней после похорон Маннергейм на поминках беседовал с новым королем Эдуардом VIII, который в декабре отрекся от престола в пользу своего брата Георга VI. Затем были встречи с министром иностранных дел Антони Иденом, военным министром Д. Купером и начальником Генерального штаба маршалом А. Монтгомери. Осенью 1936 года фельдмаршал вновь посетил Англию, где встретился с Черчиллем и заставил его исключить из своей книги «История Первой мировой войны» фразу о том, что «Финляндия самостоятельности добилась благодаря Германии», заменив «благодаря Германии» словом «самостоятельно».

Понимая, что фельдмаршал Маннергейм в Финляндии занимает ведущее положение, английское и французское правительства всячески заигрывали с ним.

1 марта 1937 года новым президентом Финляндии стал 64-летний Кюёсти Каллио. Советское руководство считало, что он оздоровит финско-советские отношения. Министром иностранных дел остался Рудольф Холсти, который не любил Маннергейма,

питая неприязнь и злобу к нему до конца своей жизни.

Накануне своего юбилея в мае 1937 года Маннергейм побывал в Париже. Он посетил могилу жены на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, оплатил на 50 лет место захоронения и заказал панихиду в русском храме Александра Невского. Вернувшись в Хельсинки, он заказал еще одну панихиду в русской Троицкой церкви.

В пятницу 4 июня 1937 года в Хельсинки с большой помпой было отпраздновано 70-летие фельдмаршала барона Маннергейма. После торжеств целый месяц во все страны мира отправлялись благодарственные письма со словами, лично относящимися к каждому адресату. Юбилей Маннергейма вылился в мощную демонстрацию против большевизма.

Одновременно продолжалось сближение Финляндии с гитлеровской Германией. В августе 1937 года в порт Хельсинки вошли 11 немецких подводных лодок.

А осенью фельдмаршал Маннергейм третий раз приехал в Германию. Совместных охот с Герингом из-за дождливой погоды было немного, и время проходило в беседах. Геринг поделился своими наблюдениями за маневрами Красной армии, на которых он побывал. Особенно ему понравились массовые парашютные десанты, которые он взял за основу при создании немецких парашютных войск. В процессе разговора Геринг вдруг неожиданно вспомнил город Липецк на реке Воронеж, где он учился в четвертом авиаотряде «товарища Томсона»; жизнь в бывшей конторе винного завода и свою любовь — 18-летнюю Надю Горячеву, дочь станционного смотрителя. Покинув Липецк в 1926 году, он обещал Наде вернуться и увезти ее в Германию, но там у него появилась жена, дочь шведского барона Карин фон Кантцов. Рейхсминистр с большим интересом слушал рассказы Маннергейма об его охотах в Индии и Непале, где он уложил четырех тигров, один из которых был длиной 3,23 метра.

Очарованный приемами, охваченный охотничьим азартом, Маннергейм еще не знал, какие программы готовит Геринг по созданию лагерей смерти и систем принудительного труда граждан тех стран, которые в недалеком будущем оккупирует Германия. Вскоре фельдмаршал все понял и свел контакты с Герингом до необходимого государственного минимума.

7 апреля 1938 года в Москву был срочно вызван резидент НКВД в Финляндии полковник Рыбкин, который официально занимал должность второго секретаря советского посольства. Финны его знали как Бориса Ярцева. Рыбкина принял лично Сталин, который поручил советскому резиденту совершенно секретное задание: подготовить заключение с финнами тайного

политического и экономического соглашения.

Во вторник 12 апреля 1938 года Финляндия торжественно праздновала 20-летие Национально-освободительной войны 1918 года. В Хельсинки приехали многочисленные зарубежные делегации, самой большой из которых была немецкая, почти 40 человек, и среди них — граф фон дер Гольц, вице-адмирал Маурер и барон фон Бок. Праздничный парад принимал фельдмаршал Маннергейм. В честь зарубежных гостей президент Каллио дал завтрак.

Утром 14 апреля к министру иностранных дел Рудольфу Холсти неожиданно явился Борис Ярцев (Рыбкин) и заявил, что Германия собирается напасть на Советский Союз, используя как трамплин Финляндию. Советский Союз хочет получить гарантии, что Финляндия не станет помогать Германии. Такой гарантией должен быть военный договор.

Холсти холодно выслушал Ярцева, заявив, что Финляндия, как и другие северные страны, придерживается нейтралитета.

Генерал НКВД П. П. Судоплатов в своих воспоминаниях писал: «Я помню, как в 1938 году Сталин распорядился и поручил Рыбкину передать двести тысяч долларов для политической поддержки финской партии мелких хозяев, чтобы она сыграла роль в формировании позиции правительства по урегулированию пограничных вопросов…» Сталин намечал сделать доверенным лицом в переговорах с финнами генерала графа Игнатьева, который служил вместе с Маннергеймом в Кавалергардском полку в Петербурге. Все встречи Ярцева (Рыбкина) с финскими государственными деятелями ни к чему не привели. Замысел Сталина оказался на грани срыва.

Зондаж Ярцева пришелся на время, когда кризис в Европе обострился. В марте Германия оккупировала и присоединила к себе Австрию, а в начале октября захватила Судетскую область. Поэтому переговоры резидента с напуганными финнами оказались безрезультатными, несмотря на разные аспекты воздействия советской разведки и дипломатии в ходе переговорного процесса.

В конце сентября 1938 года фельдмаршал Маннергейм направил президенту докладную записку, в которой указал, что необходимо принять неотложные меры по усилению вооруженных сил и военной подготовки населения Финляндии, так как страна в настоящее время не готова к обороне. В октябре Маннергейм совершил поездки в Англию и Францию, где провел переговоры по оснащению финской армии новым вооружением.

Здоровье министра иностранных дел Рудольфа Холсти начало сдавать. На дипломатическом обеде в Женеве он допустил

оскорбительный выпад в отношении Гитлера и Третьего рейха. Германия выразила Финляндии резкий протест, и Холсти отстранили от должности.

12 декабря 1938 года на пост министра иностранных дел Финляндии назначается 43-летний владелец газеты «Хельсинген Саномат», англофил, сторонник скандинавской ориентации Эльяс Эркко.

Новый 1939 год стал для Финляндии очень сложным. Нужно было искать пути, чтобы не попасть в пучину разрастающегося мирового конфликта.

Сталин, внимательно следивший за положением в Финляндии, несмотря на то что финская пресса активно поднимала вопрос о слабости Советского Союза, 7 марта направляет в Хельсинки Бориса Штейна, который в 1932–1934 годах был полпредом СССР в Финляндии. Штейн привез в Финляндию прежние советские предложения, но, как и прежде, ответ получил отрицательный. Настойчивость советского руководства вызвала у финнов подозрение относительно его «благих» намерений и соответствующую реакцию.

В начале марта маршал Ворошилов, ссылаясь на прямое указание Сталина, приказывает командарму 2-го ранга Мерецкову проверить готовность войск на случай военного конфликта с Финляндией.

20 июня фельдмаршал Маннергейм выразил сожаление, что Англия и Франция готовы заключить с Советским Союзом тройственный договор, считая, что большевизм по-прежнему представляет угрозу мировому сообществу. И все же, когда 26–29 июня Финляндию посетил начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер и захотел встретиться с фельдмаршалом Маннергеймом, тот как бы случайно оказался в отъезде. Через несколько дней Маннергейм заявил президенту, что он уходит в отставку с поста председателя Совета обороны из-за противоречий, которые возникли у него с правительством на почве мер военного характера. Конфликт, однако, в конечном счете был улажен.

7 марта 1939 года на Карельском перешейке начались крупнейшие в Финляндии военные маневры, согласованные с президентом и правительством. В них участвовали 20 тысяч человек, с учетом резервистов. Маневры проходили одновременно с подобными учениями в Германии и Италии. Руководил маневрами министр обороны Финляндии Юхо Ниукканен. Фельдмаршал Маннергейм и главный инспектор финской армии генерал-лейтенант Сихво наблюдали за их проведением. На маневрах присутствовали все аккредитованные в

Финляндии военные атташе, кроме советского, а также министр обороны Швеции Шёльду. В ходе учений проигрывалась ситуация, когда «желтые» (Советский Союз) неожиданно начинали наступление с юго-востока, а «белые» (Финляндия), занявшие оборону у Выборга, должны были остановить их наступление. Поставленные задачи были успешно решены. Боевые учения закончились парадом войск в Выборге, но зрители заметили, что в финской армии нет противотанковых орудий, все танки старой конструкции, как и авиация. Наконец-то финское правительство стало понимать, что армия нуждается в новой боевой технике и вооружении.

Серьезные осложнения в советско-финских отношениях начались после 23 августа, когда в Финляндии стало известно о секретном протоколе в приложении к советско-германскому договору о ненападении, где финская территория включалась в сферу влияния Советского Союза.

Маннергейма особо не удивила двойственная политика Германии. Личного мнения на политику и действия немцев он не высказывал и не считал нужным информировать подчиненных о своих взглядах на военно-политическое положение Европы и Финляндии. Он старался разобраться во внешней политике Советского Союза. Его интересовали образ мышления коммунистов, их взгляды и намерения. СССР выдвинул следующие предложения: передать Советскому Союзу часть территории на Карельском перешейке, отодвинув границу от Ленинграда на 70 километров;

сдать в аренду СССР полуостров Ханко и ряд островов в Финском заливе для военных баз;

заключить между СССР и Финляндией договор о ненападении;

передать Советскому Союзу в аренду территории на севере, примыкающие к Мурманску;

компенсировать Финляндии потерянную территорию за счет Карелии площадью вдвое большей, чем финская.

Фельдмаршал настойчиво советовал финскому руководству пойти навстречу предложениям Москвы о передаче Советскому Союзу демилитаризованных финляндских островов в Финском заливе, которые, по его словам, не имели особого значения для Финляндии, но зато были важны для безопасности Ленинграда и Кронштадта. Даже в вопросе главного противостояния в переговорах — советского требования о передаче в аренду полуострова Ханко для строительства там военной базы — Маннергейм искал компромисс. Он рекомендовал отдать СССР остров Юссаре у полуострова Ханко. Особые надежды он возлагал

на оборонительные союзы с северными странами, постоянно подчеркивая, что финны первыми остановили наступление большевизма, подразумевая в этом свои заслуги.

В сентябре 1939 года Сталин заявил, что, если Финляндия добровольно не согласится на обмен территориями, он применит военную силу. Проведение этой операции он поручил Ворошилову и Куусинену.

Когда фельдмаршал Маннергейм получил от своей разведки информацию о переброске советских войск к советско-финской границе, он предложил сосредоточить там все финские войска прикрытия, но поддержки правительства не получил.

1 сентября 1939 года агрессия Германии против Польши положила начало Второй мировой войне. 2 сентября Финляндия официально заявила о своем нейтралитете в связи с возникшим кризисом в Европе. Фельдмаршал Маннергейм поставил вопрос перед правительством о предоставлении ему таких полномочий, которые в мирное время осуществляются министром обороны и правительством в целом. Он потребовал провести новые крупные военные учения. Наконец 15 сентября правительство принимает решение о сосредоточении финских войск на Карельском перешейке. По мнению фельдмаршала, группировка должна быть максимальной. Переброска войск обязана проходить в кратчайшие сроки, ибо важен каждый час. Узнав о том, что 4–6 октября 1939 года началась концентрация советских войск на советско-финской границе, Маннергейм предлагает министру обороны Ниукканену провести частичную мобилизацию. Правительство одобряет предложение. Частичная мобилизация начинается. Президент Финляндии утверждает закон о защите республики, дающий широкие полномочия правительству. 9 октября фельдмаршал Маннергейм получает срочное сообщение, что два звена советских истребителей 45 минут на значительной высоте летали над Карельским перешейком, зенитная артиллерия финнов вела по ним огонь. С 10 октября началось размещение финских войск на Карельском перешейке, население которого эвакуируется в глубь страны. Офицеры и солдаты получили зимнее обмундирование и автоматы «Суоми». В стране введены карточки на хлеб и другие продукты питания. За талон «килограмм хлеба» можно было получить литр пива или 150 граммов кофе.

Министр иностранных дел Эркко угрожал премьер-министру, что он уйдет в отставку, если уступки Советскому Союзу будут продолжаться. Маннергейм, в свою очередь, заявлял, что, по его мнению, Финляндия в военном отношении не готова к тому, чтобы отказаться от политики уступок Советскому Союзу. 11

октября он направляет письмо министру обороны: «Учитывая современную обстановку и особо обращая внимание на преимущества, которые имеют уже отмобилизованные войска русских, движущиеся в направлении к границе Финляндии, надо безотлагательно приступить к мобилизации резервистов, маскируя это учебными сборами».

В четверг 11 октября Министерство обороны Финляндии отдает приказ о всеобщей мобилизации, а в Москве начинаются советско-финские переговоры. Через два дня издается декрет о всеобщей трудовой повинности всех граждан Финляндии от 18 до 60 лет. В своих выступлениях фельдмаршал Маннергейм прямо заявляет, что Эркко и Ниукканен скоро доведут Финляндию до войны с Россией, но его никто не слушает, считая болтливым стариком. Ответом Маннергейму было требование премьер-министра и министров обороны и иностранных дел отвергнуть все советские предложения. Маннергейм снова заявляет, что нельзя идти на конфронтацию с Советским Союзом, поскольку это может привести к тяжелой войне. Он ходил мрачнее тучи, к тому же фельдмаршала начали одолевать старые болезни. В кругу близких людей он говорил, что «не хочет бросать в бойню сражений моих молодых сограждан, которых я, председатель Союза защиты детей, сохранял от житейских бед».

19 октября 1939 года, когда пять звеньев советских самолетов вторглись на Карельский перешеек, фотографируя военные объекты, фельдмаршал вновь стал настаивать на уступках в ходе переговоров с русскими. В отличие от большинства членов правительства Маннергейм понимал, что Финляндия не располагает армией, которая обеспечила бы ей независимую внешнюю политику. 20 октября на совещании финского военно-политического руководства фельдмаршал вновь заявил, что надо согласиться с предложениями России. В противовес ему Паасикиви громко заявил: «Никаких уступок!»

21 и 22 октября представители парламента Финляндии совершили поездку на Карельский перешеек, где осмотрели укрепления и беседовали с офицерами и солдатами. В своем отчете они написали: «Настроение в войсках исключительно боевое… Финляндия готова к войне…» Через шесть дней, на заседании правительства, когда министр обороны заявил, что «война выгоднее, чем требования России», Маннергейм демонстративно покинул зал заседаний.

4 ноября 1939 года секретарь ЦК, одновременно первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданов был срочно вызван в Москву для принятия решения по «финляндской проблеме». СССР и Финляндия неумолимо

скатывались к войне. И в этих условиях 6 ноября фельдмаршал Маннергейм высказывает мнение, что финской армии нужен год, чтобы иметь какие-то шансы на успешный исход войны с русскими, и он не верит, что финская делегация на переговорах в Москве не имела достаточно полномочий, чтобы найти мирный выход из создавшегося тупика.

В субботу 25 ноября фельдмаршал Маннергейм начинает свою инспекционную поездку по укрепленным районам Карельского перешейка. В 16 часов по финскому времени ему докладывают о выстрелах, прогремевших у селения Майнила. (В информации, недавно полученной русскими историками, говорится, что новость относительно Майнилы пришла в Ленинград из Москвы, а не наоборот.) Данный инцидент был подготовлен в обстановке строгой секретности, и никаких письменных свидетельств не существовало. Фельдмаршал на пути к Выборгу получил полную информацию о том, что стреляли советские орудия. Он, как опытный дипломат, промолчал об этом, заявив журналистам, что «сообщение советского ТАСС требует дополнительной проверки, поскольку финские передовые батареи легкой артиллерии были расположены в 20 километрах от границы, а войска в то время находились на полковом богослужении под открытым небом».

В этот же день советское правительство вручило послу Финляндии в Москве жесткую ноту с требованием отвести финские войска на 20–25 километров от границы.

Маннергейм, получив от пограничников дневниковый журнал, где было записано, что выстрелы прозвучали с расстояния 2–2,5 километра со стороны России, понял, что положение критическое и требует осмотрительности при решении пограничного вопроса. Доклад о событии в районе Майнилы опять не был должным образом воспринят правительством, вновь прозвучали заявления, что войны с Советским Союзом не будет. Тогда фельдмаршал пишет президенту Каллио докладную записку: «Только 50 % наших самолетов могут подняться в воздух. У нас нет танковых войск. Мало средств противовоздушной и противотанковой обороны. Еще не решена проблема массового производства боеприпасов. Из 15 наших дивизий три не имеют вооружения, а одна — без артиллерии. В этих условиях вести войну невозможно. Прошу отправить меня в отставку, так как я не хочу участвовать в обмане народа Финляндии».

29 ноября 1939 года В. М. Молотов выступил по советскому радио с заявлением, что Советский Союз свободен от обязательств по пакту о ненападении… Правительство дало

распоряжение войскам Ленинградского военного округа дать решительный отпор агрессивной финской военщине.

Глава 14
СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА

В ночь на четверг 30 ноября 1939 года командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга К. А. Мерецков отдает приказ войскам в 8.30 утра (в 7.30 по финскому времени) перейти границу и разгромить финские войска. Приказ начинался со слов об обеспечении безопасности Ленинграда, а завершался сугубо политической целью — освобождением финского народа от гнета помещиков и капиталистов.

Красная армия после 30-минутной артподготовки начала наступление от Белого моря до Финского залива на фронте протяженностью 1610 километров. В боевые действия вступили огромные силы четырех армий, имеющих 28 пехотных дивизий, а впоследствии их стало 45.

Границу на Карельском перешейке перешла 7-я армия под командованием командарма 2-го ранга В. Ф. Яковлева. В ее составе было 18 стрелковых дивизий и пять танковых бригад — 450 тысяч человек, 1576 орудий, 1476 танков и 2446 самолетов. Насыщение танками армии было огромное, но они могли двигаться только по дорогам, так как кругом оказались труднопроходимые естественные и искусственные препятствия.

В 9 часов 15 минут по финскому времени первые три советских бомбардировщика СБ появились над Хельсинки, сбрасывая бомбы на аэродром Малми и пригород Тикурила. Часом позже эскадрилья капитана Ракова бомбила военную базу Сантахамина, восточнее Хельсинки.

В 9.20 фельдмаршал Маннергейм, завтракая с мужем своей племянницы в гостинице «Савой», услышал далекие взрывы бомб, а затем сигнал воздушной тревоги. Он тотчас сел в машину и отправился в Брюннспарк, где находилось Министерство обороны. Быстро поднялся в кабинет министра, — последний от неожиданности даже встал. Фельдмаршал с порога произнес: «Юхо, я явился, чтобы возложить на себя обязанности главнокомандующего, ведь началась война. Секретное указание об этом Пера Свинхувуда достань из сейфа».

Оформив свои дела в министерстве, Маннергейм приказал развернуть свою ставку на Илиопистонкату в гостинице «Хельсинки».

30 ноября в 13.30 президент Финляндии Кюэсти Каллио объявляет войну Советскому Союзу, а главнокомандующий

финской армией фельдмаршал Маннергейм отдает приказ № 1. В нем он говорит: «Доблестные финские солдаты, я приступаю к выполнению своих задач на этом посту в тот момент, когда наш вековой враг напал на нашу страну. Доверие к командованию есть первое условие военного успеха. Вы знаете меня, и я знаю вас, и я уверен, что каждый из вас готов выполнить свой долг ценою жизни. Эта война является не чем иным, как продолжением нашей освободительной войны, ее конечной фазы. Мы воюем за свой дом, веру и отчизну…»

Маннергейм, как вспоминают офицеры его окружения, был полон оптимизма и бодрости. В 15.50 по финскому времени стекла в гостинице «Хельсинки» начали звенеть от взрывов бомб в густонаселенном районе города между Техническим университетом и автобусной станцией. Эта бомбовая атака восьми ДБ-3 авиации Балтийского флота под командованием капитана А. М. Токарева была самой разрушительной из всех восьми налетов за время войны. Потери финской стороны составили 91 человек убитыми, 127 ранеными.

Маннергейм немедленно отправился в госпиталь Красного Креста, куда были доставлены первые жертвы бомбардировки. Затем он поехал в бюро Красного Креста, чтобы узнать, готов ли резерв из 3800 медицинских сестер, и был удовлетворен, что его указание выполнено.

В 20.00 в «секретном месте» — рабочем клубе в окрестностях Валлила — открылась сессия парламента Финляндии, на которой премьер-министр Аймо Каарло Каяндер зачитал заявление правительства. Затем правительство ушло в отставку, а парламент был эвакуирован за 300 километров от Хельсинки в Каухаёки.

Известие о бомбардировке мирного Хельсинки потрясло весь мир. Президент США Рузвельт немедленно направил протест советскому послу. На протесты других стран В. М. Молотов издевательски заявил, что советские самолеты сбрасывали мешки с хлебом для голодного населения Финляндии. Тем не менее шум, поднятый на Западе в связи с первой бомбардировкой столицы Финляндии, оказал воздействие на советское руководство. Маршал Ворошилов запретил бомбить мирное население.

Когда части 7-й советской армии перешли советско-финскую границу на реке Сестре, их встретили пустые окопы и завалы на дорогах. Довольно быстро войска вошли в поселок Оллила (Солнечное), но у поселка Куоккала (Репино) финские егеря подполковника Карху оказали упорное сопротивление, и только в 14.00 поселок был взят. Движение советских войск вдоль

железной дороги шло медленно из-за сильных контратак финнов. Полки, которые двигались по приморскому шоссе, попали под ураганный пулеметный огонь, который вела с колокольни храма Казанской иконы Божией Матери дочь настоятеля храма 19-летняя Анна. Он прекратился, когда колокольню сбил артиллерийский снаряд.

Только в 11 часов утра 1 декабря части 7-й армии при поддержке кораблей Балтийского флота полностью взяли пылающий пламенем город Териоки. В первой половине того же дня в Ленинграде на Кировском проспекте в квартире О. В. Куусинена состоялся дележ портфелей министров будущего правительства «Финляндской демократической республики». Окончив эту «операцию», новоявленные чиновники поехали в еще горящие Териоки, где разместились на бывшей даче Новикова. Здесь официально было объявлено о создании марионеточного правительства Финляндии во главе с Отто Вилле Куусиненом, с которым через два дня советская сторона заключила договор о дружбе и взаимной помощи. Создание этого «правительства», по мнению Маннергейма, таило в себе серьезную опасность для Финляндии, так как под угрозу ставилась государственная независимость страны.

Несмотря на свои 72 года, барон действовал быстро и энергично. Как в дни Первой мировой войны в Галиции, чувство депрессии покинуло его. При активном участии фельдмаршала было сформировано новое правительство. В предполье Карельского перешейка начались тяжелые кровопролитные бои. 3 декабря 1939 года газета «Правда» писала: «Белофинны все время практикуются воевать бандитскими способами. Они учатся стрелять с деревьев, рассыпаться небольшими группами, подкладывать мины…» Спустя 45 лет ей вторил генерал Е. Ф. Ивановский в своей книге «Атаку начинают танкисты»: «По методу борьбы финны — ни дать ни взять живодеры… Славные красные воины с финнами, которые не хотели выходить из окопов и сражаться в „честном бою“, поступали просто — обрабатывали огнеметами и давили танками…»

Финские офицеры успешно использовали в боях советы фельдмаршала о том, что Красная армия обучена операциям в составе крупных формирований и непригодна для столкновения человека с человеком, там не знают сложную тактику лесного боя. Кроме того, Маннергейм требовал от командиров частей предельной подвижности их подразделений, памятуя, что это дает возможность концентрировать в боях больше людей, чем это могла сделать Красная армия. От попыток бомбардировок Ленинграда Маннергейм тут же отказался, когда

немногочисленные финские «бленхеймы» попали под огонь 189-го зенитного артиллерийского полка, вооруженного пушками образца 1931 года.

Атаки советских войск на Карельском перешейке продолжались. Сначала вражеские позиции обрабатывались артиллерией, затем выдвигались танки и пехота.

Несмотря на четкие указания фельдмаршала и его штаба, войска 5-й полевой армии и Аландской армейской группы в боях с незначительными силами финнов свели на нет возможность длительного ведения сдерживающих боев перед главной полосой укреплений. Финские солдаты отошли к линии Маннергейма. Фельдмаршал не любил, когда 140-километровую систему обороны на Карельском перешейке с укрепрайонами называли его именем. Эта линия, говорил главнокомандующий, держалась благодаря выдержке и героизму воинов, а не за счет прочности укреплений.

Как же оценивали действия фельдмаршала уцелевшие в репрессиях военачальники Красной армии?

Ворошилов и Буденный помнили Маннергейма как знатока лошадей и хорошего наездника, но его боевой опыт трех войн ими в расчет не принимался. Буденный, например, называл финского главнокомандующего «белым генералишком, марионеткой империализма».

Однако нашелся среди армейской элиты человек, который лучше, чем кто-либо из правящей верхушки страны, знал фельдмаршала Маннергейма и его полководческий талант. Это был начальник Генерального штаба Красной армии и заместитель наркома обороны СССР маршал Борис Михайлович Шапошников. Еще в 1919 году, недавно снявший мундир полковника царской армии и надевший гимнастерку краскома полевого штаба РВСР Борис Шапошников заявил всесильному Льву Троцкому, что «мы должны благодарить Колчака за то, что Маннергейм не участвовал вместе с Юденичем в походе на Петроград».

Теперь же маршал Шапошников предупреждал, что оперативные планы финнов Генштабу Красной армии мало известны, есть только отрывочные данные о бетонных полосах укреплений на Карельском перешейке. А в это время в подвале штаба Ленинградского военного округа лежали покрытые пылью «черные альбомы» «врага народа», начальника лучшего в Красной армии разведотдела Гродиса с подробным описанием «линии Маннергейма» и даже с характеристиками всех финских генералов с их увлечениями и заслугами.

Результаты первых боев тщательно анализировались Маннергеймом. Фельдмаршал тактично напоминал своему

начальнику Генштаба, что тот, зная оперативные планы русских, упустил возможность нанести им ощутимые удары, что не обращает внимание на то, что у солдат вызывают панику огромные массы советских танков. Барон отдает приказ о создании в каждой роте группы борьбы с танками, снабженной бутылками с зажигательной смесью, которая впоследствии была названа «коктейль Молотова».

Предполье и все дороги Карельского перешейка были минированы и перекрыты противотанковыми заграждениями.

Нарком обороны Ворошилов и начальник Генштаба Шапошников, оценив боевую обстановку, заявили: «Мы не можем долго болтаться в Финляндии, двигаясь по 4–5 километров в сутки. Нужно поскорее кончать дело решительным наступлением войск…»

В своей новой ставке в Миккели, куда ее перенесли 2 декабря из Хельсинки, фельдмаршал Маннергейм, в свою очередь, сделал вывод, что «обстановка на фронте далеко не утешительна для Финляндии и, несмотря на то, что мы имеем секретный русский приказ и знаем направления их главных ударов, генералы уклоняются от сражений». Чтобы выяснить обстановку на месте, главнокомандующий выезжает в Иматру, строго отчитывает командование Карельской армии и переводит командира 4-го армейского корпуса на другую должность.

Ежедневно получая оперативные сводки, Ворошилов ругался и требовал от командующего 7-й армией командарма 2-го ранга Яковлева решительных действий и вопреки его протестам приказал во вторник 5 декабря 1939 года начать наступление на основную линию финских укреплений. С первого дня бои приобрели затяжной характер. Войска атаковали густыми массами под бешеным огнем финнов, пулеметы которых перегревались, а красноармейцы все лезли и лезли по горам трупов. Красная армия несла большие потери. Неудачи русских вдохновляли финнов на более активные действия. Командир 2-го финского армейского корпуса просит у Маннергейма разрешение контратаковать русских, но тот не выделяет резервов.

Неожиданно финская оперативная сводка сообщила, что русские захватили остров Суурсаари (Гогланд). Из доклада начальника штаба краснознаменного Балтийского флота контр-адмирала Пантелеева от 10 декабря 1939 года: «Первого декабря во время разведоперации противник на острове обнаружен не был… Однако средние бомбардировщики сбросили на остров 44 668 килограммов бомб, во многих местах были видны пожары… 3 декабря, при поддержке корабельной артиллерии началась высадка на остров двух групп десанта, которые не

встретили сопротивления противника. На острове были обнаружены следы мелкокалиберного зенитного автомата в районе бухты Сууркюля…»[8]

В целом же наступление Красной армии захлебнулось. После этого Ворошилов произвел перестановку командных кадров. Яковлева заменил Мерецков, лишились своих постов командующие 8-й и 9-й армиями.

Маннергейма очень волновало положение в районе Ладожского озера и в Северной Карелии. Он еще в августе 1939 года считал, что противник в этом районе может нанести удар, но министр обороны с ним не согласился. Теперь же Красная армия, использовав «рабов сталинских лагерей», сосредоточила здесь в практически непроходимой местности огромные силы двух армий, 8-й и 9-й. Они начали операцию по выходу в тыл «линии Маннергейма» на Карельском перешейке и двинулись по направлению к Ботническому заливу, пытаясь разрезать Финляндию в ее самом узком месте.

«Талисман успеха» Маннергейма, начальник оперативного отдела Ставки полковник Аксель Айро, детально оценив ситуацию, сказал: «Ничего страшного не случилось». Были быстро разработаны тактика и стратегия сражений на востоке, в которых использован боевой опыт Маннергейма в Русско-японскую и Первую мировую войны.

Результат боевых действий частей финской армии под командованием Сийласво, Талвела и Паяри превзошел все ожидания. Финны разгромили пять хорошо вооруженных дивизий Красной армии, взяли огромные трофеи и тысячи пленных. Главная ставка финской армии получила большое число советских секретных документов, для работы с которыми даже не хватало переводчиков. Разведывательный сектор иностранного отдела Ставки установил, что части Красной армии постоянно нарушают требования скрытого управления, передавая оперативную информацию по телефону. Это позволило создать надежную систему прослушивания. Вплоть до последних дней войны советские войска сражались вслепую, а финны ежедневно были хорошо осведомлены об их действиях. Это была личная заслуга фельдмаршала, который вспомнил, как в дни Первой мировой войны на Юго-Западном фронте немцы, прослушав его телефонные разговоры с командиром корпуса, нанесли упредительный удар.

Сразу после разгрома пяти дивизий Красной армии и гибели в «китель-мешке» двух советских стрелковых дивизий с танковой бригадой приобретенный боевой опыт Маннергейм приказал использовать на других участках Восточного фронта, что

позволило здесь стабилизировать ситуацию вплоть до конца войны.

Фельдмаршал обычно скудно награждал своих офицеров и не любил повышать их в воинских званиях. Однако после победных боев на Восточном фронте он изменился. Первым звание генерал-майора получил 42-летний полковник Пааво Талвела. Еще в 1918 году в дни Национально-освободительной войны Маннергейм заметил бесстрашного и волевого юношу, которого назвал своим приемным сыном. Вторым генерал-майором стал полковник Аксель Айро, который на гневные вопросы фельдмаршала, «кто из нас двоих, в конце концов, руководит», невозмутимо отвечал: «Господин фельдмаршал руководит войной, а я военными действиями».

Звание полковника, первым из трех в дни войны, получил подполковник Ааро Олави Паяри, которого финны знали по событиям 1933 года, когда его солдаты срывали красные флаги в Тампере. В будущем Паяри стал одним из четырех героев двух войн Финляндии.

Он был любимцем своих солдат, каждый из которых выполнял у него функции целого взвода. Все они владели скоростным движением на лыжах «оленьим аллюром» без палок, отстреливались, не прекращая движения, держа автомат «Суоми» под мышкой. Широко использовали «кочующее орудие», прекрасно маскируя его. Быстро осваивали и применяли трофейное стрелковое и противотанковое оружие. Каждый солдат был готов стать стрелком-смертником, прикрывая отход своего взвода или роты.

Не ввязываясь во встречные бои, сражаясь полупартизанскими методами, стрелковый полк Паяри в течение нескольких недель разгромил шесть стрелковых полков, два артиллерийских, один гаубичный полк и бронебатальон Красной армии.

14 декабря 1939 года Советский Союз исключают из Лиги Наций, а на другой день министр иностранных дел Финляндии Вяйнё Таннер по радио на трех языках обращается к Молотову с предложением окончить войну и приступить к переговорам. Москва отвечает молчанием. Назревает международный конфликт, и в это время советские представители заявляют, что СССР оказывает помощь законному правительству, избранному трудовым народом. Советские газеты писали: «Мы не ведем войны с Финляндией… Финляндский вопрос не существует». 4 декабря 1939 года «Правда» в статье «Палач финского народа» открывает характеристику Маннергейма следующими словами: «Царский генерал, шведский барон, финский помещик. До 17-го

года служил двум царям — Александру III и Николаю II…» Через два дня «палач» утверждает распоряжение об отправке убитых финских солдат и офицеров в селения и города Финляндии по месту их призыва с оказанием соответствующих почестей. В то время как А. Жданов, в тайне считавший себя аристократом (его отец был потомственным дворянином и статским советником), запретил извещать родственников убитых бойцов и командиров Красной армии о их гибели, создавая видимость их существования денежными переводами и лжеответами на письма.

На рассвете 17 декабря 1939 года Красная армия провела мощную артиллерийскую подготовку на участке между деревней Суммой и железной дорогой. В 10 часов началась атака. Маннергейм внимательно следил вместе с командующим армией за ходом сражения, и когда советская пехотная дивизия при поддержке танков и авиации прорвала финскую оборону, оставив на поле боя 25 танков, фельдмаршал за счет резервов отбросил противника, восстановив обстановку.

Два дня, днем и ночью, советская артиллерия вела огонь по финским позициям, сделав вторник 19 декабря «жарким днем». С раннего утра в бой были брошены шесть советских дивизий с танками и самолетами. Яростные танковые атаки следовали одна за другой. И вот 50 машин прорвались через финские позиции. Но, когда половина из них была уничтожена, включая опытный тяжелый танк «Клим Ворошилов», им пришлось вернуться на свои рубежи. Несмотря на то что все атаки советских войск были отбиты и перед финской линией обороны «застыли» 58 танков, сражение продолжалось. Командир одной из советских танковых бригад, перебежавший к финнам, на допросе показал, что он сдался в плен потому, что испугался ответственности за потерянные бронемашины и военного трибунала. Общее количество советских танков, уничтоженных финнами на Карельском перешейке, достигло к этому времени 239.

Маннергейм, оценивая эту операцию Красной армии, писал: «Артиллерия снарядов не жалела, но огонь был плохо подготовлен и не координирован с наступлением пехоты и танков. Иногда взаимодействие могло принимать самую странную форму. Бывало так, что танки выдвинутся вперед, отстреляются и вернутся на исходные позиции прежде, чем пехота вообще вступит в дело. Такие элементарные ошибки, разумеется, дорого обходились Красной армии…»

В этой обстановке, зная, что советские дивизии крайне измотаны, командующий армией «Карельский перешеек» просит Маннергейма, учитывая временную слабость русских, начать контрнаступление. Фельдмаршал внимательно выслушал

генерала и, не отвергая его предложения, сказал, что разумно пока подождать, удобный момент еще не наступил.

Оценив вместе с генералом Айро сражение в районе Суммы, Маннергейм включает в состав армии «Карельский перешеек» 6-ю резервную дивизию и отдает приказ о наступлении.

Оно началось в 6.30 утра 29 декабря 1939 года. Быстро была захвачена первая полоса обороны советских войск. Однако по мере продвижения в глубь боевых порядков противника наступление приостановилось. По докладам командиров дивизий фельдмаршалу стало ясно, что оно плохо подготовлено, нет хорошей связи, разведка не знает, где сосредоточены советские части, противотанковые орудия не поспевают за пехотой.

В 14.30, после неприятного разговора с генерал-лейтенантом Хуго Эстерманом, возмущенный Маннергейм отдает приказ о прекращении наступления. При отходе финских частей на свои старые позиции части Красной армии не контратаковали их. Видимо, неожиданная активность финнов произвела определенное воздействие.

На фронте наступило относительное затишье под музыку постоянных артобстрелов и воздушных боев. Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа ежедневно начала повторять фразу: «На фронте ничего существенного не произошло».

21 декабря 1939 года Советский Союз праздновал 60-летие Иосифа Сталина, который негодовал по поводу неудач Красной армии на Карельском перешейке, постоянно заявляя, что если мы надолго застрянем перед таким слабым противником, как Финляндия, то будем только стимулировать антисоветские усилия империалистических кругов. 23 декабря Сталин получает поздравительную телеграмму Адольфа Гитлера, в которой тот желает «счастливого будущего народу дружественного Советского Союза».

В своих письмах к русским друзьям за границей Маннергейм говорил: «Время, которое я сейчас переживаю, не только историческое, но и критическое в том смысле, что от исхода войны зависит не только судьба моей родины, но и всего цивилизованного мира… Время, конечно, тяжелое, но духом я не падаю. Надеюсь будет лучше… В этой кровавой войне для меня русский человек одно, а большевики с их политруками — совершенно иное…»

Фельдмаршал Маннергейм считал, что сейчас, во время войны, необходимо принимать любую помощь добровольцами и материалами.

Говоря о немецких добровольцах, он считал, что надо

удостовериться, не сторонники ли они нацистской системы.

В середине декабря председатель Русского национального союза генерал-майор Туркул попросил Маннергейма разрешить ему приехать в Финляндию для формирования русских частей из пленных красноармейцев. Маннергейм ему ответил: «Формирование особых частей из пленных по различным соображениям в настоящее время не предвидится».

Правда, он после встречи с бывшим секретарем Сталина Борисом Бажановым свое мнение изменил. Фельдмаршал одобрил план создания «Русских народных отрядов» из пленных красноармейцев, которые можно будет развернуть в «Русскую народную армию». Он разрешил Бажанову встречи с пленными красноармейцами, но пленные командиры от встреч отказались. На командные должности в отряды пришлось приглашать белых офицеров-эмигрантов. Формирование отрядов затянулось почти на два месяца, только около 40 человек были отправлены на фронт.

Подводя итоги боевых действий за декабрь 1939 года, фельдмаршал Маннергейм писал: «Атаки противника можно было сравнить с плохо управляемым оркестром, инструменты которого играют по разным нотам. Противник бросал на наши позиции одну дивизию за другой, однако взаимодействие между родами войск оставляло желать лучшего…»

Его дополнял генерал-майор Х. Эквист: «Массы легких танков, вводившихся в бой русскими, не производили какого-либо впечатления на нашу оборону, их пропускали в глубину. Погоня за ними превратилась в спорт…» Маннергейма всегда интересовали люди в армии противника, а русские особенно. Ведь ими он командовал много лет. О красноармейцах он говорил: «Русский пехотинец храбрый, стойкий и малоприхотливый, а русский командный состав — это люди смелые, с самообладанием…»

Постоянно читая английские газеты, фельдмаршал выделил статью в «Таймс», где было интересное высказывание о войне: «Финские пчелы жалили русского медведя, который громко ревел и рычал, рыл лапами землю, ломал окрестные кусты, но поймать своих врагов не мог и, чтобы укрыться, спрятался в своей берлоге. Но вскоре раненый, но далеко не исчерпавший свои силы генерал Топтыгин вновь ринулся в бой».

Начало января 1940 года ознаменовалось тем, что Кремль взял бразды правления в свои руки. 7 января Главный военный совет Красной армии принимает решение создать Северо-Западный фронт, непосредственно подчиненный наркому обороны К. Е. Ворошилову. Командовать им был назначен

командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко, бывший кавалерист, который на высокие командные посты поднялся во время оккупации Западной Украины. Численность войск была удвоена. Изменились тактика и планы. Постоянно подходили свежие резервы. Страшными днями для всего командного состава Красной армии стали 11 и 12 января 1940 года. В эти дни по приказу Ставки Главного военного совета за безынициативность, растерянность и трусость были расстреляны шесть старших офицеров — от командира дивизии до комиссара полка. Снижены в звании до полковника один командир корпуса и четыре командира дивизии[9].

Время работало против финнов. Их силы таяли, помощь из-за рубежа была недостаточной. Красная армия с потерями не считалась. Все это вело к неизбежному падению «линии Маннергейма». Пока военные успехи Красной армии были незначительными, Москва — по соображениям престижа — не могла согласиться на мирные переговоры. В начале января Таннер установил в Стокгольме контакты с послом СССР в Швеции Александрой Михайловной Коллонтай, которая в конце января сообщила ему, что Советский Союз в принципе не возражает против заключения договора. Густав Маннергейм оптимистически оценивал обстановку в Финляндии и считал, что не надо спешить с миром. По его мнению, если Франция захочет помочь Финляндии войсками, то они должны высадиться в Архангельске, чтобы Германия не имела причин для вмешательства.

Фельдмаршал, ранее запретивший принимать русских, живущих в Финляндии, в армию, отменил свое решение, приказав начать их мобилизацию. В письмах своим друзьям во Францию он писал: «Я с интересом слежу за всем тем, что касается русских, здесь, в Финляндии…»

Оценивая действия финской авиации и видя явное преимущество в воздушных боях советских истребителей, Маннергейм запретил участвовать в них своим «фоккерам». Было приказано командующему авиацией сосредоточиться на борьбе с русскими самолетами — разведчиками и бомбардировщиками.

6 января 1940 года пара финских истребителей одержала самую впечатляющую победу в дни войны — сбила семь советских бомбардировщиков ДБ-3, которые шли без сопровождения. Эти единичные успехи финнов не могли привести к изменению боевой ситуации. Массированные налеты советских бомбардировщиков продолжались. Больше всех пострадал от советских бомб Выборг. Его бомбили 64 раза, обрушив на город 4700 бомб. Советские летчики здесь, в небе Финляндии,

практически выполняли кровожадное желание Сталина: «Побольше бомб надо давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города…» Хотя были и другие факты. Ставка Главного военного совета в своей директиве от 18 января 1940 года № 01 199 пишет командующему 8-й армией: «…совершенно непонятно бездействие вашей авиации. Несмотря на слабую финскую авиацию, вся авиация армии занимается лишь сбрасыванием продуктов и прикрытием сбрасывающих самолетов…»[10]

26 января 1940 года в Главной ставке в Миккели состоялась встреча премьер-министра Ристо Рюти с Маннергеймом, который, как и прежде, был оптимистом, о чем говорила его фраза: «Времена тяжелые, но духом я не падаю. Надеюсь, будет лучше…» «Мир надо заключать, — говорил фельдмаршал, — когда время будет благоприятным для принятия умеренных условий, если получим с Запада тяжелые орудия и положение с добровольцами исправится…» Рюти рассказал барону, что в Амстердаме неизвестный поднял финский флаг на мачте советского турбоэлектрохода «Иосиф Сталин», и о том, что лауреат Нобелевской премии 1937 года венгерский врач профессор Сент-Георги передал свою золотую медаль в фонд помощи Финляндии. Маннергейм показал премьер-министру полученное им обращение русских писателей-эмигрантов во главе с Иваном Буниным и письмо великого князя Владимира, в которых они осуждали советскую агрессию.

Генерал Айро доложил фельдмаршалу о глубокой блестящей разведке финской диверсионной группы, которая без потерь прошла по советским тылам до поселка Райвола.

Маннергейм считал, что вмешательство западных стран в дела Финляндии чревато нежелательными результатами. Под видом оказания помощи Лондон и Париж превратят Советско-финскую войну в объединенный поход стран Запада против СССР. В этом случае Финляндия и Советский Союз окажутся втянутыми во Вторую мировую войну. Он считал, что, если западные страны «подбросят» Финляндии 20 тысяч человек, этого будет достаточно, чтобы продержаться до весны, а там видно будет.

Фельдмаршал начал сомневаться в поведении Германии, боясь, что в военном отношении она вскоре поддержит Советский Союз, и успокоился только тогда, когда немцы официально сообщили финнам, что их операция будет направлена против Дании и Норвегии. По просьбе фельдмаршала президент Кюэсти Каллио увеличил денежное содержание солдат и офицеров.

1 февраля 1940 года на всех участках фронта, которые занимал 2-й армейский финский корпус, началось советское

наступление. Главный удар был направлен на участок Сумма. После мощной артподготовки удар нанесли 500 советских бомбардировщиков. В бой, как обычно, вступили массы танков, и под прикрытием дым завесы в атаку пошла пехота.

Однако продвижение советских войск было не столь «блестящим», о чем свидетельствует приказ командующего 9-й армией командиру особого стрелкового корпуса: «…почему целые роты убегают с поля боя, передавая в руки противника блиндажи? Почему отдельные танки без пехоты посылаются в бой в лесу для очистки района, захваченного противником?..»[11]

Финны не дрогнули, отбив все атаки. Вспоминая это сражение, Маннергейм говорил: «Наши потери были огромны. Мы не всегда могли сдерживать вклинивающиеся в наши позиции русские танки и пехоту…»

Но это было только начало. Главное наступление началось 6 февраля, когда фронт Красной армии расширился на запад и восток. Советские командиры не жалели ни танков, ни солдат. Потери были огромные.

Соединения финской армии оборонялись на пределе человеческих возможностей. Бойцы из резервов, которые Маннергейм перебрасывал с участка на участок, тоже не отдыхали.

Наступление Красной армии на Карельском перешейке (1939–1940 годы).

10 февраля 1940 года закончился первый период Советско-финской войны, о котором фельдмаршал писал: «Положение во

многих отношениях сложилось иначе, чем можно было ожидать. Финская армия записала в свой актив успехи, каковыми явились бои у Толваярви и Суомуссальми, где удалось нанести поражение противнику. Да и на других участках фронта наступление русских было отражено».

В Миккели состоялась еще одна встреча Маннергейма с финскими государственными деятелями, вновь шел разговор о мире, причем фельдмаршал был не особо категоричен.

Генерал-лейтенант Хуго Эстерман доложил Маннергейму, что русские начали проявлять особый интерес к району Тайпале, где непрерывно шли аэрофотосъемка и ожесточенные обстрелы, больше чем на других участках фронта. «Наши ожидания очень тягостны, — дополнил генерал. — Непрерывный огонь русских вызывает у солдат физическое и моральное истощение… Все наши перевозки идут только ночью».

В воскресенье 11 февраля 1940 года в одиннадцать утра в районе Ляхде началось генеральное наступление Красной армии. Два часа двадцать минут огневой вал буквально перепахивал все финские укрытия, блиндажи и траншеи. Понеся огромные потери, финны не смогли остановить советские танки и пехоту, которая в 21.00 ворвалась на их позиции. Первый эшелон наступающих вклинился в финскую оборону на глубину одного километра. Бои шли с переменным успехом. Но равновесие восстановить не удалось.

13 февраля Красная армия, подтянув свежие силы, начала атаки на участке Ляхде. В этом сражении финны стали использовать свою новую тактику. Они фиксировали паузу в стрельбе советской артиллерии и, когда видели, что вражеская пехота подошла на дистанцию примерно 100 метров, открывали губительный огонь из стрелкового оружия. Советская артиллерия не могла переносить огонь на передний край, чтобы не поразить своих солдат. Отразив две атаки, финны не смогли сдержать советские танки, которые прошли через финские позиции, выйдя к развилке Ляхде. Положение финнов стало критическим. В течение всего дня советские войска расширяли участок прорыва под прикрытием своей авиации.

В ночь на 14 февраля 1940 года, чтобы быть рядом с местом сражения, фельдмаршал Маннергейм приехал на командный пункт 2-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Эквиста, который располагался в усадьбе Саарепа к востоку от Выборга. Командующий армией «Карельский перешеек» тоже был там. Из доклада командующего Маннергейм понял, что 2-й корпус не имел достаточно сил, чтобы ликвидировать прорыв русских на участке Ляхде.

К утру 14 февраля Красная армия овладела всеми финскими тыловыми позициями на данном участке, но дальше не продвинулась.

Это дало возможность частям финской армии перегруппироваться и отойти на новые позиции. Вогнутая дуга фронта поставила под угрозу финскую оборону всего западного участка Карельского перешейка. Возвращаясь в Миккели, Маннергейм лихорадочно думал, где взять дополнительные силы. Из состава войск Восточного фронта вряд ли можно было выделить какие-то части. Единственным соединением, которое можно было перебросить сюда, была 23-я пехотная дивизия.

Утром 15 февраля советские войска нанесли мощный удар по финским позициям, прикрывающим дорогу на Кямяря, и к вечеру прорвали их. Видя, что на главной оборонительной полосе больше держаться нельзя, так как можно попасть в окружение, Маннергейм приказывает Эстерману отвести войска на промежуточный оборонительный рубеж. Фельдмаршал обратился к офицерам со словами: «Прошу вас, господа, сделайте все от вас зависящее во имя будущего нашей Родины».

В Хельсинки по указанию Маннергейма открылась большая выставка советских трофеев, все сборы от которой, составившие 60 тысяч марок, были направлены семьям погибших воинов.

В Женеве с большим докладом об отце выступила дочь фельдмаршала Софья Маннергейм, которая закончила свое выступление словами: «Война в Финляндии и мой отец имеют во всем мире бурный и заслуженный успех».

Утром в воскресенье 18 февраля 1940 года в небе Выборга появилась первая волна советских бомбардировщиков. Первая из двухсот, побывавших здесь за эти сутки. Скоро пламя пожаров и едкий дым окутали старинный город, который превратился в руины. Последние жители покинули родные дома. Командир пожарных частей города доложил в Ставку: «Ущерб неизмеримо велик, погибли все исторические дома… Одна крепость гордо возвышается над скелетами былых зданий…»

В этот же день дивизии советских войск вошли в соприкосновение с позициями финнов и, почти без артподготовки, тесными массами ринулись в атаку. Танки, забыв о пехоте, двинулись вперед, проскакивая через узкие финские траншеи, получая вслед бутылки с зажигательной смесью. Поле сражения превратилось в кладбище горящей техники.

После того как генерал-лейтенант Эстерман попросил отправить его в отпуск в связи с болезнью, Маннергейм назначает на его место волевого и хладнокровного офицера, командира 3-го армейского корпуса Акселя Эрика Хейнрикса, ставшего генерал-

лейтенантом. Фельдмаршал считал, что с новым командующим солдаты будут связывать надежды на успех, полагая, что лишь ошибки предшественника заставили их отступать со своих укрепленных позиций.

Главнокомандующий предельно сужает задачи 2-го армейского корпуса — только оборона Выборга и прилегающей к нему местности.

Место Хейнрикса занял генерал-майор Талвела, а его должность перешла полковнику Паяри. Первый армейский корпус финской армии возглавил генерал-майор Лаатикайнен.

В Европе начинает шириться движение помощи Финляндии добровольцами, их количество возросло до 11 500 человек. 8000 из них приехали из Швеции, 800 — из Дании, 750 — из Норвегии и 5000 — из Венгрии. В иностранном легионе «Сису» были представители 26 национальностей.

22 февраля, уничтожив орудия, финский гарнизон Койвисто под покровом снежной вьюги совершил 40-километровый переход, успешно миновав фланги советских войск.

С тяжелым чувством фельдмаршал Маннергейм приказывает Хейнриксу отвести 2-й армейский корпус с позиций, которые он занимал более двух месяцев.

Чтобы защитить Выборг, Маннергейм снимает часть войск из Лапландии, отправив туда шведов. Несмотря на то что на севере Ладоги шли бои, фельдмаршал приказывает командиру 4-го армейского корпуса направить один батальон в район Выборгского залива.

25 февраля командир 2-го армейского корпуса генерал-лейтенант Эквист со своим штабом переходит в скальный тоннель Раутакорпи военного лагеря Папосипта.

26 февраля после неудачной финской контратаки, когда состоялся первый и единственный бой финских и советских танков, финским войскам пришлось отойти на оборонительный рубеж в районе Выборга. Усиление группировки финских войск по приказу главнокомандующего до 120 тысяч человек ничего не дало. Что она могла сделать против полумиллионной вооруженной до зубов Красной армии? «Личными наблюдениями, — пишет командующий войсками Северо-Западного фронта командарм 1-го ранга Тимошенко 27 февраля 1940 года, — я установил, что командиры корпусов и дивизий не проявляют должной твердости и настойчивости в выполнении поставленных им задач, успокаиваются на небольшом продвижении частей и изо дня в день недовыполняют своих дневных задач… Очень часто в самые кризисные моменты операции… раздаются жалобы на усталость войск, на потери, на

трудности выполнения задачи…»[12]

28 февраля состоялось заседание Государственного совета Финляндии, на котором министр иностранных дел Вяйнё Таннер предложил согласиться с требованиями Советского Союза, срок ответа на которые истекал 1 марта 1940 года. Однако члены Госсовета захотели сначала выслушать мнение фельдмаршала Маннергейма о положении дел на фронте.

Свое выступление главнокомандующий начал фразой: «Хотелось бы верить, что приближается конец войны и лучшие времена, хотя этого пока не видно…» Главной в выступлении Маннергейма была мысль, что продолжение войны бессмысленно. Финское правительство принимает решение начать с Советским Союзом переговоры на основе поставленных им условий.

28 февраля 1940 года над Руоколахти произошел самый крупный за дни войны воздушный бой, в котором участвовали 15 финских и 36 советских самолетов. Семь финских самолетов были сбиты. В этот же день финский спорт потерял в районе Тайпале чемпиона Олимпийских игр марафонца Марти Мартелина. Он был убит в бою.

Северо-Западный фронт получил приказ разгромить финские войска в районе Выборга. Началось наступление Красной армии, но финны стойко сопротивлялись. Их оборона была очень активна, и это говорит о том, что отступление не ослабило их решимости.

Маннергейм считал, что негативной стороной финского отступления было то, что русские получили возможность угрожать финским коммуникациям через льды Выборгского залива, где нельзя было расположить достаточное количество войск. Кроме того, сильные морозы сделали лед крепким, превратив его в магистраль для советских танков.

Вновь Маннергейм встречается с правительством. На этот раз он прямо заявил, что положение чрезвычайно серьезное: фронт без резервов вот-вот рухнет, но дипломатично обошел вопрос о московских мирных условиях. В этот же день в частной беседе с премьер-министром фельдмаршал посоветовал ему на любых русских условиях кончать войну, ибо дальше бороться финскому народу с гигантской армией Сталина не под силу.

Тогда же Маннергейм получил конфиденциальную информацию о том, что шведский дипломат С. Хедин 4 марта встречался с Гитлером, который заявил, что требования Сталина по отношению к Финляндии были умеренными и вполне естественными, когда речь идет о территориях, которые прежде принадлежали русским, да и то не обо всех. Судьба Финляндии теперь решена, и в этом она должна винить только себя.

2 марта 138-я советская пехотная дивизия вышла к южной окраине Выборга, но в город войти не смогла. Об этом Маннергейм говорил: «Наша тыловая линия была довольно удачной, а Выборг со своими древними крепостными рвами и фортификационными сооружениями был хорошим опорным пунктом». Фельдмаршала мало беспокоило то, что финские войска не имели опыта боев в крупных населенных пунктах, его волновало только одно: сможет ли армия «Карельский перешеек», измотанная боями, остановиться и закрепиться на третьей линии обороны.

Части Красной армии, стремясь перерезать коммуникации финнов, ведущие к Выборгу, вошли в огневое соприкосновение с финнами, закрепившимися на третьей линии обороны. В районе Выборгского залива финны оказались в критическом положении. Маннергейм бросает к побережью все свои резервы. Создается оперативная группа войск «Ха-мина», подчиненная непосредственно главнокомандующему. В воздух поднимается вся финская авиация, которая ведет обстрел советских войск, двигавшихся по льду Выборгского залива. Несмотря на все эти меры, оборона побережья была организована плохо, в результате чего на участке Виланиэми советская пехота при поддержке танков прорвала оборону финнов и в четверг 7 марта вышла на шоссе Выборг — Сяккиярви, перерезав финскую береговую оборону надвое.

Маннергейм приказывает срочно перестроить финскую береговую оборону.

В Москву направляется финская правительственная делегация во главе с премьер-министром Ристо Рюти.

Командующий армией «Карельский перешеек» генерал-лейтенант Хейнрикс докладывает Маннергейму: «Боеспособность армии падает. Снарядов осталось на три недели. Фронт может продержаться в лучшем случае еще неделю».

Движение советских войск замедлилось, а на Восточном фронте вообще прекратилось. Сказывались самоотверженная стойкость финнов и большая усталость красноармейцев.

7 марта советские войска, расширяя свой прибрежный плацдарм, вышли к шоссе Выборг — Хамина. Узнав об этом, Маннергейм докладывает правительству: «Положение тяжелое. Новые войска перебрасываются через Выборгский залив. Мы не можем отбросить их назад. Это последняя наша линия. Надо скорее заключать мир, не дожидаясь прорыва последней линии нашего фронта, и пока наша армия не разбита и есть угроза интервенции — это наш козырь. Нужно срочно заключать мир».

11 марта 1940 года советские войска прорвались на шоссе

Выборг — Хельсинки. Части 34-го советского стрелкового корпуса заняли значительную часть Выборга, но финны продолжали удерживать его северную и северо-западную части, а также район у разрушенного вокзала.

Во вторник 17 марта 1940 года в 22 часа в Москве были подписаны мирный договор с Финляндией и протокол к нему. Финляндия лишилась Выборга, Кексгольма и Сортавалы и более 10 % сельхозугодий, в глубь страны было эвакуировано 440 тысяч человек.

Вечером 12 марта командарм 1-го ранга Тимошенко, при поддержке А. Жданова, просит разрешение у Сталина в шесть утра 13 марта начать штурм Выборга, чтобы «финны запомнили это надолго». Сталин покрыл его матом, разрешение дал. Несмотря на огромное превосходство в силах, Красная армия, потеряв 862 бойца, Выборг не взяла. Ровно в 12 часов финские части начали отход. Стороны прекратили огонь. В 16.40 флаг Финляндии был спущен с флагштока Выборгского замка.

Днем лживая оперсводка штаба Ленинградского военного округа сообщила: «К семи утра 13 марта наши войска в ходе двухчасового штурма заняли город Выборг».

14 марта 1940 года фельдмаршал Маннергейм подписывает приказ № 34, в котором говорится: «Солдаты доблестной финской армии! Между нашей страной и Советской Россией заключен мир, тяжелый мир, по которому Советской России передаются почти все поля сражений, на которых вы проливали свою кровь, защищая то, что мы все расцениваем как самое дорогое и ценное…

Свыше 15 000 из вас, оставивших свои поля, больше никогда не увидят своих домов, а сколько еще людей навсегда потеряли способность к труду…

Солдаты! Я сражался на многих полях сражений, но не видел еще солдат, сравнимых с вами. Я горжусь вами, как гордятся собственными детьми…»

Всех похвалил старый фельдмаршал, для всех нашел теплые и проникновенные слова.

Небольшой и бедной вооружением финской армии удалось устоять против одной из самых многомиллионных армий мира, в избытке снабженной современной техникой, и нанести ей огромный урон.

Хотя война для финнов окончилась большими потерями — 23 тысячи павших в боях и пропавших без вести, они могли быть гораздо больше, если бы не бережное отношение фельдмаршала Маннергейма к своей армии. Он спланировал боевые действия так, чтобы потери в живой силе были наименьшими.

Комментируя течение и исход Советско-финской войны, Маннергейм писал, что русский «пехотинец — массовый боец, который вдалеке от командования и без связи со своими товарищами не способен действовать самостоятельно… Пехоте была свойственна поразительная фатальная покорность… Хотя политический террор играет здесь свою роль, объяснение, по-видимому, следует искать в непредставляемой для европейца способности обыкновенного русского человека переносить страдания и лишения с тем фатализмом, который оказывал и все еще оказывает влияние на политическое развитие».

Глава 15
ПЕРЕД БУРЕЙ

Финляндия вышла из войны, но судьба ее соседей говорила, что мировой пожар продолжается. Московский договор не способствовал возникновению доверительных отношений с Советским Союзом.

В стране появилось состояние страха, после того как могучий сосед начал прибирать к рукам страны Прибалтики, объявляя их союзными республиками. Учитывая это, фельдмаршал Маннергейм не передает полномочия главнокомандующего финской армией президенту, что впоследствии послужило поводом для нападок на него как на диктатора. Учитывая угрожающее положение в Западной Европе и СССР, Финляндия по требованию фельдмаршала поддерживала свои вооруженные силы на высоком уровне. Численность ее армии в три раза превзошла ее мирный уровень. Начали спешно укрепляться новые пограничные рубежи благодаря искусному и целеустремленному руководству генерал-лейтенанта Ханнелина. На фортификационных работах было занято 30 тысяч человек. На прибрежном участке Финского залива работы выполняли шведы.

Финляндия оказалась изолированной от Англии и Франции, которые после Советско-финской войны утратили к ней свой интерес. Видимо, не случайным было заявление Черчилля в марте 1940 года о том, что «Финляндия в любом случае для нас потеряна».

В этой обстановке Маннергейм предлагает идею заключения оборонительного союза с Норвегией и Швецией. Однако Молотов быстро нанес смертельный удар по этому плану, заявив в конце марта 1940 года, что проект имеет антисоветскую направленность и противоречит московскому мирному договору. Правительство Норвегии не раз потом проклинало себя за то, что не смогло активно поддержать Маннергейма в создании тройственного союза. Но было поздно — германские войска уже хозяйничали на норвежской земле!

Фельдмаршал, прочитав разведсводку о событиях в Советском Союзе, с интересом остановился на сообщении о том, что немецкий самолет «Юнкерс-52» незаметно пролетел всю территорию России и в Москве сел на центральный аэродром столицы, возле стадиона «Динамо». Комментируя это событие офицерам штаба, Маннергейм сказал: «У русских о боеготовности только одни слова, а на деле мыльный пузырь…» Он вспомнил

также приказ народного комиссара обороны от 16 мая 1940 года № 120 и с сарказмом заметил: «Почему вы, маршал Тимошенко, постоянно твердите, что войска нужно учить тому, что нужно на войне, а сами, лично, командуя Северо-Западным фронтом в дни Зимней войны, отдали мне в плен целую дивизию своих солдат и офицеров?»

Отношения Финляндии и Советского Союза, несмотря на мирный договор, были крайне напряженными. Часто возникали разногласия относительно толкования договора. Советский Союз постоянно вмешивался во внутренние дела страны, требуя все новых и новых уступок — то возвращения предприятий, вывезенных из Карелии и с мыса Ханко, то ликвидации концессии на никелевые рудники англичан в районе Петсамо.

14 июня 1940 года два советских истребителя сбили над Финским заливом финский пассажирский самолет «Калев», совершавший регулярные рейсы между Таллином и Хельсинки. Мешок с французской диппочтой был выловлен советскими «рыбаками» и отправлен в Кронштадт, а затем — далее.

Финское правительство, стремясь избежать конфликта с Советским Союзом, не выступило с протестом и не потребовало денежной компенсации родственникам погибших.

Маннергейм, имевший в Финляндии неограниченную власть — распоряжения его выполнялись беспрекословно, — в эту ситуацию не вмешивался, однако сразу установил жесткий контроль в работе своего окружения. Он запретил фиксировать на бумаге любую информацию, если она касалась сотрудничества с зарубежными странами. Такие сведения должны были передаваться устно, без посторонних, лицо в лицо.

С июля 1940 года, когда Гитлер начал тайно готовить военный поход на Советский Союз, возрос интерес Германии к Финляндии. Территория Финляндии, которую надо было перетянуть в сферу своих интересов, была необходима фюреру как северный плацдарм.

Фельдмаршал барон Густав Маннергейм был горячим патриотом старой, ушедшей в прошлое России. Ненавидя большевиков и Сталина, он в то же время терзал себя навязчивой мыслью, как избежать втягивания своей родины в новую большую войну России и Германии, которую он своим аналитическим умом достаточно ясно представлял.

Через князя Голицына Маннергейм передает личное письмо в Лондон Черчиллю, в котором пишет: «Если Запад окажет мне конкретную помощь, я постараюсь выскользнуть из немецких объятий…» Однако оно осталось без ответа, как и письмо шведскому королю.

Маннергейм во имя своей родины ломает в себе неприязнь к Сталину и пишет ему в июле большое личное письмо, без копии, которое пока лежит в недрах президентского архива России, видимо, для того, чтобы в очередной раз не переписывать историю заново.

Единство финской нации не было абсолютно незыблемым. Основанный в начале августа 1940 года «Финский союз братьев по оружию», покровителем которого стал фельдмаршал Маннергейм, распространения, как и организация ветеранов Зимней войны, не получил. Опасное для Финляндии общество дружбы «Финляндия — СССР», открыто поддерживавшее оккупацию Прибалтики Советским Союзом, решением суда было распущено.

18 августа в Хельсинки прилетел представитель рейхсмаршала Германа Геринга подполковник Вельтьенс, который заявил, что ему поручено говорить только с фельдмаршалом Маннергеймом, и тот принял его у себя дома. Подполковник заявил, что Геринг просит Маннергейма разрешить транспортировку больных и отпускников через Финляндию в Киркенес и готов предоставить финской армии военное снаряжение. Маннергейм ответил, что подобные вопросы решает не он, а президент страны. Вечером, после доклада фельдмаршала, временно исполняющий обязанности президента Ристо Рюти дал согласие на сквозную транспортировку. На другой день Маннергейм сообщил об этом Вельтьенсу.

6 сентября 1940 года правительство Финляндии подписывает с Советским Союзом договор о транспортировке грузов и людей через Хельсинки на полуостров Ханко. Советский посол в Финляндии С. И. Зотов сразу же поехал на Ханко и информировал командира военно-морской базы генерала С. И. Кабанова, что немцы, «как и мы», скоро начнут перебрасывать свои войска морем в финские порты.

Через шесть дней финны подписывают с Германией техническое соглашение о транспортировке через свою территорию в Норвегию, в Киркенес, оборудования, больных и отпускников.

В это же время народный комиссар иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов отдает распоряжение послу С. И. Зотову организовать в Хельсинки праздничный обед для немецких дипломатов по поводу годовщины подписания советско-германского договора о ненападении.

Сложилась странная ситуация, когда резидент внешней разведки НКВД в Финляндии Е. Т. Синицын получает команду из Москвы, через своих финских агентов, скрытых под

конспиративными именами Граф, Адвокат, Монах, Моисей и Ахти, начать поиск достоверной информации, какие «грузы» немцы собираются транспортировать через Финляндию в Киркенес, а Молотов требует сближения с немецкими дипломатами.

22 сентября 1940 года первый германский транспорт пришел в финский порт Вааса, а через три дня на полуостров Ханко прибыл первый советский поезд.

В 1940 году Сталин, не удовлетворенный итогами Советско-финской войны 1939–1940 годов, решает повторить нападение на Финляндию. Об этом говорят два документа: записка наркома обороны маршала Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии Мерецкова от 18 сентября 1940 года № 103203/ ов (особой важности) и директива Генштаба от 25 ноября 1940 года.

В записке излагались соображения о новой войне с Финляндией.

В день «Х» создавались два фронта: Северный должен был захватить Петсамо, затем в центре Финляндии выйти на берег Ботнического залива. Главным же считался направленный на Хельсинки Северо-Западный фронт. Вся операция имела кодовое название «СЗ-20».

Эта операция против Финляндии Генштабом не отменялась, говорит директива, а только откладывалась, а затем в 1941 году от нее отказались.

В ноябре 1940 года Молотов, встречаясь с Гитлером в Берлине, недовольно заметил, что финский вопрос о разделении сфер влияния решен лишь частично. Он потребовал согласия Германии на то, чтобы Финляндию постигла судьба прибалтийских стран. Однако Гитлер заявил, что он не хочет, чтобы в регионе Балтийского моря возникла новая война.

19 декабря 1940 года президент Финляндии Кюэсти Каллио по состоянию здоровья покидает свой пост. Состоялись президентские выборы, перед которыми Москва заявила, что в числе нежелательных для нее кандидатов на президентское кресло входят Вяйнё Таннер, Пер Эвин Свинхувуд и Карл Густав Эмиль Маннергейм.

Фельдмаршал сразу понял, что Сталин устами Молотова ответил на его июльское личное письмо.

Только намного позднее Сталин и Молотов поняли, какой промах они совершили, заставив финнов обратить свои взоры к Германии и искать у нее поддержки.

Новым президентом Финляндии стал Ристо Рюти, но всенародным руководителем остался Маннергейм, который был согласен с мнением министра К. Фагерхольма, что в «Финляндии

есть два правительства: правительство в Хельсинки, власть которого кончается на восточной окраине столицы; после этого есть только Маннергейм». По предложению фельдмаршала было создано новое коалиционное правительство, в котором на пост министра обороны барон определил своего старого друга и почитателя генерала Рудольфа Валдена.

Маннергейм, видя, что взоры финнов обращены к нему, начинает активно действовать. Вначале он предупреждает премьер-министра, что Финляндию нельзя объявлять нейтральной страной, ибо это может привести к войне на два фронта — в Лапландии против Германии, в Финском заливе против России. Его волнуют постоянные доклады разведки о том, что в Ленинградском военном округе идет широкомасштабная подготовка к возможным боевым действиям.

В середине января возникает сложная ситуация с Советским Союзом по вопросу о никеле. СССР отзывает своего полпреда из Хельсинки, аннулирует торговый договор и увеличивает количество стрелковых дивизий на Карельском перешейке.

Фельдмаршал Маннергейм обращается к президенту и настаивает на проведении частичной мобилизации, но тот отказывает ему.

В конце января 1941 года финны и немцы приступают к составлению совместных планов будущих операций в Северо-Западном регионе Советского Союза. Видимо, начало действовать заманчивое обещание Гитлера не только вернуть Финляндии отторгнутые после Зимней войны территории, но и Восточную Карелию.

В мае 1941 года, узнав, что Германия в ближайшее время нападет на Россию, военная делегация Финляндии посетила Зальцбург и Берлин.

О плане «Барбаросса», хотя он и касался Финляндии, Германия официально сообщила только 25 мая 1941 года, после чего началась переброска немецких войск из Норвегии в Северную Финляндию. В этой ситуации президент и правительство Финляндии принимают решение о совместном с Германией походе на Советский Союз, считая, что если бы страна отказалась сделать этот шаг, то превратилась бы в поле битвы между Германией и Советским Союзом.

Глава 16
МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

22 июня 1941 года, когда Германия начала военные действия против Советского Союза, Гитлер в своей речи по радио упомянул, что Финляндия воюет вместе с немцами.

Однако в тот же день финны заявили, что сохраняют нейтралитет в дипломатических отношениях с Советским Союзом. Они не желали выглядеть агрессорами, хотя их армия с 21 июня была в полной боеготовности. Ждали, когда Красная армия начнет военные действия. Так оно и случилось, когда 22 и 25 июня 1941 года около 450 советских самолетов нанесли бомбовый удар по финским городам и аэродромам.

26 июня 1941 года президент Финляндии Ристо Рюти объявил состояние войны с Советским Союзом, обратившись к своим гражданам по радио. Он сказал: «Наш миролюбивый народ, который второй год прилагает все силы до крайнего предела на восстановление страны от следов предыдущей войны, вновь стал объектом жестокого нападения… Наши возможности выйти успешно из этой второй оборонительной войны на этот раз совершенно другие, чем были в первый раз, когда мы одни находились под натиском восточного гиганта… Наша вера в наши вооруженные силы и в достигшего мировой славы их руководителя, фельдмаршала Маннергейма, безусловна…»

В этот же день началось развертывание финской армии, согласно оперативному плану Ставки в Миккели.

Ребольское направление

14-я пехотная дивизия полковника Рааппана *Восточно-Карельское направление*

Карельская армия генерала от инфантерии Э. Хейнрикса

Медвежьегорское направление

Оперативная группа «О» генерал-майора В. Ойнянена 2-я Егерская бригада полковника В. Сундмана Кавалерийская бригада

Петрозаводское направление

VI армейский корпус генерал-майора П. Талвела

5-я пехотная дивизия полковника Э. Коскимиеса

11-я пехотная дивизия полковника К. Хейсканена

1-я егерская бригада полковника Р. Лагуса

Сортавальское направление

VII армейский корпус генерал-майора Э. Хеглунда

7-я пехотная дивизия полковника А. Свенсона

19-я пехотная дивизия полковника Х. Ханнула

Резерв Карельской армии

163-я немецкая пехотная дивизия генерал-лейтенанта Э. Энгельбрехта

Резерв Ставки

1-я пехотная дивизия полковника П. Паалу

Юго-Восточная группа войск, подчиненная непосредственно фельдмаршалу Г. Маннергейму

Кексгольмское направление

II армейский корпус генерал-майора Т. Лаатикайнена

2-я пехотная дивизия полковника А. Блика

15-я пехотная дивизия полковника Н. Херсало

18-я пехотная дивизия полковника А. Паяри

Выборгское направление

IV армейский корпус генерал-лейтенанта К. Эша

4-я пехотная дивизия полковника К. Вильянена

8-я пехотная дивизия полковника Г. Винелля

12-я пехотная дивизия полковника Е. Вихма

Резерв Ставки

10-я пехотная дивизия полковника Ю. Сихво

Одновременно главнокомандующий финской армией фельдмаршал Маннергейм отдает приказ о начале военных действий, говоря в нем, что «наша славная Зимняя война закончилась тяжелым миром… Заключенный мир был лишь перемирием, которое теперь закончилось… Призываю вас на священную войну с врагом нашей нации. Солдаты! Следуйте за мной в последний раз — теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступит новый рассвет».

Стратегический план финской Ставки в Миккели определил границы наступления, которые проходили по реке Неве, южному побережью Ладожского озера, по реке Свирь, восточному побережью Онежского озера, далее к Белому морю, включая Кольский полуостров. Военные действия делились на три боевые стадии: освобождение Ладожской Карелии, возвращение Финляндии Карельского перешейка, продвижение в Восточной Карелии.

30 июня 1941 года фельдмаршал Маннергейм, определив ближайшие задачи финской армии, отдал приказ о наступлении. В ночь на 1 июля II финский армейский корпус перешел государственную границу Советского Союза и предпринял наступление в направлении Лахденпохья.

На остальных участках границы поддерживался режим настороженного противостояния. Эта пассивность финских войск была явно временной, они были готовы перейти к решительным действиям.

Во вторник 8 июля 1941 года Маннергейм по радио обратился к населению Карелии с довольно жестким заявлением, в котором он потребовал беспрекословного подчинения финским военным властям.

Через два дня фельдмаршал отдает приказ Карельской армии начать наступление и одновременно обращается к финским солдатам со словами: «Во время Освободительной войны 1918 года я обещал карелам Финляндии и Беломорья, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны. 23 года Беломорье и Олония ждали выполнения этого обещания, и вот новый день наступил…»

Начались упорные бои, в результате которых VI финский армейский корпус вышел на линию старой (1939 года) государственной границы, но намеченного рубежа не достиг. Маннергейм, видя, что наступление не дает желаемых результатов, приостановил его. Едва финны это сделали, советские войска начали контратаки и высадили воздушный десант. Оценив обстановку, по просьбе командующего Карельской армией фельдмаршал срочно перебрасывает сюда с полуострова Ханко 17-ю стрелковую дивизию.

27 июля 1941 года представитель германского командования при финской Ставке генерал-майор Вальдемар Эрфурт обратился к Маннергейму с просьбой, сказав, что «немцы будут благодарны, если II финский армейский корпус уважаемого генерала Лаатикайнена начнет наступление на Карельском перешейке».

Через три дня такое наступление началось в сторону Кексгольма с целью расколоть надвое 23-ю советскую армию, которая растянула свои силы по всей полосе государственной границы не имея резервов и необходимой глубины обороны.

На севере Финляндии немецкие войска в районе Петсамо самостоятельно, не подчиняясь главнокомандующему финской армией, начали наступление. Никакой зависимости между финнами и немцами, кроме экономических вопросов, здесь не было. Маннергейм всегда подчеркивал, что хотя Финляндия воевала на стороне Германии против Советского Союза, но для финнов это была своя война. Фельдмаршал как бы использовал немцев для защиты своей родины, но постоянно старался избегать далекоидущих военных услуг. Однако для финско-английских отношений эти нюансы не имели значения — ведь Финляндия вошла во вражеский лагерь. После бомбардировки английской авиацией Петсамо дипломатические отношения Англии с Финляндией были разорваны.

После того как финны 1 августа 1941 года ввели на Карельском перешейке в сражение главные силы II армейского

корпуса, угроза Ленинграду стала приобретать реальные очертания.

Командующий 23-й советской армией генерал-лейтенант П. С. Пшенников, имея два стрелковых (19-й и 50-й) и один механизированный (10-й) корпуса, особое внимание обратил на 43-ю и 123-ю стрелковые дивизии 50-го стрелкового корпуса, которые, стоя у государственной границы, имея приказ № 015/оп от 9 августа 1941 года, бездействовали. Удары финнов принимали на себя 19-й и 10-й советские корпуса. В районе 50-го стрелкового корпуса назревала катастрофа.

2 августа 1941 года немецкий генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель потребовал от Маннергейма, чтобы финская армия захватила полуостров Ханко и начала наступление на Ленинград. Маннергейм ответил: «Ханко мы освободим, но переходить бывшую государственную границу на Карельском перешейке не будем, несмотря на ваши угрозы прекратить поставки зерна и оружия». Однако президент Финляндии Ристо Рюти был иного мнения. На встрече 4 августа с послом США в Хельсинки, который передал мирное предложение Сталина, он ответил: «Никаких переговоров с русскими. Ожидаемое взятие Петербурга прояснит положение Финляндии на фронте». Сталин хорошо запомнил эти слова, включая Рюти в 1945 году в список военных преступников.

8 августа финские войска вошли в город Лахденпохья, перерезав коммуникации Сортавальской группировки советских войск. В этой обстановке командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов отдал приказ новому командиру 23-й армии генерал-лейтенанту М. Н. Герасимову отвести группировку на юг, чтобы прикрыть Кексгольмское направление.

Чтобы овладеть городом Сортавала, который 6 августа главком Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов потребовал «удерживать за собой во что бы то ни стало», фельдмаршал Маннергейм ввел в бой I армейский корпус. Бои приобрели здесь очень напряженный характер. 20 августа 1941 года под сильным огнем финнов части Сортавальской группировки на судах Ладожской военной флотилии эвакуировались на остров Валаам.

После неудачной попытки 23-й советской армии нанести контрудар по II финскому армейскому корпусу, последний, не встречая серьезного сопротивления, устремился к реке Вуокса, форсировал ее и двинулся в сторону Выборга, чтобы выйти в тыл советских войск. Дивизиями корпуса был захвачен Кексгольм.

Во второй половине августа 1941 года фельдмаршал Маннергейм сосредоточил свое внимание на захвате Выборга.

Оценив обстановку, главнокомандующий, учитывая, что части II армейского корпуса успешно продвигаются в тыл 23-й армии, приказывает командиру IV армейского корпуса начать наступление на Выборг.

23 августа 1941 года генерал-фельдмаршал Кейтель вторично обращается к Маннергейму и предлагает, помимо первоначального плана совместного окружения Ленинграда и встречи на реке Свири, продолжить наступление на Ленинград. Через три дня Маннергейм отправил отрицательный ответ Кейтелю. В нем он с подчеркнутой вежливостью писал, что целью финской стороны является возврат старых границ и что для дальнейшего продвижения в глубь России нужно испрашивать разрешение правительства, но это вряд ли удастся. «От Финляндии вы требуете слишком много. Мобилизовано полмиллиона человек, а наши потери уже превысили те, что были в Зимней войне».

Два финских морских десанта вместе с дивизиями IV финского армейского корпуса перерезают все дорожные магистрали, ведущие к Выборгу, а 26 августа в районе станции Кямяря блокирована железная дорога Выборг — Ленинград.

На другой день фельдмаршал отдает приказ о наступлении Карельской армии к реке Свири и Онежскому озеру. Форсировав реку Свирь и захватив Свирскую ГЭС, финны образовали по фронту 100-километровый плацдарм.

28 августа 1941 года, расчленив полки 43-й, 115-й и 123-й советских стрелковых дивизий, финские войска начинают их разгром. На поле боя остались убитыми 7 тысяч советских бойцов и командиров. 900 человек, вместе с командиром 43-й стрелковой дивизии генерал-майором В. Н. Кирпичниковым, попали в плен. Был убит командир 123-й стрелковой дивизии комбриг Ф. Ф. Алабушев. Финны захватили огромные трофеи: 306 орудий, 246 минометов, 272 пулемета, 55 танков, 673 автомашины, 4500 лошадей.

3 сентября 1941 года Ворошилов и Жданов в докладе Сталину писали: «Отход 43-й, 115-й и 123-й дивизий превратился в бегство с потерей всего артиллерийского, минометного вооружения и пулеметов… Большая часть этих дивизий вместо занятия рубежа отошла на юг в район Койвисто, открыв тем самым противнику дорогу на Белоостров и Сестрорецк…»[13] Вплоть до 20 сентября из-за линии фронта выходили одиночки и группы бойцов разгромленных дивизий.

Ставка Верховного главнокомандования делит Северный фронт на Ленинградский и Карельский. Командующим Ленинградским фронтом назначается генерал-лейтенант

М. М. Попов.

В пятницу 29 августа 1941 года части IV финского армейского корпуса вошли в пустой Выборг, где еще дымились разрушенные здания и лежал поверженный памятник Петру I, стоявший на том месте, где он, по преданию, в 1710 году руководил осадными работами. Командир корпуса генерал Георг Карл Эш принял парад трех своих дивизий.

Главные силы II финского армейского корпуса устремились к старой госгранице (1939 года). После тяжелых боев пала Райвола. Остатки 23-й армии, деморализованные, быстро отступали. Почти отсутствовала организованная оборона. Финны получили возможность вырваться вперед, с ходу прорвать белоостровские укрепления и подойти к северным пригородам Ленинграда.

31 августа 1941 года они были в Ваммелсу (Черная речка) и Териоках. Части 18-й пехотной дивизии полковника Ааро Паяри вошли в деревню Майнила. Здесь в 14 часов артиллерийские орудия дивизии произвели символические выстрелы по Майниле в память о начале Советско-финской войны 1939–1940 годов.

В этот же день фельдмаршал Маннергейм отдает приказ перейти старую границу и продолжить наступление в направлении Александровка — Белоостров — Охта.

2 сентября 1941 года финские войска вошли в поселок Койвисто, но на других участках этого района еще два месяца шли бои. В этот же день части II финского армейского корпуса вышли на линию старой (1939 года) государственной границы. Накануне этого события Маннергейм отдал приказ, в котором говорилось: «Старая государственная граница на перешейке достигнута, нам надо вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир…» Еще больше недели шли жестокие бои в районе Старого Белоострова.

1 сентября 1941 года в Миккели, в Ставку Маннергейма, прилетел генерал Альфред Йодль, которому было поручено убедить фельдмаршала в наступлении на Ленинград. В своих «Мемуарах» Маннергейм писал: «Я твердо придерживался своей точки зрения, и генерал Йодль, которому явно была дана строгая инструкция, не сдержавшись, воскликнул: „Да сделайте хоть что-нибудь для демонстрации доброй воли!“» Маннергейм умел жестко, но тактично отстаивать свои убеждения, блестяще имитируя расположение к немцам, говоря одно, а делая другое. Так он поступил 5 сентября 1941 года, устно запретив финской авиации бомбить, а артиллерии обстреливать Ленинград. В дни штурма и блокады Ленинграда немцами фельдмаршал приказал всю информацию о действиях финской армии на Карельском перешейке передавать не на бумаге, а лицо в лицо, без третьих

лиц, чтобы «немецкие ищейки меньше знали».

Части IV финского армейского корпуса, начавшие 4 сентября наступление на Свирском направлении, захватили город Олонец. Был поднят черно-красно-зеленый флаг Восточной Карелии, и на площади Куттуева состоялся парад войск. Через два дня дивизии корпуса подошли к реке Свири.

В воскресенье 7 сентября 1941 года фельдмаршал Маннергейм отдал приказ перейти к обороне на Карельском перешейке по линии границы 1939 года.

После этого Сталин почти три года на всякий случай держал здесь 23-ю советскую армию. Солдаты этой армии шутили: «Сейчас в мире не воюют три армии: шведская, турецкая и 23-я советская».

8 сентября 1941 года после выхода немцев к Ладожскому озеру в районе Шлиссельбурга (Петрокрепости), казалось бы, наступил момент для согласованного удара немцев и финнов по Ленинграду. Однако Маннергейм, оценив действия Красной армии под Тихвином, немцев не поддержал и это нашло отражение 11 сентября 1941 года в ответе финского министра иностранных дел Виттинаа американскому послу в Хельсинки: «Финляндия решила не участвовать совместно с немцами в наступлении на Ленинград».

У Маннергейма, бывшего боевого генерала русской армии, были свои, хорошо продуманные требования к немецкому командованию. Он, например, потребовал от Германии продать Финляндии не новые модели самолетов, а советские трофейные, захваченные на Украине. Хитрый тактический шаг. Эти самолеты постоянно вводили в заблуждение советских зенитчиков и летчиков-истребителей. Характерно, что за время войны советские средства ПВО не сбили ни одного из этих самолетов.

Маннергейм в разговорах с немецкими генералами, если они касались Ленинграда, резко прерывал разговор, откидывал голову назад и устремлял взгляд в дальнюю точку своего кабинета.

Он никогда не показывал немцам, даже тем, которых уважал, своих чувств, не делился своими впечатлениями. Он не имел себе равных в умении придавать любому разговору изысканность и тонкую иронию, особенно тогда, когда немцы хвастались своими победами.

Во второй половине сентября 1941 года фельдмаршал, как писал в своих воспоминаниях генерал Хейнрикс, больше интересовался Восточной Карелией, чем Ленинградом, не желая рисковать в борьбе за такой крупный город.

21 сентября VI финский армейский корпус вышел на рубеж Свирьстрой — Подпорожье — Вознесенье, но его остановила 7-я

советская армия генерал-лейтенанта А. Н. Крутикова, получившая резервы. Однако на Петрозаводском направлении финское командование, дополнив VII финский армейский корпус генерала Э. Хеглунда двумя пехотными дивизиями, добилось значительного перевеса в силах. В среду 1 октября 1941 года части корпуса с разных сторон ворвались в Петрозаводск, подняв финский флаг над зданием правительства Советской Карелии. В своем приказе о взятии Петрозаводска Маннергейм писал: «Карельская армия сегодня добавила самый крупный успех — взятие города Петрозаводска. Благодарю командующего армией за умелое и успешное руководство военными действиями, а также командиров корпусов и дивизий и их героические войска — офицеров, младших офицеров и солдат…»

Вот каким Петрозаводск увидели офицеры службы информации финской армии: «Крупным строениям города нанесен страшный ущерб, особенно в центре. Кругом море разрушений. На окраинных улицах города много трупов солдат и офицеров противника. В городе хорошо сохранились здания университета, родильного дома и Дома правительства. Разрушена роскошная гостиница „Северная“, где идет беспощадный грабеж. Из многих домов пожитки вытряхнуты на улицу. После 18 часов улицы пустеют. Исчезают солдаты, ходившие из дома в дом. Сотни кошек начинают бегать по улицам. Страшно воют собаки. Перед зданием театра драка. Кто-то бросает гранату. Солдаты жалуются на нехватку водки, вина и пива. В этом, считают офицеры, одна из причин того, что в частях армии не ощущается чувство победы…»

Посетив Петрозаводск и проехав по его улицам, Маннергейм отметил, что город сильно разрушен и промышленность в нем фактически парализована. Он был удивлен тем, что временно учрежденная местная власть, ссылаясь на него, как доложили, временно, изменила название города сначала на Петроской, а потом на Ээнислинна. В феврале 1943 года такая же участь постигла 55 улиц города, причем не только имени Карла Маркса, Энгельса и Ленина, но и Прионежскую, Северную, Слободскую и многие другие.

Финские газеты писали, что теперь названия улиц бывшего советского Петрозаводска стали национальными. Маннергейм назвал глупостью чью-то инициативу «взгромоздить» (любимое русское слово фельдмаршала с ударением на первом слоге) старую пушку на постамент сброшенного на землю памятника Ленину.

После взятия Петрозаводска финские войска начали развивать наступление на Медвежьегорск, но упорное

сопротивление частей 7-й советской армии остановило их.

Попытки финского командования добиться перелома в боевых действиях на Свирском участке фронта были безрезультатны. В субботу 18 октября 1941 года движение финских войск было полностью остановлено, и фронт здесь 23 октября окончательно стабилизировался.

Финны перешли к обороне на рубеже полуостров Средний — река Западная Лица, восточнее Алакуртти — Лохгуба на подступах к Ухте — Ругозеро — Медвежьегорск — Онежское озеро — река Свирь и граница 1939 года на Карельском перешейке.

Оценив обстановку, Маннергейм решил захватить советскую военно-морскую базу Ханко, которая оказалась в окружении после захвата немцами островов Моонзунда и Эстонии, но стойко держалась 106 дней на небольшом участке земли, засыпаемом тысячами мин и снарядов. Все атаки финнов были безуспешными.

Постоянно получая неутешительные доклады подчиненных, Маннергейм решил лично по радио обратиться к защитникам полуострова Ханко и предложить им прекратить сопротивление и сдаться в плен.

Во вторник 7 октября 1941 года на Ханко наступила гнетущая тишина. Финны прекратили обстрел, затихли и защитники полуострова. На финской стороне, вдоль переднего края обороны, включились мощные громкоговорители. Вдоль полуострова, перекатываясь из края в край, раздался голос усталого русского человека, логично и зримо характеризовавшего существующее положение на Ханко, не упуская мелкие бытовые детали, о которых все знали, но предпочитали молчать. Стиль обращения Маннергейма был психологически точно рассчитан на людей, измученных тяжелыми боями, оторванных от родины, томившихся в неизвестности. Эта серьезная речь старого человека резко отличалась от ежедневной болтовни финских пропагандистов, обещавших «райскую жизнь» в плену. Даже предложение фельдмаршала о сдаче в плен включало в себя чувство уважения к тем, кто его слушал, а слушали все. Заключение обращения было жестким — два дня на размышление. Даже сегодня, через 62 года, плохая звукозапись этого обращения производит сильное впечатление.

Эта понятная и доходчивая речь бывшего генерал-лейтенанта русской армии, сохранившего высокую культуру неродного для него языка, вызвала переполох у командования и работников политотдела военно-морской базы. Генерал-лейтенант С. И. Кабанов, командующий обороной передового рубежа КВФ, вспоминал: «После выступления Маннергейма народ

зашушукался. Мой комиссар Арсений Львович Раскин заявил, что положение очень сложное, надо срочно нейтрализовать это выступление, отвлечь внимание людей к нему. Было решено подготовить листовку „Ответ барону Маннергейму“». Первый ее вариант — сплошная матерная ругань — был забракован, в печать пошел второй вариант. Листовка издавалась не для Маннергейма и финнов, а для защитников Ханко и только на русском языке. По-фински ее читали по радио. Листовка попала к Маннергейму и оказалась в Англии у премьер-министра Черчилля. Он обратился к своему союзнику Иосифу Сталину с заявлением, что на войне нельзя столь грубо оскорблять главу государства, хотя он и неприятель. Сталин, не ответив на это обращение, рекомендовал ЦК партии одобрить текст ханковской листовки.

Характерно, что Маннергейм после «ханковской грязи Дудина и Пророкова», после подобного ряда «творений» Кукрыниксов, Юрия Ганфа и других художников, а также глупостей и выдумок о своей биографии в советских листовках и прессе запретил своим пропагандистам «чернить и глумиться над российскими маршалами и генералами».

7 ноября 1941 года Ставка Верховного главнокомандования Красной армии принимает решение эвакуировать в Кронштадт гарнизон военно-морской базы Ханко, что было сделано 2 декабря.

В этот же день через посла США в Хельсинки фельдмаршал Маннергейм отправляет ответ премьер-министру Англии Черчиллю на его частное письмо от 29 ноября 1941 года, в котором пишет: «…Уверен, Ваше превосходительство понимает, что я не в состоянии прекратить осуществляемые сейчас военные операции, прежде чем наши войска не достигнут рубежей, которые, по моему мнению, обеспечат нам необходимую безопасность. Было бы жаль, если эти военные действия во имя защиты Финляндии приведут к конфликту с Англией…» 6 декабря 1941 года Англия объявила войну Финляндии.

Маннергейм в своих «Мемуарах» пишет: «Наши войска вошли маршем на Ханко 4 декабря… В середине декабря я побывал на Ханко, где под вой зимней вьюги принял парад войск. Будучи многие годы летним гостем этого идиллического городка, я почувствовал боль, увидев, насколько он изменился за короткое время нахождения под чужой властью и в лапах войны…» После парада фельдмаршал побывал на месте, где когда-то стояла его ныне сгоревшая дача.

В отместку за потерю Ханко советская авиация по указанию Жданова сбросила на рождественскую Финляндию 25 декабря 1941 года десять тысяч открыток со свиньей на блюде, имеющей

лицо Маннергейма.

Наступил 1942 год, который финский историк Т. Полвинен назвал «годом выживания».

Фельдмаршал Маннергейм, учитывая, что фронт от Карельского перешейка до Восточной Карелии стабилизировался, хотя бои кое-где продолжались, подписав 17 января приказ, решил проверить, как управляется оккупированная Карелия. Из Йоэнсуу срочно приезжают в Петрозаводск командир военного управления и его начальник штаба. Здесь же были командиры армейских корпусов, окружные и районные начальники Олонецкого, Масельгского и Беломорского округов. Фельдмаршалу доложили и показали, как организована безопасность частей финской армии от нападения партизан и советских десантных групп, особенно в Беломорском округе, где партизаны были наиболее активны. Выводы Маннергейма были довольно жесткими, несколько офицеров лишились своих постов за халатность и беззаботность.

В своей петрозаводской тщательно охраняемой резиденции главнокомандующий познакомился с архивами 313-й советской пехотной дивизии и Беломорско-Балтийского комбината НКВД, захваченными финскими войсками. В разговоре с начальником Олонецкого округа фельдмаршал спросил его, как в Петрозаводске заботятся о малоимущих. Не получив вразумительного ответа, отправился в дом для русских престарелых и очень удивился, что там живут всего 11 человек, причем половина из них участники Первой мировой войны.

Об этом Маннергейм вспомнил, когда в Петрозаводске появились представители международного Красного Креста. Он вместе с ними посетил концлагерь № 5 для гражданского населения города. После осмотра лагеря Маннергейм встретился здесь со стариками — ветеранами Первой мировой войны. Фельдмаршал расспрашивал их, на каких фронтах и в каких полках они воевали, есть ли среди них кавалеристы. В конце встречи выпили по фронтовой рюмке водки. Здесь же начальник надзора подполковник К. Раутсуо доложил главнокомандующему о том, что акционерное общество «Вако» открыло много магазинов для военного и свободного гражданского населения Петрозаводска, и попросил выделить корма для 4060 лошадей военного управления. Рассказал о концлагере для граждан западных национальностей в районе Ребол и повышении нормы питания военнопленных. Расспросив командиров армейских корпусов о новой тактике советских войск — дерзких действиях небольших оперативных групп, — фельдмаршал вдруг неожиданно задал вопрос: знают ли они о позорных поступках их

солдат и офицеров, которые отбирают у мирных жителей православные иконы, называя их своими «военными сувенирами»? Этот разговор Маннергейм завершил фразой: «Немедленно прекратите это, а злостных нарушителей предавать военно-полевым судам. На днях я подпишу приказ об организации религиозной жизни на территории Восточной Карелии».

Детально изучив информационные каналы Карелии, радиопередачи и газеты, фельдмаршал привел в ужас редакторов и издателей, критикуя безграмотные тексты статей и радиоочерков. Его также возмутила помпезность «народных» праздников, которые проводили районные начальники, навязывая жителям празднование дня рождения финского главнокомандующего.

В Германии по приказанию фельдмаршала Маннергейма побывал его начальник штаба генерал-лейтенант Хейнрикс, где его принимал генерал-фельдмаршал Кейтель. Состоялась короткая беседа с Гитлером. Кейтель не дождался положительного решения финского командования о совместных боях на Карельском перешейке. Хейнрикс твердо придерживался указания своего шефа о том, что Финляндия ведет войну с Россией, обособленную от Германии, и в соответствии с этим принимает свои решения.

Фельдмаршал Маннергейм блестяще владел «маской соглашателя», ставя свои условия так, что немцы получали только видимость «чего-то», но не конкретное действие. Встречаясь с немецкими генералами, он ехидно заявлял: «Где же ваша, господа, братская помощь по оружию, о которой не слышно и не видно в районе Шуи?»

В понедельник 9 марта 1942 года фельдмаршал Маннергейм принимает решение о захвате финскими войсками острова Гогланд (Суурсари), стратегически необходимого для Финляндии, перекрывающего два важных фарватера Финского залива. Подробно изучив результаты разведки восточного и западного побережья острова, он сделал вывод, что его гарнизон крепкий, но имеет ограниченное количество огневых средств. При штурме острова важны внезапность и корректировка огня с воздуха.

Фельдмаршал приказывает создать десант из трех батальонов, во главе которых ставит своего надежного, проверенного в победоносных боях командира прославленной 18-й стрелковой дивизии генерал-майора Ааро Олави Паяри. Получив приказ действовать, генерал проводит по льду Финского залива в трех местах побережья острова разведку боем, после этого составляет боевой приказ.

Придавая большое значение этой операции, а также для того, чтобы лично следить за ее ходом, Маннергейм приезжает в город Котка, который находился в 40 километрах от Гогланда, и здесь в гостинице «Мериторни» размещает свой полевой штаб. После доклада генерала Паяри фельдмаршал принимает решение начать операцию в ночь с 26 на 27 марта 1942 года.

Маннергейм пишет: «…обоз на лошадях и частично на автомобилях по льду двинулся к Гогланду… Несмотря на то что солдаты и лошади были в маскировочных белых халатах, враг заметил движение на льду и послал в Кронштадт условный сигнал, который мы запеленговали».

Далее фельдмаршал пишет: «Главный удар мы нанесли в 3.30 27 марта 1942 года против западного берега острова Гогланд. В момент атаки разразилась сильная снежная пурга, которая длилась весь день, покрыв войска слоем снега».

В 8.30 после сильной артподготовки по огневым точкам острова, которые довольно точно установила разведка, финны вошли на Гогланд и бросились в атаку.

Маннергейм писал: «Как и ожидалось, бой шел тяжело. Защитники острова, которых было 600 человек (финская разведка ошиблась в большую сторону на 61 человека), сражались стойко, а у нас были сложности со снежными и рельефными препятствиями острова. К вечеру 27 марта мы захватили центральную часть острова, сосредоточив бои в северной и южной его частях. Оставшиеся в живых защитники острова ночью 28 марта бежали на остров Лавенсаари. В южной части Гогланда бои шли до вечера 28 марта, когда последние защитники Гогланда сдались в плен».

Потери финнов составили 161 человек, защитников — 274. В ночь на 28 марта генерал-лейтенант Елисеев, видимо, не зная в Кронштадте, что делается на Гогланде, сделал генералу Паяри «ценный подарок», сбросив с самолетов на остров 1,5 тонны продовольствия и боеприпасов, 20 почтовых голубей и двух парашютистов-разведчиков с радиостанцией. Они попали в плен и по указанию финнов передали в Кронштадт радиограмму: «На острове мы не обнаружили ни своих, ни противника».

Сразу после захвата Гогланда десантный отряд финнов двинулся на острова Большой и Малый Тютерс. Последующие попытки частей Ленинградского фронта возвратить острова Гогланд и Большой Тютерс были безуспешными.

После этой удачной операции финны по приказу Маннергейма основательно укрепили Гогланд и Большой Тютерс. Чтобы закрыть путь на Балтику, они создали в районе Гогланда мощный противолодочный рубеж. Плотность мин на отдельных

участках этой позиции составляла, с учетом глубины рубежа, одна мина на каждые 4,5 метра, плюс мины-ловушки и мины с углублением на 20–30 сантиметров.

В разгар войны в четверг 4 июня 1942 года фельдмаршалу Маннергейму исполнилось 75 лет. В этот день, чтобы избежать официального празднования, он собирался отправиться на фронт, чтобы быть со своими солдатами. Однако президент Ристо Рюти попросил его о встрече недалеко от Каукопяя, на мысе, вдающемся в озеро Сайма, куда была проложена железнодорожная ветка. Сюда подошел президентский поезд, в нем в двух сцепленных друг с другом вагонах-ресторанах и должны были проходить юбилейные торжества.

Накануне этого события президент Рюти и Маннергейм в 17 часов узнали, что 4 июня во второй половине дня рейхсканцлер Гитлер прилетает в Финляндию, чтобы поздравить фельдмаршала. Утром в четверг барона поздравил президент, сообщивший, что Государственный совет присвоил ему звание маршала Финляндии. Было много теплых поздравлений, среди которых маршал особо выделил приветствие от финских рабочих.

После этой церемонии в точно указанное время на аэродроме Иммола, недалеко от Каукопяя, приземлился самолет Гитлера, которого встречал президент Ристо Рюти. Затем они отправились к месту стоянки президентского поезда, где в вагоне Рюти состоялась их небольшая беседа. После чего Гитлер перешел в вагон Маннергейма, где и продолжились переговоры. На этот раз в них принял участие генерал-фельдмаршал Кейтель. Маршал вел разговор с Гитлером корректно и сдержанно, никаких явных чувств, сладких реплик и жестов, только интонации изумления (уничтожение немцами 24 тысяч русских танков) или ужаса (о печальной судьбе рейха). Маннергейм хорошо понимал, что приезд Гитлера в Финляндию — чисто пропагандистский жест, чтобы создать в мире впечатление о близких отношениях Германии и Финляндии. Очень четко эту поездку Гитлера оценил Государственный секретарь США Корделл Хэлл. По его мнению, этот «визит был немецким трюком с целью очернить Финляндию, а с другой стороны, замаскировать безнадежное стремление в более эффективной форме втянуть ее в военные действия государств Оси».

После торжественного обеда, на котором Гитлер ел только растительную пищу, запивая ее чаем и водой, и приветственных речей рейхсканцлер самолетом отбыл в Германию.

27 июня 1942 года маршал Маннергейм в сопровождении пяти офицеров, на самолете, присланном фюрером, отправился в его Ставку вблизи города Голдап. В огромном бункере состоялась

беседа Маннергейма с Гитлером, который интересовался военным потенциалом финнов. Затем в оперативном отделе генерал Йодль рассказал об обстановке на различных театрах военных действий. Позднее в немецком Генштабе маршала принял генерал-полковник Гальдер.

Рейхсмаршал Герман Геринг пригласил Маннергейма в свой охотничий дом «Каринхалле». Маршал просто не узнал знакомых некогда мест. Главное здание превратилось во дворец с большим залом высотой в три этажа, стены которого во много рядов украшали охотничьи трофеи Геринга. Везде в огромных каминах горели длинные поленья, как некогда у древних германцев. Маннергейм сразу заметил изменения в поведении рейхсмаршала, который жил как персидский шах среди награбленного добра. Он перестал интересоваться охотой и забыл про свои охотничьи домики в Тироле и Восточной Пруссии.

На сей раз у скромного маршала пропало желание говорить об охоте и задерживаться в Берлине. В Хельсинки он возвратился 28 июня.

Маннергейм долго и тактично воздерживался от оценки поведения Геринга, но, подробно узнав о немецких «деяниях» рейхсмаршала, решил порвать с ним отношения. Геринг подарком финнам 15 бомбардировщиков «Дорнье» пытался восстановить их, но этого не получилось. Барон был официально любезен с ним, и только. Правда, Маннергейму пришлось много раз использовать помощь шурина Геринга Эрика фон Розена для спасения из нацистских лагерей своих польских друзей и знакомых.

29 июля 1942 года в Финляндии появился один из ближайших помощников Гитлера — Гиммлер. Он встречался с Маннергеймом, а прибывший с ним генерал Вольф с офицерами Ставки обсуждал вопросы взаимодействия финских и немецких войск, предлагая новое «секретное» оружие, в будущем названное «Базука».

В конце августа Маннергейм отправляет генерала Хейнрикса на Украину, в Винницу, где находилась германская Ставка, с целью узнать, что намерены предпринять немцы на северном участке фронта. Здесь состоялась его встреча с Гитлером, который заявил, что скоро он расправится с Ленинградом, куда уже перебрасывается осадная артиллерия из района Севастополя и где в середине сентября она начнет свои действия. Хейнрикс узнал, что 11-я армия Манштейна отправлена на север, «чтобы занять Петербург, тем самым высвободить финские дивизии на Карельском перешейке и установить сухопутную связь с Финляндией». Немцы категорически потребовали от

Маннергейма начать наступление на Ленинград.

Когда немцы подошли к Сталинграду и захватили часть Кавказа, маршал стал колебаться. Что делать — участвовать в немецких планах или нет? Однако в конце августа, когда немецкая операция «Партплац» провалилась, Маннергейм понял свои ошибки, но блокада Ленинграда продолжалась, чтобы не допустить выхода Финляндии из войны.

Барон с презрением относился к правой финской прессе, которая начала муссировать идею снарядами и бомбами разрушить Ленинград. В свою очередь, поведение Маннергейма раздражало многих чиновников в официальном Хельсинки. Однако никто ничего против маршала сделать не мог. Он держал на своих старых плечах всю Финляндию, она верила ему и шла за ним.

Вернувшись из поездки в Германию, генерал Талвела доложил главнокомандующему, что захват Ленинграда немцами откладывается. 22 октября 1942 года провалился немецкий план перекрыть Дорогу жизни на Ладожском озере.

19 ноября 1942 года начинается грандиозное наступление советских войск в районе Сталинграда. По мере развития событий взгляды маршала Маннергейма на исход войны начинают меняться.

В начале февраля 1943 года немцы, попавшие в окружение под Сталинградом, капитулировали.

В среду 3 февраля 1943 года в Ставке главного командования финской армии в Миккели состоялось большое совещание, на котором присутствовали все члены правительства и военное руководство во главе с маршалом Маннергеймом. Разговор на совещании шел о том, как Финляндия должна выйти из войны. Итогом этого совещания стало письмо президента Ристо Рюти президенту США Рузвельту, в котором излагались условия правительства Финляндии для заключения мира на основе возвращения к границам 1939 года.

США предложили себя в качестве посредника в поисках заключения мира, но вскоре от своей роли отказались.

В феврале 1943 года в Финляндии состоялись новые президентские выборы. Уверенности у Рюти, что он вновь будет избран на президентский пост, не было, так как сторонников у Маннергейма было гораздо больше, однако маршал снял свою кандидатуру.

Ристо Рюти вновь становится президентом Финляндии. Профессор Эдвин Линкомиес формирует новое правительство.

3 августа 1943 года в Миллюкоски состоялось совещание узкого круга государственных и военных деятелей Финляндии,

где вновь обсуждали пути выхода страны из войны, но без потерь. Правда, ни к чему не пришли.

Через четыре дня после этого совещания маршал сказал: «Трагично, если армия, которая имеет такие крупные успехи, пойдет на то, чтобы отказаться ото всех или большей части своих приобретений».

В правительственных кругах страны начинает проявляться двойственная политика. С одной стороны, показ верности Германии, а с другой — поиск путей выхода из создавшегося положения.

Маршал, оценивая эту политику, говорил: «Поскольку положение и дальше остается неясным, надо ждать и проявлять хладнокровие».

В конце 1943 года маршал Маннергейм настоял на строительстве оборонительных сооружений в расположении Олонецкой группы войск и масельгского рубежа, бросив на это строительство 45 % личного состава финских строительных батальонов и рот, а также военнопленных.

По поводу строительства оборонительных сооружений в Финляндии было два мнения. Президент Ристо Рюти и генерал Айро считали, что надо укреплять Карельский перешеек, а маршал Маннергейм — защищать Восточную Карелию.

Мнение Маннергейма имело больше сторонников, считавших, что завоеванное надо удержать.

На конференции глав трех великих держав в Тегеране Сталин сказал, что финны — это народ, который героически сражался за свою независимость, и борьба эта заслуживает особого подхода. Поэтому союзники признали де-факто «отдельную войну» Финляндии.

В начале февраля 1944 года Паасикиви получил у посла Советского Союза в Швеции Александры Коллонтай перечень условий, на которых СССР был готов заключить мирный договор с Финляндией. Однако эти условия были столь ошеломляющие, что финский парламент отказался принять их.

Реакция Германии на мирный зондаж Финляндии вновь обернулась крутыми мерами; прекратились поставки зерна и экспорт оружия. Берлин понял, что Маннергейм стал тормозом в осуществлении его планов на севере Советского Союза, отказавшись от своей давней мечты освободить Петербург от большевиков, чей крах он больше не предвидел.

Во время переговоров с финнами Сталин, чтобы подтолкнуть Финляндию к миру, приказал 7, 17 и 27 февраля 1944 года бомбить Хельсинки.

19 апреля 1944 года Финляндия отклонила советские

условия перемирия, и тогда 1 мая Ленинградский и Карельские фронты получили приказ Сталина начать подготовку наступления против финской армии.

У маршала Маннергейма не было ясного представления о планах наступления советских армий, однако интуиция подсказала ему, что надо максимально усилить оборонительные позиции на Карельском перешейке и в Южной Карелии, что и было выполнено.

9 и 10 июня 1944 года 21-я армия генерал-лейтенанта Д. Н. Гусева после мощного артиллерийского и авиационного удара по финским позициям на Карельском перешейке форсировала реку Сестру и начала быстро продвигаться вперед, не давая финнам укрепляться на промежуточных рубежах.

Маршал Маннергейм перебрасывает сюда из Северной Финляндии и Южной Карелии дополнительные силы в помощь отходящим частям IV армейского корпуса генерала Т. Лаатикайнена. Стратегический план генерала армии Л. А. Говорова перенести удар советских войск с центра Карельского перешейка к побережью Финского залива в полосу Приморского шоссе стал неожиданностью для маршала Маннергейма. Здесь усилия финнов успеха не имели, и поэтому IV финскому стрелковому корпусу пришлось отойти на третью полосу обороны.

Пресса Финляндии начала широкую осуждающую кампанию против генералитета, офицерского состава и финской армии в целом за сокрушительное поражение на Карельском перешейке. Правая печать начала наносить чувствительные удары Маннергейму, заявляя, что он стал дряхлым и ему пора на покой. Когда обострились отношения и начался поиск виновных среди командования войск на Карельском перешейке, маршал был склонен уйти в отставку, но после большого разговора с президентом свое решение отменил.

21-я советская армия быстро продвигалась к третьей полосе обороны, прикрывающей Выборг. Ее наступление было столь стремительным, что командующему группой «Карельский перешеек» генерал-лейтенанту К. А. Эшу пришлось отдать приказ об отступлении, не ожидая решения Маннергейма.

18 июня 1944 года в резиденции президента состоялось большое совещание, на котором обсуждалось существующее положение в стране. Выступая, маршал пытался убедить политиков в том, что говорить о переговорах с русскими, когда армия терпит поражение, невыгодно и крайне рискованно. Надо любыми средствами приостановить русское наступление. На совещании было решено запросить военную помощь у Германии.

Обсудив положение в районе Выборга с начальником Генштаба, маршал приказал группе «Карельский перешеек» любыми средствами остановить русские войска на рубеже третьей линии обороны.

20 июня части 108-го стрелкового корпуса начали штурм Выборга, но, ворвавшись на улицы города, не смогли его удержать. Маннергейм писал: «Падение Выборга явилось жестоким ударом по боевому духу и означало одновременно потерю сильной крепости, которая необходима была для противодействия значительным силам противника. К тому же неприятель получил трамплин для прыжка через Выборгский залив».

После завершения Выборгской операции войска Ленинградского фронта получили задачу, прекратив наступление в западной части Карельского перешейка, выйти в его восточную часть, к государственной границе. Когда 21 июня 1944 года войска советского Карельского фронта под командованием генерала армии К. Мерецкова развернули наступление на Свирском участке, маршала Маннергейма охватила сильная депрессия. Он понял, что все его планы и надежды, связанные с Восточной Карелией, начинают рушиться, перспектив никаких. Единственный выход из создавшегося положения — срочное прекращение войны. Однако что он мог сделать, его популярность не всегда помогала, когда он сталкивался с бюрократической стеной в высших органах финской власти. Даже слово президента в этом случае не было действенно.

В данной ситуации для принятия экстренных мер парламент предоставил правительству чрезвычайные полномочия. Началась частичная эвакуация населения из восточных районов Финляндии. Финский посол в Стокгольме получил указание обратиться через Швецию к Советскому Союзу и выяснить возможность выхода Финляндии из войны. Ответ из Москвы пришел 23 июня, где было сказано о капитуляции Финляндии, то есть о прекращении военных действий и сдаче на милость победителя. На это предложение финская сторона ответа не дала.

В Хельсинки прилетает министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп, который потребовал, чтобы Финляндия без согласия Германии не заключала никаких мирных соглашений с Россией, а продолжала военные действия. Задачей немцев было пресечь любые попытки финнов маневрировать.

Эти острые политические события протекали в обстановке напряженных оборонительных боев, когда Маннергейм готов был отказаться от Восточной Карелии, лишь бы удержать Карельский перешеек и не дать советским армиям войти в глубь Финляндии.

Пока части 21-й армии сражались за Выборгом, развернулась Свирско-Петрозаводская операция. Две линии обороны финнов не смогли сдержать на Онежско-Ладожском перешейке стремительного наступления советских войск. Части 7-й советской армии овладели городом Олонец, а 32-я армия — Медвежьегорском. 28 июня 1944 года пал Петрозаводск, а затем город Кондопога.

Соединения 32-й советской армии с боями вышли на линию Юстозеро — Спасская Губа, тем самым завершив наступательные операции советского Карельского фронта.

В ходе второго этапа наступления советские войска должны были полностью освободить территорию Восточной Карелии и выйти к государственной границе.

18 июля 1944 года маршал Маннергейм отдает приказ об отходе финских войск из Восточной Карелии, одновременно был отдан приказ об эвакуации ее жителей.

События на финляндском фронте для Советского Союза уже особого значения не имели. Войска отсюда стали перебрасываться на германское направление. Тактика маршала Маннергейма оказалась верной — он выиграл время. О капитуляции речи больше не шло. Сталин считал Маннергейма единственно достойным из всех финских политических деятелей человеком, с которым можно было на данном этапе вести переговоры о перемирии.

Представители мирной оппозиции Финляндии стремились склонить маршала к тому, чтобы он без промедления решил вопрос с президентом о создании нового правительства, которое прекратило бы войну.

В высших финских кругах было решено, что президент Ристо Рюти уйдет в отставку, ибо настал момент, когда все соглашения с Германией надо было ликвидировать и решить вопрос о выходе из войны.

Глава 17
ПРЕЗИДЕНТ

В конце июля 1944 года маршал Маннергейм дает согласие принять полномочия президента Финляндии.

Начинается заключительный этап его служения родине: и военная, и политическая власть оказываются сосредоточенными в его руках. Теперь он стар, измотан двумя войнами, но по-прежнему элегантен, по-прежнему его отличает великолепная гвардейская выправка. В общем, держится молодцом.

В пятницу 4 августа 1944 года финский парламент на основе чрезвычайного закона избирает маршала барона Густава Маннергейма президентом страны. Президент Ристо Рюти, чтобы создать лучшие условия выхода из войны, уходит в отставку.

Маннергейм, став президентом, хорошо понимал, что он и теперь нужен родине не меньше, чем в годы войны. Надо было умело преодолеть этот опасный период и создать предпосылки для возвращения страны к мирной жизни. Надо было вывести Финляндию из войны, не допустить ее раскола и повернуть оружие против бывших соратников. Похоже, даже Сталин понимал роль Маннергейма в этих условиях.

17 августа в Миккели, в Ставку Маннергейма, прибыл генерал-фельдмаршал Кейтель, чтобы от имени Гитлера поздравить маршала со вступлением на пост главы государства. Кейтель, услышав от маршала, что теперь Финляндия без Германии пойдет своим путем, стал заметно нервничать, но вел себя так, как будто ничего неприятного не случилось.

24 августа президент-главнокомандующий приглашает в свой салон-вагон (он жил в поезде во время приездов в Хельсинки) членов недавно сформированного правительства. Осмотрительный Маннергейм выбирал в него политиков, которые не запятнали себя пронемецкими выступлениями. Премьер-министром маршал назначил бывшего петербургского адвоката Антти Хакцеля. Министром обороны — тоже бывшего петербуржца, своего друга Рудольфа Вальдена.

Президент принимает решение снова вступить в контакты с Москвой, которые были прерваны в апреле. Он снова запрашивает посла СССР в Швеции госпожу Коллонтай об условиях мирных переговоров. Ответ Сталина пришел через пять дней — советское правительство примет финскую делегацию только при условии, что финны официально объявят о разрыве отношений с Германией и потребуют вывода немецких войск со своей

территории до 15 сентября 1944 года. Было очевидно, что за две недели немецкие войска не эвакуируешь. Таким образом Финляндию косвенно понуждали к новой войне, но уже с Германией, и кроме того, перебрасывать финские войска с Карельского перешейка на север до заключения перемирия было опасно, так как действия советской стороны были, как всегда, непредсказуемы.

2 сентября 1944 года финский парламент на закрытом заседании одобрил решение президента о начале переговоров. Послу Германии в Хельсинки была вручена нота о разрыве дипломатических отношений и выводе в течение двух недель немецких войск из Финляндии.

В этот же день Маннергейм через немецкого генерала Эрфурта посылает письмо рейхсканцлеру Гитлеру, в котором говорит: «В момент, когда мне предстоит принять трудное решение, чувствую необходимость сообщить вам, что я пришел к убеждению, что спасение моего народа обязывает меня найти путь быстрого выхода из войны… Предпринятое русскими в июне большое наступление опустошило все наши резервы. Мы не можем больше позволять себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии… Считаю своим долгом вывести мой народ из войны… Надеюсь и попытаюсь действовать так, чтобы разрыв наших отношений смог произойти без ненужных обострений». Ответа от Гитлера не последовало.

3 сентября 1944 года президент-главнокомандующий отдает приказ о переброске армейских соединений на север. Через четыре дня начинается эвакуация финского населения из Лапландии на юг страны и в Швецию.

Маннергейм сообщил Сталину 6 сентября, что он готов отвести войска за пограничную линию 1940 года, и обещал, что финны сами будут следить за эвакуацией немецких частей. Сталин принял это предложение, и в 7 утра 4 сентября финны прекратили огонь, но советские войска еще сутки не могли успокоиться.

В четверг 7 сентября маршал Маннергейм подписывает приказ о прекращении военных действий и начале переговоров с Советским Союзом, в котором сказано: «В соответствии с соглашением я отдал приказ о прекращении военных действий на участке фронта финской армии, предлагая то же самое с противоположной стороны… Очень надеюсь, что испытавший невзгоды наш народ снова сможет пользоваться благами мира, чтобы залечить раны и подняться из руин».

В этот же день в Москву направляется финская

правительственная делегация, в которой были только доверенные люди маршала. Маннергейм хотел держать все нити переговоров в своих руках и не включил в состав делегатов представителей «мирной оппозиции» и «друга Москвы» Юху Кусти Паасикиви, который не простил этого президенту. Делегатов заставили ждать начало переговоров целую неделю, правда, советская сторона предлагала уже не мирный договор, а перемирие.

Маннергейм каждый день получал информацию из Москвы. Знал, что в парламенте гнетущая обстановка после того, как Молотов назвал его «кровавым и преступным». У него была надежда только на социал-демократов, которые твердо стояли на позиции заключения мира и тем самым прекратили колебания членов правительства.

Условия, которые представил Советский Союз Финляндии, были тяжелыми, начиная с того, что Петсамо отходило к русским, а контрибуция была фантастической. Неожиданным ударом было и то, что русские потребовали предоставить в аренду взамен Ханко мыс Порккала с окрестностями — всего в 17 километрах от Хельсинки. Тем самым Советский Союз получил возможность контролировать не только Финский залив, но и столицу Финляндии. У премьер-министра случился инсульт, как только он узнал об этом от Молотова за несколько часов до переговоров. Его заменил министр иностранных дел Карл Энкель.

В ночь на 15 сентября, когда поезд президента стоял на станции Коувола, из Ставки пришло сообщение, что немцы требуют сдачи гарнизона острова Гогланд. Когда финны отвергли это требование, немцы на кораблях, имея 2500 солдат и офицеров, подошли к острову и начали высадку. Финны, избегая боя, оттянули свои силы к западному берегу. Захват Гогланда давал немцам некоторые преимущества. Они прикрывали отход своих сил из зоны Финского залива, а главное — тормозили боевое траление и выход советских подводных лодок. Скоординировав свои действия с финнами, советская авиация нанесла удар по немецким кораблям в районе бухты Сууркюля. Уцелевшие суда, бросив десант на Готланде, ушли в юго-западном направлении. Немцы подняли белый флаг и сдались финнам.

19 сентября 1944 года финский парламент, собравшись в 6 утра, принял решение подписать с Советским Союзом соглашение о перемирии, и оно через шесть часов было подписано в Москве.

22 сентября 1944 года приехала в Хельсинки и начала свою работу Союзная контрольная комиссия, которую возглавил один из наиболее доверенных помощников Сталина, партийный руководитель Ленинграда, 48-летний генерал-полковник Андрей

Александрович Жданов.

Читая разведсводки, Маннергейм знал, что Жданов, пожалуй, единственный из советской партийной элиты слишком предвзято относится к Финляндии. Еще в ноябре 1936 года он заявлял: «Если в Европе возникнет конфликт с СССР, необходимо будет оккупировать часть финской территории». Жданов был одним из авторов Советско-финской войны 1939–1940 годов.

28 сентября 1944 года территория Порккала была передана советской стороне, а вечером генерал Айро подробно доложил Маннергейму о первом боевом столкновении его частей с немцами в Лапландии.

Маршал до последнего момента тянул время с выполнением пункта договора об эвакуации немецких войск из Лапландии. Это было связано с тем, что Маннергейм должен был нарушить кодекс чести и выступить против тех, кого официально называл «братьями по оружию». Трудно сказать, что в это время творилось в душе маршала. Известно, что он написал завещание, отправил ценности и важные документы в Швецию, носил при себе быстродействующий яд.

В первые дни война на севере была, по существу, игрой по финско-немецкому сценарию, выполнявшему устное указание Маннергейма: «Идите на компромиссы и стремитесь договориться и сберечь как можно больше финской крови и имущества».

Советские военные наблюдатели на севере сразу заметили двойную игру финнов. «Покажите мне хоть одного интернированного немца!» — бушевал в Москве Молотов.

Маннергейму было уже не до спасения своей чести — нужно было спасать страну. Он отдает приказ начать настоящие военные действия, которые закончились лишь в апреле 1945 года.

В четверг 5 октября 1944 года в Хельсинки приезжает Жданов и на субботу назначает встречу с Маннергеймом.

Разведка оборонительных сил Финляндии подготовила для президента подробную характеристику большевистского лидера, в которой была такая информация: «В общении Жданов тяжелый, властный человек, лишенный предрассудков… Редко размышляет над ситуацией, прежде чем начать действовать… Заядлый курильщик ленинградских папирос „Беломорканал“. Любит сухое грузинское вино».

В ожидании приезда Жданова в резиденции президента Таминеми была некоторая напряженность, которая несколько ослабла, когда Жданов и сопровождающие его лица вошли в резиденцию без оружия. Правда, снаружи ее окружали хорошо вооруженные советские солдаты.

Встретились два генерала. Один — боевой, 77-летний,

ветеран пяти войн, статный и элегантный, в накрахмаленной белой рубашке с дорогим английским галстуком и в прекрасно сшитом темном костюме. Другой — штатский, всю блокаду просидевший в Смольном, недавно надевший мешковатый генеральский мундир с короткими и помятыми брюками.

Маннергейм сразу заговорил на прекрасном русском языке, его поддержал генерал Вальден — бывший поручик царской армии. Плотный, с одутловатым лицом и широкими бедрами, Жданов вяло пожал руку маршала. Вдруг он неожиданно оживился, как бы пораженный незнакомой для него рациональной «буржуазной» обстановкой помещений резиденции президента Финляндии и еще в большей мере — обилием грузинских вин.

Жданов, к удивлению своего заместителя, вечно мрачного генерал-лейтенанта Савоненкова, вдруг начал широко улыбаться и, обратившись к Маннергейму «Ваше высокопревосходительство», заявил, что в Первую мировую войну он служил в дивизии, которая входила в кавалерийский корпус Маннергейма. «Вот как?!» — удивленно воскликнул маршал и предложил в память об этом выпить грузинского вина. Выпив, Маннергейм пригласил Жданова в другую комнату, попросив остальных немного подождать.

Ожидание было долгим, так как Жданов, вспомнив мировую войну, начал перечислять людей, имена которых он помнил, — от генерала Приходкина до ефрейтора Полищука — личного шофера Маннергейма. Он рассказал веселый случай, который произошел с ним в Кишиневе, когда на базаре он вместо самогона купил воду. Жданов, забыв, что беседует с «палачом финского народа и фашистом», громко смеялся, слушая короткие фронтовые анекдоты, которые блестяще рассказывал Маннергейм.

Действительно ли Жданов в дни Первой мировой войны служил в кавалерийском корпусе, которым командовал генерал-лейтенант Маннергейм? Или… как писали его биографы, «был революционным пропагандистом в резервных полках тыла армии»? Только недавно стал доступен исследователям ранее закрытый послужной список сына статского советника, вице-губернатора Тверской губернии, прапорщика-артиллериста дивизиона конной артиллерии 12-й кавалерийской дивизии Андрея Жданова.

Блестяще, с долей юмора и военных воспоминаний построив дальнейшую беседу со Ждановым, маршал быстро обезоружил его, не ожидавшего подобного от «побежденного царского генерала», как Сталин в своем кругу называл Маннергейма. Жданова от волнения спасли «Беломор», пачку которого

предусмотрительно предложил ему маршал, и документы, которые быстро положил перед ним генерал Савоненков.

Вторая папироса помогла генерал-полковнику строить свои фразы в форме любезного диктата: «Вы обязаны… вы должны… мы считаем… мы продумали». Видя, что диалог не получается, Маннергейм быстро подключил к разговору всех членов двух делегаций, что очень обрадовало Жданова. Коллегиальность его всегда выручала.

После этой встречи генерал-полковник Жданов стал избегать личных контактов с Маннергеймом, в дальнейшем общаясь с ним письменно или по телефону.

Президент во время вышеупомянутой встречи со Ждановым быстро разгадал планы Союзной контрольной комиссии: коммунисты и поддерживающие их партии создают «Народный фронт», затем проводят с поддержкой Советского Союза хорошо организованные выборы, входят в финский парламент и занимают в нем ключевые посты.

Маннергейм решает не вмешиваться в ход военных событий в Лапландии. Он передает командование финскими вооруженными силами генералу Хейнриксу, сам оставаясь главнокомандующим, но только формально, как президент.

30 сентября 1944 года генерал-лейтенант Савоненков в резких, скорее хамских выражениях потребовал от премьер-министра активных боевых действий на севере. Он обвинил финское командование в том, что оно делает все, чтобы не выполнить вторую статью соглашения о перемирии, потребовав, чтобы не позднее восьми часов 1 октября 1944 года наступление началось и немецкие войска были разоружены.

Это заявление «правой руки Жданова» было серьезным обвинением, направленным против президента. Генерал-лейтенант Аксель Айро срочно разрабатывает новый план наступления, и когда он его передал Савоненкову, поступило сообщение, что город Торнио 1 октября взят финнами.

Зная, что один из пунктов соглашения о перемирии указывал на то, что при необходимости советские войска должны оказывать поддержку финской армии, генерал-лейтенант Айро 5 октября, а маршал Маннергейм 7-го обращаются к Жданову с просьбой отрезать немцам пути отхода в Северной Лапландии. Однако Жданов отклоняет эту просьбу, так как она, по его мнению, слишком запоздала. Советская стратегическая цель — контроль над побережьем Северного Ледовитого океана — стала ясна, когда 7 октября началось крупное советское наступление в районе Петсамо.

16 октября Маннергейм получает от Жданова послание,

связанное с действиями финских войск в Северной Лапландии, выдержанное в тонах критики и недоверия. Оно завершалось угрозой принять меры, которые Советский Союз «сочтет необходимыми, вплоть до оккупации».

Первой реакцией маршала на это послание Жданова был серьезный разговор с Хейнриксом и Айро, а затем ответное письмо, где перечислялись десятки трудностей, с которыми столкнулась финская армия — от сложного рельефа местности до боевой выучки немецких войск.

В середине октября в Хельсинки создается общество «Финляндия — Советский Союз», членом президиума которого становится Паасикиви.

В понедельник 30 октября начинаются аресты лиц, обвиняемых в военных преступлениях, согласно статье 13 соглашения о перемирии. В этот список были включены 44 человека, а удалось арестовать только 33, среди которых оказались герой двух войн Пояри, Полоярви и другие. На следующий день президент утвердил закон о роспуске шюцкора и других неугодных Советскому Союзу финских обществ.

Выступая 6 ноября 1944 года на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, маршал Сталин сказал: «…освободив Выборг и Петрозаводск, мы отбросили финнов в глубь Финляндии…»

10 ноября 1944 года все центральные газеты Советского Союза опубликовали поздравление Маннергейма с национальным праздником СССР, третьим после США и Турции.

14 ноября Союзная контрольная комиссия, состав которой стал приближаться к тысяче человек, провоцирует правительственный кризис. Правительство Урхо Кастрена уходит в отставку.

Государственный советник Юха Кусти Паасикиви. явно под влиянием Жданова, формирует новый кабинет, куда вошли и коммунисты. Маннергейм назвал Паасикиви соглашателем — покорным перед коммунистами. Тот же, в свою очередь, заявил, что президент принимает только те решения, которые не угрожают его популярности в народе, и вообще он уклоняется от совместной работы, заставляя премьер-министра выполнять его непопулярные обязанности.

23 ноября прекратила свое существование женская организация «Лотта Свярд». Через три дня Маннергейм узнает, что на встрече с работниками Союзной контрольной комиссии Жданов заявил, что «стратегическая цель товарища Сталина — превратить хозяйственную жизнь Финляндии в придаток советской экономики».

В субботу 2 декабря 1944 года Маннергейм теряет своего старого и близкого друга и помощника с дней Национально-освободительной войны 1918 года генерала от инфантерии Рудольфа Вальдена. Министром обороны стал генерал-лейтенант Вяйно Валве.

В последний день 1944 года президент Маннергейм отдает свой последний приказ в качестве главнокомандующего финской армией, в котором пишет: «Покидая, теперь уже в последний раз, активное руководство оборонительными силами Финляндии… С гордостью и благодарностью я вижу перед собой те бесчисленные серые ряды, которые, непоколебимо верные своей задаче, оказали мне доверие и поддержку… С глубоким благоговением и почитанием вспоминаю я тех из нас, кто не вернулся с полей сражений…

Желаю вам всем успехов и счастья, которые рождаются на почве свободного Отечества. Пусть Высшая судьба служит процветанию Финляндии».

В одном из своих грозных посланий Жданов потребовал от Маннергейма демонтировать всю финскую тяжелую артиллерию к западу от Порккала. Однако маршал не сдавался, заявив, что подобные требования не имеют места в тексте договора о перемирии. «Русская сторона убедилась, — продолжал он, — что финский народ не только выполняет все свои договорные обязательства, но и готов перейти к добрососедским отношениям. Можно начать разговор о заключении оборонного союза».

Разговора о совместной обороне территорий обоих государств в северной части Балтийского моря, в будущем ставшего основой-подписанного 6 апреля 1948 года Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией, не пришлось долго ждать.

18 января 1945 года генерал-полковник Жданов приехал к президенту для консультаций по совместной работе над проектом договора о дружбе и сотрудничестве. На этой встрече Жданов использовал весь свой «месячный запас» улыбок, теплых слов и шуток. Встреча была короткой, так как Маннергейм извинился, сказав, что до воскресенья он будет в деловой поездке, а в понедельник он готов встретиться вновь.

Поездка, о которой упомянул маршал, была в Миккели, где в бывшей своей Ставке он встречался с Эриком Хейнриксом и Оскаром Энкелем. Разговор у них шел о возможном договоре с Москвой.

22 января 1945 года в резиденции финского президента состоялось большое совещание, на которое приехали А. А. Жданов, Г. М. Савоненков, контр-адмирал

А. П. Александров, а также другие советские офицеры. Маннергейм пригласил группу высших финских офицеров во главе с Э. Хейнриксом. Несколько высокопоставленных гостей президента уединились в его салоне, где вели приятную, а порой и веселую беседу. Маннергейм попросил Хейнрикса подготовить к этому совещанию дипломатический документ с изложением финских взглядов на будущий договор Финляндии и Советского Союза.

Маннергейм лично, на русском языке, на основе полученных от Жданова документов, составил проект договора о дружбе и сотрудничестве.

Об этом совещании позднее президент проинформировал Паасикиви и Карла Энкеля. Появилась надежда на более крупные советские уступки, но она, к сожалению, не оправдалась. Прежде чем такой договор может быть заключен — необходим настоящий мир, а его пока не было.

Для Маннергейма как президента Финляндии самым щепетильным оставался вопрос о военных преступниках и их наказании. Специально созданная комиссия и привлеченный в качестве эксперта бывший президент Каарло Юхо Стольберг заявили, что по законам Финляндии никто из государственных деятелей страны к ответственности привлекаться не может. Однако пункт 13-й соглашения о перемирии надо было выполнять. Канцлер юстиции Финляндии предложил, а правительство разработало проект закона о военных преступниках. Маннергейм, с некоторыми поправками, подписал этот закон, а парламент утвердил.

В конце апреля 1945 года генерал-полковник Жданов потребовал от Маннергейма ареста и выдачи в качестве военных преступников 22 человек русской национальности, имеющих и не имеющих финское гражданство. Одновременно министр внутренних дел, без согласия президента и правительства, арестовал этих людей, которых тайно увезли в Ленинград, где их следы и затерялись. Узнав об этом, Маннергейм предупреждает руководителей Союза бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Хельсинки Эдуарда Менда и Михаила Небо о советской опасности и помогает им скрыться.

Все эти действия «ищеек Жданова» окончательно развенчали в глазах Маннергейма «русский патриотизм» генерал-полковника, который на деле оказался пустыми словами.

Президент Финляндии, сославшись на состояние своего здоровья, отказался от всех контактов со Ждановым, поручив их премьер-министру.

6 июня 1945 года по требованию Союзной контрольной

комиссии главнокомандующий Вооруженными силами Финляндии генерал от инфантерии Эрик Хейнрикс был снят со своего поста, как и генерал-лейтенант Аксель Айро.

10 августа 1945 года были восстановлены дипломатические отношения Советского Союза с Финляндией. Чрезвычайным и полномочным послом стал Павел Орлов.

13 сентября в Хельсинки были избраны 12 членов суда и назначена следственная комиссия по делам ответственности за войну. Когда Маннергейм получил для утверждения список виновников войны, он сказал: «Я не могу такого подписать. Могу только поставить свое имя первым в списке».

В четверг 18 октября 1945 года маршал Маннергейм по состоянию своего здоровья, что подтвердил медицинский консилиум, перестал выполнять обязанности президента Финляндии, возложив их на премьер-министра Паасикиви. Через четыре дня маршала в частном порядке у него дома допросили члены следственной комиссии, задав 25 вопросов.

Как президент, Маннергейм пользовался неприкосновенностью, правда, это не имело большого значения для Москвы. Однако Сталин понимал, что предать суду старого маршала — значит бросить на скамью подсудимых саму идею независимости Финляндии, а этого он не хотел.

Суд над финскими виновниками войны начался в Хельсинки на Шнельманкату в Доме сословий в четверг 15 ноября 1945 года — на следующий день после начала Нюрнбергского процесса. Во многом этот процесс был сведением внутриполитических счетов.

По доносу в Финляндии была раскрыта военизированная организация, имеющая большие склады оружия, подготовленные для ведения партизанской войны в случае оккупации страны русскими. Суду были преданы 1500 человек, во главе с ближайшим помощником Маннергейма генерал-лейтенантом Айро, который пробыл в тюрьме три года.

В больнице Красного Креста, где лежал Маннергейм, его посетил генерал-лейтенант Г. М. Савоненков, который сообщил маршалу, что он не будет привлечен к суду как военный преступник и советское руководство не требует его отставки, а тем более — ухода из политической жизни страны.

В начале осени 1945 года состояние здоровья Маннергейма резко ухудшилось. Его мучили острые боли в желудке, и он опасался, что, подобно трем своим сестрам, болен раком. Однако врачи установили, что у него язва желудка, и предложили ему отдых в Португалии. От санатория в Крыму, который ему настоятельно рекомендовал советский посол Орлов, маршал отказался. Тогда Жданов, к которому обратился Паасикиви,

запретил поездку в Португалию, но через четыре часа изменил свое решение. Что произошло за это время — стало известно недавно. Барон у себя дома принял двух неожиданных посетителей — личного представителя Сталина и переводчика лейтенанта Петрова. Полковник передал Маннергейму конфиденциальное послание генералиссимуса, о котором Жданов не знал. Сталин писал, что Маннергейма не привлекут к суду как военного преступника и он может свободно ехать за границу.

3 ноября 1945 года маршал Маннергейм вместе со своим врачом профессором Лаури Калайа и адъютантом полковником Рагнаром Грёонвалл, через Стокгольм, Париж и Мадрид, отправился в Португалию на курорт с африканским климатом Пража де Роча.

На испанской пограничной станции барона встретили с большой помпой, его посадили в вагон-салон бывшего главы государства маркиза Мигеля Примо де Ривера. Губернатор произнес речь, а герцог Сарагосский занял место машиниста поезда. В Мадриде Маннергейма навестил брат главы испанского государства Франциско Франко, Николас, который передал привет от каудильо. Барон хотел побывать в Толедо, но потом отказался и отправился в Лиссабон, а затем на курорт Пража де Роча, где остановился в гостинице «Бела Вистон». Здешние врачи избавили его от хронического воспаления легких, подлечили язву желудка. На курорте он провел шесть недель, разъезжая на автомобиле диктатора Салазара. Почта из Финляндии через Швецию поступала не регулярно. Маннергейм страдал из-за полной изоляции от родины, думая, что Паасикиви отстранил его от политической жизни страны и «положил на полку архива». В Португалии Маннергейм встречался с премьер-министром Салазаром и с президентом Кармоне, принимавшим его в своем старом дворце, убранство которого говорило о блестящей истории этой страны как морской державы.

В Париже из-за повторного появления болей в желудке маршал лег в больницу, где пробыл недолго. Тогда же он встретился с дочерью Софьей, побывал на могиле жены. Рождество Маннергейм провел тоже в Париже, так как билет на самолет до Стокгольма ему не достали, и только 29 декабря он вылетел туда.

3 января 1946 года маршал прибыл в Хельсинки и сразу лег на три недели в больницу Красного Креста.

В среду 9 января возобновился суд над виновниками войны. 12 января все финские газеты начали писать о тяжелой болезни Маннергейма и о том, что президент нуждается в полной изоляции и отдыхе в течение шести недель и, возможно, он

примет решение об отставке.

21 февраля 1946 года был оглашен приговор над финскими военными преступниками, и Маннергейм на один день вернулся к исполнению своих обязанностей, чтобы повлиять на судьбу нескольких десятков офицеров, которым приказали уволиться из армии.

Генерал Энкель посетил Маннергейма и пытался уговорить его подать в отставку. Президент согласился и даже написал прошение, но не отослал его. Маршал боялся, что, как только он лишится президентского иммунитета, его сразу объявят военным преступником.

Но в понедельник 4 марта 1946 года он все же направил правительству письмо, приложив к нему медицинское свидетельство, о своем решении уйти в отставку.

Получив письмо маршала, премьер-министр Паасикиви зачитал его по радио, добавив к нему свои слова: «…Президент Маннергейм может уйти на заслуженный отдых, зная о том, что народ Финляндии никогда не забудет тех огромных услуг, которые он оказал Отечеству. Наилучшие и самые теплые пожелания нашего народа всегда будут с ним».

9 марта 1946 года на пост президента Финляндии был избран Юхо Кусти Паасикиви.

Глава 18
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

После отставки Густав Маннергейм продолжал жить как частное лицо в своем двухэтажном особняке на Каллиолиннантие, где было восемь комнат. Интерьер дома отражал представление Маннергейма о себе как о широко известном человеке, образ жизни которого определяет профессия. Охота была большим увлечением маршала, и охотничьи трофеи, украшавшие дом, являлись наглядным подтверждением этому. Здесь же предметы, привезенные Маннергеймом с Востока. По решению правительства маршал мог пользоваться услугами адъютанта. Его хозяйство вели две работницы. Ему был предоставлен автомобиль с водителем. Маршал писал своей невестке Паламоне: «Я избавился от такой порой большой ответственности — да, хорошо наконец быть свободным». В письме к сестре он говорил: «Теперь нужно начинать как частному лицу обходиться карточками и, если возможно, иногда — помощью „черных сил“…»

У маршала было поместье Геркнес Горд в юго-западной Финляндии, недалеко от Хельсинки. Большой дом с хозяйственными постройками и 2300 гектаров земли, из которых только 100 было возделанной. По странной игре случая это поместье начиная с XV столетия принадлежало шести маршалам.

Особняк в Хельсинки, который как подарок он получил 4 июня 1942 года, из-за неправильного оформления был потерян, и за него барону в качестве компенсации заплатили 12 миллионов марок.

Здесь, в Геркнес, Маннергейм решил заняться хозяйством — выращивать хорошие яблоки и помидоры. Гордился своей оранжереей. Однако его ожидал неприятный сюрприз — был принят закон об устройстве беженцев, выделяющий им часть земель государства и крупных землевладельцев. Оказалось, что половина земли Геркнеса отходит новым поселенцам. Маннергейму могли сделать исключение, но он отказался.

Осенью Маннергейм последний раз гостит в Швеции у вдовы брата Паламоны, которая через несколько месяцев умирает. Все меньше родственников остается у него. «Оглядываюсь, вижу вокруг одни могилы», — говорил Маннергейм.

Здесь, в Стокгольме, маршал знакомится с графиней Гертруд Арко-Валлей, сестрой известных шведских банкиров Валленбергов, получивших мировую известность благодаря

Раулю, племяннику Маркуса Валленберга, погибшему в застенках Берии.

79-летний маршал был неравнодушен к молодым женщинам. На этом основании некоторые люди пытались обвинять его в многочисленных грехах, и когда Гертруд приехала в Геркнес, даже пытались состряпать дело о выжившем из ума старике.

У Маннергейма было множество женщин, но только теперь он мог жить со своей избранницей под одной крышей — в Геркнес у графини была своя комната.

В апреле 1947 года Анна Танеева (Вырубова), которая жила в Хельсинки, в порыве отчаяния, когда несколько дней не могла купить хлеба и ей грозило выселение из квартиры за неуплату, обращается с просьбой о помощи к Маннергейму, с которым она вела переписку и один раз встречалась, получив рекомендательное письмо к властям.

25 мая Маннергейм ответил ей: «Я не могу вам помочь. Я говорил вам об этом несколько лет тому назад. С тех пор вы могли сами, живя в стране, учитывая беспорядки, уменьшить свои требования до минимума…» Действительно ли бывший президент Финляндии был так беден, что не мог помочь Танеевой? Мог, ведь, отказав Анне в помощи, он тем не менее выслал дочерям 200 тысяч франков.

Летом барона в Геркнес навестили обе дочери.

Маннергейм устал быть символом и день своего 80-летия, чтобы избежать чествования и торжественных церемоний, провел в имении одного из друзей, которых у него осталось только четверо.

Здоровье маршала все ухудшается. Язва постоянно дает о себе знать. К декабрю 1947 года болезнь приняла угрожающий характер, и его оперировали в Стокгольме.

Силы постепенно возвращались к Маннергейму, и он задумал начать работу над своими воспоминаниями, в которых необходимо было показать движущие мотивы и развитие финской политики, историю страны начиная с 1917 года. Он не собирался критиковать чьи-либо поступки или потешаться над бывшими соратниками или друзьями.

Местом своей работы над мемуарами он, по совету своего врача, профессора Нанны Шварц, выбрал известный швейцарский диетический санаторий «Валмонт» в Монтрё на берегу Женевского озера. Это было одно из лучших в послевоенный период лечебных учреждений Западной Европы с очень высокими ценами и массой дополнительных услуг. Старинное, ныне существующее здание имеет широкие балконы. Сразу за его тыльной частью возвышается крутой горный склон, поэтому

прямо с дороги можно попасть на третий этаж. Спальня Маннергейма была на втором этаже, а кабинет, где он работал, — на третьем, причем архив хранился в гардеробе, а письменные принадлежности и бумага — в платяном шкафу.

Маннергейм думал, что в этом санатории он и его помощники найдут спокойную рабочую обстановку и политическую стабильность.

Началась трудная работа над текстом воспоминаний с помощью помощника полковника Аладара Пассонена, сына финского профессора и венгерки. Некоторые разделы своей работы маршал писал сам, но больше диктовал стенографистке и рассказывал, сохраняя присущий ему аристократизм и отстраненность от личных вопросов. В опубликованном в 1951 году двухтомнике есть только два предложения о жене и ее отце.

Делая небольшие перерывы в работе, чтобы подышать горным воздухом, Маннергейм шутил, обращаясь к Пассонену: «Вряд ли я напишу больше Реклю, который здесь, в Кларене, подготовил 19 томов своих географических сочинений. У меня будут один-два тома».

В работе над отдельными фрагментами воспоминаний экс-президента принимали многие люди, такие, как Эрик Хейнрикс, Леонард Гранделл, Армас-Эйно Мартола, а также военный историк генерал-лейтенант Тауно Виктор Вильянен. Полученные от них материалы маршал тщательно просматривал и проверял. Сложнее было с российскими материалами при написании раздела о Первой мировой войне. Помогли старые соратники: Э. Г. фон Валь, А. Л. Носович, М. М. Георгиевич. Некоторую помощь оказывал русский фонд местной библиотеки, где Маннергейм пользовался русскими энциклопедиями. Обычно он, беседуя по-русски с библиотекарем, спрашивал его: «Скажите, есть ли новости в газетах о моем Петербурге?»

Гертруд Арко, приезжая в Швейцарию, останавливалась в Лозанне. Посещая «Валмонт», она интересовалась работой барона, фрагменты своих воспоминаний он иногда ей читал.

Молодая женщина, вселяя в старого маршала творческую энергию, за его счет, не стесняясь расходов, начала строить большой дом в Монтрё, постоянно подчеркивая, что в нем они найдут свое счастье. Правда, это «счастье» обошлось правительству Финляндии по настоянию графини в очень крупную сумму, когда Маннергейма не стало.

Гертруд, приезжая в Валмонт, «вытягивала» маршала из его кабинета, заваленного бумагами, на природу.

Сначала барон предлагал молодой женщине пройтись по «тропинке роз» к старинной церкви, построенной у подножия

скалы Глиона. Маннергейм любил слегка освежить лицо водой источника, вытекающего из скалы, на которой стояла церковь. Эта вода была кристально чиста и, как гласила легенда, помутнела только один раз в 1755 году, когда страшное землетрясение разрушило Лиссабон. Иногда Гертруд приезжала в санаторий на спортивной машине и предлагала барону «прогуляться» к «плачущей скале», расположенной выше Кларена, куда в то время был сложный подъем. Маршал, каждый раз подходя к этой легендарной скале, проводил по ней ладонью, собирая многочисленные водяные капли, и тихо начинал рассказ о бароне Шолене, который, воспротивившись женитьбе сына на его любимой девушке, воскликнул: «Никогда она не будет женой моего сына, если только скала у моего дома заплачет!» — и… скала заплакала и плачет по сей день крупными водяными каплями, причем круглый год, привлекая массы туристов.

В апреле 1948 года Маннергейм побывал в Лугано, но эта поездка, несмотря на местные красоты, его не радовала. Жизнь его здесь была полна ограничений в еде и прекрасных местных винах. Он потерял остроту вкусовых ощущений. Здесь два года назад он перевернул последнюю страницу своего самого долгого романа с прекрасной Ивонн ла Брюсс. На момент их первой встречи ей было девятнадцать, и она с достоинством носила звонкий титул «мисс Франция».

Писатель Лев Любимов, автор некогда известной у нас книги «На чужбине», рассказывал мне, что в 1934 году о маршале и самой красивой девушке Франции судачил весь Париж. Дело было не только в громких именах обоих влюбленных, Маннергейм был старше Ивонн почти на полвека. Впрочем, маршал выглядел великолепно, недаром друзья с восхищением говорили: «Мало кто из нас умеет так стареть, как Маннергейм».

«Однажды вечером, — вспоминал Любимов, — я приехал в „Казанову“, маленький, но очень дорогой ресторан у подножия Монмартрского кладбища. Завсегдатаями этого ресторана были „сливки Парижа“, и я, в ту пору корреспондент русской газеты „Возрождение“, черпал здесь информацию для нашего раздела „Светская жизнь“. Все столики были заняты, тем не менее оркестр не играл, и во всем ощущалась какая-то напряженная атмосфера. Хозяин, метрдотель и четыре официанта явно кого-то ожидали. Действительно, около полуночи появился высокий, элегантный Маннергейм в прекрасном фраке, а с ним молодая дама в накинутой на плечи дорогой шубе. Весь ресторан встал, провожая взглядом знаменитую пару. Маннергейм и прекрасная шатенка, отведав жиго с красным бургундским вином, много танцевали. По просьбе маршала оркестр — с блестящим соло на аккордеоне —

дважды исполнил популярное танго „Магнолия“. Около двух часов ночи высокий гость и его спутница уехали».

Эта связь продолжалась несколько лет, но летом 1938-го Ивонн ла Брюсс вышла замуж за Ага-Хана III, 48-го имама секты исмаилитов. По слухам, которые доходили до Маннергейма, в этом оригинальном браке королева красоты не нашла счастья. Ивонн отказалась ехать в Индию, где недалеко от Бомбея жил Ага-Хан со своим гаремом, даже несмотря на то, что муж обещал сделать ее первой женой. В конце концов Ага-Хан купил француженке роскошный особняк в Антибе, на юге Франции, но отношения супругов все равно не ладились.

В апреле 1943 года в финское посольство в Швейцарии явилась Бегум Ага-Хан, как теперь звали Ивонн ла Брюсс, и напрямую поинтересовалась, когда Маннергейм прибывает в Лугано для краткосрочного отдыха.

— Откуда вы знаете о визите господина маршала? — изумился посольский чиновник.

— Он сам мне об этом сказал, — спокойно ответила посетительница.

И это было сущей правдой. До предела загруженный заботами военного времени, Маннергейм все же находил время. чтобы позвонить Ивонн. Да и она иногда заказывала разговор с Миккели, где находилась Ставка главнокомандующего финской армией.

Теперь они наконец встретились в Лугано. Ивонн была по-прежнему прекрасна, только немного располнела. И еще исчезли детская непосредственность, очаровательная беззаботность. Умудренный жизнью Маннергейм мгновенно почувствовал, что их прежние долгие автомобильные прогулки вдоль зеркальных озер Булонского леса, по набережным Сены и шумному Латинскому кварталу, балы у принцессы Бонапарт, задушевные беседы со знаменитой официанткой «Чайного заведения» Шебеко, любимой сестрой Николая II великой княгиней Ксенией Александровной — все это безвозвратно ушло в прошлое.

На другой день, во время прогулки по набережной Луганского озера до пьяццо Джирардини, Маннергейм попытался расспросить, как живется Бегум Ага-Хан в ее золотой клетке. Но Ивонн тактично уходила от прямых ответов. Когда поднялись на вокзальную террасу, чтобы полюбоваться живописными вершинами Бре и Сан-Сальваторе, маршал уже не мог отделаться от мысли, что рядом с ним не близкая женщина, а деловой партнер. Как главнокомандующий одной из воюющих стран Европы, он не мог не знать, что Швейцария наводнена тайными агентами чуть не всех крупнейших разведок и его инкогнито

здесь чистейшая липа, — недаром советская пропаганда уже вовсю трубит, что барон выслан из Финляндии и его место занял немецкий ставленник.

Вечером Маннергейм пригласил Ивонн на ужин в ресторан отеля, где остановилась небольшая финская делегация. Они сидели в самом дальнем уголке, надежно укрытые двумя столиками, которые были заняты офицерами, сопровождавшими маршала в этой поездке. Стало темнеть. Через огромные окна ресторана было видно бездонное звездное небо. Певица исполняла душещипательные неаполитанские напевы. Затем оркестр заиграл фокстрот.

Беседа не клеилась. Общие фразы казались фальшивыми, а искренность и тепло прежних отношений так и не вернулись. И тут Ивонн заговорила… о бумаге. Не может ли он помочь закупить в Финляндии крупную партию бумаги и, естественно, со скидкой? Что это было, поручение нелюбимого супруга или задание спецслужбы какой-то страны? Маннергейм мягко улыбнулся и тут же прекратил этот разговор, сославшись на трудности военного времени. Вечер был испорчен окончательно.

Расстались просто как старые знакомые. По возвращении в Финляндию Маннергейму доложили, что агенты Ага-Хана неотступно следили за маршалом на протяжении всех дней его пребывания в Лугано.

В последний раз Маннергейм увидел Ивонн в самом конце 1946 года и снова в Лугано.

На большой рождественский бал он пришел с графиней Гертруд Арко-Валлей. В самый разгар вечера мимо столика, за которым сидели маршал и графиня, вдруг прошла Ивонн.

Она не остановилась, лишь, слегка поклонившись, любезно улыбнулась старому другу.

Больше они никогда не виделись, но фотография Ивонн всегда стояла на рабочем столе Маннергейма.

Когда в Швейцарии начинались затяжные дожди, Маннергейм с графиней Арко отправлялись в Италию, в Милан, где наслаждались оперой в Ла-Скала. Маннергейму нравилось, что, когда он с Гертруд входил в зал, вся публика, в знак уважения к нему, вставала.

В середине 1948 года маршал приезжал в Финляндию для участия в выборах в парламент и провел месяц в поместье Геркнес. Затем он вернулся в «Валмонт», где продолжал трудиться над своими воспоминаниями, четко распределив время работы, чтобы мемуары были закончены до того, как он по состоянию здоровья уже не сможет диктовать.

17 января 1950 года Маннергейм вновь посетил Финляндию

для участия в президентских выборах и провел неделю на родине. Вернувшись в Швейцарию, он продолжал работать над воспоминаниями.

Самочувствие Маннергейма всю весну и лето было неважное, но в сентябре он приехал в Хельсинки, чтобы обсудить с издательством «Отава» детали публикации своих мемуаров, а также выслушать мнение «знатока Москвы» президента Паасикиви. Маннергейма волновало, не вызовет ли появление его воспоминаний конфликт с Советским Союзом. Паасикиви считал, что вряд ли книга будет иметь политический резонанс, к тому же ответственность за нее несут автор и издатель, а никак не правительство Финляндии. Паасикиви лукавил. Свое мнение о «Мемуарах» он высказал в своих дневниках после смерти автора: «Прочел первую часть воспоминаний Маннергейма. Осталось неприятное впечатление. Желает показать, как он был всегда прав… Распускает свой хвост…» В двух томах «Мемуаров», напечатанных после смерти Маннергейма, много сокращений. Паасикиви не рекомендовал издателю печатать введение к «Мемуарам», где Маннергейм в весьма крепких словах выражал свои антикоммунистические убеждения и обвинял Советский Союз в развязывании Второй мировой войны.

Десять последних в своей жизни дней, проведенных маршалом на родине, были полны встреч и посещений знакомых мест. На одиннадцатый день высокая температура уложила Маннергейма в постель. Его срочно самолетом отправляют в Стокгольм, где профессор Нанна Шварц быстро установила, что у маршала воспаление легких средней тяжести. Через три дня, после активного лечения, Маннергейм шутил как обычно, заявляя, что его старшая дочь не интересуется ничем, кроме еды и молитвы.

Работа над воспоминаниями была еще не закончена, когда в пятницу 19 января 1951 года у маршала случилась сильнейшая желудочная боль, которая была невыносима. Она распространилась по всему животу. Язвенный процесс, несмотря на две тяжелые операции, продолжал прогрессировать. Главный врач доктор Видмер и весь медицинский персонал санатория очень внимательно следили за состоянием здоровья своего знаменитого пациента, периодически проводя консервативное лечение. Маршал не очень слушался врачей и часто вместо отдыха в постели и рекомендованных прогулок часами сидел за работой. Кроме того, повара санатория, при всем их умении, не могли приготовить пищу, нужную больному желудку маршала. То, что случилось с Маннергеймом, было неожиданностью для врачей. Его анализы ничего страшного не предвещали.

Маннергейм был срочно отправлен в центральный кантональный госпиталь Лозанны. Решение врачебного консилиума было однозначно: срочная операция, которая, по мнению профессора Нанны Шварц, была не нужна, вполне можно было обойтись лекарствами.

Утром 24 января 1951 года профессор Деккер провел двухчасовую операцию на кишечнике Маннергейма. На другой день ситуация будто бы стабилизировалась, боли прекратились. Маршал, предчувствуя свой конец, сказал, что за свою жизнь он провел немало сражений, но это будет его последним, и он его проиграет.

В пятницу в 16 часов наступило ухудшение. Когда профессор Нанна Шварц по просьбе финского правительства прилетела в Лозанну, состояние Маннергейма было уже критическим.

На другой день в субботу 28 января 1951 года в 15 часов пульс у маршала уже не прощупывался. Между 19 и 20 часами он пришел в сознание, но уже никого не узнавал. В момент смерти маршала Финляндии барона Карла Густава Эмиля Маннергейма, в 0.30 по финскому времени, рядом с ним находились посол Финляндии в Швейцарии, адъютант, Нанна Шварц и швейцарский врач. Профессор Деккер за пять минут до этого ушел в свой офис и к постели умершего пациента больше не возвращался. Дочь Маннергейма Софья появилась в госпитале через минуту-две после смерти отца. В этот день 33 года тому назад генерал-лейтенант русской армии Густав Карлович Маннергейм начал Национально-освободительную войну на своей родине — Финляндии.

В своем выступлении по радио в день смерти Маннергейма президент Паасикиви сказал: «…Ушел один из величайших людей, одна из блистательнейших фигур финской истории. Здесь невозможно перечислить все, что сделал Густав Маннергейм для своего Отечества. Это и не нужно: финский народ это чувствует и знает…»

Похороны маршала Финляндии были поручены президентом военному министерству. В Швейцарию на транспортном самолете «Дуглас» вылетели два кавалера Креста Маннергейма генерал-майоры Кустас Андерс Тапола и Альберт Пурома. После почестей, отданных швейцарской армией маршалу Финляндии, 300-килограммовый гроб с телом Маннергейма был погружен в самолет, который вылетел в Финляндию, где его ожидала торжественно-траурная встреча.

На родине тело маршала, проверив наличие большого нательного золотого креста — подарка сестер, переложили в гроб из меди. После фото- и киносъемки гроб был запаян. Наружный

деревянный «саркофаг» покрыли военно-морским флагом Финляндии.

Правительство опасалось того, что похороны Маннергейма могут вылиться во всенародную демонстрацию и привести к осложнениям с Советским Союзом. Было проведено голосование, в результате которого члены правительства Финляндии решили воздержаться от участия в похоронной процессии, за исключением президента Паасикиви, премьер-министра Урхо Кекконена и министра иностранных дел Айке Гартца.

На похороны Маннергейма съехались представители США и всех европейских стран кроме Норвегии. Советский Союз и страны народной демократии послать своих представителей отказались. В Хельсинки прилетели дочери маршала и его родственники.

Во время траурной церемонии в лютеранском соборе Святого Николая на Сенатской площади 4 февраля 1951 года председатель парламента Карл-Август Фагерхольм сказал: «Мы чтим память Великого солдата, Великого государственного деятеля, который теперь, устав от лет и почестей, уходит на покой в родную землю… Маршал Финляндии по особому праву принадлежит к центральным фигурам в истории независимой Финляндии. Никто не держал так твердо кормило власти в судьбоносные для родины часы. Этой твердостью он обязан величию своего духа. Он никогда не навязывал себя своему народу, а скорее предоставлял себя в его распоряжение, когда это требовалось…»

Несмотря на сильную стужу, в воскресенье 4 февраля 1951 года около 100 тысяч граждан Финляндии пришли, чтобы проводить в последний путь своего Великого человека. В Хельсинки царила глубокая тишина. Когда величественная похоронная процессия вышла на Унионкату, фельдфебель Силатанен вывел покрытую черной попоной любимую лошадь маршала Катю и часть пути провел ее за пушечным лафетом, на котором стоял гроб.

Вскоре на кладбище Хиетаниеми на красивом мраморном надгробие маршала Маннергейма в изголовье появился герб с девизом «За чистое дело — чистым оружием», а в ногах — маршальские жезлы.

Юха Кусти Паасикиви писал в своем дневнике: «…Даже после смерти Маннергейм служит стране, потому что в связи с его смертью помыслы народа Финляндии направятся на патриотические дела, а в этом мы нуждаемся. И его могила на кладбище Хиетаниеми станет местом паломничества и будет всегда напоминать нашему народу о героическом времени и

влиять на поддержание патриотического духа».

Так завершилась жизнь Великого человека XX столетия, который перенес из Санкт-Петербурга XIX века в Россию и Финляндию свой кодекс чести и аристократизм.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Граф Карл Роберт Маннергейм.

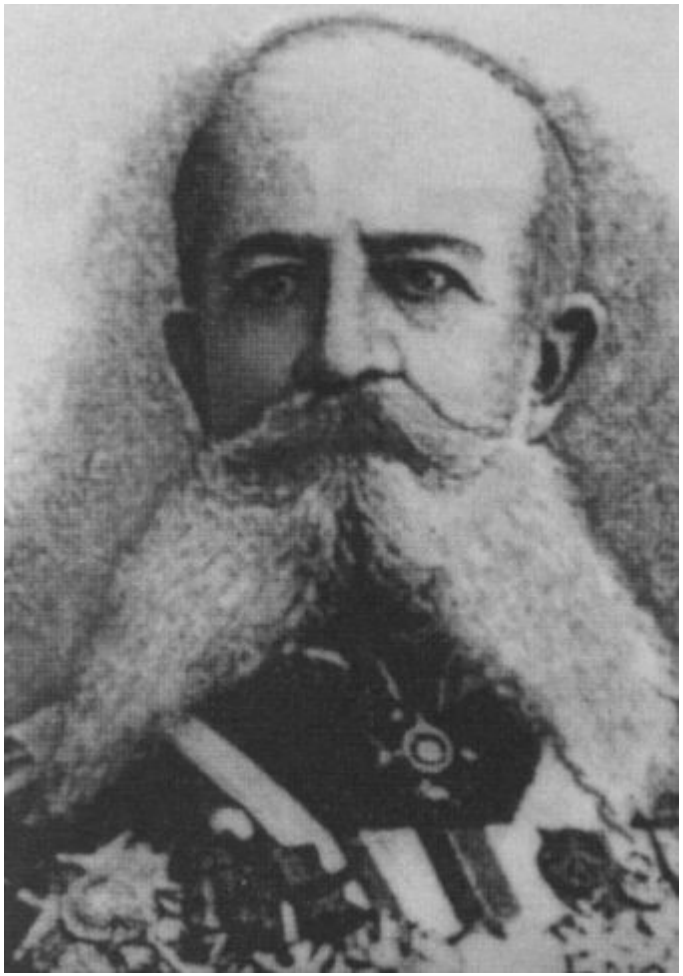
Графиня Хедвиг Шарлотта Хелена Маннергейм.

Дети Маннергеймов. В центре — Софья; слева — Юхан, Карл и Август; справа — Густав, Анна и Ева. 1878 г.

Густав Маннергейм — кадет Финляндского кадетского корпуса, 1885 г.

Густав Маннергейм — выпускник лицея Гельсингфорса, 1887 г.

Опекун Густава Альберт фон Клин.



Начальник Николаевского кавалерийского училища генерал от кавалерии барон А. А. Бильдерлинг.

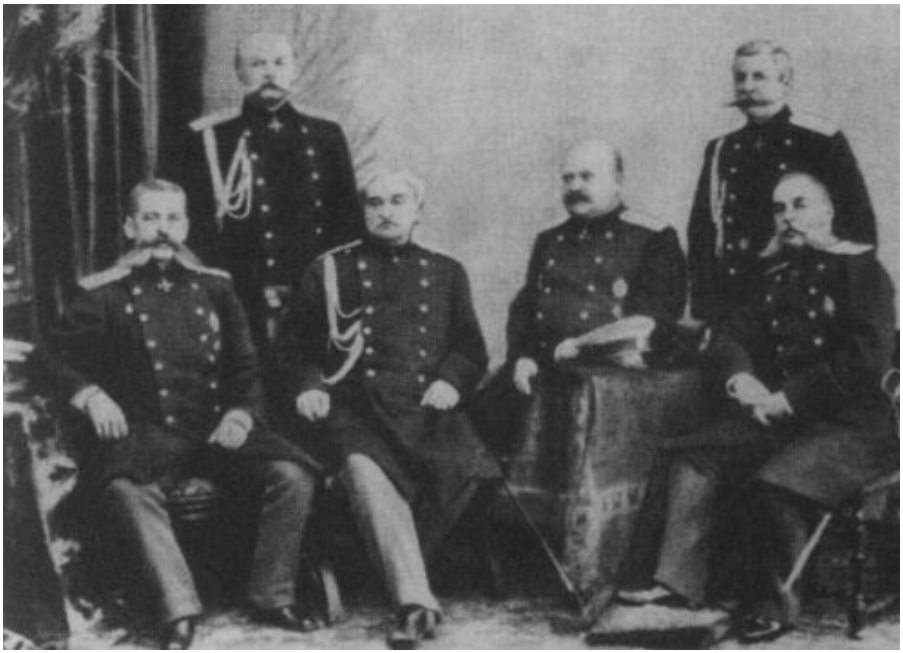
Э. Ф. Гренлунд.

Юнкер Николаевского кавалерийского училища барон Густав Маннергейм с товарищем. 1887 г.

Командир 15-го драгунского Александрийского полка генерал-майор А. Бистром.

Шеф Кавалергардского полка императрица Мария Федоровна Начало 1890-х гг.

Корнет Г. Маннергейм с вахмистром и унтер-офицерами эскадрона 15-го драгунского Александрийского полка. Калиш (Польша), 1890 г.



Командиры Кавалергардского полка: Н. А. Тимирязев, А. А. Гринвальд, А. И. Мусин-Пушкин, А. П. Игнатьев, А. Н. Николаев, Н. Н. Шипов.

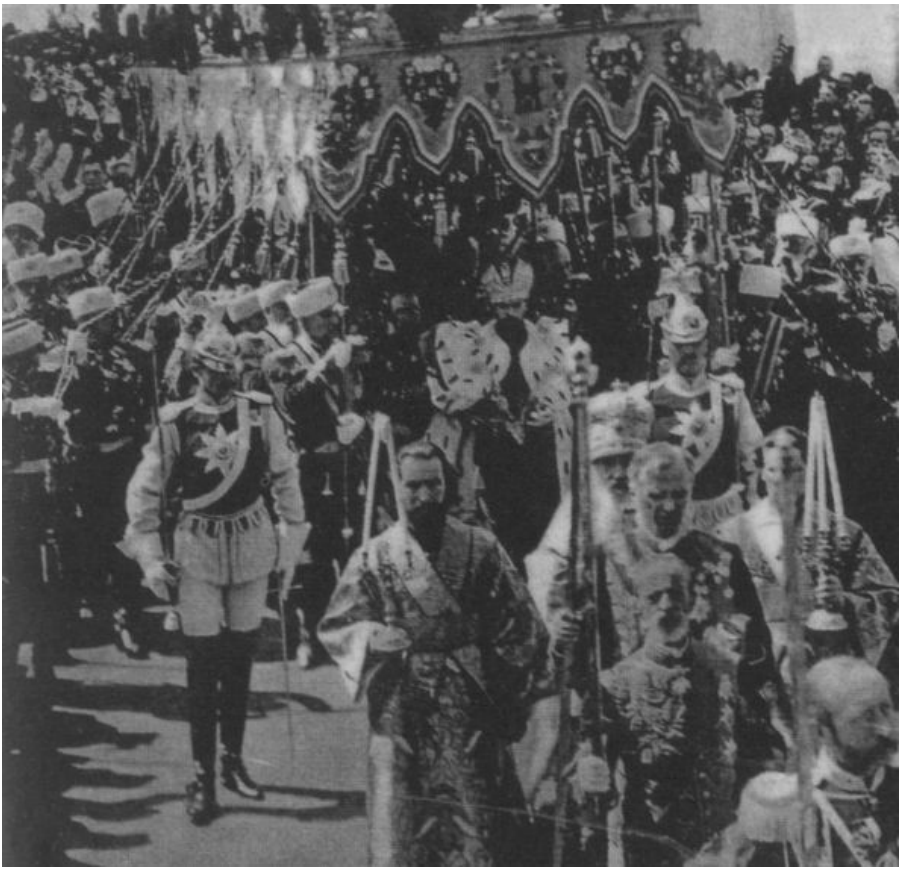
Здание Кавалергардского полка на Шпалерной улице Санкт-Петербурга.

Анастасия Николаевна Арапова.

Густав Карлович Маннергейм.

Софья и Анастасия Маннергейм.

Управляющий Придворной конюшенной частью генерал-майор свиты Его Величества Артур Александрович Гринвальд.



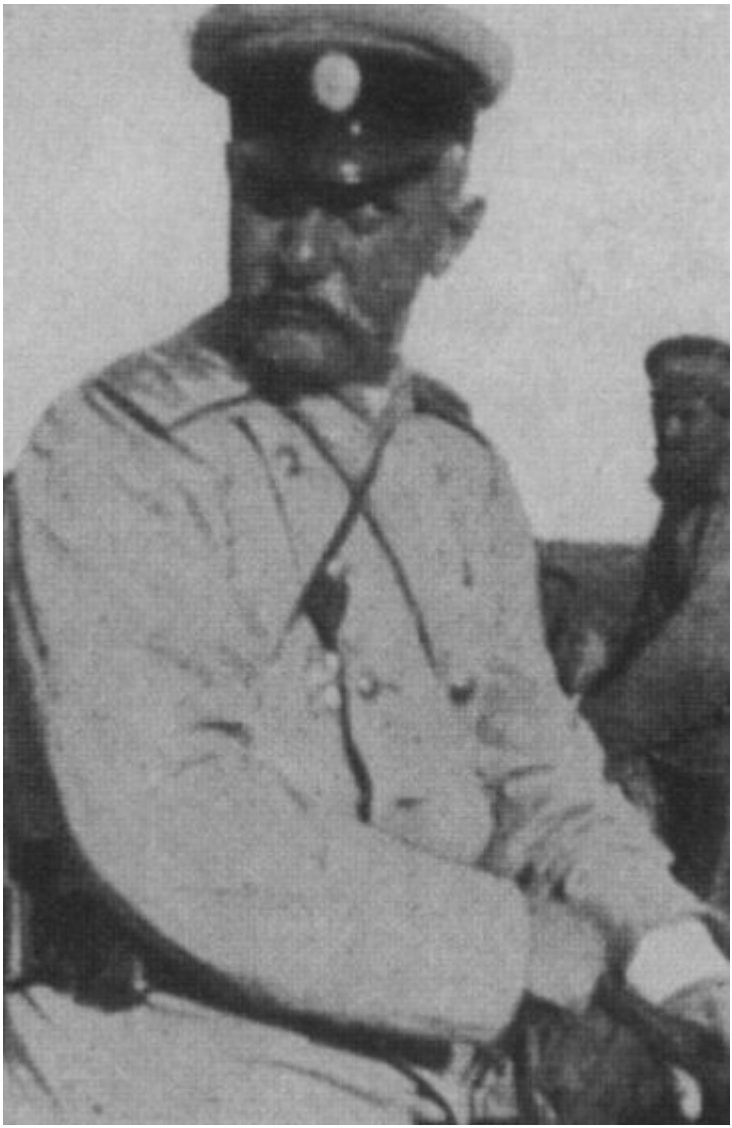
Коронационное шествие к южным дверям Успенского собора в Москве. 14 мая 1896 г.

Генерал-майор А. А. Брусилов. Надпись на фото: «Барону Г. К. Маннергейму в знак уважения и памяти о совместной приятной службе. А. Брусилов. 1904 г.».

Парфорсные охоты в Поставах.

Подполковник Г. Маннергейм со своими попутчиками, едущими в Маньчжурию. Крайний справа адмирал Греве. 1904 г.

Подготовка к разведке японских позиций.

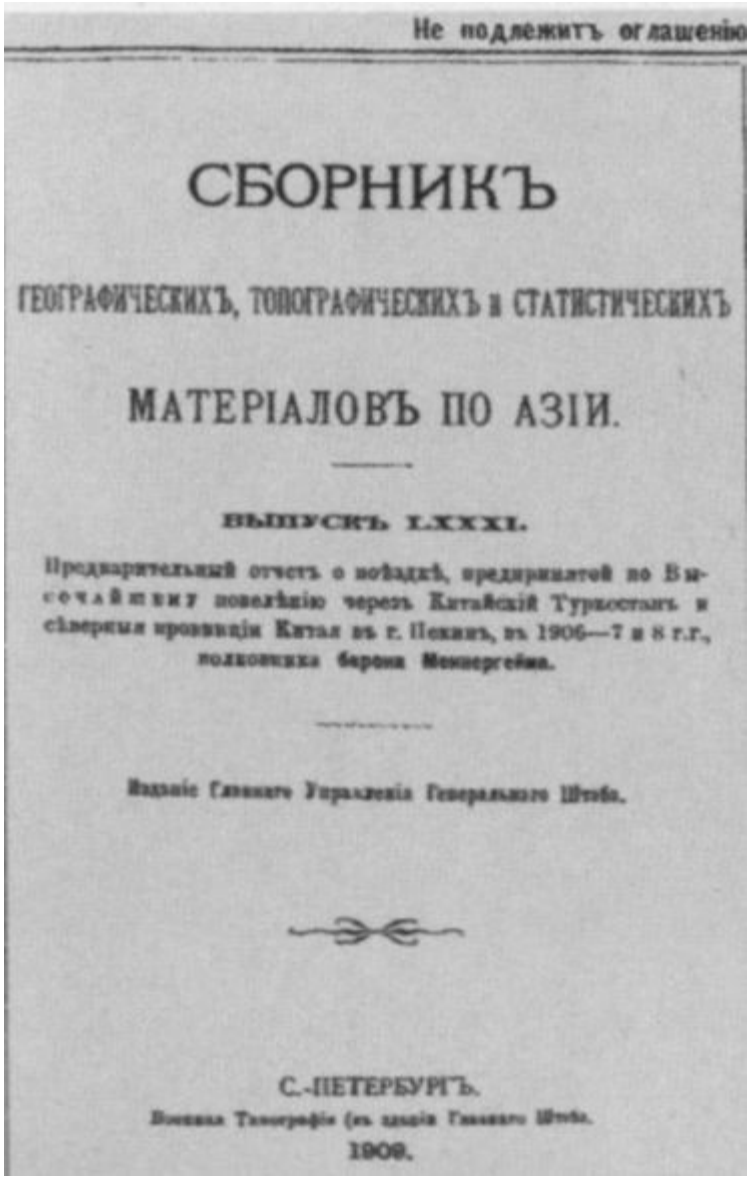


Генерал-майор П. И. Мищенко.

Генерал-майор А. В. Самсонов.

Допрос пленных японцев.

Маннергейм на встрече с вице-королем Шенем в Ляньчжоу. 1908 г.


Не подлежитъ оглашенію

СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗІИ.

ВЫПУСКЪ LXXXI.

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ, предпринятой по Высочайшему повелѣнію черезъ Китайскій Туркестанъ и сѣверныя провинціи Китая въ г. Пекинъ, въ 1906—7 и 8 г.г., полковникомъ барономъ Маннергеймъ.

Изданіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба.
1909.

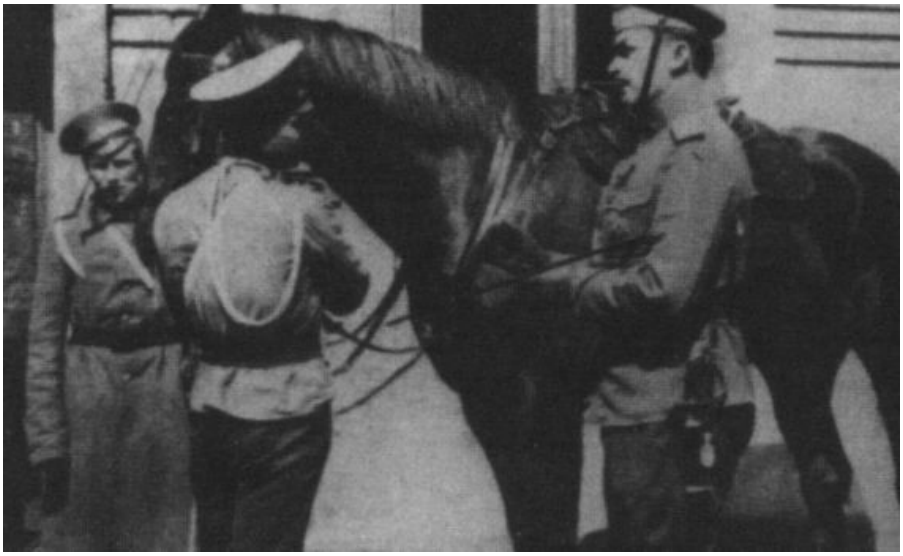
Титульный лист отчета Маннергейма о результатах Азиатского похода. 1909 г.

Г. Маннергейм в Калгане. Июнь 1908 г.

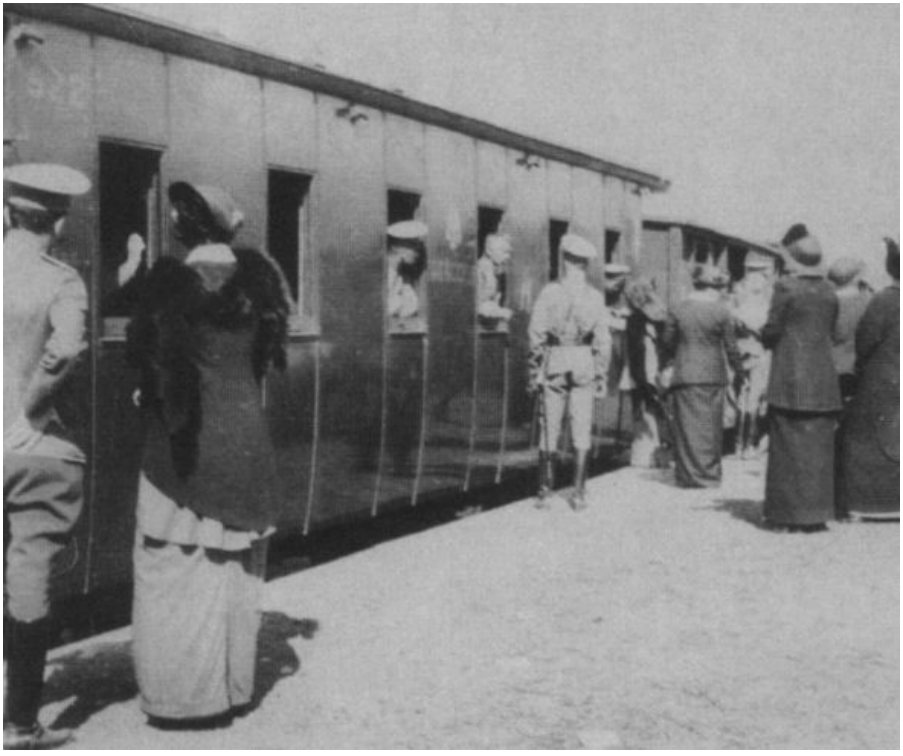
Далай-лама XIII на встрече с полковником Г. К. Маннергеймом в монастыре Утайшань. 20 мая 1908 г.

Полковник Г. Маннергейм командир 13-го уланского Владимирского полка. Новоминск, 1911 г.

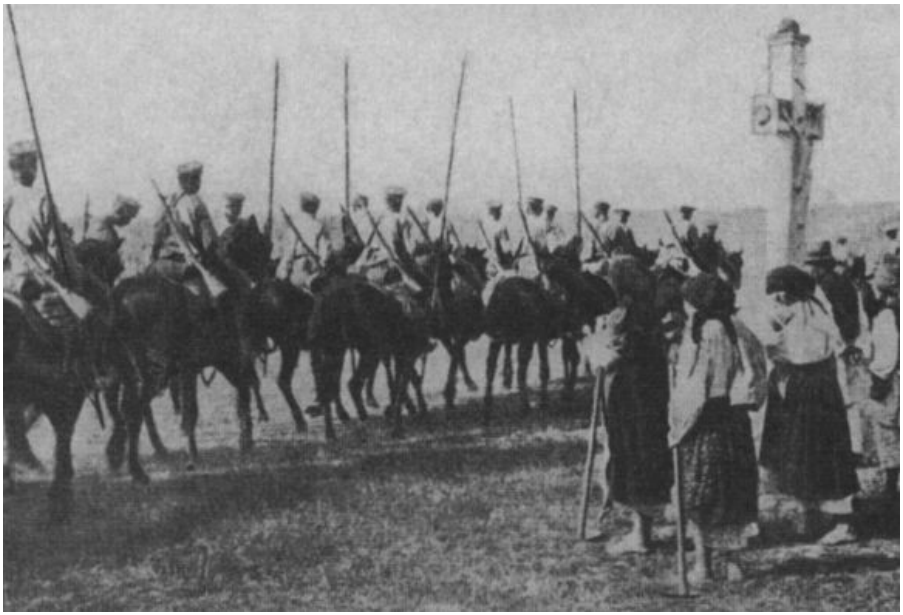
Генерал-майор свиты Его Величества командир Лейб-гвардии уланского Его Величества полка. Варшава.



Лихой кавалерист и страстный лошадник.



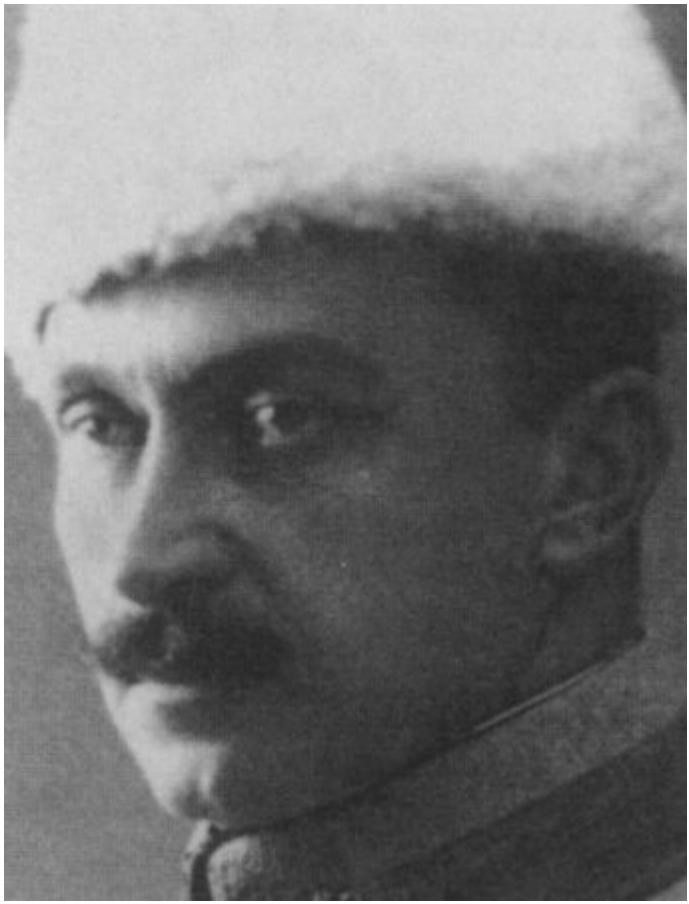
Проводы русских офицеров на фронт. 1914 г.



Русская кавалерия переходит австрийскую границу. 1914 г.

Генерал-майор Г. К. Маннергейм. 1914 г.

Поврежденное здание, приспособленное под лазарет. Красник, август 1914 г.



Генерал-лейтенант бывшей царской армии, главнокомандующий финской правительственной армией барон Г. Маннергейм.

№2999

КОНТРАМАРКА.

Записка №

Выдана Финляндскою Паспортною Экспедиціею въ Петроградѣ 14 Декабря 1917 года, гражданину ~~уроженцу~~ Великаго Княжества Финляндскаго изъ ~~деревни~~ ~~города~~ Гельсингфорс Нюландской губерніи, генералу-лейтенанту, барону Густаву Карловичу Маннергейм ъ (30 л. состоит въ бракѣ)

для жительства въ городахъ и селеніяхъ Россійской Имперіи, срокомъ по 14 Марта 1918 года.

Начальникъ Экспедиціи

Второй Секретарь

Разрешение на право жительства в городах и селениях Российской империи, выданное генерал-лейтенанту Г. К. Маннергейму финляндской паспортной экспедицией в Петрограде. 14 декабря 1917 г.

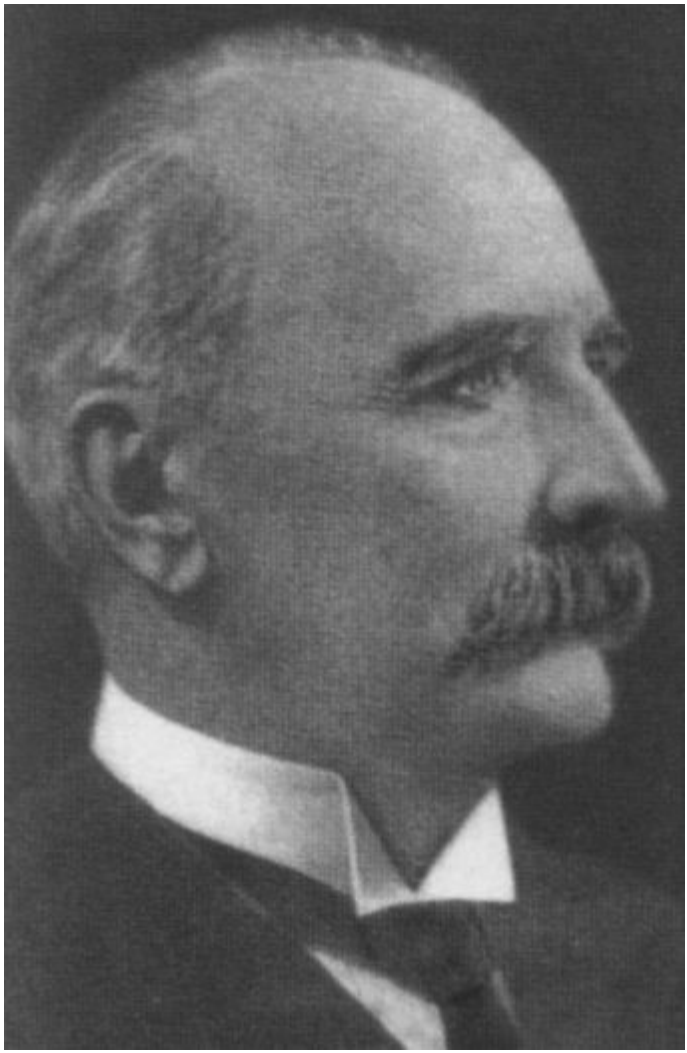
Начальник Петроградского военного округа, командующий русскими революционными войсками на юге Финляндии К. С. Еремеев.

Командующий русскими революционными войсками в Западной Финляндии и финской Красной гвардией М. С. Свечников.

Щюцкоровцы на улице Вааса.

Барон Густав Маннергейм, почетный доктор философии Хельсинкского университета. 31 мая 1919 г.

Встреча генерала Маннергейма с королем Швеции Густавом V. Стокгольм, 12 февраля 1919 г.



Президент Финляндии К. Ю. Стольберг.

Регент Финляндии барон Густав Маннергейм.

Н. Н. Юденич и А. И. Деникин.

Первый фельдмаршал Финляндской республики (19 мая 1933 г.) Густав Маннергейм.

Второй секретарь советского посольства в Финляндии, резидент НКВД Б. А. Рыбкин (Б. Ярцев) с женой В. И. Рыбкиной.

70-летие знаменитого финского композитора Яна Сибелиуса. 1935 г.

Маннергейм рядом с убитым им тигром. Непал, февраль

1937 г.

Густав Маннергейм и Петер Форсстром на охоте в Тироле.

Президент Финляндии Кюэсти Каллио и фельдмаршал Густав Маннергейм.

И. В. Сталин и начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников.

Главнокомандующий финской армией фельдмаршал Г. Маннергейм.

Командующий Северо-Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко.

Эвакуированные на вокзале в Хельсинки. Октябрь 1939 г.

Финские пулеметчики на боевой позиции в районе Петсамо (Северная Финляндия). Декабрь 1939 г.

Форсирование р. Сестры частями Красной Армии. 1939 г.

Президент Финляндии Ристо Рюти объявляет войну Советскому Союзу. 26 июня 1941 г.

Маршал Маннергейм и рейхсмаршал Геринг.

Фельдмаршал Маннергейм принимает парад войск в Петрозаводске.

Беседа президента Финляндии Р. Рюти и маршала

Г. Маннергейма с А. Гитлером. 4 июня 1942 г.

Маршал барон Карл Густав Эмиль Маннергейм — президент Финляндской республики. 4 августа 1944 г.

Члены Контрольной комиссии. В первом ряду: председатель комиссии А. А. Жданов и его первый заместитель генерал-лейтенант Г. М. Савоненков.

Отставка принята. Маннергейм покидает здание парламента. 6 марта 1946 г.

Маннергейм работает с материалами своих воспоминаний в санатории «Валмонт». Монтрё, Швейцария.

Последние почести президенту и маршалу Финляндии К. Г. Э. Маннергейму перед отправкой гроба в Финляндию в ритуальном зале кантонального госпиталя в Лозанне. Слева направо: адъютант Маннергейма полковник Карл Олоф Линдеман, генерал-майоры кавалеры Креста Маннергейма К. А. Тапола и А. Пурома. Швейцария, 1951 г.

Президент России В. В. Путин возлагает венок к надгробию Маннергейма на кладбище Хиетаниеми. Хельсинки, 2001 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Г. МАННЕРГЕЙМА

***1867**, 4 июня* — в имении Лоухисаари, на юго-западе Финляндии, недалеко от Турку, в семье шведского барона Карла Роберта Маннергейма родился Карл Густав Маннергейм.

1880 — отец Густава разорился, бросил семью и уехал в Париж.

***1881**, январь* — умерла мать Густава, графиня Хедвиг Шарлотта Хелена Маннергейм.

1887–1889 — учеба в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге.

***1889**, сентябрь — 1890, октябрь* — служба в 15-м драгунском Александрийском полку.

***1891**, январь* — начало службы в Кавалергардском полку.

***1892**, 2 мая* — женился на генеральской дочери Анастасии Николаевне Араповой.

***1893**, 23 апреля* — родилась дочь Анастасия.

***1895**, 7 июля* — родилась дочь Софья.

***1896**, май* — в составе группы офицеров Кавалергардского полка участвовал в коронации императора Николая II.

***1897**, сентябрь* — переведен для дальнейшего прохождения службы в Придворную конюшенную часть.

1903 — разрыв семейных отношений с А. Араповой. (Официально развод был оформлен в 1919 году.)

15 сентября — командир образцового эскадрона в Кавалерийском офицерском училище.

1904–1905 — во время Русско-японской войны добровольцем сражался в Маньчжурии.

1906–1908 — по заданию Генерального штаба возглавлял военно-научную экспедицию в Китай.

1908 — участвовал в разведывательной командировке в Японию.

***1909, январь — 1911**, февраль* — командир 13-го Владимирского уланского полка.

***1911, февраль — 1913**, декабрь* — командир лейб-гвардии уланского полка, генерал-майор свиты Его Величества.

***1912, 21 февраля — 1915**, 24 июня* — командир Отдельной гвардейской кавалерийской бригады.

***1914**, август* — награжден золотым Георгиевским оружием за успешную операцию, проведенную против австро-венгерских войск в окрестностях города Красника.

18 декабря — награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

1915, март — 1917, *май* — командир 12-й кавалерийской дивизии.

1917*, 25 апреля* — генерал-лейтенант.

май — сентябрь — командир 6-го кавалерийского корпуса. *сентябрь* — официально освобожден от обязанностей командира корпуса и зачислен в резерв.

6 декабря — провозглашена независимость Финляндии.

30 декабря — окончательный отъезд в Финляндию.

1918, *в ночь на 28 января* — операция по разоружению частей бывшей царской армии в Финляндии. Начало Гражданской войны.

3 марта — заключен Брест-Литовский мирный договор между Германией и Советской Россией, содержавший пункт о выводе российских войск из Финляндии.

16 мая — победный марш финской армии под командованием генерала от кавалерии Маннергейма в Гельсингфорсе.

1918, 12 декабря — 1919*, июль* — регент Финляндии.

1920 — основал Союз защиты детей с целью содействовать физическому и духовному развитию подрастающего поколения Финляндии.

1922 — председатель финского Красного Креста.

1931*, март* — председатель Совета обороны Финляндии.

1933 — фельдмаршал.

1939, 30 ноября — 1940*, 13 марта* — Советско-финская (Зимняя) война.

30 ноября — Верховный главнокомандующий.

1941*, ноябрь* — Финляндия стала членом Антикоминтерновского пакта.

1941, 26 июня — 1944*, 3 сентября* — «война-продолжение» между СССР и Финляндией.

1942*, июнь* — маршал Финляндии.

1944*, июнь* — Выборгская и Свирско-Петрозаводская наступательные операции Красной армии.

1944, 4 августа — 1946*, 11 марта* — президент Финляндии.

1948*, февраль* — заключение Договора о взаимопомощи между СССР и Финляндией.

1948–1951 — работа над мемуарами.

1951*, 28 января* — скончался в кантональном госпитале Лозанны (Швейцария).

БИБЛИОГРАФИЯ

Аллилуев А. А., Слесарский Н. И. 164 боевых дня. Оборона Ханко, 1941. СПб., 2003.

Антонов Б. И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.

Архив Густава Маннергейма. Национальный архив Финляндии. Хельсинки. Папки № 1, 53, 301–306, 501–510.

Балашов Е. Принимай нас, Суоми-красавица. СПб., 1999.

Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне. СПб., 1997.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры. М., 1992.

Брандт Е. Торжество и падение Пилсудского. М., 1924.

Валь Э. Война белых и красных в Финляндии в 1918 году. Таллин, 1936.

Валь Э. Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. Таллин, 1936.

Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967.

Виховайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000.

Владиславов М. На мотивы «Звериады». Воспоминания о Николаевском кавалерийском училище 1896–1898. Ровно, 1936.

Власов Л. В. Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003.

Власов Л. В. Петербург в судьбе Маннергейма. СПб., 2000.

Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1994.

Военная быль. 1952–1974. Общекадетское объединение. Париж, 1952–1974.

Военно-исторический вестник. 1956–1972. Общество ревнителей русской военной истории. Париж, 1956–1972.

Волков С. Трагедия русского офицерства. М., 2001.

Воробьева А. И. Российские юнкера 1864–1917. История военных училищ. М., 2002.

Воскресенская (Рыбкина) З. И. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.

Гангут 1941. Сборник воспоминаний. Л., 1974.

Георгиевич М. Из невозвратного прошлого. Воспоминания русского офицера. Сидней, 1964.

Георгиевич М. Конная гвардия. Сидней, 1965.

Георгиевич М. Свет и тени // Наши вести. Париж, 1963.

Головин и Маннергейм // Парижский сборник. Париж, 1962.

Гоштовт Г. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1926.

Гротов Г. Герман Геринг — маршал рейха. М., 1988.

Данилевич Н. Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа. М., 2002.

Ден Л. Подлинная царица. Воспоминания // Север. 1997. № 7.

Дерябин А. И. Первая мировая война 1914–1918. Кавалерия российской императорской гвардии. М., 2000.

Дьяков А. Индия во время и после Второй мировой войны. М., 1952.

Залесский К. А. Первая мировая война. Правители и военачальники. М., 2000.

Звегинцев В. В. Русская армейская кавалерия 1907–1914. М., 1998.

Зимняя война 1939–1940 гг. И. В. Сталин и финская кампания. М., 1998.

Зимняя война 1939–1940 гг. Политическая история. М., 1998.

Из нашего прошлого. Воспоминания членов Союза бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Хельсинки, 1943. Кавалергарды. Полки русской армии. М., 1997.

Караев Г. Разгром белофинского плацдарма. Л., 1941.

Командиры Второй мировой войны. Энциклопедия военного искусства. Ч. 2. Минск, 1998.

Кривенко В. Юнкерские годы. СПб., 1898.

Кто есть кто в военной истории. М., 2000.

Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна 1847–1928. М., 2002.

Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна Романова. Дневники, письма, воспоминания. М., 2000.

Лейкина В. И. Поход Юденича. Л., 1929.

Любимов Л. Д. Мои встречи в Париже. Забытое прошлое. Париж, 1944.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. 1918–1939. М., 2001.

Мемуары Карла Густава Маннергейма. М., 1999.

Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997.

Молотов В. Линия Маннергейма. СПб., 2000.

Мураховский М. Былое. Воспоминания офицера российской императорской конницы. Буэнос-Айрес, 1962.

Невалайнен П. Изгои. СПб., 2003.

Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 1999.

Новикова Н. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. СПб., 2002.

Носович А. Русский офицер и солдат. Мои воспоминания. Война 1914–1915 гг. Ницца, 1942.

Охлябинин С. Д. Честь мундира. Чины, традиции, лица. М., 1994.

По обе стороны Карельского фронта 1941–1944 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

Потиевский В. Всадник. М., 2002.

Пылин Б. Первые четырнадцать лет, 1906–1920. Мадрид, 1972.

Рожков А. На юго-западе Санкт-Петербурга. СПб., 1997.

Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М… 2002.

Семанов С. Кронштадтский мятеж. М., 2002.

Сергиевский Б. Пережитое. Белград, 1933.

Синицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Т. 1–2. СПб., 2003.

Советско-финская война 1939–1940 гг. Минск, 1999.

Соколов Б. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998.

Соколов Б. Тайны финской войны. М., 2000.

Степаков В. Н., Балашов Е. А. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб., 2001.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997.

Тайны дома Романовых. Гельсингфорс, 1917.

Таланов А. И. Кавалергарды. М., 1999.

Таннер В. Зимняя война. М., 2003.

Трифонов В. И. Кронштадт — Таллин — Ленинград. СПб., 2001.

Фролов Д. Д. Из истории Зимней войны 1939–1940 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1999.

Цеттерберг С. Финляндия после 1917 года. Хельсинки, 1995.

Шамбаров В. За веру, царя и отечество. М., 2003.

Шишов А. Генерал Юденич. Роман. М., 2002.

Энгельгардт В. Воспоминания о далеком прошлом. Потонувший мир. Русская гвардия 1905–1917. Рига, 1962.

Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998.

Die Memeiren Aga Khan. Wien, 1954.

Donner K. Fältmarskalken friherre Mannerheim. Helsinki, 1934.

Edelfeld B. Sophie Mannerheim. Porvo, 1932.

Faltin R. Mitt liv. Tampere, 1961.

Finlands frihetskrig år 1918. Helsingfors, 1923.
Friman P. Sodan marsalkka — rauhan presidentti. Helsinki, 1995.
Finland krig 1940–1944, 1944–1945. Esbo, 2000.
Hovi K. Mit Mannerheim teki Varsavassa sykcylla 1919. Oulu, 1979.
Hammus T. Mannerheimia me Pariisissa // Uusi Kuvalehti. 28. 1956. S. 18–19.
Heirichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa valkoinen kesraali. Helsinki, 1957.
Heirichs E. Suomen marsalkka. Helsinki, 1959.
Juva E. Rudolf Walden 1878–1946. Porvo, 1957.
Ignatius H. Gustaf Mannerheim. Helsinki, 1918.
Jägerskiöld S. Nuori Mannerheim. Helsinki, 1964.
Jägerskiöld S. Gustaf Mannerheim 1906–1917. Helsinki, 1965.
Jägerskiöld S. Mannerheim 1918. Helsinki, 1967.
Jägerskiöld S. Valtionheim. Helsinki, 1969.
Jägerskiöld S. Talvisodan ylipäällikkö. Helsinki, 1976.
Jägerskiöld S. Mannerheim raihan vuosina 1920–1939. Helsinki, 1981.
Jägerskiöld S. Suomen marsalkka. Helsinki, 1981.
Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet Mannerheim 1944–1951. Helsinki, 1982.
Kivimies Y. Suomen marsalkka tuokiekuvina. Helsinki, 1951.
Kenonen E. Vuosikymmen Mannerheimin sihteerinä. Helsinki, 1966.
Krafft A. Le Marchal Mannerheim a Lausanne. Lausanna, 1955.
Klinge M. Mannerheim. Kuvaelämäkerta. Helsinki, 1968.
Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Helsinki, 1967.
Mannerheim-Sparre E. Lapsuuden muisteja. Helsinki, 1952.
Mannerheim K. G. Muistelmat 1–2. Helsinki, 1952.
Mannerheim K. G. Matka halki Aasian. Helsinki, 1940.
Mannerheim K. G. Päiväkiija Japanin sodasta 1904–1905 rintamakiijeitä emaisille. Helsinki, 1982.
Mannerheim tutu ja tuntematon. Helsinki, 1997.
Rodzianko P. Mannerheim krigaren och människan. Helsingfors, 1942.
Rautala A. Jtä-kaijalan valtaus 1941. Helsinki, 2002.
col1_0 Mannerheim the Years ef Preparation. Helsinki, 1941.
Screen J. E. O. Mannerheim. Helsinki, 2001.
Selen K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. Helsinki, 1980.
Smirnov S. Torain miehet. Helsinki, 1995.
Sota marsalkka 75 vuottakesäkuun 4 päivänä. Helsinki, 1942.
Suomen vapausseta kuvissa osa I, 2. Jyväskylä, 1984.

Turtola M. Aksel Fredrik Aire, Taipumaten kenraali. Helsinki, 1997.
Turtola M., Friman P. Mannerheim-Kiija. Helsinki, 2001.
Talvisota kronikka. Helsinki, 1997.
Ullman M. Episoder ur Gustaf Mannerheims liv. Stockholm, 2001.
Virkkunen S. Mannerheimin kääntöpuli. Helsinki, 1992.
Voipio A. Suomen sota marsalkka. Helsinki, 1942.
Vlasov L. V. Mannerheim Pietarissa. Helsinki, 1994.
Vlasov L. V. Mannerheim-Tsaarin kentraal. Helsinki, 1996.
Vlasov L. V. Mannerheim-upseeri ja tutkimusmatkailija. Helsinki, 1997.
Vlasov L. V. Pietari Mannerheimin kohtalossa. St. Peterburg, 2000.
Vlasov L. V Mannerheim elämän naiset. Helsinki, 2002.

notes

Примечания

1

Финский кадетский корпус был создан в 1819 году в городе Фредриксхамне (Хамине) и с 1831 года приравнен к российским кадетским корпусам. В нем было семь классов: 4 — общих и 3 — специальных. Годовая плата в общих классах составляла 600 марок. В корпус принималось 120 мальчиков: 40 — за казенный счет, 60 — за свой счет, 20 — со стипендией. Окончившие корпус имели право поступать в Александровский университет в Хельсинки без экзаменов.

2

Скалоны — старинная петербургская дворянская фамилия, ведущая свое начало от генерал-лейтенанта Антона Скалона (1806–1872). Она имеет несколько ветвей. В истории России известны два Скалона — Дмитрий, генерал-адъютант, председатель Русского географического общества, и Георгий, генерал-адъютант, в 1905–1914 годах генерал-губернатор Польши и командующий войсками округа.

З

Владиславович М. И. На мотивы «Звериады». Воспоминания о Николаевском кавалерийском училище. Ровно, 1936.

4

Пекинский лан — это небольшой слиток чистого серебра 98,5 %, продольной или круглой формы, около 8,5 золотникового веса. Основная денежная единица Китая один лан в 1907 году был равен 1,41 русского рубля или 0,8 американского доллара.

5

Гусары *(венг.)* означает «один из двадцати». Так называли в XV веке конных воинов венгерского дворянского ополчения, делившихся на роты, по 20 человек в каждой. В России гусарские части появились во второй половине XVIII столетия.

6

Уланы *(польск.)* означает «юноши». Вид легкой кавалерии, появившийся в XVI веке в Литве и Польше. В России уланские части стали создаваться в XIX веке.

7

Драгуны — это конница, способная действовать в пешем строю.

8

РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 540. Л. 1–6.

9

РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1386.

10

РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 233.

11

РГВА. Ф. 34 980. Оп. 3. Д. 264.

12

РГВА. Ф. 34 980. Оп. 3. Д. 48.

13

ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3. Л. 18–21.